

**МАСТЕРА
СОВРЕМЕННОЙ
ПРОЗЫ**

**МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1978**

МАСТЕРА СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ. ЯПОНИЯ

Редакционная коллегия:

**Андреев Л. Г., Барабаш Ю. Я., Засурский Я. Н.,
Затонский Д. В., Клышко А. А., Мамонтов С. П.,
Марков Д. Ф., Палиевский П. В., Челышев Е. П.**

КЭНДЗАБУРО ОЭ

ОБЪЯЛИ МЕНЯ ВОДЫ ДО ДУШИ МОЕЙ

РОМАН

РАССКАЗЫ

ПЕРЕВОД С ЯПОНСКОГО

Составитель *В. С. Гринин*
Предисловие *Т. Григорьевой*

Произведения, включенные в настоящее издание, кроме отмеченного в содержании знаком *, опубликованы на языке оригинала до 1973 г.

© Kenzaburô Ôë 1973

© Составление, предисловие и перевод на русский язык «Прогресс», 1978

О $\frac{70304-330}{006 (01)-78}$ 120-78

НАМО ГРЯДЕШИ?

Наверно, он покажется вам сумасшедшим, этот поверенный душ деревьев и китов. Он изменил имя на Ооки Исапа, что значит «могучее дерево, отважная рыба», отказался от благополучной жизни в Токио, ушел от людей, замуровался со своим маленьким сыном в атомном убежище, чтобы никто и ничто не мешало ему общаться с душами деревьев и китов, слушать их голоса. Он их поверенный: уполномочен здесь, на земле, открыть глаза людям на те преступления, которые они совершили и совершают. Он не только отдал подросткам из Союза свободных мореплавателей свое убежище, но принял их в сердце свое. Потому что эти подростки, причастные к преступному миру, все-таки ближе душам деревьев и китов, чем те нормальные люди, которые ни к чему не причастны. В каком-то смысле они посланцы убитых китов и деревьев.

Вы думаете, он сумасшедший — так переживать за обожженную внешнюю, слушать в записи голоса китов и пытаться их расшифровать, мечтать о духовном слиянии с деревьями, спрашивать у них совета, молить о помощи, делиться с ними самым сокровенным. Это даже кое-кому из подростков показалось странным. Но лет тысячу назад, а то и больше японцам это не казалось странным. С древности они верили, что все имеет душу: и деревья, и скалы, и рыбы, и гром. Эти души, или духи — *ками*, управляли миром и жизнью людей. И может быть, поэтому природа заменила японцам бога: явлениям природы они поклонялись как божеству. «Разве не в шорохе бамбука путь к просветлению? Разве не в цветении сакуры озарение души?» — вопрошал поэт XIII века Догэн.

Собственно, озарение души, или просветление — *сатори*, и есть спяние с миром, когда доступными становятся голоса деревьев и китов, и все другие голоса, какие есть в природе.

И в XV веке это не казалось странным. Японцы давно уже исповедовали буддизм, верили в закон перевоплощения, согласно которому человек, в зависимости от *кармы*, мог переродиться в дерево или рыбу. Вы можете почитать пьесы театра Но, которые создавались в те времена, и убедиться, что человек верил в души деревьев и в то, что с ними можно вести беседу. А знаменитый драматург Сэами писал о том, что актеру не нужно изображать элегантность или мужественность, ему нужно стать тем, что элегантно или мужественно: «Тогда исполнение будет мужественным, когда актер перевоплотится в то, что обладает мужественностью: в война, демона, сосну или кедр». Они не проводили грани между живыми существами и неживыми.

И в XVII веке! Разве не завораживает родственность природе в трехстишиях Басё? «Чтобы описать сосну,— говорил Басё,— нужно учиться у сосны? — удивится европейский читатель. Нужно стать сосной, тогда истинно, когда лишено своего, личностного». Но как можно учиться у сосны? — удивится европейский читатель. Нужно стать сосной, ответит поэт прошлого, настроиться на тот же лад, на тот же ритм, и уловив дыхание дерева, почувствуешь, что оно ощущает. И современный поэт Таками Дзюн предлагает учиться стойкости у деревьев. Почти на тему романа Оэ его стихотворение из книги «Школа деревьев» (1950).

Поздно ночью
деревья собираются в дорогу,
в тайном сговоре
долго-долго собираются в дорогу,

почти каждую ночь собираются в дорогу,
крепко врастая корнями в землю.

Куда они пойдут?
Не знают и не желают знать.
Уйти — желание всей их жизни.
И этой ночью
деревья собираются в дорогу...*

Тот же поэт называет деревья «живыми существами». Но если деревья для японцев «живые существа», тогда не удивительно, что Исана

---

* Перевод И. Мотобрыцовой.

почти до потери сознания переживал боль раненого дерева, и не так уж безрассудно его желание общаться с душами деревьев и китов. Подростки не все, но поверили ему. По крайней мере его мечта не показалась им безрассудной. Это у них в крови.

Камнем бросьте в меня!
Ветку цветущей вишни
я сейчас обломил.*

Где-то я читала, что, если цветок привлечет внимание европейца, он сорвет его. А японец раздвинет кусты и полюбуется, но оставит на месте. Ему и в голову не придет по своей прихоти лишить его жизни. Говорят, у мастеров икэбана был обычай хоронить цветы и просить у них прощения. Цветы, подобранные и расставленные определенным образом, возвращают человеку утраченное душевное равновесие.

Но, спросите вы, как любовь к природе вяжется со всем тем ужасом, который пахлынет на вас со страниц романа? Что ж, недаром японцы избрали своим девизом «меч и хризантему». «Хризантема» — это их поэзия, утонченная, изящная, это все, что успокаивает душу: сады из камней, пейзажная живопись, чайные церемонии, искусство икэбана, традиционные танцы в замедленном ритме, музыка гагаку. А «меч» — жестокая непримиримость бусидо, «пути самурая», хакакири — эстетизированное расставание с жизнью во имя непререкаемого долга. Есть в этом демоническая сила, пренебрежение смертью во имя самурайской чести, но есть и нечто варварское, невозможное для человека, какая бы сложная философия за этим ни стояла.

Можно сказать, роман Оэ иллюстрирует принцип «меча и хризантемы». Мотив деревьев и китов придает жесткому сюжету мягкую окраску. Оэ обладает тайной мастерства, искусством равновесия. Самые, казалось бы, натуралистические сцены одухотворены неподдельной болью человека, его желанием найти себя и свое место в мире. С одной стороны, безрассудная жестокость, с другой — лиризм, упоенность природой. И это не два мира, а две стороны одного и того же. То и другое, жестокость и нежность, воплотились в подростках, может быть, в несколько болезненной форме. Отщепенцы, поставившие себя вне общества, возненавидевшие его всеми фибрами своей души, готовые уничтожить все, причастное к нему, проявили такую чуткость к Дзину, ребенку Исана, на которую никто из «общества» не был способен. Исана благодарен им уже за то, что они вернули сыну инстинкт жизни. А подростки полюбили его ребенка, который умел подражать голосам птиц, слушать их самозабвенно и ко всему относиться в равной мере дружелюбно, полюбили его за то, что утратили люди из общества, — естественность, открытость. Дзин совсем был лишен того качества, которое в обществе называют умом, но

---

* Перевод В. Марковой.

имеют в виду умение облачаться в панцирь непроницаемости. Этот панцирь оберегает человека от внешних волнений, вместе с тем ограждает от того, без чего человек не может быть человеком. Панцирь лишает человека ощущения своего родства с миром, обрывает мельчайшие капилляры, которые соединяют человека с природой, не дают ему стать бесчувственным роботом, машиной. Недаром древние не уставали напоминать: человек призван быть Срединным — посредником между Небом и Землей, поддерживать равновесие в мире. Тимирязев называл растения «посредниками между небом и землей». Представьте себе, что растения перестали выполнять свою функцию, перерабатывать солнечную энергию в хлорофилл, — жизнь на земле прекратилась бы. (Значит, уничтожая растения, человек уничтожает то, чему обязан жизнью.) Но разве может быть человеку отведена меньшая доля участия в мировом становлении? Забывая о своем назначении, человек нарушает закон равновесия. Прерывается связь одного с другим, наступает Всеобщий Упадок.

Дзин был лишен этого панциря, разрывающего капилляры, лишен какой-либо оболочки, ограждающей его от внешнего мира. Не потому ли Оэ, может быть подсознательно, назвал его Дзин, по звучанию иероглифа «человечность» *. Древние мудрецы ставили превыше всего это изначальное свойство человеческой природы. «Человечность» дает возможность человеку поддерживать равновесие в мире благодаря общению, участию, сопереживанию. Согласно Конфуцию, *жэнь* — значит «не делать другому того, чего не желаешь себе». По мнению неоконфуцианца Чжу Си, которого с XVII века японцы объявили своим наставником, мир держится на человечности, человечность и долг — вселенские силы, от которых зависит порядок в космосе. Если человек утрачивает эти качества, нарушается всеобщий порядок, миру угрожает гибель.

Исаана называет это «естественной структурой». Мир в целом и каждый человек в отдельности есть естественная структура, которую нельзя нарушить без того, чтобы не пострадал весь организм. Тот, кто обретает панцирь, разрушает естественную структуру. Он думает только о себе, хочет спасти только себя, но, спасая *только себя*, губит себя и всех, ибо все связано между собой.

Тема распада личности давно волнует Оэ. Помните монолог Мицу, антигероя романа «Футбол 1860 года» **. «Я сознаю, что опускаюсь физически и духовно, и уклон, по которому я качусь вниз, явно ведет меня туда, где витает нечто еще более ужасное, чем дух смерти. И сейчас я угадываю смысл того, что проявилось вначале как беспричинная устойчивость всех частей тела, каждая из которых, казалось, живет самостоятельно». Ценою жизни его младший брат Така «соединяет себя, разрывавшегося на части, в единое целое».

* Жэнь (*кит.*), дзин (*япон.*).

** «Иностранная литература», 1972, № 1, 2.

Исана также не покидало ощущение распада, ощущение того, что умерла душа и он распадается на части и может, как кассету, отделить сознание от своего больного тела. Он чувствовал себя неприкрытым, обнаженным, не защищенным от ударов внешнего мира. Может быть, в атомный век по закону парадокса и появляются такие люди, у которых совсем нет кожного покрова, как Дзин, каким стал Исана. И если общество живет по законам насилия или права сильного, такие люди обречены на вымирание. Однако при виде незащищенности в людях, должно быть, срабатывает инстинкт защиты детеныша, защиты слабого, который не может сам за себя постоять, и даже в очерстевших или ожесточившихся душах вдруг пробуждается сострадание, неосознанное, щемящее чувство стыда и готовности прийти на помощь. То чувство, которое охватывало самого Исана при виде набухающих почек: «Пока почки были заключены в твердые серовато-коричневые панцири, он чувствовал себя в безопасности, будто и сам, как веретенообразная зимняя почка, прикрыт таким панцирем. Но когда из панциря начинало пробиваться нечто удивительно беспомощное — мягкие зеленоватые листочки, — он дрожал от неизъяснимого страха. Страх за сотни миллионов почек, которые попадали в поле его зрения. Разве не рушился мир, когда неумолимо жестокие птичьи стаи начинали клевать мягкие, соблазнительные почки?» Незащищенность Дзина, покорившая подростков, потрясла и японского читателя.

«Тонкий, но отчетливый голос Дзина, — делится своим впечатлением японский писатель Такэда Тайджун, — звучит как призыв не принимать участия в организациях, угрожающих природе. В предчувствии катастрофы, которая повисла над миром, он взывает к нам, чтобы мы отказались от своей гордыни. Человек, помни о смерти! Далекие голоса давно ушедших таинственным образом сливаются с невинным голосом ребенка» *.

В свое время Исана имел панцирь, он был тогда честолюбивым секретарем известного в высших сферах политика. Но после того страшного случая, когда он соучаствовал в убийстве невинного ребенка, переродился. Лишившись панциря, он пытался создать искусственное укрытие в виде железобетонного убежища, но не смог избавиться от чувства непоправимой вины, которую можно искупить только смертью.

Однако, лишившись панциря, он смог услышать голоса деревьев и китов, узнать истинную жизнь мира, понять свое назначение. Он не надеется на прощение, ибо был одним из тех, кто причастен к злу, внес свою лепту в разрушение нравственной основы, на которой держится мир. Он живет лишь ради осуществления своей идеи. Не потому ли так привязались к нему подростки? Они понимают его мысли и чаяния, при-

---

* Наше издание на суперобложке романа.

нимают на борт своего вымышленного корабля. И он не покидает их в отчаянную минуту, приносит себя в жертву, чтобы та идея, которая была для него дороже жизни, вошла в них и изменила их.

Но почему им овладела именно эта идея — пробуждать любовь к деревьям и китам? Исана называет деревья лучшими обитателями земли, не способными передвигаться, а китов — лучшими обитателями морей, не способными жить на суше. Он провозглашает себя поверенным деревьев и китов, потому что живет на земле вместо китов и способен передвигаться по земле вместо деревьев. «Киты — самые крупные, самые прекрасные из всех млекопитающих». Он пришел, чтобы спасти их от уничтожения: «день гибели последнего кита окажется также и днем гибели последнего млекопитающего, именуемого человеком».

В беседе с критиком Ватанабэ * писатель говорит о том, что заставило его взяться за эту тему. Дело не в том, что уничтожаются именно киты и деревья. Дело в том, что общество считает это нормальным — уничтожать то, что принадлежит природе, уничтожать что-либо в принципе, — привыкает и перестает замечать, что совершает недозволенное. Это развращает человеческое сознание, причащает к мысли о безнаказанности зла. Отношение к деревьям и китам помогает понять, что сделалось с людьми.

Общество, которое не видит в этом криминала, — больное общество, хочет сказать писатель, и нужно задуматься над этим, пока не поздно. Самый страшный грех — неощущение греха. Наверно, в такие моменты кончались цивилизации, когда люди не ведали, что творили, переставали замечать, что совершают недопустимое, неприличествующее человеку. Люди так привыкли вонзать топор в дерево, что не слышат его стонов. Но это не значит, что так и надо. Люди живут по правилам, но кто придумал эти правила? Они их придумали для собственного удобства. Писатель буквально бьет в набат, предостерегая об угрозе.

Насколько же должна опостылеть жизнь в обществе, чтобы предпочесть ей жизнь в убежище! Насколько же должна обесцениться жизнь, если ей предпочитают смерть, воспринимая ее как избавление! Ведь и подростки стали на путь преступления из чистой ненависти к обществу. А почему? Не потому ли, что оно, это общество, ее заслуживает? Если общество выродилось, вывернулось наизнанку, если правила, которые придумало для собственного удобства, выдает за вечные истины, если оно обездушено, формализовалось до такой степени, что перестало ощущать собственный распад, то почему оно не должно внушать ненависть?

Этот процесс начался не сегодня. Более ста лет назад Томас Карлейль сокрушался: «Нет человеческого деяния более безнравственного,

---

* Беседа Оэ Кэндзабуро с критиком Ватанабэ Хироси в издательстве «Синтёся» 27 июля 1973 г. (напечатана в виде вкладки в роман).

чем этот формализм... Он парализует моральную жизнь духа в самой сокровенной глубине ее... Люди перестают быть искренними людьми». Япония, приобщившаяся к буржуазной цивилизации, пережила это в полной мере. Формализм пронизывает всю жизнь, все поры общества, становится нормой. Человек оказывается средством, потому что целью становится нажива, прибыль. Одетые в панцирь, переставшие ощущать токи земли, могут быть преуспевающими бизнесменами, но они не способны ощутить действительные потребности общества и успешно выполняют то антидело, которое приближает конец.

Можно убивать не только китов, можно убивать время, когда к делу относятся формально. Время страдает из-за того, что люди придумали фиктивные дела. Убивают слова, когда к ним относятся формально, происходит уничтожение слов. Древние японцы верили, что и слова имеют душу — *когодама*. Убитое слово, трупы вместо живых слов, засоряют воздух, заслоняют свет, мешают людям ориентироваться, разобраться, что же происходит на самом деле. Потому и потянулись подростки к Исана, что он знал живое слово, не мог губить деревья и убивать слова. Он стал таким, когда утратил панцирь. Когда утратил панцирь, к нему вернулось Слово. Подростки верили: только Исана сможет рассказать про них правду, чтобы не погибла их идея, даже если сами они погибнут. Они так и назвали его — «специалист по словам». Но и он ушел с ощущением невыполненного долга: «...слово мое не вошло в вас». Потому, что он сам «не в состоянии объяснить смысл слов... песню китов и позволил ей безвозвратно утонуть в потоке времени». Но как он мог человеческим языком объяснить необъяснимое!

И подростки в свой последний час, понимая безвыходность положения, все же смеялись над стереотипами формальных увещаний полиции: ей легче было перестрелять этих жаждущих живого слова подростков.

Можно убивать мысль, убивать порыв, убивать чувство, убивать атмосферу — реки, леса, водоемы — все то, без чего нет жизни. Правила игры допускают уничтожение: так нужно сегодня. Но нельзя убивать безнаказанно; рано или поздно за это приходится расплачиваться. Зло порождает и умножает зло. Не отсюда ли инстинктивная ненависть подростков к узаконенному порядку?

Подростки так неустово ненавидят общество, что готовы призвать на его голову Великое землетрясение. Не все знают, что в 1923 г. большая часть Токио была разрушена землетрясением, которое привело японцев к сильнейшему психологическому шоку. Может быть, потому, что они издавна привыкли относиться к стихийным бедствиям как к небесной каре за дела человеческие. Их ужаснула всколыхнувшаяся земля, оставившая под обломками тысячи трупов. Они восприняли землетрясение как знамение. Акутагава Рюноске с горечью писал в те дни: «Если даже

Точно и восстановится после катастрофы, долгое время будет он представлять собой убийственное зрелище. Поэтому мы, писатели, вряд ли сможем теперь интересоваться внешним миром, как было до сих пор. Начнем что-то искать в самих себе».

Для одних это было предзнаменованием еще большей кары, для других — из породы дельцов и политиков — сигналом к действию. «По велению Неба» они расправились с теми, кто мешал им делать игру. И подростки помнят об этом мрачном периоде японской истории и говорят о грядущем землетрясении, как Великом возмездии, понимая, что в тот день им предстоит покинуть Японию, потому что начнется расправа со всеми несогласными, и с ними тоже.

Главное, за что подростки ненавидят взрослых, — бездуховность. Дети инстинктивно мстят за прерванную традицию нравственности, без которой немислимо человеческое существование. Им смешны материальные блага, поработившие взрослых, они их ни во что не ставят, они против них взбунтовались, им доставляет удовольствие их разрушать. Подростки ненавидят невидимый панцирь, в который замураван человек. Потому и машины ненавидят — тот же панцирь, отгораживающий от мира. Владельцев машин они называют рабами. Это расположило к ним Исана. Он «увидел холодное... презрение к машине, именуемой автомобилем. Это его глубоко потрясло и в то же время обрадовало. Такое явное презрение подростков к автомобилю как вещи, ничего не стоящей, произвело на него особенное впечатление. У самого Исана в молодости не было другого объекта презрения или уважения, кроме человека».

У подростков своя программа действий (впрочем, эта идея не нова) — уничтожить дурацкий обычай частного владения машинами, их мечта — «в панике землетрясения крушить машины и таким образом мстить обществу». Исана заразился их настроением. Ему даже пригрезилось, как в последний день они «помчались бы наперерез встречным машинам и наказали бы людей... еще до того, как все рухнет и небо осветится пожарами, мы возвестили бы громогласно: *грядем!*»

Подростки потому и привязались к Исана, что и ему не нужны эти порабащющие людей блага общества. Они инстинктом почувствовали в нем близкого им человека, способного к непосредственному переживанию. Любить дерево, как дерево, а не как тень, не за его плоды или за то, что убажвает взор. Они поверили в мечту, в видения Исана, и это вернуло его к жизни.

Можно сказать, тема вины и возмездия, вины и искупления — главная тема романа; вины как личной, так и общей, за которую всем придется расплачиваться. Каждый несет ответственность за то, что творится на земле.

Роман Оэ задуман как суд не столько над подростками, которые сами обрекли себя на гибель, сколько над обществом, их породившим, или над

теми законами, по которым оно живет и над несправедливостью которых не задумывается. Самый большой преступник — большой политик господин Кэ. Он не ощущает себя преступником, не чувствует вины, хотя и умирает мучительной смертью. Жена Исана, дочь политика, мечтает о политической карьере и ни о чем другом, кроме предвыборной кампании, не может думать. В ней притушены чувства, даже к собственному сыну она не испытывает сострадания. При этом Наоби, так зовут дочь политика, полна праведного негодования. Действительно, общество имеет право оградить себя от антисоциальных элементов, и оправданно существование аппарата, охраняющего интересы и покой общества. Кому понравится, если его выкинут из машины или спустят вместе с машиной под откос только потому, что кто-то против машин? Но способно ли современное японское общество понять социальные причины бунта подростков? — хочет спросить писатель. Уже одно то, что Наоби готова принести в жертву своего слабоумного ребенка — «ради долга перед обществом», — сводит на нет ее формально правильные слова и ставит ее ниже тех, кого она справедливо осуждала.

Общество дельцов возмущается преступностью, которую порождает, ибо строит жизнь на ложной основе. Им и в голову не приходит заглянуть в себя, задуматься, почему они вызывают к себе такую патологическую ненависть. Вместо того чтобы устранить враждебность, устраняют врагов; уничтожая следствие, сохраняют причину. Бунт — своего рода сигнал бедствия, внешнее проявление внутреннего недуга. Если его не излечить, так и будет продолжаться. Правда, может быть, общество конкуренции заинтересовано в таком положении для поддержания равновесия и оправдания аппарата насилия. Это входит в правила игры.

Спору нет, подростки виновны, живут по принципу вседозволенности. Они и сами понимают, что если на земле останутся только такие люди, как они, то человеческая цивилизация прекратит свое существование, ибо они ничего не умеют. В них самих достаточно безрассудной жестокости, которой нет оправдания. Они легко относятся к жизни и к смерти, к своей и чужой, в них что-то есть от камикадзе. Но их отчаяние идет от уверенности в том, что скоро всему конец. Этот мир таков, что он не может и не должен существовать. Парадоксально, но в конечном счете ими движет инстинкт самосохранения. Потому Исана и воспринимает их как «посланцев», предупреждающих людей о грядущей опасности.

Судя по всему, симпатии Оэ на стороне подростков. Каждый из них имеет свое лицо, не похож на другого, не утратил врожденного права. Они, особенно Такаки и Инаго, способны на глубокие, тонкие чувства, любят пофилософствовать, тянутся понять — куда же катится мир и что ждет его впереди, хотя и не верят, что ждет его что-то хорошее. Одного общения с Исана, живым человеком, знающим Слово, хватило на то,

чтобы смягчились их души. Они мечтают о новом обществе и, как призыв, повторяют слова из «Братьев Карамазовых»: «новое чувство, новая мысль», хотя и понимают это обновление по-своему.

Увещевая их, Наоби задает вопрос: «Чего же вы хотите?» Действительно, чего же хотят подростки? Они бросают вызов, идут на риск, на смерть — во имя чего? Нельзя сказать, что их протест вполне осознан. Они не знают, каким общество должно быть, но по крайней мере не таким, какое есть. Бесперспективны их чаяния, их мечта — уйти в открытое море, стать свободными мореплавателями. Но так привлекательны эта мечта и это стремление к свободе, что им нельзя не посочувствовать, хотя и знаешь, что они не на верном пути.

Почему именно молодежь привлекает Оэ? Молодежь — действующее лицо всех его романов — «Семнадцатилетний», «Опоздавшая молодежь», «Футбол 1860 года». Не потому ли, что молодежь не обезопасилась равнодушием, живет не по правилам потребительского общества, а по велению сердца. Ее реакция достоверна, и, привлекая внимание к тому, что тревожит молодежь, чем она живет и отчего страдает, писатель дает взрослым шанс взглянуть на себя со стороны, почувствовать опасность, которая угрожает и взрослым и детям.

Возьмите ранний рассказ «Содержание скотины» (1958), который принес Оэ признание — литературную премию Акутагавы, когда писателю было всего 23 года. Здесь берет начало тема, прошедшая через все его произведения, — столкновение детей со взрослыми, не столько столкновение разных поколений, сколько разных миров, и то, что становится с детьми при соприкосновении с миром взрослых. Детская любознательность, доверчивость, привязчивость, то самое *дзин* — «человечность», пусть в детской форме, сталкивается с диаметрально противоположными чертами: жестокостью, сухостью, грубостью взрослых, хотя они бывают прекрасными умельцами. Обнаженную душу ребенка ранит и невольное предательство отчаявшегося пленного негра, обьятого ужасом, вековым страхом перед судом Линча, и грубая жестокость взрослых, которые пристукнули негра, как забивают скот. На долгие годы этот кошмар покоробил детскую душу, породил в ней враждебность к взрослым, «многосложную враждебность ко всему на свете». Может быть, только в этом, последнем романе, 25 лет спустя, душа его оттаяла, и он нашел праведника среди взрослых. Оэ и сам говорит об этом: «Для моей души эта перемена очень благотворна. Раньше, когда писал роман, я будто толкал себя в какую-то тьму, на сей раз совсем другое — будто обретаю решимость».

Оэ тревожит будущее: «Я слышу звуки приближающегося издали «Великого потопа» — в существовании, в мыслях, в поведении людей двух поколений. Его нарастающий гул предвещает всеобщую катастрофу. Я решил предостеречь людей, веря в их волю».

Эсхатологический мотив, а точнее — желание предупредить об опасности, не раз возникает в этом полифоническом романе, начиная с заголовка: «Объяли меня воды до души моей». Уже было однажды — Великий потоп затопил эту грешную землю. История повторяется, говорит Оэ, уровень воды достиг уже нашей груди. Опомнитесь, люди, пока не поздно, пока не прекратилась жизнь на земле!

«Казалось бы,— продолжает Оэ,— опыт Хиросимы доказал, что угроза уничтожения человечества реальна. И разве не японцы должны были задуматься над ходом человеческой истории и постараться изменить его? Но что происходит? Вновь надвигается Великий потоп, теперь уже в виде экологического кризиса *когай* *, и похоже, что японцы, как и во время Хиросимы, не могут это осознать».

Когай — самое популярное в японской прессе слово. Дельцы разрушают дом, в котором живут люди, разрушают атмосферу, отравляют воду, воздух. Будут ли люди погибать молча? Не настало ли время изменить ход событий? Оэ отдал роману шесть лет жизни, чтобы привлечь внимание к тому невидимому заболеванию, которое разрушает страну. Духовный кризис, если он становится хроническим, приприт народы гибель. Оэ потому и прибегает к аллегории Великого потопа, что всемирное стихийное бедствие и зло, творимое людьми, могут быть равны по силе разрушения.

Писатель и сам определяет ситуацию, выведенную в романе, как «предельную». Он называет свой роман программным произведением, итогом всего написанного им до сих пор о том, что происходит в его стране, «которая в политическом, экономическом и культурном отношении дошла до последнего предела». Потому так беспощаден Оэ в своем осуждении современного пути Японии. Потому с таким упорством пытается внушить читателю мысль: дело не только в том, что, разрушая природу, люди разрушают дом, в котором живут; дело в том, что, разрушая природу, они неизбежно разрушают себя.

Тема разрыва связи человека с природой — одна из главных в романах Оэ. Порвав с природой, человек теряет почву под ногами, теряет ощущение равновесия. Оэ хочет понять причину разлада. Он не раз возвращается к словам старца Зосимы из «Братьев Карамазовых», которые запали в душу подростков.

То, что Оэ говорит об этом, помогает понять разницу культурных традиций, без осознания которой невозможно сближение народов.

---

* *Когай* — слово, появившееся в японском языке в последние десятилетия; *букв.*: «общественно вредный», имеется в виду вред, наносимый обществу промышленным развитием.

«Я думаю, что если люди научатся концентрировать свое сознание на роще как на роще, то благодаря этому в них и откроется нечто новое. Я не хотел бы называть это молитвой. Может быть, потому что сам не молюсь... На сей раз моим героем стал человек, который решительно порвал с обществом и целиком сосредоточился на деревьях как на деревьях и хочет научить этому необузданную молодую компанию. Это одна из главных тем романа».

Велико искушение свести воедино культурные традиции. Не один писатель помышлял об этом. Но, видимо, и разные традиции сосуществуют как нечто нераздельное и неслиянное; к одной цели идут разными путями.

Недавно прочтала у Василия Аксенова:

«ГЛЯДЯ НА ДЕРЕВЬЯ

Все в лунном серебре — так произнес япопек, мечтая возродиться сосною на скале. Славянским многогоречьем заменяя дальневосточную сестру таланта, будем говорить так:

Благороден лик могучего создания! Все тело сосны суть ее лик. Плюс корни. Корни сосны суть ее страсть. Плюс ствол и крона. Суть сосны — ее суть. В сути отсутствуют — окольные помыслы, страх и угодничество. Еще бы раз родиться сосною на скале!

Иногда сомневаюсь: не мала ли для человеческой души сосна? Иногда сомневаюсь: не велика ли? Иногда не сомневаюсь: кому-нибудь да удалось совпасть.

Венцом живой природы повсеместно признан человек. Умолчим о том, кем он повсеместно признан, и воспоем хвалу огромным деревьям, которые не претендуют на венец, но украшают флору...

Огромные деревья наполняют душу спокойствием: могущественная протекция. Под защитой, под покровом, под сенью буков, дубов, кленов, каштанов, берез, эвкалиптов чувствуешь себя надежнее, хотя они, казалось бы, не охраняют от зла, от тех персон, которым на флору наплевать, а такие среди нас есть. Отрешись, однако, от этих сомнений и ложись на деревья. Насколько хватит тебя, учись у них героизму.

«...отсутствуют — окольные помыслы, страх и угодничество» — это уже близко. «Огромные деревья наполняют душу спокойствием» — еще ближе.

Японцы любят русскую литературу, Достоевского Оэ называет своим учителем.

Но вот что интересно. (Японцы народ щепетильный.) Сознательно или подсознательно Оэ пишет слово «молиться» по-английски «ргау» каждый раз, когда речь идет о молитве в нашем понимании. Сознанию японцев это чуждо, и писатель сохраняет иностранное слово до тех пор, пока

оно не станет своим. То же самое со словами «новые чувства, новая мысль». Оэ пишет их по-английски не только потому, что на английском читали Достоевского, а потому что они еще не вошли в сознание. Подростки не вполне понимают их смысл или понимают по-своему. Для них достичь того состояния, в которое человека приводит искренняя молитва, — значит прийти в состояние экстаза от десятка сбитых машин. У них своя логика и своя цель, но представление о действии — традиционно: «Грау» — это сосредоточить всего себя на чем-то, рассуждает Бой. Его мысль развивает Тамакити: «Грау» — значит сосредоточиться, и если сосредоточить свое тело и сознание на объекте независимо от того, что представляет собой этот объект, но благодаря такому сосредоточению в теле и сознании возникают new feeling и new meaning.

В «Письме японца, учившегося у русской литературы» Оэ рассказывает: когда после войны он переехал из горной деревушки в столицу, им овладело чувство отчужденности, которое не позволяло идентифицировать себя, т. е. ощущать себя самим собой. Человек отчуждается, становится чужим самому себе. Это стало главной темой его произведений. И лишь в этом романе, по признанию Оэ, он перешагнул через себя, через такого, каким был.

В «Опоздавшей молодежи» жена Капа говорит мужу: «Мне кажется, нет ни плохих, ни хороших людей. Есть только люди, которые могут быть самими собой и не могут. Ты перестал быть самим собой. Ты — это лжеты. И я решила бросить тебя». Утрата человеком чувства самоидентичности — основная тема «Футбола 1860 года». Оно не дает покоя Мицу: «...С поразительной достоверностью ощутил, хотя это и было невысказано, что бурлящая, непрерывно струящаяся вода — та же самая бурлящая, струящаяся вода, что и тогда. И мне показалось, что я, склонившийся сейчас над родником, и я, еще ребенок... совсем другой человек, не имеющий ничего общего со мной, настоящим. Нынешний «я» теряю identity настоящего «я». И во мне и вне меня не за что ухватиться, чтобы восстановить самого себя».

В рассказе, включенном в этот сборник, «Лесной отшельник ядерного века», поднимается та же тема: человек не может существовать как человек, если не восстановит чувство самоидентичности, не вернется к самому себе, не обретет свою утраченную целостность.

В романе «Объяли меня воды до души моей» Оэ нашел наконец ответ на мучивший его вопрос, нашел человека, действительно непохожего на тех «нервных» людей, с которыми знакомили нас его прежние романы. Исана восстановил себя, вернул себе чувство самоидентичности. (Впервые Оэ пишет это слово по-японски.) Отсюда состояние уравновешенности, покоя. Попадая в самые бедственные ситуации, Исана не теряет присутствия духа. Может быть, преодолев себя, он обрел себя.

Роман как будто снимает проблем : к человеку возвращается чувство самотождественности. И сам Исана, и каждый из подростков верны себе, хотя последние верны не столько своей изначальной природе, сколько своим надломленным жизнью характерам. Но какой ценой! Вопрос, по существу, остается: как сохранить это ощущение самотождественности, как остаться самим собой в обществе, враждебном человеку?

Кто знает, быть может, действительно произойдет катастрофа, если люди не задумаются над вопросом — камо грядеши? И, быть может, раньше писатели не изучали с такой тщательностью нравственный климат планеты, потому что раньше не была столь реальной угроза всеобщего уничтожения.

Можно разделять или не разделять предчувствие мировой катастрофы, но нельзя не оценить стремления писателя предупредить людей об опасности, нельзя не отдать должного чувству сопричастности всему живущему и живому.

Т. Григорьева

ПИСЬМО ЯПОНЦА, УЧИВШЕГОСЯ У РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Я начал писать рассказы о послевоенной японской действительности, опираясь на видение, захватившее мое молодое воображение, именно видение, говоря словами Шкловского. Место и время действия моих рассказов постоянно возвращались к горному району Японии дней войны. Позже главной темой моих произведений стала послевоенная жизнь в огромном японском городе, владеющее человеком состояние отчужденности, не позволяющее ему идентифицировать себя. Я ощущаю себя именно таким человеком. Роман «Объяли меня воды до души моей» представляет собой попытку перешагнуть через самого себя, потому что я именно такой человек. Это итог всего написанного мной до сих пор о положении нашей страны, которая в политическом, экономическом и культурном отношении дошла до последнего рубежа.

Писать я учился у русской литературы. Разумеется, не я один. Японская литература нового времени и современная литература в целом учились и продолжают учиться поныне у русской литературы. Родоначальник современной японской прозы Фтабатэй Симэй, превратив русский язык Тургенева в японский язык, заложил основы стиля современной прозы.

Каким огромным открытием для меня, проведенного детство в глухой провинции времен войны, в горной деревушке, отре-

занной от всего мира, был Достоевский! Можно, разумеется, сомневаться, мог ли мальчик понять Достоевского. Скорее всего, ему удалось уловить всего лишь один-два наиболее простых голоса из полифонии Достоевского, о которой писал Бахтин. Но это был подлинный голос Достоевского. Из «Братьев Карамазовых» я выбрал эпизод об Алеше и детях и сам выпустил книжку «„Братья Карамазовы“ для детей». Это была первая в моей жизни литературная работа, и я с гордостью вспоминаю о том, что эта книжка пользовалась огромной популярностью среди моих приятелей — ребят нашей горной деревушки.

С тех пор Достоевский стал одним из самых необходимых мне писателей. Опираясь на Достоевского, я смог впоследствии встретиться с фразуэской, немецкой, а затем и американской литературой. Японский юноша начал читать Сартра, Томаса Манна, Фолкнера — литературу, укоренившуюся в иных культурных традициях. И рядом с ним всегда, как учитель, стоял Достоевский. Так я готовился к писательству. И, уже став писателем, я всегда старался урвать несколько недель в году, чтобы почитать Достоевского и обновить этим жизненные силы своей писательской души.

Далее Толстой. Я должен сказать, что считаю своим учителем и Толстого. Постигая искусство остроты Толстого, на которое указывал Эйхенбаум, я научился многому.

Я как-то читал лекцию, в которой рассказывал, как Пьер Безухов попадает, подобно бродячему комедианту, из высшего петербургского света в ад, в провинциальную деревушку, в низшие слои общества. Эта лекция наряду с анализом «Войны и мира» рисовала многогранный портрет России того времени.

Я неоднократно писал о том, что Булгаков помог мне выработать силу воображения. Одним словом, я очень многому научился у мира, где господствует русский язык, по говорить об этом можно без конца. Мне остается лишь надеяться, что читатели сами заметят то влияние, которое оказала на меня русская литература, а также русское литературоведение 20-х годов.

Мои произведения — это произведения, написанные японцем, и, следовательно, моя задача заключается в том, чтобы создать портрет Японии. Создать портрет Японии и японцев в свете человеческих взаимоотношений в их универсальности — вот к чему я стремлюсь, вот моя главная задача как писателя.

Я безмерно рад, что мой роман будут читать люди, для которых русский язык — родной. Я сердечно благодарю всех, кто участвовал в выпуске этой книги, и хочу подчеркнуть, что воспринимаю ее как послание японца, который уже многие годы учится у русской литературы.

Кэндзабуро Оэ

Весна 1977 года. Токио

**ОБЪЯЛИ МЕНЯ ВОДЫ
ДО ДУШИ МОЕЙ**

大江健三郎
洪水はわが魂に及び

Перевод В. Гривнина

Редактор А. Файнгар

Глава 1

АТОМНОЕ УБЕЖИЩЕ

Мировоззрение, характерное для эпохи сверхзвуковых скоростей, когда человек, достигнув Луны, устремился к Марсу, плохо уживается с таким немислимым анахронизмом, но тем не менее нашелся в Японии промышленник, который, увлекшись американскими идеями, тоже решил заняться строительством индивидуальных атомных убежищ и продавать их как стандартную продукцию. Первое такое убежище было построено в Японии на западной оконечности взгорья Мусасино. Основание крутого косогора, спускавшегося от жилого массива к заболоченной низине, густо заросшей тростником и мискантом, было подрыто, и построен железобетонный бункер размером три метра на шесть.

Однако массовое производство атомных убежищ наладить не удалось, и это единственное в нашей стране убежище для личного пользования оказалось заброшенным. Через пять лет компания, строившая атомное убежище, используя бункер в качестве фундамента, возвела трехэтажное здание, похожее на колокол. Основание первого этажа представляло собой прямоугольник площадью восемнадцать квадратных метров, как и бункер. Задняя его часть вплотную примыкала к косогору. Сбоку были пристроены кухня и уборная. В маленькой прихожей перед уборной, немного в стороне, винтовая лестница связывала комнаты всех трех этажей. Третий этаж, где на противоположной от винтовой лестницы стороне был встроена балка, ока-

зался по площади меньше остальных, таким образом, здание несколько сужалось кверху, и третий этаж чем-то напоминал капитанский мостик. В железобетонных стенах на каждом этаже были окна-бойницы с двойными непробиваемыми стеклами.

Дом имел такой странный вид потому, что архитектор, возводя само здание, упорно привязывал его к бункеру. Из комнаты в первом этаже, служащей столовой, можно было, подняв крышку люка — как на подводной лодке, — по крутой металлической лестнице спуститься в бункер.

Мужчина, решивший поселиться в этом доме (и живущий в нем по сей день), потребовал внести лишь одно изменение в первоначальный проект бункера. Он попросил пробить в железобетонном полу прямо под металлической лестницей квадрат тридцать на тридцать сантиметров и обнажить землю. Этот квадрат темно-бурой кантоской плодородной земли был всегда сырым. Хозяин дома с помощью кирки — непрременной принадлежности атомного убежища — постоянно разрыхлял свой тридцатисантиметровый земельный участок. Если воды становилось слишком много, он делал в середине квадрата лунку и кружкой вычерпывал из нее воду. Когда шел сильный дождь, вода, сбегая по кособогу за домом, впитывалась в землю и обильно заливала тридцатисантиметровое поле.

Это абсолютно бесполезное четырехугольное отверстие служило хозяину дома опорой для ног в минуты размышлений. Усевшись на стул с прямой спинкой и воткнув, как рассаду, босые ноги в землю, он предавался размышлениям. И летом, когда холодная влажная земля была приятна, и зимой, когда она покрывалась обильным инеем и сводила ноги, размышлял он об одном — как достичь духовного слияния с деревьями, покрывающими землю, и с китами, обитающими в далеких морях. В недавнем прошлом он был личным секретарем своего тестя, консервативного политика, близкого к правительству, пользующимся особым его доверием; позже, в строительной компании, которую этот политик контролировал, на него была возложена реклама и сбыт атомных убежищ, но в один прекрасный день он бросил все, что идентифицировало его как личность, и забрав у жены ребенка, стал жить затворником. Он сам назначил себя поверенным тех, кого любил в этом мире больше всего, — китов и деревьев. Он даже имя изменил, чтобы подчеркнуть свою новую сущность — Ооки Исана*.

Предаваясь размышлениям и духовно общаясь с деревьями

---

* Ооки — могучее дерево; Исана — отважная рыба (япон.).

и китами, он впервые предпринял серьезную попытку воззвать к душам деревьев и душам китов. Он целиком посвятил себя бесконечному разглядыванию фотографий китов, слушал записанные на пленку их голоса, через бойницы атомного убежища в сильный бинокль наблюдал за росшими снаружи деревьями. Пока деревья были покрыты листвой, ветви выглядели привольно и естественно, но в разгар зимы, черные, как будто закопченные, они казались страдальчески изломанными, чуждыми дереву. В окулярах бинокля на фоне бледного вечернего неба они выглядели мертвыми. День за днем разглядывая эти ветви, он однажды обнаруживал, что в них стремительно начинают вливаться живые соки, накапливаться силы, которые вот-вот нальют почки. С этой минуты внутри него самого, в темноте, где пульсировала горячая кровь, даже все увядшее начинало, казалось, набухать и приходило в движение, сопровождаемое оглушительными раскатами грома.

В этот короткий период, пока природа еще окончательно не проснулась, он становился осторожным, как краб после линьки, и все же не мог устоять перед соблазном посмотреть вблизи на деревья, покрывающиеся почками. Он выбегал из дома. Пока почки были заключены в твердые серовато-коричневые панцири, он чувствовал себя в безопасности, будто и сам, как веретенообразная зимняя почка, прикрыт таким панцирем. Но когда из панциря начинало пробиваться нечто удивительно беспомощное — мягкие зеленоватые листочки, он дрожал от неизъяснимого страха, страха за сотни миллионов почек, которые падали в поле его зрения. Разве не рухнул мир, когда неумолимо жестокие птичьи стаи начинали клевать мягкие соблазнительные почки?

Он видел собственными глазами, как в заросли горной камелии, гомоня, слетались эти невинные существа огромной разрушительной силы, напоминающие стайку опыневших от восторга детей. И тогда у него, поверженного деревьев, перехватывало дыхание, лицо багровело и он начинал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу.

Совершая эти соблазнительные, но и опасные вылазки, он каждый раз наламывал ветки с уже разбухшими или только начавшими наливаться почками и, возвратившись в свое убежище, разбрасывал их по столу. Рассматривая веточки, он преисполнялся желанием уж в этом-то году обязательно проникнуть в тайну силы, что заставляет почки распускаться, разгадать смысл этого явления. Но долго взирать на муки, которые испытывали начинающие увядать почки, было невыносимо.

И когда позже ему на глаза попадались эти обломанные ветки, он, стараясь не смотреть на них, осторожно перебирал пальцами, точно читал книгу для слепых. Веточки на столе засыхали, как засыхает все, лишённое внимания, и напоминали отвратительные лапки птиц, которые так пугали его...

Зимой, когда нет признаков, что почки должны распусться, души деревьев в прячутся в корнях, и деревья погружены в зимнюю спячку. Поэтому и он, стремясь к духовной общности с деревьями, научился у них тоже погружаться в зимнюю спячку. Ночами, когда ветер бушевал в ветвях деревьев, ему ни разу не снились тяжелые сны. Но как только голые деревья начинали покрываться почками, его охватывала тревога. Это была тревога ожидания надвигающейся опасности и в то же время тревога от ощущения того, что он вот-вот столкнется с чем-то неведомым. Он предчувствовал, что вот теперь как раз и явится ему знамение, которое перевернет всю его жизнь. В такие минуты всем своим телом, всем своим сознанием вожделем ощущал он устремленность к чему-то неведомому и, брезя, начинал судорожно ощупывать свое лицо. В нем просыпалось вдруг непреодолимое желание полоснуть себя по горлу, отражавшемуся в зеркале, и лишь огромным усилием воли он удерживал руку, сжимавшую бритву. Не ужно поддаваться искушению. Ведь он живет в этом убежище, оберегая своего пятилетнего сына по имени Дзин, которого врачи считают слабоумным, хотя глаза у мальчика глубокие и сные, а в остроте слуха вряд ли кто-нибудь сравнится с ним. В их общей спальне было все приспособлено для того, чтобы ребенок мог оставаться один. Теплое чувство к подвалу, где для его душевного покоя в полу было проделано отверстие, обнажавшее крохотный кусочек земли, Исана распространил и на комнату, в которой жил вместе с сыном. Дружеское общение с Дзином в этой комнате, как единственное по-настоящему полезное деяние, составляло смысл его затворнической жизни.

Дзин, когда-то очень худой, теперь от недостатка движения растолстел, и во всем его облике появились черты, наводящие на мысль, не страдает ли он монголизмом. День Дзина непременно начинался с голосов птиц, которые отец переписал с разных пластинок на пленку. Птичьи голоса отпечатались в сознании ребенка как самостоятельные слова. Обычно Дзин сидел или лежал в изголовье своей раскладной кровати, а магнитофон со скрупулезной точностью воспроизводил голоса птиц. Тихо, чтобы не заглушать магнитофон, Дзин выдыхал, почти не раскрывая губ:

— Это дрозд...— Или: — Это сэндайский насекомоед, это сойка, это камышовка.

Умственно отсталый ребенок мог различать голоса по крайней мере пятидесяти разных птиц, слушать их голоса было для него не меньшей радостью, чем утоление голода. А Исана, страдаемый своей неизбывной тоской, неспособный запомнить этого множества птичьих голосов, за исключением таких специфических, как пение кукушки или козодоя, часами с тихой радостью слушал нежные птичьи голоса и еще более тихий голос ребенка, распознающего их.

Однажды, когда казалось, что зима уже кончилась, снова повалил снег, и Исана через свой бинокль стал наблюдать за снежинками, заполнившими все пространство окуляров, будто по ним лились нескончаемые потоки воды. Снежинки, падая, взмывали вверх, потом замирали — опускаются ли они когда-либо на землю, недоумевал он. В пляске снежинок можно видеть синтез почти всех видов движения, и Исана подумал вдруг, что ему открывается всеобщий закон механики. Искрящиеся снежинки взмывали вверх, замирали, потом стремительно мчались в сторону — глядя на них, человек терял ощущение времени. В пространстве, где плясали снежинки, неожиданно появилась птица с черной головой и шеей. Птица трепетала от страха, бессилия, невыразимого блаженства от того, что вот так свободно падает она вниз в бескрайнем небе. Исана несколько секунд следил за ее полетом. Точно в фильме, показывающем, как, накладывая одну краску за другой, печатают гравюру, на спине птицы появилось отчетливое зеленовато-желтое пятно. И птица растворилась в небытии, откуда нельзя вернуться. Тщетно пытаясь отыскать исчезнувшую птицу, Исана увидел, что в заболоченной низине занимаются крепкие молодые ребята. Это были солдаты сил самообороны. В противоположной стороне, на плацу, тоже проводились учения, там же виднелись и казармы.

Вечером, когда за стенами убежища шуршал дождь со снегом, Исана снова подошел к бо нице и навел бинокль. Он увидел вдали одинокий дуб, по которому хлестал дождь со снегом. Но сумерки уже сгустились, и ему удалось разглядеть лишь могучий серовато-черный ствол. Он так долго смотрел на дуб, что почувствовал, как в него вливаются излучаемые дубом волны, и понял: он отождествляется с душой дерева. И, как будто слившись с этим дубом, он ощутил, что это его насквозь про-

мочил дождь со снегом, ощутил сбегающие по стволу капли воды. От напряжения у него взмокли лицо и руки, держащие бинокль, и он ощущал себя влажным, покрытым глубокими трещинами стволом дерева. Дуб во плоть и крови дрожит от холода, но дух его не поколеблен. И лишь от того, что на нем сидят птицы, он испытывает неприятное ощущение в висках. Его глаза видят то же, что видит дуб. Птицы, на которых сзади налетал ветер, с трудом удерживают равновесие. Ветер взъерошил их перья на груди и боках, и они, словно задравшаяся кора, потемпели. Неподвижно сидящие птицы кажутся пышными и величавыми, но их головы, когда время от времени они смотрят вниз, без конца вертя ими, выглядят до смешного крохотными. Исана, подражая щебету птицы, произнес: курукуку-бо-бо, и ребенок, чуть слышно жевавший позади него, сказал: — Это горлица...

Воображаемая горлица, ободренная тем, что Дзин узнал ее, еще крепче вцепляется острыми когтями в ствол дуба. Но и это не более чем легкое прикосновение. Он все реальнее, ощутимее превращается в дуб. Какая-то неведомая сила изнутри и извне давит на глаза, прильнувшие к биноклю. Давление становится все сильнее, кажется, что глаза вот-вот лопнут. Он уже не может смотреть в бинокль. Он превратился в дуб, и время внутри и вне его проносится независимо одно от другого. Он навзничь падает на кровать, как падает срубленное дерево. Чтобы снова превратиться в самого себя, требовалось время, и поэтому, хотя ненаевшийся Дзин протягивал ему пустую миску, он был не в состоянии приготовить еще еды. Он был обессилен, как человек, которому пришлось долго бежать.

Глубокой ночью море вышло из берегов, покрыло всю землю, и киты, которых еще не успели истребить, решившись на последнее средство, подплыли к убежищу и стали бить по его железобетонным стенам чем-то мягким, влажным и тяжелым — плавниками. Пришедшие из моря вместе с морем, они били по стенам, чтобы деликатно, но в то же время настойчиво выразить свою волю. В полусне он чувствует, что ждал их прихода. И поскольку он ждал их прихода, ждал, что они будут звать к нему, думал он во сне, то отказался от всех благ, которые сулил ему реальный мир, и поселился в этом убежище. Но, ожидая их, он не знал, как ответить на их призыв. Он был готов ждать, ждать до бесконечности. И вот он ждет, вытянувшись на кровати, весь трепеща. Но киты никогда не смогут разрушить стены убежища и проникнуть внутрь.

На следующее утро он услышал по радио, что солдаты воен-

пого оркестра сил самообороны, проходившие обучение в заброшенной низине, подверглись нападению группы хулиганов и есть тяжелораненые. Может быть, в стену и стучали как раз солдаты сил самообороны, у которых были сбиты в кровь руки и они не могли стучать сильнее? Или, может быть, хулиганы решили напасть на укрывшихся в убежище?

Поздно вечером он добрался до железнодорожной станции, находившейся на возвышенности за убежищем, и купил все вечерние газеты. Создавалось впечатление, что силы самообороны не склонны предавать гласности подробности инцидента — в газетах не было никаких подробностей, помимо тех, которые сообщались по радио. Но полиция проводила собственное расследование, и к Исана пришли двое полицейских. Полицейские, стоя в прихожей убежища Исана, сказали, что у них есть сведения не только о происшедшем здесь столкновении группы хулиганов с солдатами сил самообороны, но и еще о новом инциденте. Как правило, Исана никому не разрешал переступать порог убежища. Он всегда придумывал вполне логичный предлог, чтобы отказать всякому (включая и жену, которая жила отдельно), кто собирался проникнуть к ним. Иногда, анализируя свое поведение, он даже приходил к мысли, уж не из удовольствия ли вот так отказывать людям он и укрылся в убежище. Особенно назойливыми были торговцы, которые, узнав, что у него есть ребенок, приносили детские журналы, письменные принадлежности, и ему приходилось придумывать самые невероятные предлоги, чтобы отражать их атаки. Поскольку он не собирался откровенничать с торговцами, которых до того и в глаза не видел, относительно умственных способностей своего сына, то нужна была серьезная подготовка, чтобы не дрогнуть отбить наступление неприятеля.

Однако на сей раз ему самому было любопытно узнать о происшедшем инциденте, поэтому он и решил воспользоваться приходом полицейских. Но стоило ему впустить полицейских в прихожую, как весь их интерес переключился на убежище и его обитателей. Они начали выспрашивать Исана, почему он поселился в этом одиноком странном сооружении. Объяснить полицейским причину было совершенно невозможно. Оказавшись в безвыходном положении, чтобы защитить себя и Дзина, Исана проявил весь свой опыт и изворотливость, которые в тяжких обстоятельствах всегда приходят на помощь «независимому человеку» — «*homo pro se*». Его укрытие объяснял он, объединяя и бункер и надземную часть здания, было сооружено в порядке эксперимента одной крупной строительной компа-

нией еще в тот период, когда в стране планировалась постройка атомных убежищ и предполагалось их поточное производство. В течение нескольких лет весь этот низинный район, где расположено убежище, будет отчужден для сооружения коростной автострады, а до тех пор строительная компания вменила ему в обязанность жить в убежище, чтобы защищать ее законные права. Говоря это, он достал коробку с документами и показал их полицейским.

Он знал, что имя, которое полицейские найдут в документах, послужит для них могучим сдерживающим фактором. Полицейские, разумеется, не оказались равнодушными к известному в кругах полиции влиятельному деятелю консервативной партии, которым являлся президент строительной компании, тесть Исана. Понимая, что даже малейшие подозрения в отношении него совершенно необоснованны, полицейские вернулись к подробному рассказу об инциденте. Нисколько не заботясь о том, какую бурю вызовет в душе Исана их рассказ. После их ухода, успокоившись, потому что ему удалось избежать лишних хлопот, связанных с доказательством достоверности своего объяснения, он вдруг ощутил, как жажда почувствовать вожаделенное и в то же время неясное знамение еще больше распаляет охвативший его тело жар. И хотя знамение действительно было еще расплывчатым, трудно уловимым, оно, излучая чуть заметное желтоватое сияние, уже несло по орбите и рано или поздно должно его настигнуть. Он проверил, заперты ли двери прихожей и кухни, убедился, что ребенок спит, и, охваченный непопаятым возбуждением и одновременно все обостряющимся чувством мрачной безысходности, опустошенности, заплетающейся походкой подошел к люку, спустился по железной лесенке вниз и погрузил ноги в красновато-коричневую мокрую землю тридцатисантиметрового квадрата. И, чувствуя, как к нему возвращается ощущение реальности существования, стал восстанавливать в памяти рассказ полицейских.

Решив после работы выпить, полицейский агент пошел домой, чтобы оставить там пистолет, и по дороге столкнулся с девчонкой. Может быть, как и в случае с солдатами сил самообороны, ее целью тоже было добыть оружие; с виду никакой опасности она не представляла, хотя, с одной стороны, удерживало сознание служебного долга, но с другой — девчонка как-то по-особому соблазняла, и он сделал вид, что она и в самом деле завлекла его, и пошел с ней. Так все и получилось. Сорокапятилетний опытный агент. Да и здоровый. Ты мне предлагаешь что-нибудь хорошенькое? Ну так как? Девчонка стояла у са-

мого входа в бар и, вроде бы сгорая от желания, опустила голову и слегка расставила ноги; засунула руки в шорты, будто управляла блузку. Она тяжело дышала, точно это ей никак не давалось. Ну ладно, все будет в порядке, посочувствовал ей агент, взял за руку раскрасневшуюся девчонку, которая прижалась к нему, и пошел с ней.

Идя с девчонкой, агент спрашивал себя, действительно ли такая уж она бывалая и только делает вид, что сгорает от желания, лишь бы соблазнить его, или и вправду у нее в этом деле нет никакого опыта, и она вообще не знала мужчины. Ему даже подумалось, что она невинная девушка, совсем еще зеленая. Интересно, какое лицо, какое тело у этой девчонки, которая, желая соблазнить солидного сорокапятилетнего агента, стояла, жалкая, расстав в ноги, опустив голову и держа руку в расстегнутых джинсовых шортах и вроде бы сгорая от желания. (Когда агент увидел вблизи ее раскрасневшееся лицо, он не сомневался, что она в самом деле сгорает от желания.) *Они все шли и шли. Сколько же можно идти? Поблизости никакой дешевой гостиницы нет, думал агент, хорошо бы найти какой-нибудь тайный дом свиданий. Девчонка стала спускаться по косогору. Они шли уже довольно долго, а она еще и слова не сказала — может, ненормальная, подумал агент. Но глаза девчонки, которая время от времени смотрела на него, были вполне нормальные, очень правдивые — у нее были глаза человека, решившегося на важное дело.*

Идущая вниз дорога прорезала косогор наискось и спускалась от жилого массива наверху к заболоченной низине. Если бы они свернули чуть вправо, то оказались бы на узкой тропинке, ведущей к убежищу Исана. Значит, полицейские совсем не случайно пришли осматривать именно его жилище. Ведь на дороге к заболоченной низине, кроме его убежища, нет ни одного дома, в котором бы жили люди. *Агент знал, что внизу нет никакой гостиницы, да и охота у него пропала, и он решил снова вернуться к своим обязанностям агента, или, лучше сказать, действовать так, как он действовал в качестве агента до встречи с девчонкой, и вот, когда они спустились вниз, он остановился у фонаря и заговорил с ней. Почему вы, молодые девицы, этим занимаетесь? То ли общество такое, то ли время такое?* Агент произнес эти избитые слова, чтобы наставить девчонку на путь истинный, но она, не дав ему продолжать поучения, продиктованные его служебными обязанностями, стоя в желтом свете уличного фонаря, прислонившись спиной к стене краснойзема, в котором была прорезана дорога, рас-

крыла рот, еще более красный, чем красноезём, и закричала: *пусть меняется время, пусть меняется общество, мы все равно будем это делать.* Слово «мы» внушило агенту смутное беспокойство, точно небо над его головой на мгновение закрыла тень огромной птицы, но он тут же подумал, что это просто был ответ на его «вы», и спросил: **даже если наша страна станет коммунистической, вы все равно будете заниматься проституцией?** Девчонка, точно на устном экзамене, но к тому же еще вкладывая в свои слова весь пыл, на который была способна, закричала: **и в коммунистической стране, и в любой другой мы будем и проституцией заниматься, и всем, чем угодно.** Агент увидел, что по дороге на них несется человек пять вооруженных дубинками подростков из тех, кого девчонка назвала «мы». *Понимая, что с ними не справится, агент решил, что уйти от нападающих ему удастся, только прихватив с собой одного из них: он выбрал самого щуплого и, как тот ни отбивался, как ни извивался, сообразив, что агент избрал его своей жертвой, надел мальчишке наручники, другой конец зацелкнув на своем запястье. Но наседавшие со всех сторон подростки, изловчившись, ударили его сзади по голове, и он сразу же потерял сознание. Вскоре он пришел в себя и обнаружил, что лежит у груды щебня, а голова наполовину в ручье, протекавшем у подножья обрыва: еще чуть-чуть — и захлебнулся бы. Пришел он в себя и видит в полутьме, прямо у него под носом девчонка старательно моет руки. Ха-ха. Пистолет забрали, эти щенки, не в силах освободить товарища от наручников, советуются, не отрезать ли агенту руку. Вот гады. Он быстро вскочил, и волоча за собой мальчишку, с которым сковал себя наручниками, побежал в заболоченную низину, поросшую редкой травой; мальчишка, которому тоже пришлось бежать изо всех сил, вдруг посреди дороги повалился, но агент продолжал его волочить, и тот стал пытаться отрезать ножом руку уже не агенту, а себе. Да ему было и не дотянуться до руки агента. Но свою-то руку он и вправду мог отрезать. И тогда агент, поскольку за ними гнались, а мальчишка был тяжелый, ну, а главное, и в самом деле мог отрезать себе руку, решив, что все это плохо кончится, сам отстегнул наручники и убежал. Но еще долго юнцы, вопя, неслись за ним вслед. Вы не слышали их криков? Агент обнаружил, что голова и рука у него в крови — голова в своей крови, рука — в крови мальчишки.*

Сейчас в низине, поросшей редкой травой, стоят высохшие мощные стебли мисканта и тростника. Поздней осенью, вымахав выше человеческого роста, они засыхают и погребают под

собой все впадины. Но вот проходит зима, и наступает сезон, когда на деревьях наливаются почки — тогда им на смену поднимаются новые травы, а прошлогодние травы рассыпаются в труху. По этой-то вязкой низине, которую сухие заросли травы превратили в лабиринт, бегут изо всех сил мужчина с окровавленной головой и прикованный к нему мальчишка. Глубокая ночь. Бегут, продираясь сквозь сухой мискант и тростник, и мальчишка, чтобы освободиться, достает нож и пытается отрезать себе руку. А сзади, сквозь густые заросли, вопя, несется банда...

Отрезать самому себе руку! Отрезать себе руку ножом. Это лежит в области иных понятий, чем просто отрезать ру у. Так размышлял агент, мчась по зыбкой влажной земле. Осьминог пожирает самого себя. Нога осьминога, отрезанная неш ей силой, восстанавливается, а сожранная им сам м — не восстанавливается. Значит, для примитивного самосознан я осьминога самопожирание — вдвойне, тройне страшное решение. Мальчишка решился на то, чтобы отрезать себе руку ножом, чем отверг в своей отчаянной смелости саму идею возро деня. Решился, хотя со страхом, превосходящим страх перед тем, что рука никогда не восстановится, думал о том, что, если он отрежет себе руку, рано или поздно ему прид тся расстаться с бандой, и страдал от этой боли больше, чем от оли, которую ему могла причинить ножевая рана. К горлу Исана подступила рвота. Он то и дело смотрел на свою руку, с усилием преодолевая стремление все время удостоверяться в ее существовании. Он старался изгнать из своего сознания все ножи, какие могли найтись в убежище. *Может быть, прикованный к нему наручниками мальчишка был просто пьян?* — спросил он тогда, и полицейский, принадлежавший к тому типу людей, которые признают в своей болтовне только одностороннее движение, ответил: *чего? А какое это имеет значение — пьяный, не пьяный,* и продолжал свой рассказ. Ну разве действительно *не имело никакого значения, пьяным или не пьяным* был мальчишка, который собирался отрезать себе руку, чтобы освободиться от наручников? Если бы обезумевший от страха и отчаяния мальчишка в ту минуту действительно был пьян, то перед ним сверкнуло бы слабое мерцание надежды, хотя бы в виде поднимающейся по оп ленному пищеводу рвоты. В опьяне ии отрезать себе руку не так уж страшно. Решение мечущегося между истерическим возбуждением и отчаянием подростка позволяло ему вонзить нож в руку, которая благодаря опьянению воспринималась им как чужая. Но Исана почувствовал, что в его

построениях, так легко и просто все объяснявших, есть серьезный изъян. Если даже допустить, что мальчишка был пьян, полицейский все равно не мог не заметить: *мальчишка догадался, что хочет сделать с ним полицейский, который волок его за собой, и сжался в комок.* Вот что это был за мальчишка. И нет оснований делать вывод, будто мальчишка облегчил себе решение тем, что заключил его в облатку дикой смелости, поддерживаемой алкоголем.

Пусть меняется время, пусть меняется общество, мы все равно будем это делать. И в коммунистической стране, и в любой другой мы будем и проституцией заниматься, и всем, чем угодно. Перенеся всю тяжесть своего тела на ноги, покоившиеся в земле, Исана встал со стула. Ноги, точно живые корни, чуть погрузились во влажную землю — это тоненькое, еле заметное покрытие земного шара. Нужно было приложить немалые усилия, чтобы вытащить из земли корни, подняться по железной лестнице и подойти к окну-бойнице на первом этаже.

Однажды Исана с утра до вечера наблюдал, как садовники выкапывали камелию, пустившую корни метров на пять: у него было ощущение, будто это он сам — старая выкорчеванная камелия, усыпанная цветами и бутонами. Ее выкапывали с крутого склона рядом с убежищем, чтобы потом уложить на мощный грузовик и увезти. Садовники, приладив треногу с помощью прикрепленного к ней небольшого вóрота, приподняли камелию; немного сдвинув с места тяжелый куст, они переместили треногу чуть дальше и так мало-помалу вытащили камелию. Садовники работали с лентой и одновременно с непоколебимой уверенностью, что если будут продолжать то, что они делают, бесконечное количество раз минус единица, то смогут вытащить камелию, даже если ее корни проросли до Южной Америки. Если бы они заметили его глаза, пристально наблюдающие за ними из окна-бойницы (собственно, настоящим садовником был лишь один старик, двое других — длинноволосые юнцы — без конца прерывали работу), им бы вряд ли понравилось, что Исана следит за ними, они бы поинтересовались, кто это без передышки, неотрывно шпионит, даже когда они устраивают перерыв, и что он замышляет? Исана ответил бы им: *Я камелия. Ничего дурного я не замышляю. Я ощущаю то, что ощущает выкорчеванная камелия. Потому что я и в самом деле выкорчеван.* Ответил бы, как человек, у которого вся голова, плечи, грудь покрыты сотнями цветов и бутонов.

И вот теперь он, испытывая то же, что испытывала выкорчеванная камелия, неспособная собственными силами сдви-

нуться с места, с трудом встал, погрузив ступни во влажную землю. Потом, еле волоча ноги, поднялся по железной лестнице, взял свой мощный бинокль, потушил свет и из темной бойницы стал осматривать заболоченную низину. Полный мрак. Но мрак, в который смотришь невооруженным глазом, и мрак, в который смотришь через бинокль, не одно и то же. В глубоком, беспросветном мраке, открывшемся ему в бинокль, он увидел того самого щуплого подростка, которого волочил за собой полицейский, *увидел мальчишку, который догадался, что хочет сделать с ним полицейский, и сжался в комок.* Резкий ветер разгоняет тучи, с прошлого вечера заволакивающие небо. Высоко в небе светит луна, которую время от времени закрывают тучи, но из бойницы ее не видно. Сухие стебли травы, склоненные ветром в сторону убежища и возвышенности за ним, чуть белеют во мраке, переливаясь, как волны, как маленькие рыбки, извиваясь, устремляющиеся вверх. Там-то и тащил агент упирающегося мальчишку, прикованного наручниками. Возможно, предсмертный вопль подростка, готового от страха, в бешенстве отрезать себе руку, и крики его приятелей, носившихся по темной заболоченной низине в поисках товарища, с которым скрылся агент, слышавшиеся с сигналами китов, доносившимися из далекого моря, продолжали звучать в его ушах. Слышались с сигналами, которых никто на земле еще не разгадал...

Глава 2

ПОКИДАЕТ РАКОВИНУ

Исана ждал дня, когда деревья покроются молодой листвой. Когда деревья облачатся в свой панцирь и обретут ощущение полной безопасности, он, духовно общаясь с деревьями, тоже обретет уверенность, что его нагота прикрыта и ничто ему не угрожает, и сможет наконец покинуть свое убежище... Однажды утром в окно-бойницу он увидел, что на дубе, разорвав почки, пригретая ласковым солнцем, трепещет нежная молодая листва, обнаженная и беззащитная. Он и сам почувствовал, как возрождаются в нем жизненные силы, дремавшие всю зиму. Медленно втягивая воздух трепещущими ноздрями, он совершенно отчетливо почувствовал, как они бурлят в нем. Даже Дзин, который лучше него приспособился к затворнической жизни в убежище, зарядился новой энергией. Исана начал телепатиче-

ски внушать ему, что нужно выйти наружу, чтобы израсходовать хоть немного скопившейся в нем энергии. В случае необходимости сделать это совсем нетрудно — требуется лишь время и терпение. К вечеру он как следует закутал сына, как это делают с деревьями, когда их пересаживают, — оборачивают соломой ствол, чтобы не засох, — надел на него свитер и синие тонкие брюки, на голову — вязаную шапочку с узкими полями и вышел с ним из убежища. Они стали спускаться прямо по косогору к дороге, обрамляющей заболоченную низину. Ребенок изо всех сил упирался. Его пугало то, что земля под ногами густо заросла цветущим мхом и примерно в пяти сантиметрах над ней распустились мелкие цветы. Обняв ребенка, Исана зашагал прямо по цветам. Горы сухих листьев и травы, с осени застилавшие низину, теперь ссохлись и выглядели жалкими. Вся низина покрылась ковром молодой травы. Но она еще не превратилась в буйные высоченные заросли, и поэтому низина была в сплошных проплешинах и выбоинах. Они шли, оставив вправо от себя огромную вишню, миновали ручей, у которого банда головорезов устроила засаду, и, вместо того чтобы взобраться наверх, прошли через туннель, над которым была проложена линия электрички, спустились через поле, имеющее форму днища корабля, поднялись на противоположный склон, и их глазам открылся плавный вираж скоростной автострады, по которой можно было доехать до центра города. Отсюда возвышенность казалась островом, никак не связанным с низиной. И лишь на чуть прикрытом молодой травой косогоре, у подножия острова, бетонной глыбой одиноко торчит его убежище.

Он шел вместе с сыном на заднее сиденье рейсового автобуса и, пока автобус огибал заболоченную низину, чуть не свернул себе шею, стараясь ни на минуту не выпустить из поля зрения бетонную глыбу убежища. И даже после того, как его жилище скрылось за холмом, он, обняв сына, старался, глядя на возвышенность, определить его местоположение. Зачем ему нужно было с такой точностью установить местоположение убежища? Если через час начнется последняя мировая война, то, до того как палящий жар ядерного взрыва и ударная волна достигнут города, он, употребив все свое хладнокровие и упорство, которые человек ради такого дня накапливает в течение жизни, должен, пробираясь между мечущимися в панике жителями, вместе с Дзином пешком вернуться домой. И вдвоем с сыном, невзирая на гибель человечества, спокойно ждать, пока деревьям и китам будут предоставлены законные права. Когда от безумного жара засверкают бетонные стены и взрывная вол-

на достигнет ушей Дзина, Исана услышит тихий шепот ребешка:

— Это конец света.

У входа в парк, на конечной остановке автобуса, Исана, ведя сына перед собой, подошел к вращающемуся турникету и стал всовывать монету в узкую, как глаз, щель. Но монета лишь ударила его по пальцам. Отверстие было закрыто. Он решил пойти к соседнему турникету, но Дзин сел на корточки в металлическом коридоре, ведущем к турникету, и расплакался. С ним ничего нельзя было поделать. В его затуманенном сознании вырисовывалось в определенной последовательности то, что должно было происходить, и вдруг все резко переменялось. И когда отец, всегда заставлявший его действовать в уста овленном порядке, теперь что-то изменил, Дзин решительно воспротивился, твердо придерживаясь того, что уже зафиксировалось в его мозгу. Однажды по ошибке Исана направил Дзина по коридору, не имеющему выхода и оканчивающемуся тупиком. Когда же он попытался его вернуть, тот, вопя, точно от физической боли, начал биться о стенку, буквально прилип к ней, и Исана пришлось потратить немало усилий, чтобы отодрать от нее тщедушное тельце сына. От отчаяния ребенок готов был пробить стену. Но поскольку это было невозможно, то, чтобы освободить от навязчивой идеи бедную голову жалобно плачущего, ни за что не желающего идти к другому выходу сына, он стал пугать его, делая вид, будто сам вдавлен в стену.

Сначала Исана изо всех сил старался вытащить сына, растопырившего руки и ноги, как водяной жук, из металлического коридора. Когда ему пришлось отказаться от этой мысли, он стал оглядываться вокруг и вслух определять расстояние до окружающих предметов, убеждая Дзина тем самым, что уступает его сопротивлению. Он надеялся, что таким способом ему удастся вернуть сыну покой и радость, освободив от навязчивой идеи и пустив его мысль в новом направлении. Потом он подошел к турникету и, делая вид, что сообразил, как можно легко преодолеть его, поднял мальчика и опустил на другой стороне. А сам быстро перебежал к соседнему, но Дзин за его спиной жалобно заплакал — он почувствовал себя одинокой душой, маковым зернышком, брошенным в этом злом, огромном мире. Исана еще стремительнее понесся к металлическому коридору и стал безуспешно пытаться просунуть в отверстие монету, пролезть через турникет — у него было чувство, будто за его спиной слышится его собственный отчаянный плач. Хотя между ним и сыном стоял преградой лишь турникет безлюд-

ного входа в парк, собственное существование показалось ему таким эфемерным, таким неустойчивым, будто единственной опорой в жизни ему мог служить умственно отсталый ребенок.

Наконец Исана нашел турникет, в который ему удалось опустить монету, и, встав на колени, прижал к себе дрожащего от страха ребенка, будто хотел, чтобы мягкое, теплое тельце сына вернуло ему душевный покой. В стороне на почтительном расстоянии от них стоял служитель парка. Почему кричит этот пожилой служитель да еще таким голосом, что волосы дыбом встают? Чего доброго мелкие звери в парке еще аппетита лишатся! — хотел сказать Исана. Но когда их взгляды встретились, служитель лишь робко предупредил:

— Парк уже закрыт. Увидеть сейчас чучела чудовищ все равно не удастся. Да и аттракционы уже не работают...

— Но мы приехали издалека, — сказал Исана и, продолжая обнимать сына, стал внимательно осматривать парк.

В погружающемся в сумерки парке не видно было ни одного посетителя, на огромной площадке беспомощно повисли прикрепленные тросами к высокому металлическому столбу самолеты и клетки, которые под действием центробежной силы, рожденной вращением, должны были взлетать вверх. Рельсы американских гор казались висящим в воздухе причудливым скелетом. И лишь выкрашенные в красный цвет бесплатные качели да зеленая листва, чуть прикрывающая ветви искривленных деревьев, выглядели живыми. Музыка в парке уже давно умолкла.

— Раз уж вы приехали издалека, можете, пожалуй, обойти парк. Пока рабочие не закончат уборку аттракционов и не уйдут, выход будет открыт, — сказал служитель Исана, который по-прежнему стоял на коленях и оглядывался вокруг.

Исана и Дзин не остановились у пруда с водоплавающими птицами, где стоял тяжелый запах разлагающихся моллюсков. Они не остановились у вольера с коварным, всегда готовым напасть злобным горным козлом, тощей свиньей и обессиленным зайцем. Они не остановились и у клетки с одинокой взъерошенной обезьяной, которая всем своим видом напоминала, что на воле обезьяны живут стаями. Исана с сыном шли так торопливо, что даже жирные голуби, уже не обращающие никакого внимания на посетителей, в панике разлетались. Сидевшие в отдалении голуби смотрели в одну сторону. Исана обратил внимание, что и водоплавающие птицы, и обезьяна, и все остальные животные повернулись в одну и ту же сторону, в сторону заходящего солнца. Исана показалось, что эти животные всеми

силами хотят предупредить его о чем-то, но они с сыном продолжали идти, не останавливаясь.

Наконец Исана и Дзин остановились у клеток со зверями, хотя и не собирались смотреть на тех, кто пойман и обречен на неволю. Исана с утра до вечера наблюдал за деревьями, а сын, поглощенный слушанием записанных на пленку голосов птиц, проводил целые дни как бы наблюдая за птицами, — в общем, нельзя сказать, что они были равнодушны к тому, что их окружало. Из-за трепанации черепа, которую ему сделали вскоре после рождения, Дзин плохо видел правым глазом и, кроме того, привык жить взаперти, поэтому не научился видеть предметы в перспективе. Например, когда в углу клетки показался барсук, каждым своим движением демонстрируя, как ему ненавистно все вокруг, Дзин продолжал неотрывно смотреть на металлические прутья, и было непонятно, заметил он самого барсука или нет. Да и как объяснить обладающему слабым зрением и к тому же умственно отсталому ребенку, что представляет собой барсук, которого он видит первый раз в жизни? Исана должен был постоянно помнить о том, что изображение Дзина крайне ограничено.

Исана и Дзин вышли на площадку с аттракционами. Перед ними, занимая площадь примерно в пятьдесят квадратных метров, высился огромный помост, на котором стояли так называемые волшебные чашки. Толпившиеся вокруг помоста подростки как по команде повернулись к Исана и Дзину и стали наблюдать за ними. По мере их приближения подростки, все вместе, кроме одного щуплого мальчишки, как откатывающаяся от берега волна, стали отступать к глицинии, скрывавшей общественную уборную. Исана сразу же обратил внимание, как, не сговариваясь, организовано они отступают. Он почувствовал, что они с Дзином невольно замедляют шаги, подходя к помосту с волшебными чашками. Из чувства самосохранения он, разумеется, не стал внимательно разглядывать находившихся у него за спиной подростков. И продолжал идти вперед как человек, завороченный видом волшебных чашек, но ребенок упирался, и его приходилось волочить, как мешок с песком, и они двигались все медленнее и медленнее.

Подросток, который не присоединился к остальным, вошел в находившееся на помосте помещение, где был расположен мотор. Он лишь мельком взглянул на приятелей, которые удалялись, делая вид, будто даже не знакомы с ним. Однако в его взгляде явственно проглядывала неприязнь к друзьям, бросившим его на произвол судьбы. Мальчишка включил мотор, не

обращая внимания на Исана и его сына, замерших в перешительности. Потом, демонстрируя профессиональное мастерство в обращении с этими сюрреалистическими предметами, начал извиваться вместе с пришедшими в движение волшебными чашками.

Волшебные чашки — огромные чайные чашки, предельно неустойчивые, двигаясь в соответствии с законами механики на помосте по невероятным орбитам, одновременно вращались вокруг собственной оси, и это их вращение порождало все новые головокружительно сложные перемещения по помосту — они то мчались навстречу друг другу, то разлетались в противоположные стороны. А тут еще прихоть мальчишки — был ли он механиком, или его просто наняли для уборки, — забравшегося в чашку, так что видна была лишь его макушка, заставили ее вращаться самым немислимым образом. Дело в том, что чашка снабжена рулем, и, орудуя им, можно придать ей еще более стремительное вращение. Чашка вращалась, сталкиваясь с остальными, разметая их. Наконец время сеанса истекло, чашки замедлили бег, а потом совсем остановились, и только чашка, в которой сидел подросток, продолжала вращаться. Но вот и она остановилась рядом с тем местом, где стоял Исана с сыном, вылезший из нее мальчишка, потеряв ориентацию, начал мотать головой, чтобы прийти в себя, потом, беспомощно и осуждающе посмотрев на своих приятелей, точно ища у них поддержки, неожиданно встал на четвереньки, и его вырвало. Это зрелище почему-то встревожило Исана, а раздавшийся откуда-то снизу смех показался угрожающим. Невероятно, но это смеялся Дзин. Стоявший на четвереньках подросток, сильно вытянув вперед шею, как игрушечный тигр из папье-маше с качающейся головой, злобно посмотрел на Дзина. Его глаза в линзах заволакивающих их слез казались непропорционально огромными, как глаза малька, и в то же время нежно-влажными, привлекательными. Мальчишка оторвал от помоста правую руку и вытер рот — рукав выцветшей полосатой рубашки задрался, и показалось забитованное запястье.

Позже, когда мальчишка вытер слезы, его глаза, принявшие свой обычный вид, сверкнули мрачной злобой. Дзин больше не смеялся. Исана, точно отброшенный злобным взглядом подростка, отвернулся. Неожиданно для себя он обнаружил странное обстоятельство. Мальчишки, собравшись у общественной уборной, образовали кольцо, загон, в котором был лишь один выход — в сторону уборной. Парень, стоявший в глубине загона, неотрывно смотрел в сторону Исана, остальные

сосредоточенно разглядывали западную часть неба. И те, кто был заперт в клетках, и те, кто остался в парке работать сверхуроч о, и эта неизвестно что собой представляющая компания, и даже голуби — все, точно сговорившись, неотрывно смотрели на запад. Плечи и спины подростков были напряжены, казалось, они ждут добычу, которая должна п пасть в их загон.

Исана испытал трепет, какой испытывает лягушка под злобным взглядом змеи. По спине пробежал холодок страха. Он здесь с ребенком и поэтому не посмеет оказать сопротивление, но это хулиганье, вероятно, избыет не только его, не оказывающего сопротивления, но и ребенка. Исана представил себе, как легко его завлечь в ловушку, устроенную хулиганами. Не похоже, что Дзину уже нужно в уборную, но не исключено, что в любую минуту он, гордый тем, что вышел наконец из дому, заявит: Дзин хочет пи-пи.

И тогда у Исана останется лишь один выход — сделать несколько шагов в сторону уборной, а потом, подхватив на руки плачущего ребенка, броситься в сторону. Нет, загон, устроенный подростками, доходит до самой уборной, закрытой живой изгородью глицинии, так что уйти от них, пока они сами не отпустят его с сыном, предварительно повалив на мокрый, загаженный пол и избив, будет невозможно. Исана живо парисовал в своем воображении, как он валяется на бетонном полу, а это хулиганье пинает его ногами, обыскивает карманы, дотрагиваясь до него кончиками пальцев, чтобы не испачкаться. Если он и не подойдет прямо тут, как собака, избитый и истерзанный, то еще долго не сможет пошевелить ни рукой, ни ногой. В уборной, уткнувшись носом и щекой в бетонный пол, лежит тело тяжелее собственного веса, тело потерявшего сознание человека. Перепуганный Дзин с бешеной быстротой все глубже втягивается в водоворот т страха, постичь причину которого он не в состоянии. Стоило Исана представить себе страх, который охватит ребенка, как новый прилив страха, точно он и ребенок представляли собой одно целое, подтолкнул к горлу что-то кислое, папоминающее желудочный сок, появилась резь в глазах. Мчись, мчись вперед, прижимая в груди ребенка, как мать. Если ребенка испугает топот бегущих сзади, кричи вместе с ним. Так подсказывал ему инстинкт.

Мальчишка на помосте с волшебными чашками поднялся с пола, его джинсы вздулись на коленях, чуть наклонился и стал подошвой размазывать рвоту; руку с забинтованным запястьем он отвел назад. Потом с комическим высокомерием посмотрел

на Исана. Как будто это Исана с сыном только что стояли на четвереньках и их рвало. Выражение его лица, в котором смешались насмешка и напускная суровость, придавало ему детскую прелесть. Точно такое же выражение было и на худом лице парня, внимательно следившего за Исана из загона, он чувствовал, что такое же выражение было и на невидимых ему лицах всех остальных подростков, стоявших к Исана спиной. Ему казалось, что сюда, перекатываясь, точно рябь на море, доносятся их насмешливые голоса. Им овладел отчаянный гнев. Как индийский носорог, окруженный кольцом охотников, беззащитный и вооруженный лишь острым рогом, сотрясая топотом землю, прорывает кольцо, ведомый лишь негодованием, кипящим в его крохотном мозгу, заключенном в огромной голове, так и Исана, крепко взяв Дзина за руку, пошел к загону. Пошел туда в насмешку над бессмысленным насилием, которому может подвергнуться он с сыном, чувствуя, что уже внутренне созрел, чтобы отбросить пассивность и направить накопившийся в нем charge* против этих подростков, готовых совершить насилие.

Когда Исана миновал проход в загоне и пошел вперед не останавливаясь, он услышал, как парень, за которым он наблюдал краем глаза и который потом исчез из его поля зрения, дав зверю свободно пройти (если следовать ощущениям Исана — дав пройти заряженному гневом носорогу), сказал, будто главный загонщик, громко и нагло подающий знак своим товарищам:

— Это тот псих, который заперся в своем блиндаже...

Исана, ведя за руку Дзина, миновал цепь людей, устроивших загон, поднырнул под темную глицинию и вошел в еще более темную уборную. Дзин, ощупью пробираясь в темноте, стал подавать сигналы бедствия: ой, ой, ой. Исана взял его на руки и помог справиться нужду, потом сделал это сам.

Когда они выходили из уборной, устроившие загон куда-то попрятались, только мальчишка на помосте с волшебными чашками лениво работал шваброй. Смеркалось, и лишь листья на деревьях радовали свежей зеленью. Голова мальчишки выглядела охоткой потемневшей соломы. В сгущающихся сумерках его освещало мерцание непрерывно вспыхивающих багровых бликов. Посмотрев на западную часть неба, как это делали голуби и обезьяны, как это делали подростки, выстроившие живую стену, Исана увидел, что у нижней кромки готовых про-

---

* Заряд (англ.).

литься дождем туч протянулась тонкая золотая полоска. Солнце зашло, и он с сыном направился к выходу; мальчишка, убравший помост, со шваброй на плече тоже растаял во тьме.

Свирепый сухой ветер намел вокруг убежища лепестки последних в этом сезоне цветов, огромные горы лепестков вишни. Если эти хулиганы укрылись в заболоченной низине или еще где-то и наблюдают за убежищем, то, наверно, смеются над ним. Украсил, мол, свое бетонное чудовище дурацкими розовыми лепестками, представил себе их насмешки Исана. Правда, если они спрятались так недалеко, что способны рассмотреть лепестки вишни у стены убежища, то с помощью мощного бинокля из любой бойницы преследователей можно легко обнаружить. Исана осматривал заболоченную низину, готовя себя к тому, чтобы, не дрогнув, встретить неожиданное появление в окулярах подростков, если вдруг увидит, как они, широко раскрывая рты, хохочут, высмеивая его. Но Исана никак не мог высмотреть их в бинокль; и в то же время не мог убедиться в том, что они не прячутся где-то поблизости, поэтому и в нем самом, как и снаружи, за бойницами, тем же свирепым сухим ветром бушевала тревога.

Но Исана не мог до бесконечности сидеть в своем убежище, предаваясь раздражению. Ему необходимо было время от времени выпрашивать очередную подачку у тех, кто обеспечивал существование его и Дзина. В такие дни он на случай, если отключат электричество, устанавливал в их общей спальне на третьем этаже магнитофон, переключающийся на батареи, — стоит только вынуть штепсель из розетки. Это легко может сделать и ребенок, знай он только, где находится розетка. Потом вставлял в магнитофон бесконечную ленту, на которой были записаны голоса птиц. В углу комнаты приготавливал плоскую, устойчивую чашку с водой и блюдец — даже если случайно толкнуть их ногой, вода на пол не прольется. Кроме того, наливал еще воды в бутылку с соской, с которой Дзин не расставался большую часть своей жизни. Он убирал подальше ножи, пожницы и вообще все, чем можно порезаться; чтобы ребенок не захлебнулся, накрывал унитаз тяжелой металлической сеткой. Чтобы не задохся, всунув куда-нибудь голову, Исана выбрасывал все полиэтиленовые пакеты и прорезал дырки в бумажных мешках с печеньем. Пугала его и возможность того, что ребенку подвернется под руку какая-нибудь бутылка с моющим средством и он выпьет содержимое. Поэтому, уходя

из убежища, делал на них заметки, чтобы по возвращении быть уверенным, что ничего страшного не произошло.

Уход из дому был связан с определенным ритуалом. На этот раз тоже Исана подождал, пока ребенок по собственному выбору не усядется на самое удобное для него место — на кровати или на полу, на подушке. Потом включил магнитофон. Голоса птиц постепенно замкнули сознание ребенка. Дзин стал похож на маленького зверька, погрузившегося в зимнюю спячку. Исана, пятясь, вышел из комнаты, крадучись спустился по винтовой лестнице и покинул убежище...

...Пока он находился вне дома, им все сильнее овладевало чувство, что случилась беда, что в запертом бетонном ящике, несомненно, произошла катастрофа. Он не мог решиться вставить ключ в замочную скважину входной двери. Опустившись на колени на полузасохшие лепестки вишни, осыпавшиеся у самой двери, он приложил ухо к замочной скважине. Послышались, хотя и очень тихо, голоса птиц, записанные на бесконечную ленту. Это его сразу же успокоило. Будто, если магнитофон продолжает воспроизводить голоса птиц, значит, Дзин по-прежнему сидит спокойно и не свернул себе шею, сорвавшись с винтовой лестницы, не задохнулся, всунув голову в полиэтиленовый пакет, не сжег себе горло, выпив моющее средство, не захлебнулся в унитазе. Успокоившись, он вошел в убежище. На магнитной ленте заливался козодой. В темноте прихожей, точно легким прикосновением поглаживая виски, заливался козодой, заливался, все удаляясь и удаляясь. Умиротворенный жизнерадостным пением птицы, Дзин, обычно растерянно улыбаясь, говорил:

— Это козодой. И это тоже козодой.

Но сейчас голоса Дзина не было слышно, и только когда Исана поднялся по винтовой лестнице наверх, он увидел ребенка, который спал под кроватью, устроившись между двумя желтыми пластмассовыми ведрами. Исана некоторое время с изумлением смотрел на подошвы ног сына, посиневшие от засохшего и окислившегося на них крахмала. Потом, не снимая пальто, в изнеможении улеся, поджав ноги, на кровати Дзина и стал слушать птичий хор, в котором солировал дрозд. Задремав, в коротком, как кровать, на которой он лежал, сне, Исана увидел в неизвестно откуда лившемся мерцающем свете Дзина, которому стало уже тридцать пять лет. Это мерцание, сопровождавшееся голосами птиц, записанными на магнитной

ленте, осветило его сына, и слабое тепло, излучаемое мерцанием, согревало лицо Исана. Но сон был ужасный, в нем избивали Дзина. У Дзина, хотя он и вырос, остались по-детски покаты плечи. Огромная голова, составлявшая чуть ли не треть его роста, и рыхлая полнота тоже остались детскими, щеки расширились книзу и, закрывая ворот свитера, свисали на грудь. Этого тихого и безобидного повзрослевшего Дзина избивал жилистый полицейский, и тот, безуспешно пытаясь вырваться из его рук, издавал записанные с помощью гидромикrofона крики кита: *йе, йе, йей, йей*.

Сын, не понимая, за что его избивают, не мог придумать, каким образом избавиться от полицейского и испытывая невероятные страдания, безропотно отвечал на осыпавшие его склоненную голову удары лишь жалобными криками: *йе, йе, йей, йей*. Проснувшись от криков кита, которые издавал он сам, испытывая такое одиночество, такую беспомощность, что никак не мог совладать с наполнившими его глаза слезами, Исана лежал, поджав ноги, беспрерывно ворочаясь с боку на бок. Приподнявшись на постели и опустив ноги на холодный пол, он подумал, что нужно бы научить Дзина, чтобы он, если его будут бить, не страдал безропотно, а, зарядившись гневом, бросался в ответную атаку или хотя бы уклонялся от ударов нападающего. К тому времени, к которому относился сон, отец тридцатипятилетнего Дзина, то есть сам Исана, уже умер. Вот почему он, уже мертвый, сознавая свое полное бессилие, поджав ноги, ворочался с боку на бок и плакал, издавая крики: *йе, йе, йей, йей*.

Но удастся ли еще живому Исана преподать сыну урок: что ему следует делать в случае нападения на него? Может быть, обмотать голову черной тряпкой, а оставшиеся не закрытыми места выкрасить в красный цвет и наброситься на Дзина в темноте у винтовой лестницы? А вдруг Дзин, обладающий прекрасным обонянием, осязанием и слухом, поймет, что нападает на него перерядившийся отец? Он лишь подумает, что по какой-то необъяснимой причине отец, обмотавший голову черной тряпкой и выкрасивший незакрытые места в красный цвет, устроил ему засаду и почему-то избил. Новый приступ страха заставил Исана заглянуть под кровать — вид спящего сына вселил в него бодрость и покой, как это обычно бывало...

Чувствуя, что Дзин уже, наверно, проснулся, Исана снова заглянул под кровать. Заглянул под таким углом, чтобы при том освещении, которое было в комнате, Дзин мог сразу узнать его. Ребенок проснулся спокойно, и в его глазах — и в том, ко-

торый видел слабо, и в здоровом тоже — засветилась тихая радость оттого, что он узнал отца. В его глазах, переливавшихся радужным блеском, как внутренность раковины, появилась взрослая улыбка.

— Сэндайский насекомоед, — сказал он в ответ на голос, слышавшийся из магнитофона, и сладко зевнул. В душе Исана бесчисленными пузырьками всплыла радость. Он наконец снял пальто, взял на руки теплое после сна Дзина и, крепко прижав его к себе и как бы убедившись одновременно, что и его собственное тело тоже живет, стал спускаться по лестнице.

— Сварим сейчас макароны, а потом я тебе расскажу, что сегодня произошло, — повторил Исана несколько раз, и Дзин наконец согласился.

— Свари макароны, а потом расскажи.

Исана, как всякий мужчина, живущий затворником и не привыкший есть в компании, быстро проглотил макароны, сдобренные маслом и сыром, и выпил несколько чашек воды. Дзин же ел спокойно и размеренно, весь отдавшись еде, смаковал ее, устремив взор в потолок, и, пребывая в какой-то прострации, утратил способность совершать движения, кроме движения руки, отправляющей в рот очередную порцию макарон. Исана любовался сыном. Потом, видя, что ребенок съел все до последней крошки и продолжает неотрывно смотреть в тарелку в надежде найти прилипший к ней кусочек, пододвинул ему коробочку тянучек, которую купил вместе с другими коробками продуктов и овощей, заготовляя их про запас. Деньги для этого он добыл, когда выходил сегодня из дому. Дзин долго пытался сам открыть коробочку с тянучками и, когда ему это удалось, радостно протянул крышку Исана, но, раньше чем начать есть, внимательно осмотрел аккуратно разложенные в коробочке конфеты. Исана посмотрел на этикетку, воспроизводящую старую гравюру. На огромной рыбе плывет по волнам бог, играя на арфе. Это изображение Ариона на спине дельфина, играющего на арфе, было в коллекции Исана, посвященной китам. Исана смотрел на животное, относящееся к семейству китовых, с не меньшим восхищением, чем Дзин на свои тянучки. Потом, обратившись к Дзину, прочел длинную лекцию, страстно желая, чтобы души деревьев и души китов незримо при сем присутствовали:

«Едва только переступив порог больницы, в комнате ожидания, где находились посетители, пришедшие проведать больных, я сразу же увидел полицейского в штатском. Возможно, кроме него были и другие. Но мне вполне достаточно, что я

увидел одного. Стоя у телефона-автомата, я услышал, как молодая женщина, которая то ли пришла кого-то проведать, то ли находилась здесь, чтобы ухаживать за больным, и хотела поговорить с кем-то, чтобы больной не услышал, называла имя больного и номер палаты — я запомнил. Через некоторое время я сказал ей, что работаю в газете, и спросил, на каком этаже специальная палата. Если речь идет о политическом деятеле, то на пятом, восточное крыло, объяснила она мне.

Зачем я запомнил номер палаты, в которой лежал больной, не имеющий ко мне никакого отношения? Это была просто предосторожность на случай, если полицейский в штатском, стоящий у лифта, спросит, к кому я иду. Но мои опасения оказались напрасными. Я преспокойно поднялся на пятый этаж. Правда, когда я вышел из лифта, то увидел в восточном крыле коридора еще одного полицейского, стоявшего у дверей самой дальней палаты с таким видом, будто он оказался здесь случайно; этот был уже в форме. Что же делаю я? Вхожу в уборную, сажусь на унитаз, не поднимая крышки, и спокойно жду, когда и полицейский придет сюда по нужде. Я сразу же узнал его шаги. Действительно, стуча подкованными ботинками и отдуваясь тяжело, как бык, вошел полицейский. Запершись в соседней кабине, он чем-то шуршал, а потом издал громкий звук. Несколько секунд я сдерживался, но все же прыснул. Выйдя из уборной, я направился в палату, которую теперь никто не охранял. Когда я вошел, секретарь, разумеется, вскочил и бросился ко мне. Но я тут же увидел сраженного раком властителя мира политики, который, сидя на кровати, как будто глянул в мою сторону. Я увидел твоего деда. Подтянув к себе деревянный кронштейн, прикрепленный к спинке кровати, он разглядывал себя в висевшем на нем зеркальце. Он действительно ужасно похудел. Его сморщенная голова теперь была похожа на совершенной формы шар, самой широкой частью которого были виски, откуда он мягко сходил на нет к макушке и подбородку. Мне показалось, что он думает успокоенно: да, именно это моя настоящая голова.

Когда я служил у этого человека личным секретарем, он был очень полный, и заплывшие жиром лицо и затылок нарушали идеальную форму шара — это его ужасно раздражало. Только потому, что голова его лишилась идеальной формы шара, он считал свою полноту безобразной. Я пробовал говорить, что полнота его совсем не безобразна, а он не то чтобы возмущался, но возражал, и при этом рисовал свою голову, какой она была в студенческие годы. Череп, туго обтянутый

кожей — ни жиринки, — круглый, как арбуз. Сейчас его голова снова приняла идеальную форму шара. Разглядывая в зеркало свою голову, он, наверно, хотел убедиться, что полость рта, напоминающая маленький черный шарик, хорошо гармонирует с головой, имеющей идеальную форму шара. Не зря же он мельком глянул на меня, непрошеного гостя, широко открыв рот и продолжая держать перед собой зеркало. Мне даже показалось, что в этой темной круглой яме я увидел раковую опухоль, поразившую его горло. Было ощущение, будто оттуда вырываются вонь и мириады вирусов рака. Мне хотелось крикнуть этому старику с головой, имеющей идеальную форму шара: в своей долгой жизни бюрократа и политика вы лгали несчетное число раз, стараясь сделать так, чтобы вам поверили, и на этой удобренной ложью почве взрастили лишь жалкую травинку правды, касающейся формы вашей головы, но вам, увы, никто и никогда не верил.

Мне удалось пройти лишь половину узкого пространства между дверью и кроватью — в меня вцепился упитанный секретарь, ревностно оберегающий политика, заболевшего раком. Свет из окна освещал его спину, и он напоминал либо дрессировщика собак в длинном дрессировочном халате, либо просто мешок, набитый песком, воздух, со свистом вырывавшийся из его поздрей, тяжело пах дзинтаном* и луком. Какой же была его энергия, укрепляемая лишь с помощью дзинтана и лука, в этой жизни, отданной сидению у постели больного? Его энергии вполне хватило на то, чтобы вытолкать меня из палаты. Кроме того, он несколько раз больно ударил меня по колену, что тоже заставило меня отступить. Поэтому единственное, что мне удалось, когда меня выталкивали вон, это прокричать призыв. Прокричать, обратившись к старику, чтобы перевоспитать его! Вгони ноги в землю, как дерево! Меня с таким ожесточением толкал и пинал секретарь, что голос мой прерывался, но все равно, когда я прокричал это больному, секретарь, во всеоружии дзинтана и лука, дошел до того, что воззвал к кому-то, стоявшему у стены: Наоби-сан, разрешите избить его? При этом продолжал бить меня по колену, подлец. Холодный голос твоей матери ответил: можешь избить его как следует. И этот дзинтаново-луковый молодчик начал избивать меня по-настоящему, а в это время вернулся тот ходивший по нужде полицейский. Налетел

---

* Дзинтан — лекарство в виде мелких серебристых шариков, оказывающее тонизирующее действие.

на меня сзади и больно ударил по голове. Тут я понял, что у меня не остается времени отправить последнее, даже самое крохотное послание, и закричал: *йе, йе, йей, йей*».

— Это кит, — радостно, нараспев сказал Дзин.

Глава 3

СЛЕЖКА И УГРОЗЫ

Когда человек, впоследствии назвавшийся Ооки Исана и имевший настоящее имя, записанное в книге регистрации актов гражданского состояния, просыпался, то, пока освобождались от сна лишь руки и ноги, а сознание и желудок еще были погружены в дремоту, он временами испытывал глубокую опустошенность вынутого из петли самоубийцы. Впервые это случилось однажды утром. Во время сна в его продолжавшем бодрствовать сознании сохранялось воспоминание о том, как вечером он точил кухонный нож по просьбе жены — они еще жили вместе — и во сне пробовал самые разные способы покончить с собой. Он решил, что лучше всего перерезать себе горло, и эта картина отчетливо запечатлелась в его мозгу. На рассвете, проснувшись в своей холодной кровати, он, точно ящерица, осторожно поднял голову, нащупал босыми ногами пол и напрямик направился в кухню. Но шум работающего холодильника помимо его воли послужил тормозом для тела. Достав из холодильника жирный кусок свинины на ребрышках, целиком зажаренный в духовке, он рвал его зубами, искоса поглядывая на три аккуратно висящих кухонных ножа, поблескивающих в расветной мгле. Держа ребрышко обеими руками и вложив его в рот, как вкладывают карманное зеркальце, чтобы рассмотреть зубы, он отгрызал мясо кусок за куском. Насытившись, Исана вновь пробудил в себе инстинкт самосохранения...

Хотя тогда он и упустил момент, чтобы дать выход полнейшей опустошенности, испытываемой обычно на рассвете, ему казалось чистой случайностью, что в утренней газете не было статьи о его смерти или о том, что *отказывающийся жить ребенок в конце концов умер*. Отказывающимся жить ребенком был Дзин. Почему Дзин дошел до состояния безысходности — неизвестно, но ребенок явно отказывался жить, и те, кто внимательно наблюдал за ним, установить ничего не смогли. Когда Исана впервые обратил на это внимание, и они с женой, к стыду своему, должны были признать, что ничем иным, как дурной болезнью, которой оба когда-то страдали, объяснить это

невозможно, положение ребенка было уже критическим. Он активно отказывался жить, и это состояние стало для него обычным.

Поскольку Дзин был еще слишком мал, чтобы сознательно относиться к своему организму как к чему-то враждебному, то вряд ли он специально истязал свое сопротивляющееся страданиям тело. Однажды зимним утром жена увидела, что в ванне, вода в которой уже почти остыла, сидит Дзин, весь посиневший и покрытый гусиной кожей. Он заболел воспалением легких и долго не поправлялся. Он так долго не мог выздороветь потому, что жидкая пища, которой его кормили, не успев достигнуть желудка, сразу же извергалась обратно. Казалось, что еда, направлявшаяся в желудок, встречала на своем пути бесчисленные барьеры, а в обратном направлении проходила беспрепятственно. Все, кто пытался накормить Дзина, приходили в отчаяние. Они приходили в отчаяние не только потому, что их труды пропадали даром, но и потому, что Дзин явно испытывал отвращение к самому себе, к своей физиологической организации. Можно было предположить, что Дзин встал с постели и влез в ванну потому, что вечернее купание ему очень понравилось и он захотел снова испытать подобное удовольствие. Но это было смехотворное объяснение, оно годилось лишь для домашних, но не для посторонних, и они с женой старались никогда ни с кем об этом не заговаривать, хотя Дзин действительно обожал принимать ванну.

Исана и его жена с грустью сознавали, что случившееся свидетельствует о ненормальности ребенка, и старались по возможности не думать об этом. Но забыть не удавалось — стоило лишь посмотреть на оправившегося после болезни подростка Дзина: мальчик весь ссохся и, хотя казалось, что он вернулся к жизни вполне нормального ребенка, начал вдруг падать на пол, причем совершенно безропотно ударялся лицом, никак не пытаясь предостеречься от ушибов. Так повторялось по нескольку раз на день. Тем, кто смотрел со стороны, эти ужасные падения доказывали, что жизненные силы ребенка иссякают; все лицо мальчика бывало перепачкано кровью, шедшей из носа, а на ушах и переносице образовались кровотокающие раны. Исана с женой обращались к специалистам. С помощью рентгена поставили диагноз — рахит. Даже глаз неспециалиста мог увидеть на снимке, насколько кости искривлены. Для регулярного лечения отец жены прислал массажиста. Но в первый же день массажист сломал мальчику голень. Оправдываясь, он жаловался потом, что ребенок совсем не реагирует

вал на боль, и поспешно покинул дом с видом человека, столкнувшегося с маленьким чудовищем; больше он у них не показывался.

В конце концов Исана и его жене пришлось поместить Дзина в манеж с резиновыми загородками, а когда его вынимали оттуда, поддерживать за ножки, чтобы уберечь от бесконечно повторяющихся падений. Манеж был устлан мягкой резиной, которую используют при упаковке произведений искусства, резина эта имела отвратительный запах и так пружинила, что Дзин с трудом поднимался, чтобы тут же снова упасть,— это было ужасное зрелище. И человеку, увидевшему, как ребенок без конца падает на мягком резиновом полу, нисколько не заботясь о том, чтобы уберечься от ушибов, сразу же приходила в голову мысль, что ребенок, ничего общего с обычным ребенком не имеющий, пытается убить себя.

Кончилось тем, что не только Дзин, но и Исана без всякой видимой причины стал падать, больно ударяясь об пол. А однажды, разговаривая с приятелем, Исана все время бил себя по виску и, лишь прочитав в глазах приятеля ужас, глянул на свои ногти — они были в крови,— видно, он расцарапал кожу. Поправившись после воспаления легких, Дзин начал отказываться от еды, и Исана тоже долгое время мучила рвота, и однажды во сне он понял, что ничего произрастающего на поверхности земли не может вводить в свой организм. Они с Дзином научились обходиться минимальным количеством пищи и подслащенной водой. Разумеется, Исана пришлось оставить работу. Между отцом, который сидел, опершись на резиновую загородку манежа, поставив между ног кувшин с подслащенной водой, и сыном внутри манежа, зажавшим в исхудалой ручке бутылочку с соской, стала устанавливаться телепатическая связь.

В один прекрасный день Исана сказал жене, что он с сыном должен бежать отсюда в какое-то другое место, туда, где они смогут спастись,— так жить больше невозможно. Жена, безмолвно наблюдавшая со стороны жизнь этих двух любителей подслащенной воды, видимо, перехватила их телепатические переговоры и не только не воспротивилась, но даже попросила отца, чтобы им, использовав в качестве фундамента заброшенное атомное убежище, выстроили жилье, в котором они могли бы уединиться. Потом, разумеется, возникла масса осложнений житейского характера, но в конце концов отцу и сыну, которых до завершения строительства поместили в больницу, все же удалось укрыться в убежище, и они начали уси-

ленно питаться не только подслащенной водой, но и другими продуктами. Как только они зажили по-новому, это были уже не прежние Дзин и его отец, отказывавшиеся жить. Дзин быстро приспособился к новым условиям, и, хотя было совершенно непонятно, почему он сразу же выздоровел, как только они укрылись в убежище, предназначенном для атомной войны, Исана не покидала уверенность, что он интуитивно избрал единственно верный путь излечения сына.

...Однажды утром, когда он и Дзин возвращались с покупками, Исана, взглянув на фасад убежища, обнаружил, что вокруг средней бойницы третьего этажа нарисован ярко-красный круг и рядом — огромный крест. Людям, которые будут смотреть издали, от подножья холма, эти рисунки, возможно, покажутся украшением, оживляющим безобразную бетонную громаду. Круг и крест, нарисованные сочной красной краской, не имели ни одного потека. Работа была выполнена с предельной тщательностью и явно потребовала немало времени и усилий не одного человека: кто-то рисовал большой кистью, другие, находившиеся рядом, стирали лишнюю краску.

Когда им удалось это сделать? Обутые в спортивные туфли на резине, подростки подвинулись по косогору, оттуда перебрались на крышу убежища и спустились к бойнице на веревках. Если бы Дзин не спал, то даже малейший звук за бетонной стеной не прошел бы мимо его ушей. У него поразительно тонкий слух, да и сам Исана не мог бы этого не услышать. Значит, глубокой ночью? И к тому же в новолуние? Последние два-три дня небо, правда, было чистым, но месяц только нарождался. Заставляя себя до мельчайших деталей проанализировать случившееся, Исана ясно представил себе согласованные действия тех, кто темной ночью работал кистью и кто светил карманными фонариками и стирал потеки краски. Может быть, они, укрываясь в той местности, которая просматривалась в бинокль через бойницу в стене убежища, заподозрили, что, рассматривая в бинокль деревья, он на самом деле постоянно следит за их тайником? И нарисованные ими знаки выражают протест? В поле зрения, открывавшемся из бойницы, вокруг которой был нарисован круг, попадала находившаяся поодаль от заболоченной низины заброшенная киностудия, давно прекратившая съемки.

Еще в то время, когда кино как средство развлечения процветало, одна кинокомпания осушила участок заболоченной низины и выстроила киностудию. Позже кинокомпания разделила участок на три — левый продала автомобильной компании,

выпускающей новое средство развлечения, а правый вернула государству, что, видимо, было предусмотрено контрактом на осушение низины. Мелкие подразделения сил самообороны использовали его для проведения учений. Киностудия, находившаяся в центре участка, сейчас была совершенно заброшена. Если, как предполагал Исана, они укрылись в этих развалинах, то нет ничего удивительного, что, усмотрев в его бинокле опасность для себя, решили сделать ему предупреждение. Но если они расценивали действия Исана как шпионаж, они вряд ли ограничились бы простым предупреждением. Не усмотрели ли они в его наблюдениях нечто иное?

Еще в то время, когда Дзин отказывался жить, Исана консультировался с психиатром, своим однокурсником, относительно непреодолимого желания убить себя, преследующего его по утрам. Психиатр, специалист своего дела, с полной определенностью заявил, что непредпринятая попытка самоубийства — это лишь крик о помощи. А вдруг, подумал Исана, я, сам замуровавший себя, подглядывая через бойницы в бетонных стенах, взываю о помощи к бескрайнему миру? В глазах Исана мелькнула добрая улыбка — в огромном красном круге и кресте он вдруг увидел сигнал, что его крик о помощи услышан...

Дзин засвистел сквозь сжатые зубы. И сразу же налетел порыв ветра, обдавший Исана с ног до головы. Дзин, точно веточка на дереве, трепещущая от малейшего дуновения, всегда раньше других реагировал на появление ветра. Свист Дзина, имитировавший шум ветра, и сам ветер вернули Исана к действительности.

— Ладно. — Исана тоже засвистел сквозь сжатые зубы. — Нужно как-то оградить Дзина от опасности. Сейчас я и сам не знаю, чего бы мне хотелось: спровоцировать нападение подростков или получить от них помощь. Но ведь Дзин пока не взывает о помощи...

Исана, посвятивший свою жизнь защите Дзина, поднялся по косогору и вошел в убежище. Почти час он рылся в своем имуществе. Потом, дрожа от страха, что группа Красного круга и креста нападет на Дзина, оставшегося в убежище, задыхаясь мчался на велосипеде, чтобы купить в хозяйственном магазине у вокзала банку зеленой краски и большую кисть. Всеми необходимыми материалами он себя обеспечил, теперь нужно было начать физическую тренировку. Он замыслил явную авантюру, забыв, насколько ослабло его тело от долгого затворничества в убежище. И потом, трудно даже представить

себе, до чего смешно им будет наблюдать, как он болтается на веревке, спущенной с крыши. А после еще выйдут из своего укрытия и чего доброго, обмакнув кисть в зеленую краску, проведут ею по заду болтающегося в воздухе Исана. Чтобы испытать, на что способны его воля и тело, он привязал к перилам винтовой лестницы веревку, опустил ее в подвал, а сам встал на настоящую землю четырехугольного отверстия, проделанного в бетоне. Потом, глухо стукаясь о стены, начал взбираться по веревке вверх.

Добравшись до площадки второго этажа и повалившись на нее, как тюлень, он удовлетворенно перевел дыхание. Он убедился, что еще и сейчас руки у него крепкие, и в его закрытых глазах, в которых пульсирующая от физического напряжения кровь рисовала причудливые узоры, всплыл и тот рисунок, который он собирался изобразить на стене. Дзина не только не испугали странные физические упражнения отца, но он радостно воспринял их как новую игру.

Исана вынес из столовой маленький стульчик, поставил его под вишней и усадил Дзипа. Затем с площадки поднялся на крышу, обвязался веревкой, другой конец которой был прикреплен к столбу для сушки белья, и подошел к краю крыши. В листьях вишни за Дзином были видны нахально выставленные напоказ спины птиц, налетевших на дерево, подобно вихрю. Ребенок сидел смирно. Наверно, прислушивается к птичьему пересвисту. Суста птиц далеко внизу казалась безумно глупой. Точно прицеливаясь, он смотрел на видневшиеся вдали за низиной полуразвалившиеся строения киностудии. Видимо, подростки прячутся именно там, и если у них есть такой же сильный бинокль, как у него, то он должен проявить мужество, чтобы с достоинством выдержать их обостренный биноклем взгляд. Решительно повернувшись спиной к тем, кто прятался в киностудии, и к Дзину, сидевшему под вишней, он, держа в руке банку с краской, в которой торчала кисть, стал спускаться вдоль стены убежища. Крепко вцепившись в веревку, он встал обеими ногами на бетонный карниз крыши и сильно откинулся назад. Исана понимал, что, не прижавшись вплотную к отвесной стене, он не сможет сохранить равновесия, и поэтому, прильнув к нарисованному на ней ярко-красному кресту, точно распыл себя на нем, касаясь щекой оставшихся на стене красных капель краски.

Втянув живот и выгнув спину, Исана поместил в образовавшуюся выемку банку с краской, придерживая ее одной рукой, а другой вытащил кисть. Вытянув руку, он нарисовал две со-

сдвигаются концами дуги, между ними — закрашенный круг. Посмотреть под нужным углом на то, что у него получилось, сохраняя при этом равновесие, было невозможно, и он удовлетворился тем, что еще раз жирно обвел линии. Поставив на край крыши банку с краской и положив в нее кисть, Исана, подтягиваясь на веревке, забрался туда сам и глянул вниз. Прижав ладони к глазу, на него смотрел по-прежнему смиренно сидевший на стуле Дзин, казавшийся с крыши не больше макового зернышка. Да, действительно, глаз! — промолвил Исана, поняв смысл того, что показывает ему сын. К кругу и кресту, нарисованным подростками на стене убежища, Исана пририсовал огромный зеленый глаз. Пока Исана спускался с крыши, оттуда, где он нарисовал зрачок и уголок глаза, на стену пролилось несколько капель зеленой краски, и глаз выглядел плачущим. Теперь становилась понятной и поза Дзина — он прижимал ладони к глазу, чтобы стереть слезу.

Исана и сам не мог бы толком объяснить, какой смысл вкладывал он в нарисованный им глаз. Но тем не менее внешний мир реагировал на него предельно остро. Реакция была материализована в камне, пущенном из рогатки. В тот же день вечером в толстое стекло бойницы убежища с властным стуком ударил камень — не настолько сильно, чтобы разбить его, но звук был достаточно определенный, чтобы не спутать его с каким-либо другим. Исана как раз варил дежурное блюдо Дзина — макароны и, чтобы ребенок не испугался, продолжал опускать их в кипяток, как будто ничего не произошло. Потом, когда макароны были готовы, Исана, окутавшись паром, слил через дуршлаг воду. Дзин нетерпеливо ждал, скрытый облаком пара. Исана положил в кастрюлю масло и с силой стал перемешивать макароны, неподатливые, как тянучка. Его энергичные действия подбодрили Дзина. Когда Исана, положив макароны в две большие тарелки, поставил их на стол, служивший им обеденным, а ему самому к тому же еще и письменным, Дзин, опередив его, уже сидел на стуле с вилкой в руке и с силой, весь напрягшись, тряс баночку с тертым сыром, посыпая макароны.

С биноклем на ремне, протиснувшись в узкую щель за спиной Дзина, Исана с напускным спокойствием вышел из ком-

наты и, как конькобежец, берущий старт, выбрасывая носки в стороны, взбежал по лестнице на третий этаж. Он сразу же обнаружил первого лазутчика. Им была девчонка. Возможно, ее использовали как приманку. Она сидела в метре от яйцевидной тени, которую отбрасывала кажущаяся черной вишня, вокруг ее головы нимбом сверкали рыжеватые волосы. Уселась на стул, на котором только что сидел Дзин; Исана забыл внести его в дом. Девчонка сидела неподвижно, слегка вздернув голову и неотрывно глядя на вход в убежище. Стул девчонка оттащила подальше от тени, отбрасываемой вишней, чтобы подчеркнуть свое присутствие. В поисках засады Исана осматривал окрестности, будто чертил глазами вокруг вишни и лазутчицы все расширяющиеся спиральные круги. Чертил в поисках снайпера, выстрелившего из рогатки в бойницу убежища. Но на неровной низине, уже довольно густо поросшей молодой травой, никого обнаружить не удалось. Исана перевел взгляд на развалины киностудии — багряное вечернее солнце освещало ее сзади, чуть справа, поэтому обращенная к нему сторона строений была темной и обнаружить там чье-либо присутствие было невозможно.

Исана высунулся из бойницы и навел бинокль на девчонку, сидевшую на стуле, — он увидел ее так отчетливо, будто ему удалось отсрочить заход солнца по крайней мере на полчаса. В окулярах бинокля лицо ее выражало с трудом сдерживаемые враждебность и страх, как у арестанта на фотографии, сделанной помимо его воли. Нитка бисера пересекала лоб, поддерживая выкрашенные в светло-каштановый цвет завитые волосы, пылавшие вокруг ее овального личика. Все это можно было видеть и невооруженным глазом. Но бинокль позволил обнаружить удивительную привлекательность губ и глаз девчонки. Лицо худощавое, под кожей ни жиринки, и сама кожа гладкая и эластичная, будто ее продубили и снова вернули на место. Чуть выдающиеся вперед губы, казалось, специально были созданы для того, чтобы соединить края трещины, образовавшейся на этой эластичной коже. Вокруг полных, в поперечных морщинах губ тоже была припухлость. Губы были чуть приоткрыты, и между ними виднелись два передних зуба.

И еще глаза. Края век и ресницы были, видимо, подведены тушью — ресницы от этого выделялись резче, но глаз не затеняли. Лучи вечернего солнца падали на девчонку со спины, и казалось, сиреневатый свет отражается в ее глазах. И эти жгучие, чуть косящие глаза не моргая смотрели на вход в убежище.

Снова наклонившись вперед, как ковыкбежец, берущий старт на ледяной дорожке, Исана сбежал вниз по винтовой лестнице. Однако вышел он из дому медленно и спокойно направился к вишне. Еще когда он только открывал дверь, девчонка вскочила со стула и встала за ним, но не убежала. Она стояла в глубокой тени под черной густой кроной вишни, на которой не видно было ни одной птицы. Исана ясно видел ее смуглую кожу и слегка косящие жгучие глаза.

— Чего? Ну чего? — еле слышно произнесла девчонка.

— Я пришел за стулом моего сына. За стулом, на котором ты сейчас сидела, — сказал Исана.

С этими словами он взял стул и попытался назад, точно от толчка, а девчонка что-то пробормотала хриплым голосом, может быть ругала себя за смущение. Исана, правда, расслышал, что она сказала, но понять смысла ее слов не мог. Когда он, вскинув стул на плечо, повернулся и стал подниматься по косогору к оставшейся открытой входной двери, девчонка снова остановила его, громким, возбужденным голосом произнеся имя известной актрисы времен процветания кино. Тогда-то ему стал понятен смысл тех слов, которые она пробормотала раньше.

— Может, переспим в гримерной *** ?

Слова, сказанные до этого девчонкой с горящими мрачным пламенем и чуть косящими глазами, были явно обращены к Исане: *дядечка, переспите со мной хоть разок*. Склоненное вперед тело Исана — на плече он по-прежнему нес стул — стало мелко дрожать от смеха. Не успел он захлопнуть за собой дверь, как в нее ударил камень, но он, не обращая на это внимания, сел верхом на стул и, положив голову на спинку, продолжал хохотать. Рядом с ним, обняв за поясницу трясущегося от смеха отца, стоял Дзин, от него пахло тертым сыром.

Глубокой ночью Исана проснулся от топота скачущих лошадей. Ему приснилось, будто его огромное, как гора, мертвое тело (возможно, оно разрослось уже после смерти) закопано совсем не глубоко и над ним проносится табун лошадей. Во сне Исана беспокоился, что Дзина испугал топот и что он вот-вот услышит плач мальчика. Это они топали по крыше. Исана ждал, что рано или поздно они придут, и сейчас, проснувшись, понял, что они нагло ворвались в его жизнь и бесцеремонно топают по крыше!

В бешенстве, весь дрожа от возмущения, он вскочил на поги, но света зажигать не стал и замер между своей кроватью и кроватью Дзина. Нужно как-то унять скакавших у него

над головой подростков, но он прекрасно понимал, что бессилен что-либо предпринять. Вскоре после того, как Исана поселился в своем убежище, ему приснился сон. Страшный сон, будто разразилась атомная война. На крыше убежища скопилось огромная толпа людей, жаждущих спастись от атомного нападения, угрожая и требуя впустить всех в бункер. Проснувшись в ужасе, проникшем в самую глубину его мозга, еще погруженного в сон, он хотел было броситься отбивать натиск толпы на крыше, но вдруг понял, что, в бессилии мечась по кровати, он просто видит продолжение сна; бессилие и страх, сковавшие его тело, еще долго оставались раной в душе.

И на этот раз Исана не стал попусту бегать по убежищу в поисках оружия. Он просто был охвачен всепоглощающей идеей сохранить свою жизнь ради того, чтобы уберечь Дзина. К тому же сейчас Дзин действительно был напуган топотом на крыше. И начал стонать, будто от боли. Исана и сам готов был стонать, как ребенок. Не застонал он только потому, что боялся привлечь внимание мальчишек, топавших по крыше, даже света не зажигал и, крепко обняв сына, старался вселить в него бодрость, поддержать его.

Топот на крыше неожиданно прекратился. Скорее всего, они спрыгнули на одну из площадок косогора за убежищем. Исана немного успокоился, решив, что топот на крыше был не враждебным действием, направленным против него и Дзина, а операцией, призванной донести до них некое послание. Но он был не в состоянии следовать за эхом, рожденным этим посланием. Потому что Дзин от пережитого страха превратился в кусок истерзанной плоти. Нужно было отдать все силы, чтобы вернуть его к жизни.

Исана решил все оставить, как есть, до тех пор, пока он на рассвете не заберется в бункер (впрочем, произойдет это только тогда, когда Дзин оправится настолько, что его безопасно будет оставить одного), где восстановит в памяти все происшедшее и найдет ключ к пониманию и нейтрализации послания, — послания, полученного им от тех, кто топал ночью по крыше. Поручу я все это бесчисленным душам деревьев и душам китов, которые, наверно, внимательно следят за нашей с Дзином затворнической жизнью, подумал он. Дзин, свернувшись калачиком, застыл и стонал так жалобно, что любой, услышавший эти стоны, пришел бы в отчаяние. Исана, прижав к себе ребенка, протянул руку и включил магнитофон, а другой в это время растирал ему руки и ноги. Если бы начавший работать магнитофон вдруг испортился и в крохотное

светлое оконце, приоткрывшееся в сознании Дзина, полились бы раздражающие шумы, он бы опять ушел так далеко, что Исана никогда бы не смог до него добраться. Он бы взвился в страшную высь или утонул в бескрайней глубине, как мертвая рыба. Ладони Исана, прикрывавшие застывшее тело ребенка, гладившие его покрытую пупырышками кожу, со страхом ждали такого момента.

Птица пела еле слышно. Пела тихо, но как-то удивительно естественно. Исана стал постепенно усиливать звук, стараясь, однако, не исказить его. По убежищу летало крылатое чудовище, обладавшее голосом в десять раз более громким, чем голос обычной птицы. Это фазан? — спросил Исана, называя первую пришедшую ему на ум птицу, но спросил не голосом, а мускулами своего лица, прижатого к лицу Дзина. Даже если бы он кричал изо всех сил, пробиться сквозь заслон невероятно усиленного магнитофоном голоса птицы ему бы все равно не удалось. Правда, Дзину явно было не до разговоров о птицах. Исана же хотел с помощью птичьих голосов проложить тропинку, которая соединила бы его с сыном, и поэтому шептал непрерывно: это большая синица? Это черная синица? Это райская мухоловка? Это красноухая овсянка? Это седоголовая овсянка? Это дроздовидная камышовка? Это пестроголовая камышовка?

Потом Исана стал рисовать в своем воображении сознание Дзина как нечто схожее с внутренностью яйца. В скорлупе заключена жидкая кровяная сыворотка, замутненная чем-то, напоминающим белок. И в нем — сознание в виде комочка желтка. Если Дзин, как это бывает каждый раз, когда он ест макароны, ощущает покой и испытывает уверенность в себе, его сознание все разрастается и разрастается до тех пор, пока не заполнит всю внутренность скорлупы. Но достаточно поселиться в нем страху или обычной тревоге — количество темной кровяной сыворотки увеличивается и крохотное сознание Дзина тонет в ней, как жалкое зернышко. Стоило Исана подумать, что Дзин вдруг умрет с этим зернышком сознания, погруженного в страх, как его самого охватывал безграничный ужас...

В течение пяти часов Исана лежал в убежище, наполненном голосами птиц, и массировал безжизненное тельце ребенка. Но вот Дзину захотелось по малой нужде. Это был признак того, что он приходит в себя. В его застывшем, а быть может даже парализованном, теле родилось какое-то движение, пусть через ощущения, рожденные самим организмом.

Исана посадил сына на унитаз. Поддерживая его одной рукой, другой он открыл окно, выходящее на косогор за убежи-

щем,— пропитанный росой воздух свежей струей ворвался в уборную.

— Это горлица, это сойка,— точно вздохнув, тоненьким голоском произнес Дзин, узнав раздававшиеся снаружи птичьи голоса, непохожие на те, что доносились из включенного магнитофона.

Тело Дзина стало мягким, податливым. Он наконец заснул, уткнувшись головой в грудь Исана. В свете пробивающегося сквозь тучи утреннего солнца Исана увидел, как из закрытых глаз Дзина капали горячие слезы. Дзин ночью прикусил нижнюю губу, и в уголках рта застыла кровь — так бывало после анестезии, которую делал зубной врач. Посмотрев в темное зеркало сбоку от унитаза, Исана увидел, что и он прикусил нижнюю губу. Вдруг вспыхнула острая боль. Вкус, который он ощущал в течение всей долгой ночи, был не чем иным, как вкусом собственной крови. Но в то мгновение, когда Исана понял это, ему показалось, что все эти пять часов он ощущал вкус крови сына.

Исана закрыл окно уборной, выключил магнитофон и, взяв на руки мягкое, с голой попкой, тельце сына, уложил его в кровать, потом помочился сам и, укутавшись с головой, задремал. Отступая в темное бессознание, он чувствовал, как его душа устремляется за помощью в бункер, низвергается вниз, и, коснувшись у основания металлической лестницы земли, покрытой последней в этом сезоне изморозью, слышит, как души деревьев и души китов говорят ему: пока с тобой все в порядке, спи. Спи до полудня. После полудня будет новый бой.

Глава 4

БРОСАЕТ ВЫЗОВ— ПОЛУЧАЕТ ВЫЗОВ

После полудня, совершенно безоружный, если не считать Дзина, служившего ему боевым подкреплением, Исана покинул свое укрытие и отправился на поле боя. Он вынес два стула, поставил их рядом у ствола вишни лицом к заболоченной низине и стал ждать появления боевых сил подростков. Поскольку вчерашние слова девчонки были явно связаны с кинопроизводством, непосредственным объектом наблюдения Исана избрал, разумеется, полуразвалившуюся киностудию за низиной. Ее территория была окружена колючей проволокой и глухим деревянным забором, за ним виднелись, как полагается,

стационарный павильон и какие-то необычные строения. Если стать посреди небольшой площади, окруженной этими строениями, кажется, что любое из них представляет собой обычный дом; со стороны же павильона их скорее можно было принять за антидома, наскоро сбитые из досок и кое-где укрепленные столбами, в которых ни один человек не согласился бы жить. От антидомов павильон был отгорожен высоким дощатым забором на тот случай, если для фильма нужно было снять улицу, на которой выстроились в ряд эти дома, и тогда мешающая съемкам в определенном ракурсе крыша павильона маскировалась: на забор вешался соответствующий задник. В призматический бинокль антидома не выглядели хлипкими, полуразвалившимися строениями, но было ясно, что это лишь жалкие потуги изобразить токийскую улицу времен Мэйдзи. Фильмом, рассказывающим о русско-японской войне, злосчастная кинокомпания добилась хоть и небольшого, но яркого, как запоздалые цветы, успеха. Потом она подновляла свои убогие декорации, намереваясь снимать фильмы из той же эпохи. Но разве на этой площади, куда были обращены фасады бутафорских домов, сейчас играли актеры, давали указания режиссеры, бегали здоровенные парни, перетаскивая осветительную аппаратуру? Эти убогие декорации, даже когда их подновляли и ремонтировали, с неумолимой конкретностью свидетельствовали лишь об отчаянии кинопродюсеров.

Дзин, как человек, перенесший тяжелую болезнь, смиренно сидел на стуле. Птичьих голосов не было слышно, и в поле зрения Дзина не попадало ничего, что привлекло бы его внимание. Дзин задремал и тихо посапывал. Исана пошел в убежище за одеялом укрыть мальчика. Когда он сбегал обратно вниз по косогору, то увидел, что на втором этаже павильона движется огонек. Может быть, это отражается свет в линзах направленного на него бинокля? Исана укутал Дзина в одеяло, поглубже усадил на стуле, чтобы ему удобнее было спать, и стал внимательно изучать каждое из четырех окон под самой крышей павильона. Два левых окна закрыты. Два других открыты, но он не может вспомнить, разбиты там стекла или нет. Исана закрыл глаза, чтобы восстановить в памяти внешний вид павильона, который он рассматривал днем из бойницы. Перед его мысленным взором отчетливо всплыли закрытые окна. Он снова попытался рассмотреть, что делается внутри павильона за открытыми окнами. Но движения огонька там больше не было видно — стояла крошечная тьма, как на дне реки. Возможно, на окнах задернули занавески. Он вдруг вспомнил

искушающий голос девчонки, и притом так отчетливо, будто он исходил из той тьмы: *может, переспим в гримерной***?*

Девчонка говорила про гримерную выдающейся кинозвезды, на рекламу которой тратилось процентов десять капитала всей японской кинопромышленности. Эти непристойные и вместе с тем имеющие конкретное содержание слова искушения а если использовать ходячее выражение кинорекламы — «соблазнительные слова», сказанные неподалеку от разваливающейся киностудии, взволновали Исана. Как-то, чтобы договориться о контракте, Исана ходил к одной кинозвезде — старый политик, большой сейчас раком горла, решил попотчевать ею своих зарубежных гостей — и увидел, что в жилище актрисы, представляющем собой сочетание детского нарциссизма и властного стремления к богатству, даже не пахнет эротикой. И тем не менее «соблазнительная фраза»: *может, переспим в гримерной***?* вызвала у него сладкие грезы.

Эти грезы о «символе секса на серебристом экране» благодаря гротескным преувеличениям с предельной откровенностью и в то же время интимностью воплощают то, чего недостает в реальной жизни всем, к кому обращен такой призыв. Напоминают, что сцена, на которой оживала мечта, покрыта пылью и кое-где поломана, как и сама находящаяся в запустении киностудия. В воображении возникает идущая по пятам девчонка с горящими глазами и ртом — открытой раной, которая произносит непристойные слова, будто именно они необходимы и неизбежны. Эти слова лучше любых действий, самой изощренной тактики, к которой прибегает девчонка, заставляют тех, к кому они обращены, забыть разумную осторожность, вселяют непокой и решимость. Исана смотрел в свой бинокль, испытывая удовольствие от мысли, что и его ведут туда же...

Но вот реальное воплощение этой мечты — причем в совершенно неожиданном виде — появилось в бинокле Исана. Призматический бинокль с одинаковой четкостью просматривает пространство в глубину, поэтому, например, если в поле зрения два дерева, стоящие друг от друга на некотором расстоянии, то глаза через наведенный бинокль могут свободно выбирать в качестве объекта наблюдения и дальнее и ближнее. И вдруг в окулярах бинокля, через который Исана, погруженный в мечты, рассеянно рассматривал появляющиеся в его поле зрения предметы, слова оказалось окно павильона и в нем выходящая из темноты на свет совершенно обнаженная девушка, похожая на деревянную куклу. От ключиц и выше она была скрыта проемом окна (значит, она поставила у окна какой-то

предмет и взобралась на него), поэтому у Исана не было оснований утверждать, что это та самая девчонка. Было лишь предчувствие. Ее тело было абсолютно лишено жира, но грудь сильно выдавалась вперед. Она повернулась спиной и встала на четвереньки... Потом, не оборачиваясь, слезла с возвышения и исчезла во тьме, и вместо нее появился подросток, который, высунувшись из окна, пристально смотрел в бинокль прямо на Исана.

Исана уже предполагал, что у них есть бинокль, в который они наблюдают за ним. Но после шоу, устроенного обнаженной девичьей, это открытие привело его в смятение. Поддавшись наивной иллюзии, что если он перестанет смотреть в бинокль, то и подросток уберет свой, Исана то отводил от глаз бинокль, то снова приближал его к глазам.

— С какой целью вы все время шпионите? — послышался заглушаемый шуршанием листвы на ветру голос, исходивший, казалось, от души дерева в, воплотившейся в вишне.

Обернувшись, Исана увидел, что за его стулом и стулом Дзина, укрывшись за ствол вишни, стоит парень, с которым он уже встречался в парке. У входа в убежище застыл еще один, по обеим сторонам дороги, идущей вниз по косогору, стояло еще человек двадцать, наверное. Как и в тот раз, когда они устроили загон, подростки даже не смотрели в сторону Исана, но было ясно, что они следят за каждым его движением.

— Мы уже давно знаем, что вы наблюдаете за нами в бинокль через смотровую щель своего блиндажа, — сказал парень мягко, увещеваяще, и в его узких глазах, точно прорезанных острым ножом, желтым огоньком сверкнуло негодование. — Вы ведь и сами не станете отрицать, что подглядывали за нами в бинокль? Что вы увидели в окне?

Исана с досадой почувствовал, что краснеет. Он заметил, что мальчишки стараются казаться безразличными, но от удовольствия, которое не могут скрыть, даже поводят плечами. Правда, парень, разговаривавший с ним, сохранял на бледном, худом лице полную бесстрастность и лишь отвел от Исана узко разрезанные глаза. Его выпуклый лоб мягко пересекала наискось прядь волос. Лицо, казалось, затаило готовую вырваться наружу ненависть, но профиль у него был мягкий и никак не вязался с представлением о насилии. Но когда он посмотрел наконец на Исана и, судорожно напрягши тонкие, четко очерченные губы, снова заговорил, Исана ясно увидел, как его мягкий профиль исчез и в лице появилось что-то злое.

— Может, повернете стул ко мне? Пока не выясним всего, мы вас не отпустим, как в прошлый раз. А в такой позе вы долго не высидите.

Исана послушно поднялся со стула. По тому, как быстро реагировали подростки у него за спиной на это незначительное движение, Исана понял, что они представляют собой хорошо обученную личную гвардию. Осторожно, чтобы не толкнуть стул Дзина, он повернул свой.

— Подложите под ножки камни, а то еще опрокинетесь.

Исана, присев на корточки, стал укреплять ножки стула — в листве вишни свистел порывистый ветер.

— Если собираетесь запустить в меня камнем и убежать, — откажитесь от этой идеи. Мои дружки неотрывно следят за вами. Сразу поймают, — снова раздался сквозь шум листвы голос парня, обдавший Исана с зажатым в руке камнем, как ушатом холодной воды, — да и можете ли вы убежать, когда мальчишка здесь останется? И куда вы побежите?

Исана аккуратно подложил под ножки стула плоские камни и сел, заранее предвидя, что переговоры с парнем будут долгими.

— Никуда я не собираюсь бежать. Мое место здесь, — сказал Исана.

Он уже понял, что бежать невозможно, а если он попытается оказать сопротивление, то все равно не справится с парнем, за спиной которого стоит его верная гвардия; и никто ему не поможет — поблизости ни души. Махнув на все рукой и ожидая, что сейчас его начнут избивать, он и возразил-то просто так, используя расплывчатое слово «место».

— Мои ребята такие, знаете, если за кем погонятся, то, пока не догонят и не избыют, не успокоятся, — снова пригрозил парень.

— Хотел бы я на это посмотреть, — сказал Исана и увидел, что юноша, застыдившись своего хвастовства, густо покраснел. Чувствительный он, однако.

— Можем показать, когда захотите. Пойдите, а разве вы не видели, как мои ребята бегают? Вы ведь целыми днями только и делаете, что подглядываете за нами.

— Я действительно смотрю, что делается снаружи, но за вами никогда не подглядывал, — сказал Исана. — Если не считать того случая в парке, я в самом деле вижу вас в первый раз.

— Выходит, вы сегодня просто случайно смотрели в сторону павильона киностудии? — презрительно усмехнулся парень. — Вы, наверно, уже догадались, что там наш тайник?

Исана стремился лишь к одному — показать, что его на такую нехитрую приманку не поймать.

— Девчонка из вашей компании приглашала меня пере-
снять с ней в гримерной ***. Вот я и смотрел, действительно
ли есть в этом павильоне гримерные киноактрис. Там я кое-что
и увидел. Но то, что у вас есть какой-то тайник и он где-то ря-
дом с павильоном, я и сейчас этому не очень верю.

— Почему? — спросил парень, переходя к обороне.

— Если вы содержите дом свиданий, то вряд ли позволили
бы себе открыто говорить, что там ваш тайник. И женщине,
поскольку она занимается проституцией в вашем тайнике,
тоже не разрешили бы никого туда приглашать. Иначе кто-
нибудь из тех, кого она пригласит, донесет в полицию, и ва-
шему тайнику крышка. Так что, если не убивать каждого, кто
попался на ее приманку, придется всякий раз менять тайник.
Другого выхода нет, верно?

— Мы не разрешаем приглашать без разбора всякого, — па-
рировал парень, покраснев, и плотно сжал губы. — Мы ведь не
содержим дома свиданий. А в случае с вами мы решили, что
вы не станете доносить на нас. Вы ведь ничего не рассказали
полицейским, когда они пришли к вам. В вашем блиндаже нет
телефона, а когда вы ездили на станцию за покупками, мы про-
следили — к полицейской будке вы и близко не подходили, по
автомату не звонили. Один из наших спросил у полицейского,
который здесь поблизости ошивался, кто живет в этом блин-
даже, и тот ответил: да какой-то безвредный псих, прячется от
атомной бомбы. И после вчерашнего случая вы утром тоже не
заявили в полицию. Почему? Вот и прикиньте.

— Да заяви я, что какие-то люди топали ночью у меня по
крыше, разве полицейские поверят? В лучшем случае поинте-
ресуются, пострадал ли я, и окажется, что, собственно, и за-
являть-то не о чем.

Исана сказал так, чтобы скрыть, как пострадал от этого
Дзин, да и он сам — неприятный осадок от вчерашнего еще не
испарился. Видимо, почувствовав это, парень торжествующе
усмехнулся.

— Я еще раз спрашиваю, зачем вы все-таки следите за
нами? Глаз, который вы нарисовали на стене, это что — вызов,
следил, мол, и буду следить за вами? Мы не знаем, что у вас
на уме, и нам не по вкусу, что вы все время подглядываете.
И вправду, что вы здесь делаете? Почему следите за нами?
Чего вам надо?

Исана сразу же уловил, что парень начинает нервничать, и это придало ему смелости.

— Вы, разумеется, подумали, что я инспектор по жилищному строительству,— сказал он с издевкой,— что я здесь тайно поселился с сыном, чтобы все как следует измерить и рассчитать, а потом пригоню сюда строительных рабочих, и они все перероют бульдозерами — такие у вас были мысли? И ваш тайник снесут, да?..

Парень, подозрительно глядя на него, молчал, и Исана пришлось самому подводить итог своей болтовне.

— Таких дурных намерений у меня нет. Тем более что в этой заболоченной низине строительство вообще невозможно. Кроме возведения искусственной жизненной сферы, подобной киностудии. А киностудию можно где угодно построить, хоть в пустыне, так что заболоченная низина ей в самый раз.

— А все-таки, что вы здесь делаете? — спросил парень, чтобы прервать болтовню Исана.

— Нет, скажите лучше вы, что я здесь, по-вашему, делаю?

Парень еще плотнее сжал тонкие губы и сделал непроницаемое лицо — как черепаха, влез в свой панцирь. Чтобы поразмыслить, он закатил глаза, точно пытался посмотреть, что делается там наверху, и, раздраженный медленным развитием событий, начал притоптывать ногой. Неожиданно из тени, отбрасываемой вишней — Исана даже не заметил как, — вынырнула та самая девочка с огненно-рыжими волосами и, совершенно игнорируя Исана, обратилась к парню:

— Сказал, чтобы взял его? Бой весь горит, его рвет все время. Молчит и только плачет.

Парень, не глядя ни на девушку, ни на Исана, усталился куда-то вдаль. Исана понемногу освоился и освободился от физического страха перед насилием со стороны этих юнцов.

— Какое вообще я к вам имею отношение? — спросил Исана, снова пытаясь увести разговор в сторону.

По-видимому, ведя спор, парень умел чутко реагировать на перемену обстановки. Не теряя времени, он, как человек практичный, показал, что готов уступить и открыть карты.

— Поскольку вы, хотя и следите за нами в бинокль, не донесли на нас в полицию и не написали в газету, мы не собираемся делать вам ничего плохого — высказали свое недовольство, и все. Если бы не это, то никаких отношений у нас с вами не было бы. Но теперь собираемся установить с вами отношения, потому что нам это необходимо. Мы хотим установить отношения с человеком, не имеющим к нам никакого отноше-

ния, именно потому, что этих отношений нет. Конечно, если вы такой, каким нам представляетесь. Чтобы узнать, такой ли вы человек, каким нам представляетесь, и возникла необходимость выяснить, что вы здесь делаете.

Исана с неподдельным интересом наблюдал за тем, как парень ходит вокруг да около, не зная, как приступить к делу. К тому же, чувствуя, что для человека, имеющего какую-то практическую цель, такое хождение вокруг да около сейчас необходимо, он решил откровенно рассказать о себе.

— Кроме заботы о сыне, в этом доме заставила меня запереться мысль о деревьях и китах.

— Ученый?

— Я думаю, что являюсь поверенным деревьев и китов. Не знаю, поверите вы этому или нет.

— Даже и ума не приложу, как ответить, — и верится и не верится, — задумчиво сказал парень. — Быть поверенным деревьев и китов — значит считать важнее всего на свете деревья и китов, а авторитетов не признавать? Неужели вы до этого дошли?

— Совершенно верно, — сказал Исана.

— Прекрасно. Вы лучший помощник, какого мы только можем желать, — сказал парень с неожиданным воодушевлением. — Я плавал на китобое, поэтому знаю и китов и людей, которые на них охотятся, и если вы — поверенный китов, то, значит, не из полиции. Сколько крови люди проливают, лишь бы добыть китов, будь то беременные самки или детеныши — все равно. А мясо их продают дешевле самого завалящего. Поверенный китов — это тот, для кого такие люди враги, и, значит, он борется с полицией, верно? Ведь если где-нибудь на пустынном берегу вылезший на сушу кит и какой-нибудь подонок вступят в борьбу, полиция придет на помощь подонку. А вам придется бороться с полицией.

— Абсолютно верно. Вы хорошо знаете китов? — заинтересовался Исана.

— Не больше того, о чем рассказал сейчас, — ответил юноша. — Немного знаю и о деревьях. Если вы нам поможете, то в качестве благодарности расскажу все, что знаю. Мы пришли просить о помощи; она не доставит вам слишком много хлопот. Но мы не можем обратиться к человеку, который способен донести в полицию.

— Псих, который думает о какой-то чепухе и считает ее очень важной, не станет доносить и не напишет в газету, это

уже точно, — вставила девчонка, задумчиво глядя на Исана. — Нам кажется, вы такой...

— Мы не считаем вас сумасшедшим, — поправил юноша девчонку. — Просто мы рассчитываем на вашу помощь, не опасаясь, что вы донесете на нас в полицию.

— Я еще не сказал, что готов помогать вам, — отчеканил Исана, глядя попеременно на парня и девчонку.

— Будете помогать. Вам бы вряд ли хотелось, чтобы с маленьким сыном, который сейчас спокойно спит, случилось что-нибудь пехорощее, например то, что люди делают с детенышами китов? — открыто пригрозил он. И посмотрел на Исана с нелепой, но в то же время откровенной враждебностью, будто ему волей-неволей придется пойти на такую жестокость, и не кто иной, как сам Исана, вынуждает его к этому.

— Ну что же, если так, то ничего не поделаешь, правда, я не знаю, в чем состоит ваша просьба, но, в общем, у меня нет другого выхода, как подчиниться, хотя это и не будет добровольной помощью, — сказал Исана, покраснев от негодования.

Девушка оставалась бесстрастно-спокойной, а юноша, не обращая внимания на негодование Исана, сказал:

— Мы пришли просить о помощи, потому что заболел наш товарищ, у него жар, так что вы ненадолго приютите его в своем доме и вот ее тоже, чтобы ухаживать за ним.

Обращаясь к душе деревьев, воплотившейся в вишне, Исана воззвал к ней: *как проста подстроенная ими ловушка, проста до глупости. Даже если их товарищ в самом деле болен, они, несомненно, использовали эту болезнь как предлог.* Он это чувствовал интуитивно. Иначе зачем бы им прибегать к столь сложной процедуре? И все это ради того, чтобы попросить его приютить на время какого-то больного, который может доставить много хлопот, если о нем донесут в полицию? Причем, когда им пришлось вынуждать его к этому, они не остановились ни перед чем, прибегли даже к прямой угрозе. Обдумав все это, Исана пришел к заключению, что у него лишь один выход — подчиниться, чтобы угроза не была приведена в исполнение.

Исана повернулся к Дзину. Тот, откинув голову на спинку стула, спокойно спал. Операция, перенесенная Дзином вскоре после рождения, состояла в том, что вместо недостающей кости в черепную коробку ему была вшита круглая пластмассовая пластинка. Это место осталось, разумеется, незаросшим, а прикосновение к шву, видимо, вызывало у ребенка неприятное ощущение. Поэтому даже во сне он держал голову так, чтобы не касаться швом твердого предмета.

— Хорошо, я все понял, возьму вашего больного, — сказал Исана.

Юноша, точно преодолевая нерешительность, некоторое время молчал. Потом, видимо, счел, что последнее слово должно остаться за ним, и громко сказал:

— Мы привезем больного, как только стемнеет.

Он прошел мимо Исана и пружинистой походкой баскетболиста начал спускаться в заболоченную низину, где ковер молодой травы еще не превратился в буйные заросли. Исана не стал следить, куда он направился, пройдя низину: прямо ли к полуразвалившейся киностудии, то ли в обход ее, или к своему тайнику, находящемуся где-то в другом месте. Так он впервые продемонстрировал им, что не имеет ни малейшего желания шпионить. Исана взял на руки завернутого в одеяло Дзина. Вечерело, высоко в небе, обложенном тучами, напоминающими брюшки устриц, кружили черные птицы. Но крики их не долетали сюда, и поэтому птицы казались носившимися по небу обрывками бумаги.

Подросток, стоявший у входа в убежище, и подростки, выстроившиеся по обеим сторонам дороги, огибавшей возвышенность и взбиравшейся вверх по косогору, исчезли. Вслед за предводителем отправились в свой тайник. И лишь девочка осталась у вишни, опершись рукой о ее черный, израненный ствол. Не заговаривая с ней, Исана направился в дом, но почувствовал, что девушка пошла за ним вслед, и услышал удары по земле какого-то твердого предмета. Обернувшись, он увидел, что она с серьезным видом следует за ним и несет в каждой руке по стулу, прижимая их локтями к бокам. Девушка энергично ступала босыми ногами, широко разводя носки, всем своим видом являя то ли безразличие, то ли отчаяние. У входа в дом Исана остановился, дожидаясь, пока подойдет девушка. Теперь, в быстро сгущающихся сумерках, ее переносица казалась совсем впалой, но крылья носа и губы, напоминающие кожуру апельсина, обозначились еще резче. В ее горящих глазах, казалось, собрались крупинки янтара, сверкающие на фоне закатного неба. Только подойдя вплотную к Исана, она наконец пристально, не мигая, посмотрела на него. Он тоже заглянул в ее влажные, точно залитые густым сиропом глаза.

— Пить хочу, — медленно шевельнулись губы девушки.

— Зайди в дом, там кран и чашка, — ответил Исана.

Однако девушка, поставив принесенные стулья в прихожей, открыла кран на трубе, выведенной из стены у самой земли,

спустила грязную, застоявшуюся воду и, сложив ладони корытцем, пошла. Потом стала мыть ноги, потирая их одна о другую. Ее бедра, даже в неустойчивом положении сохранявшие силу, показались Исана налитыми упругой мощью. В глубоком разрезе темно-коричневой кожаной куртки он увидел грудь, тоже оставляющую впечатление силы, с двумя удлиненными круглыми цилиндриками. Обернувшись и встретившись взглядом с Исана, девушка не смутилась и на цыпочках вошла в прихожую первой. Уложив Дзина на диван, Исана увидел, что девушка села рядом на пол и стала пристально разглядывать лицо ребенка. От ее тела исходил такой запах, что Исана подумал с раздражением: тебе не ноги помыть, а всей как следует помыться не мешало бы.

Исана решил, что они с Дзином устроятся спать на первом этаже, а спальню на третьем освободят. Комната на втором этаже, которая служила кладовой и одновременно библиотекой, заглушит шум от чужих людей, которые поселятся на третьем. Исана поднялся на верхний этаж и начал перетаскивать вниз кровать Дзина, магнитофон и коробку с магнитофонными лентами, словари, книги. В пустой комнате, теперь безобразно непропорциональной, с единственной оставшейся кроватью чернели окна-бойницы. Из них открывался вид на утонувшую в сумерках черную низину, и на всем протяжении от полуразвалившейся киностудии до его убежища не было заметно никакого движения.

Когда Исана перенес все вниз и с одеялами в руках вошел в комнату, девушка, сидевшая рядом с Дзином, все еще неотрывно смотрела на спящего ребенка. Сидела неподвижно, в той же самой позе, что и раньше. Сидела, не обратив никакого внимания на вошедшего Исана. Глаза девушки в темноте, в которой даже трудно было различить белки, казались спокойными, как тихая вода, обводящая верхнюю губу линия чуть поблескивала, как белая нитка, она выглядела совершенным ребенком, и тут замершему с одеялами в руках Исана открылся весь ужас откровенно циничных слов, которыми вчера эта девушка пыталась завлечь его. Похоже, девушка уловила, какое впечатление произвела на Исана, она обернулась к нему, снова возвратив силу своим горящим глазам. И не только глазам — каждый мускул ее тела напрягся, как у готового к прыжку дикого зверя.

— Ты почему света не зажигаешь? — спросил Исана таким тоном, будто отбивался от набросившегося на него противника.

— Нет, скажите лучше вы, почему грохочете, а света не зажигаете? — парировала девушка.

Исана нажал на кнопку выключателя, и девушка стала разглядывать лицо Дзина уже при свете. Возможно, она снова приняла эту позу в целях самообороны, не желая встречаться взглядом с Исана. Профиль девушки по сравнению с горящим фасом выглядел спокойно, как вырезанный силуэт, в нем обнаруживался даже, пожалуй, интеллект — это было совершенно новое впечатление. Ощущение было точно во сне, когда пытаешься схватить ускользающий предмет. Переносица, анфас казавшаяся впалой, в профиль мягко изгибалась, плавно переходя в лоб. Глаза, прежде злые, теперь задумчиво смотрели на Дзина.

— Тебе приказали не спускать глаз с моего сына, чтобы я не передумал? Он у вас вроде заложника? — спросил Исана.

— Мне этого никто не говорил. Красивый мальчик, вот я и смотрю на него, — сказала девушка.

Она снова пристально уставилась на Дзина, и Исана захотелось поскорее прекратить это. Захотелось потому, что за последние несколько лет, просыпаясь, Дзин так близко перед собой не видел другого лица, кроме лица Исана, а судя по тому, что укутанный в одеяло ребенок начал шевелиться, он должен вот-вот проснуться. Но Дзин открыл глаза сразу, как только Исана заговорил. И теперь беззвучно смеялся, будто еще во сне видел эту девушку и улыбался ей.

— Как он хорошо смеется, — сказала девушка. — Хорошо, и совсем не похож на слабоумного. Слабоумный — смеется он или злится — всегда хмурится, точно у него горе...

— Ты, я вижу, все знаешь о слабоумных, — сказал Исана. — Заладила: слабоумный, слабоумный, тебе что, приходится общаться со слабоумными?

— У меня брат был дефективный, — бесстрастно сказала девушка.

С улицы донесся резкий свист. Через некоторое время он повторился снова, неожиданно перейдя в трель. Для Дзина это был голос птицы.

— Это дрозд, — прошептал он.

Девушка с простодушным удивлением повернулась к Исана.

— Он что-то сказал. И какой голос приятный. — Она удивленно округлила глаза. — Что он сказал?

— Он назвал птицу, которой сейчас подражали, — объяснил Исана.

— Правда? Птица так свистит? — Тут девушка впервые вспомнила о своей миссии. — Это мои товарищи привезли больного, — продолжала она. — Куда его можно поместить?

— Я освободил третий этаж. Поднимитесь по винтовой лестнице.

Девушка еще раз посмотрела на смеющееся лицо Дзина и направилась в прихожую, а оттуда, как была босиком, вышла во тьму.

— Ты угадал, дрозд,— сказал Исана, подходя к сыну.

Примерно в течение недели по вечерам Дзин иногда сообщал: это дрозд. Сейчас как раз такое время года, когда может петь эта птица, думал Исана и не обращал внимания на слова сына. А это, оказывается, вертелось вокруг убежища мальчишки, свистом и трелью подавая друг другу сигналы. Возможно, Дзин вовсе не спутал пение птицы с подражанием, а хотел предупредить отца о чем-то, что было для него скопищем фальшивых дроздов, и, точно успокаивая, говорил своим приятным, как сказала девица, голосом: это дрозд...

Девушка вернулась одна и вызывающим тоном спросила:

— Он не хочет, чтобы его видел кто-нибудь, кроме нас, так что скажите, в какой комнате мы можем поселиться и где брать воду для питья.

Исана объяснил расположение комнат на третьем этаже, показал, где кухня, уборная, какие лекарства есть в аптечке, и, глянув в горящие глаза девушки, захлопнул у нее перед носом дверь.

Было слышно, как за дверью несколько подростков осторожно тащили что-то вверх по лестнице. Потом в прихожей появились, видимо, другие, не те, которые до этого топали по винтовой лестнице.

— Может, еще спереть подушек с сидений? На стоянке есть и другие заграничные машины,— сказал кто-то как о чем-то обыденном.

— Хватит. Здесь одеял сколько хочешь,— властно ответила девушка.

Вскоре все стихло. Исана вышел в прихожую проверить, заперта ли входная дверь, и прислушался: сверху не доносилось ни звука. Он прошел на кухню, куда можно было попасть через дверь у винтовой лестницы,— кувшин и аптечка исчезли. Но к содержимому холодильника не притронулись. Он приготовил Дзину и себе незамысловатый ужин и вернулся в комнату, наверху по-прежнему было тихо. Если этих юнцов, подумал Исана, грубых и жестоких, чему-нибудь научили, то это строгой дисциплине. Дзина пока ничто не напугало, поев, он устроился на постеленной для него раскладушке и быстро заснул. Сам Исана долго не мог заснуть. Он все думал, какую ему избрать

тактику, чтобы решительно изменить взаимоотношения с подростками.

Потом его мысли, как когда-то грезы о смерти, раскрутила невидимая сила тьмы. Он лежал во тьме и вопрошал души деревьев и души китов, удастся ли ему, изо всех сил прижимая к себе Дзина, уйти от преследования мальчишек, несомненно подстерегающих его снаружи, и добежать до полицейской будки на холме у городского вокзала. *Если вспомнить, как они гнались за тем агентом, находившимся при исполнении служебных обязанностей, придется признать, что это невозможно. Подумать только, как намучается сын, когда я, держа его на руках, буду мчаться во тьме, только представить себе ужас, который охватит его, если меня догонят, избьют, и я буду валяться в заболоченной низине.* Но предположим, он осуществит это тяжелейшее предприятие, физически почти невыполнимое, о чем он заявит полицейским? О том, что, практически не прибегая к конкретной угрозе насилия, его попросили о такой мелочи, как приютить на время больного и сиделку; согласившись освободить комнату, он стал своего рода пособником. Единственное, что может убедить полицейских, это донос, что за ним гонятся дружки девушки, которая недавно соблазнила их пожилого сослуживца, но, пока он вместе с полицейскими вернется в убежище, ее и след простынет. Он и в самом деле не знал, как убедительно рассказать полицейским о случившемся. Кто поверит, например, его рассказу о девушке в окне павильона? А потом, когда после неудачного доноса он будет возвращаться в убежище, его до полусмерти избьют юнцы, поджидющие во тьме у подножия холма. Даже девчонка и та будет возмущена: а еще говорит, что поверенный китов и деревьев, — спрятался за спину властей и продал нас, хорош. Они будут с пристрастием и с той же энергией, с какой топали по крыше, допрашивать меня, настоящий ли я поверенный китов и деревьев. *Если даже мне удастся их в этом убедить, что я должен буду для них сделать, чтобы они простили неудавшийся донос? Лишь горячо взывая к душам деревьев и душам китов, даже самому себе, не говоря уж о других, не докажешь, что ты их поверенный,* — жалобно говорил Исана, обращаясь к душам деревьев и душам китов.

Есть более простой способ, чем бежать с сыном на руках, — подняться по винтовой лестнице, запереть в комнате девчонку и «больного» и, как следует забаррикадив вход в убежище, чтобы подростки, почуяв неладное, не смогли ворваться внутрь, подать сигнал бедствия выстрелом из ракетницы, которая на-

ходится в бункере как принадлежность атомного убежища. *Но есть ли у меня право просить чужих людей о помощи? Могу ли я действительно взывать к ним из своего убежища? Я, человек, порвавший связи со всем светом и запершийся с сыном в атомном убежище, бросив всех на произвол ударной волны и радиации ядерного взрыва? Если помощь и будет оказана, то сюда ворвутся не только те, к кому я взываю, но и все на свете чужие люди,* — говорил он, обращаясь к душам деревьев и душам китов. Жалобно взывая к ним, отдавшись во тьме мечтам, он вдруг ужаснулся от страшной мысли. В непроглядной тьме тело его одеревенело, и он утратил способность взывать к душам деревьев и душам китов. А девушка и больной мальчишка, притаившиеся на третьем этаже, точно умерли, а вдруг они и есть посланцы душ деревьев и душ китов? Если так, то, желая быть поверенным деревьев и китов, Исана убивает призывы этих самых деревьев и китов, беспрерывно обращаясь к душам деревьев и душам китов. И выполнение этого плана убийств... Исана заснул, и ему приснилось, будто его привели на суд душ деревьев и душ китов. Там его ждали свидетели обвинения: девчонка с пламенеющими янтарными глазами и «больной», весь перебинтованный так, что нельзя было узнать, кто это такой...

Глава 5

КИТОВОЕ ДЕРЕВО

Перед самым пробуждением Исана увидел еще один сон: вокруг него толпятся сонмы душ деревьев и душ китов. Деревьев-душ множество, как в девственном лесу. Китов-душ множество, как до начала эпохи китобойного промысла. Этот странный сон был последовательно диалектичен — Исана понимал, что поскольку это души, то, хотя их неисчислимо много, им хватит места, чтобы выстроиться вдоль стен комнаты, в которой он спит сейчас вместе с Дзином. Когда Исана лежал еще на диване, укрывшись одеялом, но уже готов был проснуться, души деревьев и души китов учинили ему безмолвный перекрестный допрос, построенный на методе психоанализа. Исана разрешили остаться лежать на диване. *Зачем меня спрашивают, собираюсь ли я причинить зло тем, кто находится на третьем этаже? Ведь пострадавший—*

я, — взывал он к душам деревьев и душам китов еле слышным голосом, потому ли, что на него был надет собачий намордник, или потому, что сам сомневался в своих словах, но, во всяком случае, еле слышным голосом...

Он проснулся оттого, что у него пересохло в горле. И хотя у него пересохло в горле во сне, он проснулся оттого, что в горле действительно пересохло. Сон был несколько нереален, но в деталях, в отношениях между людьми оставался вполне жизненным, и переход проснувшегося Исана в реальную жизнь осуществился удивительно естественно. Такие сны он уже видел не раз. Но в сегодняшний его сон впервые вошли чужие люди, их судьба. Все еще лежа на диване в предрассветных сумерках, Исана обнаружил, что дверь в кухню полуоткрыта. Дверь, которую он совершенно точно закрыл. Всмотревшись в темноту за дверью, Исана увидел человека. Теперь уже окончательно проснувшись, Исана стремительно сел. Девушка, только того и дождавшаяся, окликнула его хриплым голосом:

— Большой проголодался, дайте ему чего-нибудь поесть.

Испытав при виде девушки какое-то странное, неопределенное чувство, Исана в то же время понял, что она терпеливо ждала его пробуждения с деликатностью, никак не вязавшейся с бесцеремонным вторжением в чужую жизнь. Ждала, как умная собака, неотрывно глядя на него через полуотворенную дверь. Удостоверившись, что Дзин спит, Исана, прикрывшись одеялом, встал с дивана.

— Ешьте все, что найдете в холодильнике, — сказал он, испытывая неловкость от звука собственного голоса.

Однако вместо того, чтобы сразу же направиться к холодильнику, девушка, забившись в угол, неотрывно следовала за ним взглядом. У девушки на лице не было и следа косметики, но все равно ее горящие глаза сверкали, губы были очерчены еще четче, а смуглая кожа приобрела еще более сочный цвет — и все потому только, что она не была накрашена. С ней произошла совсем иная перемена, чем с теми девушками, с которыми спал когда-то Исана. Он вынул из холодильника хлеб, ветчину и латук и положил на кухонный столик у мойки. Только тогда девушка нерешительно приблизилась к нему. Исана включил тостер и пододвинул его к ней. Все это время глаза его были прикованы к ее фигуре. Она же смотрела на его оголившийся круглый животик, вздувавший вельветовые брюки. Исана стало не по себе. Девушку точно подменили: весь вид ее говорил, что она не считает его посторонним, ее сдержанность, граничащая с робостью, просто изумляла его.

Сверху горохом посыпалось жалобно:

— Инаго! Инаго!

— Он сказал «инаго», саранча?

— Да нет, просто зовет меня. Меня так называют — Инаго.

Ко мне это прозвище прилипло еще с детства, — ответила девушка неохотно, и Исана перестал расспрашивать, но придумал для ее имени другие иероглифы, ничего общего с саранчой не имеющие.

Исана пододвинул девушке коробку с чаем и чайник. Но вдруг забеспокоившись, что она не умеет как следует обращаться с газом, сам поставил чайник на плиту. Потом стал готовить еду для себя и Дзина, девушка делала бутерброды. Это тесное общение с девушкой в крохотной кухне, когда они беспрерывно касались друг друга, не могло не создать атмосферы близости, граничащей с чувственностью. Попроси она поделиться приготовленной им едой с больным, он бы не отказался. Наоборот, чтобы как следует накормить больного, Исана, не дожидаясь просьбы, налил полную кастрюлю воды и опустил в нее замороженную курицу. Она стала медленно оттаивать, чуть замутняя воду, так бывает, когда тает снег. Исана положил туда промытый рис и крупно нарезанный лук. Он хотел приготовить рис, как его делают в Китае. Девушка, накладывая бутерброды на тарелку и заваривая чай, внимательно следила за его стряпней, потом, не проронив ни слова, взяла поднос и вышла в дверь у винтовой лестницы.

Пока вода в кастрюле закипала, Исана приготовил для себя и Дзина чай и намазал хлеб маслом. Уменьшив огонь, он вернулся в комнату. Дзин тихо лежал с открытыми глазами. Было в нем что-то беспокойное, потому, наверно, что спали они не в своей обычной комнате, а внизу. Пока варился рис, отец с сыном принялись за свой немудреный завтрак. За стенами убежища послышался сигнал.

— Это дрозд, — сказал Дзин.

Чтобы привлечь внимание девушки, свиста оказалось недостаточно, и в стену бросили небольшим камнем. Кто-то спустился по лестнице и вышел в прихожую. Вскоре девушка вернулась в дом, вошла в комнату и, будто Исана должен был знать имя их предводителя, сказала:

— Такаки сказал, что хочет встретиться с вами, говорит, ему нужно, чтобы вы кое-куда съездили на велосипеде.

Исана выглянул в бойницу. Парень по имени Такаки, которому, как показалось Исана, очень подходили иероглифы, обозначающие «высокое дерево», стоял, прислонившись к вишне и

опустив голову. Трудно было сказать, о чем он думает, наверно о том, как Исана отнесется к его просьбе.

— За ребенком я присмотрю,— сказала девушка.

Вздрыгнув, точно от острой боли, Исана обернулся. Если вдуматься, сказать такое — все равно что предложить отрезать ему руку или ногу. И к тому же сказать так, будто то, что она присмотрит за Дзином, дело решенное. Дзин, разложив на полу ботанический атлас, внимательно рассматривал яркие картинки, на которых были изображены листья, ветки с плодами и деревья целиком — тис, мискант, подокарп. Девушка, устроившись сзади него, смотрела на ребенка чуть ли не с благоговением. Что означает этот новый зигзаг в ее поведении? — подумал Исана, разглядывая девушку. Она надела его толстую фуфайку, которую он носил зимой, уйдя в нее по самый подбородок, рукава тоже были слишком длинны. Надела ее без разрешения, с такой же бесцеремонностью, с какой предложила присмотреть за Дзином, используя его как заложника; хотя на Дзина она действительно смотрит с неподдельным восхищением. Исана направился к выходу из убежища, с легким сердцем отказавшись от ритуала, каким обычно сопровождался его уход.

— Как он смотрит на меня. Больному нужна радость,— сказала девушка, снова взглянув на Исана. Сверкающие нездоровым блеском глаза девушки, полные бессильной мольбы, заставили Исана поежиться. Бессильная мольба в глазах девушки вызывала сострадание и была как-то связана со сном о душах деревьев и душах китов. *Ведь пострадавший — я,* — мысленно возразил Исана, но взгляд девушки сразу же заставил его отбросить эту мысль.

— Дзин будет спокойно рассматривать деревья. Дзин будет рассматривать деревья,— сказал Исана сыну.

— Да, Дзин будет рассматривать деревья,— сказал Дзин, не отрывая глаз от ботанического атласа.

Исана вывел из прихожей велосипед и стал спускаться по косогору. Двинувшийся ему навстречу парень не отрывал глаз от никелированного руля велосипеда и заговорил, еле шевеля тонкими губами.

— Рана нашего больного стала гноиться, может, вы купите каких-нибудь антибиотиков. В последнее время без рецепта врача в аптеках перестали продавать антибиотики. Вдобавок он боится заболеть столбняком и потерял сон, поэтому нужно бы купить еще и снотворного. Снотворное тоже не продадут, не установив места жительства и фамилии.

— Не знаю, снотворного я обещать не могу,— ответил Исана.

Пока Исана, толкая сзади вилы из стороны в сторону велосипед, выводил его на дорогу, Такаки достал из огромного кармана американского военного френча пакет, завернутый в большой платок.

— Здесь одна мелочь. В аптеке могут удивиться...

— Это собрали твои товарищи?

— Нет, опорожнили несколько междугородных телефонов-автоматов,— сказал парень.

Когда Исана собрался уже сесть на велосипед, юноша ухватился рукой за седло. Сначала он молча шел рядом, мрачно устремив взгляд в землю. Потом повернулся к Исана, явно желая что-то сказать, никак не мог решиться и все же заговорил, всем своим видом показывая, что, если Исана встретит его слова холодно, он сразу же умолкнет.

— Вы так убеждены, что являетесь поверенным деревьев и китов, что и мне почему-то тоже очень хочется в это поверить. Но скажите: вы не слышали такое название «Китовое дерево»? Так оно называется. Где бы я ни бывал, всюду было свое Китовое дерево. Только название это никогда не произносят вслух — так было у меня на родине, и местные жители никогда его не слышали. Или, может, по какой другой причине? Во всяком случае, в наших местах знают о Китовом дереве. А что, если оно есть и в других местах, но только называется по-другому, а не объяснишь, какое оно из себя, о нем и не узнают...

— Китовое дерево! — выдохнул потрясенный Исана, и ему стало не по себе оттого, что он не услышал голоса Дзина: *это Китовое дерево.*

Перед глазами Исана возникла совсем иная картина, нежели та, что открылась сейчас перед ним,— бескрайняя даль. Так широко и бескрайне, насколько хватает глаз, простирается степь или море; поселившись в городе, Исана забыл, как выглядит неоглядная даль, и вот сейчас перед ним снова, как призрачное видение, появился бескрайний лес, до самого горизонта произрастающий из одного корня,— появилось Китовое дерево. Могучие, неколебимые стволы заканчивались густой кроной волнующейся листвы — всем своим видом дерево напоминало резвящегося в море полосатика. И из гущи листвы, образующей голову, с беззаботной улыбкой на него смотрели умные черные глаза. Как прекрасно это Китовое дерево!

— Велосипед упадет,— сказал юноша.

Посмотрев на мелькающие в бледных лучах солнца спицы

сильно наклонившегося в его сторону велосипеда, Исана растерялся. Велосипед упал между ним и Такаки, колеса его беспомощно вращались в воздухе. Пока парень поднимал велосипед, кит, которому он должен был улыбнуться в ответ, кит-Китовое дерево, прищуривший в улыбке глаза, спрятанные в густой листве, исчез. Юноша покатил велосипед дальше и снова стал рассказывать о Китовом дереве.

— Все мои товарищи приехали в Токио по набору, они не любят рассказывать друг другу, где и когда они родились, а вот родился в лесной местности, у нас там растет Китовое дерево. А там, где вы родились, растет Китовое дерево?

Исана подумал, что юноша уже не раз спрашивал незнакомых людей о Китовом дереве и всякий раз получал отрицательный ответ. И когда он услышал, что Исана назначил себя поверенным китов и деревьев, ему захотелось заставить Исана поверить его нехитрой выдумке. Конечно, он надеялся, что Исана, услышав слова «Китовое дерево», безусловно, захочет поверить в его существование...

— Деревня, где я жил в детстве, тоже окружена лесами, правда, такого названия у нас нет,— сказал Исана осторожно.— Но сейчас, услышав от вас слова «Китовое дерево», я сразу же представил себе огромное дерево, напоминающее по внешнему виду кита и колышущееся на ветру, подобно киту на волнах. Меня охватило такое приятное чувство.

— Приятное? — сказал Такаки, стараясь понять, какой смысл вкладывает Исана в это слово.— Как вы его себе представляете? Я ведь только слышал название «Китовое дерево», а сам его ни разу не видел... Я был тогда еще совсем маленьким. Как услышу, бывало, о Китовом дереве, потом целый год мечтаю о нем. В детских журналах всегда печатают загадочные картинки, в которых спрятаны разные животные. Я представляю его деревом, в котором сплелись десятки китов. Я даже однажды нарисовал такое дерево.

Перед глазами Исана теперь появилось целое стадо китов. Он подтянул к себе велосипед.

— Значит, вы тоже не видели Китового дерева?..

— Но в наших местах оно и в самом деле растет, около него у нас в деревне как-то вершили суд,— перебил юноша, чтобы Исана не задал новый вопрос, который перечеркнет все сказанное раньше.— А те, кого судила деревня, в ту же ночь исчезали. Китовое дерево существует.

Даже если эта история про Китовое дерево и казалась Исана странной, он и не думал в ней усомниться. Ему было досадно,

что они подошли к дороге, идущей вверх, к городу на холме. Досадно потому, что он знал: юноша сейчас повернет обратно.

— Вы потом продолжите свой рассказ о Китовом дереве, ладно? — грустно спросил Исана.

— Я всегда верил, что найду наконец человека, который серьезно выслушает мой рассказ о Китовом дереве, — сказал Такаки, отнимая руку от седла.

Исана чувствовал себя похожим на послушную обезьянку, покрутившись на крохотном пятачке, она вновь влезает на колени человека, держащего ее на коротком поводке... Толкая перед собой велосипед, он поднимался вверх по склону. Наклонившись вперед и изо всех сил отталкиваясь от земли, как собака, скребущая когтями каменистую почву, он шел с такой стремительностью, с какой никогда раньше не взбирался вверх, да еще толкая перед собой велосипед. Не обращая внимания на сердцебиение, он торопился ради того только, чтобы выполнить поручение совершенно чужих для него и Дзина людей. У него голова шла кругом от удивительного и, в общем-то, бессмысленного рассказа чужого человека, и он вдруг подумал, что не может даже сосредоточиться на мысли о Дзине, оставшемся в руках этих чужих людей. Китовое дерево! На отвесной стене, окаймлявшей глубоко прорезанную в холме дорогу, обнажились корни живых деревьев. Каждый раз, проходя здесь, захваченный мыслью о том, что смотреть лишь на корни невежливо по отношению к деревьям, Исана осматривал деревья до самой макушки, но теперь, изо всех сил толкая велосипед, он даже не поднимал головы, как бы извиняясь перед душами деревьев, которыми пренебрег. *Мне сейчас был подан сигнал, был подан сигнал Китового дерева, и поэтому я вынужден бежать, хотя у меня и перехватило дыхание.* На вершине холма Исана, не отдышавшись, вскочил на велосипед и помчался к аптеке у станции.

Исана полагал, что получить снотворное будет нелегко. Но средних лет аптекарша, записав его адрес и имя, причем насколько не удивившись, что оно такое странное — Ооки Исана, сразу же дала ему корбочку со снотворным. Назначение же антибиотика вызвало у нее целый поток вопросов:

— Для ребенка? Если же собираетесь принимать его сами, то почему бы вам не посоветоваться с врачом? Нужно ли взрослому человеку, холостяку, стыдиться болезни, которой он может вдруг заболеть? — Хотя слова аптекарши выставляли Исана на всеобщее посмешище, он, больше всего стремившийся к тому, чтобы жить человеком-невидимкой, никак не связанным с оби-

тателями города на холме, решил пережить позор, чтобы воспользоваться ошибкой а текарши.

— Скажите,— спросил Исана, опустив глаза,— никаких побочных явлений, никакого вредного воздействия оно не окажет, правда?

— Сколько я ни предупреждаю, что в больших дозах антибиотики принимать нельзя, все, кто занимаются самолечением, принимают их в большем количестве, чем положено. Неужели вы тоже считаете, что вам сложно пойти к врачу, оставив дома больного ребенка, хотя выписать рецепт — минутное дело? Не понимаю, чего вы стыдитесь?

Хотя и благодаря ошибке, но все устраивалось самым лучшим образом; Исана молча ждал, пока ему дадут лекарство. Он понимал, что если будет вот так молча стоять, то не только в глазах аптекарши, за одозрившей неприличную болезнь, но и в глазах всех чужих людей он будет выглядеть «застенчивым человеком», «человеком, осознающим свой позор». Когда он в конце концов получил лекарства и снова сел на велосипед, то по-новому взглянул на чужих людей — и тех, кто делал покупки на торговой улице, и тех, кто просто шел по городу. *Я не случайный приезжий на этой торговой привокзальной улице; все видят во мне хозяина странного дома под горой. Теперь и я должен обращать внимание на всех, кто меня окружает,* — обратился он к душам платанов, задыхавшихся на широкой привокзальной улице в клубах выхлопных газов. Как только появились подростки — абсолютно чужие люди, заставившие Исана иметь с ними дело, для него сразу же стало вполне конкретным существование и других чужих людей, живущих в городе совершенно иной жизнью, чем эти парни. Другими словами, он внезапно вышел из того состояния, когда, укрывшись с Дзином в убежище, порвал всякие связи с чужими людьми, и теперь стал жить под пристальными взглядами чужих и разных людей, окружавших его со всех сторон. Они подступают к нему, настоятельно требуя определиться, примкнуть к какому-либо лагерю. Разум его бьет тревогу, но не беда, он под защитой могучих Китовых деревьев. С такими мыслями он крутил педали велосипеда, и ему казалось, что тело его вознеслось вверх. По мере того как он крутил педали, Китовое дерево, превратившись в самую реальнейшую реальность, овладело его мозгом, пустило корни в его теле, проникло в его кровь. Сознание Исана погрузилось в купающуюся в желтых лучах листву. Он крутил педали, возрастав в своем сознании и теле Китовое дерево и сам превратившись в него. Он стал спускаться по склону, беспре-

рывно притормаживая. Но когда он на полной скорости сделал поворот и понесся еще быстрее, переднее колесо соскользнуло с обочины. Все еще сидя в седле, он взлетел вместе с велосипедом в воздух, потом, инстинктивно сжавшись, как спортсмен, рухнул вниз. Его выбросило на поле несобранной и успевшей завянуть китайской капусты. Он безостановочно несся вниз, не в силах совладать со своим телом — так бывает, когда подхватит волна прибой, — со страхом думая, что вот-вот появится боль в мышцах или костях — в зависимости от того, что он повредит. Прокатившись через все капустное поле, Исана ударился плечом и головой о земляную насыпь, и если бы он перемахнул через нее, то, несомненно, вывихнул бы себе плечо или свернул шею. Собрав все свои силы, он преодолел инерцию и, вжавшись в земляную насыпь, остановился чуть ли не вверх ногами...

Если бы он сразу же вскочил на ноги, то, конечно, не удержал бы равновесия и тотчас бы снова упал. Некоторое время он лежал неподвижно, как пловец, отдавшийся волне. Беспokoило только, что из носа течет кровь. Он разбил его о руль, когда взлетел в воздух вместе с велосипедом. Земля же, на которую он упал — и трава, и листья, и сама почва, на которые он целыми днями смотрел в свой сильный бинокль, — не причинила ему никакого вреда. Возможно, ему покровительствовали души деревьев и души китов. Исана выплюнул сгусток крови, которая почему-то попадала в горло, отер от крови губы рукавом джемпера и некоторое время не отнимал его от носа и губ. Лежа на спине, он увидел колышущийся лай собак, крест и глаз, нарисованные на стене убежища. Глаз ли? — издевался он над своим рисунком с горечью большей, чем горечь крови, шедшей из носа. Этим он старался успокоить свое тело — внутренности, кости, мышцы, испытывавшие страх от ужасного падения. Потеряв пространственную ориентацию, он не мог понять, откуда — ему казалось со всех сторон — к нему с криками сбегаются, вприпрыжку, как кузнечики, какие-то люди. Это были юнцы, которые, нагло смеясь, беззастенчиво рассматривали Исана. Их смех напоминал более всего нетерпеливый лай собак, ожидающих, когда можно будет полакомиться попавшим в капкан зверем. Испытывая жгучий стыд, а еще больше — растерянность, Исана поднялся. Он покачнулся, что вызвало новый взрыв хохота, смеявшиеся мальчишки и не собирались разомкнуть кольцо, чтобы дать ему дорогу.

— Смотрите-ка, встал! Пошел! — завопил кто-то из них.

В неустойчивом положении, будто стоя на доске, наклонно погружающейся в воду, он, повинувшись инстинкту равновесия,

покачивался то вправо, то влево. Медленно, шаг за шагом он приближался к убежищу, время от времени падал, и тогда его сознание регистрировало выкрики гогочущих подростков:

— Смотрите-ка, еще идет! — Их смех и крики комком злобы застревали в горле. И злоба эта росла по мере того, как он шел, сопровождаемый толпой хохочущих мальчишек; так на празднике толпа издевается над чучелом черта. Превозмогая боль, хромая, он добрался наконец до убежища.

Схватив стоявшую у стены косу, он, размахивая ею, бросился на орущих подростков. Если бы они серьезно пошли в контратаку, то жалкий, размахивающий косою Исана, вынужденный то и дело отнимать руку от косы, чтобы прижать рукав джемпера к носу, оказался бы вскоре поверженным. Но смеющиеся мальчишки воспринимали его отчаянное нападение как новую игру и отбегали точно на такое расстояние, чтобы коса не могла их достать, хотя и мелькала совсем рядом. Злоба, неожиданно вспыхнувшая в Исана, так же неожиданно утасла и сменилась безразличием.

Отбросив косу и вытирая рукавом кровь, он открыл входную дверь — за ней, как будто наготове, стояли Инаго и низкорослый мальчишка. Исана чуть не столкнулся с ними.

— Ха-ха-ха. Вы и вправду весельчак! Ха-ха-ха... — наморщив нос, смеялась Инаго.

Стоявший рядом с ней мальчишка, у которого на темном, будто вымазанном сажей для приготовления туши, лоснящемся лице выступили капельки пота, тоже смотрел на Исана, как на диковинного зверя. Слабо трясая заострившимся подбородком, он еле слышно засмеялся.

— Ха-ха-ха, ну и весельчак вы! Когда нам приходит в голову над кем-нибудь посмеяться, мы придумываем всякие смешные шутки, но вас никому не переплюнуть. Ха-ха-ха.

— Такаки здесь? — сказал Исана, почувствовав боль в плече.

— Только что был. В щель наблюдал. Но вы все так смешно выделывали, что он, чтобы не расхохотаться, решил поговорить с вами попозже. Он забрался на крышу и спрыгнул на косогор за домом. Ха-ха-ха, вы и вправду весельчак!

Инаго все еще смеялась, беззвучно смеялся и больной мальчишка, ни на секунду не отрывая глаз от диковинного зверя. Они разглядывали его с таким неподдельным интересом, что Исана не мог найти в себе сил выразить им свое негодование. От чего на исхудалом, темном, лоснящемся лице мальчишки выступил пот — от температуры или от смеха? — подумал Исана с жалостью. Тут он наконец вспомнил, ради чего сломя го-

лову неся на велосипеде. Он вынул из кармана джемпера лекарство и протянул все еще хохочущей Инаго.

— Как принимать антибиотик, указано на пакетике. А как принимать снотворное, ты, видимо, и сама знаешь.

— Спасибо,— с трудом выдавила из себя Инаго, снова сморщившись и заливаясь смехом, как истеричный ребенок,— ха-ха-ха.

Мальчишка, стоявший рядом с ней, тоже смеялся. Глаза Исана привыкли к полумраку, царившему в доме, и он увидел правую руку мальчишки, которую тот поддерживал левой. Она была замотана тряпкой, и от нее шел тяжелый запах. Потертые джинсы висели на нем мешком, и кое-где проглядывало голое тело, темное, покрытое гусиной кожей. Исана посмотрел на его лицо, в капельках пота,— всклокоченный, он весь горел, это видно было даже в полумраке. Поддерживая раненую руку, он еще больше округлил и без того круглые глаза и смеялся жалобным голосом:

— Хи-хи-хи.

— Вы спустились, чтобы уйти из дома? — спросил Исана.

— Выгоняете больного человека? — спросила Инаго, широко раскрыв горящие глаза и притворно надув пухлые губы.

— Я так подумал, потому что вы спустились в прихожую.

— Мы спустились потому, что Бой захотел посмотреть на вас вблизи после того, как вы свалились с велосипеда,— сказала Инаго и снова засмеялась.— Ха-ха-ха.

Выглянув в оставшуюся открытой входную дверь, Исана увидел, что мальчишки с криками и смехом тащат его велосипед. Один из них, надев на голову кувшин для воды, нес мешочек с мелочью, которой Исана не стал расплачиваться в аптеке. Инаго прошла мимо него и строго прикрикнула на них с порога:

— Too much! *

У Исана не было времени думать о том, что в данном случае должны означать эти английские слова. Подросток сделал шаг вперед, но тут же навалился всей тяжестью на перила и, не удержав равновесия, стал сползать на пол, всем своим видом требуя, чтобы ему протянули руку. Но руку, которую протянул Исана — другая была прижата к носу,— мальчишка, за минуту до того со смехом наблюдавший за ним, решительно оттолкнул. Между бровями у него пролегла глубокая складка, а глаза, затуманенные от жара, были полны ненависти и злобы. Он что-то

---

* *Здесь: хватит! (англ.)*

прорычал по-волчьи и недобро сверкнул глазами. Дверь в комнату была закрыта, в прихожей было темнее, чем обычно, от этого сверкавшие у ног Исана глаза мальчишки казались еще злее и враждебнее. Инаго, обняв мальчишку, помогла ему встать на ноги. Поднимаясь с ним по винтовой лестнице, она сказала:

— До этого ребята остерегались вас, а когда вы так смешно полетели с велосипеда, они стали относиться к вам совсем по-другому.

— Но уважать, видимо, не начали,— горько усмехнувшись, сказал Исана.

Исана думал, что Дзин, заждавшись его, уже заснул. Если бы он не спал и все еще рассматривал ботанический атлас, то уж наверняка по-своему отреагировал бы на то, что творилось в убежище и за его стенами. Например, засмеялся бы тоненьким голоском, подражая смеху Инаго и подростка.

Но Дзин уже проснулся, причем такого пробуждения Исана не наблюдал еще ни разу за всю их совместную затворническую жизнь. В комнате, куда и днем бойницы не особенно щедро пропускали свет и поэтому царил полумрак, на диване лежал Дзин, устремив взгляд в потолок. Магнитофон у него на коленях, поблескивая светло-коричневой лентой, издавал тихое шипение. Если же на самом деле магнитофон не включен, подумал Исана, значит, он повредил слух при падении с велосипеда. Казалось, что Дзин, прислушиваясь к шипению, погрузился в мир безмолвия. Но потом Исана понял, что для Дзина существует и настоящий звук. Конец тянувшегося из магнитофона тонкого шнура достигал его уха. Через наушник Дзин слушал магнитофон, а, чтобы посторонние шумы ему не мешали, другое ухо прикрыв ладонью...

— Послушай, Дзин! — позвал Исана, но Дзин лишь чуть приподнял голову и больше никак не реагировал на возглас отца.

Исана тоже, разумеется, знал о существовании мешочка, в котором находились принадлежности к магнитофону и запасные сопровитвления. Но, наполняя убежище голосами птиц, Исана не подумал о том, что магнитофонные записи можно слушать через наушник. Когда Дзин хотел слушать голоса птиц, Исана тоже погружался в птичьи голоса, наполнявшие убежище, — так изо дня в день текла их жизнь, поэтому наушник не имел для них никакого смысла. Наушник был просто не нужен. Но вторгшаяся в их жизнь девчонка, а возможно, и мечущийся на третьем этаже в жару мальчишка, вероятно, терпеть не могут птичьих голосов. И самое удивительное, что Дзин, не привыкший к

общению ни с кем, кроме Исана, безропотно подчинился настояниям девчонки и вот теперь с увлечением отдается новой забаве, прижав руку к уху с такой силой, что даже пальцы побелели, и при этом игнорирует кого? — самого Исана...

Исана знал, что, отключи он сейчас, когда Дзин слушает голоса птиц, наушник, невыразимый страх поглотит крохотный мозг сына. В тот момент, когда магнитофон воспроизводит мельчайшие, с маковое зернышко, подробности птичьих голосов, установить контакт с сыном невозможно.

Исана прислонился к стене, он дышал открытым ртом, поскользку из носа все еще шла кровь и он прижимал к нему рукав джемпера, и вид у него был довольно глупый. Он так и не пришел в себя после падения, да к тому же лишился сочувствия сына, и казался себе всеми забытым и одиноким, забытым на дрейфующей льдине, когда вокруг его тела и разума бушует безбрежный океан насилия. У него оставался единственный выход: воззвать к душам китов, плавающих в этом безбрежном океане. *Их дурацкий способ развлекаться просто смешон. Таких ребят, готовых находить развлечения в чем угодно, я видел только среди своих однолеток в те годы, когда был ребенком. Но ведь им-то уже по восемнадцать-девятнадцать лет. Свалившись с велосипеда, я устроил для них великолепный спектакль. Да, все их поведение говорило о безграничной жестокости. Почему же все-таки они так нагло смеялись? Бесчувственно и беззастенчиво?*

Воззвав к душам китов, Исана удалось глазами бесчувственно и беззастенчиво смеющихся подростков взглянуть на свое падение. Происшедшее хотя и комично, но это еще терпимая неудача. Кроме того, они научили Дзина пользоваться наушником, что для самого Дзина отнюдь не бесполезно. Наконец, с тех пор как они заперлись в убежище, им обоим не хватало именно общения с чужими людьми. Исана сидел, уткнувшись лицом в колени; кровотечение из носа прекратилось. Дзин наконец вынул наушник, и продолжая зажимать рукой ухо, в котором все еще слышалось муравьиное шуршание, другую положил на живот. Желудок Исана стал резонировать в такт сигналам, которые подавал пустой желудок сына. Дзин послал Исана улыбку — так, постепенно разливаясь во все стороны, распускается поле цветов.

— Дзин, видишь, я пришел, — чувствуя, как рябью улыбки подернулось его лицо, приветствовал Исана сына, вернувшегося к нему из-под влияния девчонки.

— Да, ты пришел, — сказал Дзин.

— Я унал с велосипеда, но все обошлось. Это хорошо, правда?

— Да, это хорошо.

— Я тебе когда-нибудь объясню, как нужно падать.— Исана почувствовал даже удовлетворение от физических усилий, которые ему пришлось приложить, почувствовал, что во всем теле установился некий баланс между болью и успокоением.— Давай поедим рис с курицей, Дзин. Дзин будет есть рис с курицей.

— Будет есть рис с курицей,— сказал Дзин и пошел вслед за Исана в кухню.

Тут Исана вспомнил, что оставил на огне кастрюлю, в которой вместе с рисом варилась курица. Он знал, что рис не подгорит, поскольку в кастрюлю он налил много воды, и был спокоен. Но если курицу оставить в кастрюле минут на тридцать, она станет как резиновая. Вместе с Дзином он нырнул в пар, наполнивший кухню, и услышал тихое побулькивание — рис спокойно варился. Облако пара, вырвавшись в открытую дверь комнаты, стало таять. Точно возникнув из пара, на тарелке, поблескивая капельками жира, лежала половинка курицы.

— Эта девчонка вынула курицу,— сказал Исана с естественной радостью, связанной с чувством голода, который он испытывал.— Курица спасена.

— Да, курица спасена,— сказал Дзин с неподдельным удовольствием.

Срезав мясо с ножек, крылышек, ребрышек, Исана положил его в кастрюлю и посолил. Потом разложил по тарелкам, сбобрился кунжутным маслом и соей, и приготовил овощной гарнир. Он приготовил его в отдельных мисочках не только для себя и Дзина, но и для тех, кто жил теперь на третьем этаже. Дзин сам разложил ложки, расставил миски и терпеливо ждал. Исана положил в миску Дзина рис и гарнир, но тот терпеливо ждал. Он всегда терпеливо ждал, пока еда не остынет, как бы голоден он ни был. Потом зачерпывал в ложку немного каши и, как шимпанзе, сильно вытянув вперед нижнюю губу, прикасался к самому кончику ложки. Этот разумный прием, столь необходимый в обыденной жизни, Дзин изобрел самостоятельно. Пока Дзин ждал, когда каша остынет, Исана решил отнести еду своим жильцам с третьего этажа: он взял в одну руку поднос, на который поставил мисочки с гарниром, миски и палочки для еды, а в другую — кастрюлю с рисом и стал подниматься по винтовой лестнице. На третьем этаже, открыв дверь плечом, поскольку обе руки у него были заняты, он увидел такое, чего

никак не ожидал. Не выразив удивления и не сказав ни слова, он опустил кастрюлю на старый журнал, валявшийся у самой двери, рядом поставил поднос и тут же спустился вниз...

Исана увидел лежащего на спине подростка, его темная без кровинки кожа лоснилась потом. Замотанную в тряпку правую руку он, точно охраняя ее, как нечто самое дорогое, прижал к груди. На его обнаженном животе, темном и впалом, лежала голова Инаго.левой рукой, довольно тонкой, но в то же время гладкой и мягкой, она обнимала худое бедро подростка... Повернувшись, девушка сразу же увидела Исана. Но никакого смущения в ее взгляде он не заметил.

Исана вернулся в комнату, где Дзин пробовал рис нижней губой, и они оба с аппетитом поели, излучая друг на друга нежное тепло насыщающихся людей.

Глава 6

СНОВА О КИТОВОМ ДЕРЕВЕ

Поев и выславшись, Дзин почувствовал необходимость подвигаться и стал быстро ходить взад и вперед по комнате. Исана, закончив свои ежедневные размышления в бункере, внимательно наблюдал за действиями сына; в этот момент сверху спустилась Инаго, спокойно и непринужденно, нисколько не смущенная тем, при каких обстоятельствах Исана видел ее несколько часов назад, и сказала:

— Такаки передал, что хочет продолжить свой рассказ и ждет вас в машине. А за мальчиком я присмотрю. Больной принял снотворное и все равно спит.

— Это дрозд,— бодро заявил Дзин, продолжая ходить из угла в угол по комнате.

— Услышал свист, которым твои приятели сигналият друг другу. У Дзина прекрасный слух,— объяснил Исана.

— А вот я не слышу,— сказала девушка, с неподдельным уважением глядя на шагающего ребенка.

В поведении Инаго было нечто такое, что позволило Исана с легким сердцем оставить на нее Дзина. Между Дзином и Инаго, которая, смеяя Исана, вошла в комнату, села на диван и с интересом следила за движениями мальчика, точно протянулась невидимая нить, а роль отца сразу же свелась на нет. Вокруг вишни забавлялись подростки — сжавшись в комок, па-

дали на землю; увидев Исана, выходящего из убежища, они встретили его с напускным безразличием.

— Ха-ха-ха, что же вы не смеетесь? — тихо сказал Исана и засмеялся сам, что ему еще оставалось?

Слева внизу разворачивался темно-голубой «фольксваген». Потом машина на большой скорости помчалась вверх по узкой дороге. Исана узнал в водителе Такаки, но тот был в темных очках и при этом еще старался не смотреть на Исана, так что разглядеть выражение его лица было невозможно. Такаки открыл дверцу, но и это он сделал, не поднимая глаз на Исана. Как только Исана сел в машину, Такаки рванул ее с места, не обращая внимания на приближающихся подростков; можно было подумать, что он чем-то озабочен, на самом же деле то была напускная серьезность. Если б он не напрягал губы и щеки, то, наверно, беспечно бы рассмеялся: ха-ха-ха. Сухое, с туго натянутой кожей лицо парня в профиль не только не казалось грустным, напротив, было полно молодого, даже, может быть, чуть наивного веселья. Ничем он не отличается от остальных ребят, подумал Исана, что, впрочем, было вполне естественно... Исана без всякой задней мысли протянул руку к карте, лежавшей на приборной доске вместе с блокнотом большого формата. Однако Такаки, который вел машину, вроде бы не замечая Исана, грубо остановил его, будто пнул ботинком.

— Не трогайте! Машина ведь краденая. И блокнот чужой!

Значит, этот парень действительно украл машину и приехал на ней? — обратился Исана к душам деревьев, росших слева на небольшом холме, и отдернул руку.

— Видите, там вдали деревья? — сказал Такаки, в голосе которого не осталось и следа былой резкости. — Какие это деревья, можете сказать?

Машина ехала вниз по наскоро проложенной чуть выше заболоченной низины дороге, шедшей от убежища и как бы обвинявшей возвышенность. Если вообразить низину руслом реки, то возвышенность за убежищем и холм, видневшийся слева, можно было принять за ее берега. Невысокий холм, точно забор перед глазами, заслонял все вокруг, его покатые склоны были покрыты хилыми дубками, над которыми возвышались, обрисовывая его, высоченные красные сосны и облетевшие дзельквы. Эти-то деревья и привлекли внимание Такаки.

— Вон те, самые высокие деревья — красная сосна и дзельква, — сказал Исана.

— А те огромные деревья — мелкие ветки на них с облетевшей листвой торчат в небо метлами? — сказал Такаки.

— Это и есть дзелькwa.

— Дзелькwa? Этиx красивых и огромных деревьев здесь, в окрестностях, очень много, — сказал Такаки. — А в наших местах их мало. Если в деревне растут такие огромные дзелькwy, жители запоминают особые приметы каждого из них, будто это люди. У нас такое дерево называют деревище. В детстве я думал, что его так называют потому, что оно всем деревьям дерево, необычное дерево.

— Деревище? — спросил Исана с интересом. — Если в твоих местах, особо выделяя дзелькwy, называют ее деревищем, то это вполне правильно. В ботаническом атласе говорится, что первоначальным названием дзелькwy было «могучее дерево».

Дзелькwy, очерчивающие вместе с красными соснами контуры холма, казалось бы произвольно разбросав свои не то коричневые, не то темно-фиолетовые стволы, все же образовывали на фоне бледного серовато-голубого неба четкую связанную между собой конструкцию. Рассматривая дзелькwy, вперившие в облачное небо свои тонкие, но сильные ветви, и называя их так же, как только что назвал юноша, деревищами, Исана почувствовал, насколько желаннее они всех самых желанных деревьев. *Мне кажется, их бесчисленные ветви подают тайный знак людям, и в первую очередь мне, но как прочесть его, как сделать понятным?* — спрашивал Исана у душ деревьев.

— Я помню почти все деревища в Токио. Они вместо дорожных знаков помогают мне удерживать в памяти карту города. Если я направляюсь куда-нибудь, то еду, представляя себе, где растут эти деревища. Угнав машину и удирая на ней, я всегда держу их в памяти — это очень помогает. И меня ни за что не поймать тем, кто гонится за мной, следуя искусственно расставленным дорожным знакам.

— Но на улицах, особенно по соседству с многоэтажными домами, огромные дзелькwy существовать все-таки не могут.

Такаки бросил уничтожающий взгляд на Исана. Глядя в его глаза, Исана почувствовал, как рушится представление Такаки о нем как специалисте по деревьям, человеке, живущем стремлением к духовной общности с душами деревьев. Исана попытался нейтрализовать неблагоприятное впечатление от своих слов.

— Огромные дзелькwy росли в старые времена в приусадебных лесах. Поэтому в тех местах, где раньше были крупные помещичьи усадьбы, или там, где остались большие незастроенные участки, дзелькwy еще сохранились, но в центре города ни одной не осталось.

— А вы пойдите в центр города, заберитесь на крышу многоэтажного здания и посмотрите вокруг. Сразу же убедитесь, что я говорю правду,— уверенно сказал Такаки.— Нет, дзельквы еще кое-где сохранились — они высятся там и сям, будто кактусы в пустыне ковбойского фильма. Если долго смотреть на них, то многоэтажные здания пропадут, и в уме вырисуется карта местности, на которой несколько деревьев окажутся как бы связанными между собой. К примеру, возьмите вон то деревце на холме, открытое всем ветрам — у него от этого точно подрезаны ветки, правда? И наоборот, деревца, окруженные многоэтажными зданиями, растут покрытые густой шапкой, сохранив первоначальную форму, к которой мы привыкли с детства.

— Видимо, ты прав,— сказал Исана, которого слова парня убедили.— Тебе действительно не откажешь в наблюдательности, когда речь идет о деревьях.

— Впервые попав в Токио, я подумал, что раз здесь живет такое огромное скопище людей, то и Китовые деревья тоже должны расти, и стоит подняться на высокое открытое место, как сразу же увидишь Китовое дерево, принадлежащее незнакомым людям. И вот каждое воскресенье, обнаружив с крыши универмага огромное дерево, я определял направление и шел посмотреть на него. Я делал это много раз и убедился, что в Токио множество деревьев.

— Значит, по-твоему, Китовое дерево относится к дзельквам? — спросил Исана, находя в переплетении тонких красновато-коричневых ветвей стоящей на фоне облачного неба дзельквы много общего с китом.

— Мне тоже кажется, что Китовые деревья — это чаще всего деревца. Собравшись однажды вокруг Китового дерева, люди решили: давайте считать эту прекрасную старую могучую дзелькву Китовым деревом. Но вначале Китовое дерево совсем не обязательно было дзельквой. Я верю, что и Китовое дерево наших мест тоже было деревцем, хотя не до конца убежден в этом. Потому что своими глазами Китового дерева не видел. Ребенок один не может заходить слишком далеко в лесную чащу в поисках Китового дерева. Конечно, можно было собрать компанию и пойти всем вместе, это еще туда-сюда, но, к сожалению, среди моих приятелей не было никого, кто отважился бы на это. А из взрослых никто ни за что не хотел отвести меня к Китовому дереву. Может, из-за того значения, которое придавали Китовому дереву...

Такаки умолк, он сосредоточился на управлении машиной.

Они подъехали к широкой реке, перерезающей равнину, обогнули огромную дамбу, на которой мог бы приземлиться легкий самолет, поднырнули под двухъярусный стальной мост для поездов и автомашин и под недавно построенную скоростную автостраду — железобетонное сооружение в виде днища корабля — и, наконец, пробрались через вереницу автомашин, скопившихся, чтобы переправиться на другой берег по стальному мосту. Китовое дерево, размышлял Исана, обращаясь к душе Китового дерева, растущего неведомо где. Китовое дерево — его Исана никогда не видел, но, возможно, это дерево самое важное из всего, что ему предстоит увидеть в жизни. Где-то в непроходимых лесах, в самой чаще есть поляна, расчищенная от подлеска и травы, чтобы создать лучшие условия этому особому дереву. И в центре поляны высится громадное, могучее дерево, олицетворяющее табу, существующие в этой местности, дерево, которому поклоняются все. И есть подросток, душой которого завладело Китовое дерево. Этот подросток задумался: а вдруг Китовое дерево — это деревище, то есть огромная дзельква? Ведь именно дзелькву называли когда-то могучим деревом. Но подросток покинул родные места, так и не увидев Китового дерева. И вот он попадает в огромный город, который смело можно назвать лесными дебрями, и устремляется на поиски могучей дзельквы. Устремляется лишь для того, чтобы, найдя то место, где растет Китовое дерево, принадлежащее незнакомым ему людям, установить, какое дерево называли Китовым в тех краях, откуда он родом...

Машина, благополучно миновав забитую автомобилями дорогу, снова спустилась под гору и медленно двигалась, лавируя между домами, выстроенными на осушенной низине. Потом сунулась в глухой закоулок, из которого, подумал Исана, не выбраться, и они действительно уперлись в толстую металлическую цепь, лежавшую поперек дороги. Оттуда начинался крутой склон, поросший прошлогодней сухой травой и редкими кустиками новой, который переходил затем в небольшую возвышенность, где росли вечнозеленые деревья, покрытые шапками запыленной листвы. Машина, вместо того чтобы остановиться у подножия возвышенности, задрав нос, резко пошла вверх. С ревом забралась на самую вершину, откуда справа и слева спускались рельсы американских гор и обезьяньего поезда.

— Как удастся спустить отсюда машину? — спросил Исана.

Потянув на себя ручной тормоз до упора, отъехав на сиденье назад и глубоко утонув в нем, Такаки стал осматривать парк,

красные сосны и дзельквы. Наконец он, казалось, уловил смысл вопроса Исана. И вздохнув, сказал:

— Машину оставим здесь. Трава разрастетя, и ее долго никто не сможет найти. Но в конце концов обнаружат дети. Бой, работавший здесь, говорил, что дети, которые приходят в парк, подразделяются на две категории. Одна из них относится к типу пассивных, которые воспринимают чудеса парка как специально для них созданные, и одним из таких чудес будут считать нашу машину, забравшуюся по крутому склону, и не увидят в ней ничего необычного, а значит, фактически не обнаружат ее. Но другой тип — это дети, которые, чтобы своими глазами увидеть, где вершина американских гор, заберутся сюда по рельсам, да еще и высотомер с собой прихватят. Они-то и обнаружат машину.

Глядя из автомобиля, замершего на вершине, вниз, можно было увидеть всю простоту паркового лабиринта, казавшегося нереальным и в то же время полным жизни, хотя детей видно не было. И становилось неприятно от одной мысли о том, как с грохотом несутся вниз, потом взлетают вверх и снова устремляются вниз по рельсам американских гор голубые вагончики. Точно напуганные до сих пор доносящимся сюда грохотом американских гор, с жалких, кривых деревьев, росших вокруг, взмыли вверх сороки, скворцы, соловьи, горлицы и закружились серовато-черными кляксами в облачном небе.

— Как привольно живут здесь птицы. Они питаются тем, что разбрасывают вокруг себя, в парке, эти отвратительные животные. Больше всех благоденствуют здесь птицы и крысы. Надо бы разок привести сюда Дзина, птицы его позабавят.

Зная, что Инаго докладывает своему предводителю обо всем, Исана рассчитывал на объективность ее информации.

— Нет, Дзин действительно интересуется птицами, но его привлекает лишь их пение. Отчетливо увидеть летящую птицу он не в состоянии. Услышав пение огромного числа самых разных птиц, сопровождаемое грохотом американских гор, он, скорее всего, просто испугается.

— Необычный ребенок.

— Хорошо ли, плохо ли, но действительно необычный, — не давая своей гордости вырваться наружу, сказал Исана.

Такаки снова завел разговор о Китовом дереве.

— Я говорил, что сам не видел Китового дерева, росшего в наших местах. Но это как раз и подтверждает его существование. Тому, чтобы я его увидел, всячески препятствовали — вот в чем дело. Мне, ребенку, было запрещено увидеть его, и

поэтому, я думаю, оно и не шло у меня из головы. Заболев, я без конца видел во сне огромное черное дерево, шелестящее на ветру. А в густых ветвях, в густой листве этого дерева перед моими глазами, как на слайдах, возникала одна картина за другой. И слайды, на которых были засняты действительные события, проецировались на Китовом дереве. Сейчас мне даже кажется, будто как-то глубокой ночью я, весь в жару, ходил в лесную чащу и своими глазами видел, как на Китовом дереве проецировались слайды. И хотя я видел это, когда у меня был жар, это не выдумка. Ведь некоторые куски сна — действительность. Было бы странно утверждать, что именно жар воодушевил меня, нет, но голова, прояснившаяся от дурманящего жара, привела в систему разрозненные сведения, до тех пор неоформленные. Хотя взрослые, разумеется, избегали разговоров о Китовом дереве, разрозненные факты, которыми была забита моя детская голова, впервые выстроились в нечто осмысленное. Сон показал их мне, а экраном служило Китовое дерево. Моя голова, близкая к безумию из-за сильного жара, только благодаря ему, наверно, и смогла вобрать в себя все, что по крупницам было известно детям в наших местах. Мне кажется, я видел сон, воплотивший все сны всех детей наших мест. Я видел сон и так дрожал, что и врач, и родители боялись, что я сойду с ума или умру. Вы мне верите?

— Разумеется, верю, — сказал Исана.

— Вот что я увидел на листовном экране Китового дерева. — Сказав это, Такаки проглотил слюну, преодолевая колебание. — Начиналось с того, что взрослые нашей деревни — и старики, и женщины, и даже тяжелобольные, все, кроме детей, — глубокой ночью собрались под Китовым деревом. Вернее сказать, не собрались глубокой ночью, а находились под ним много часов подряд, с захода солнца всю безлунную ночь до рассвета. Пока эта долгая сходка не закончилась, уйти из леса не разрешалось никому. Собравшиеся стояли молча, потупившись. Ночь была безлунной, но вокруг разливался неяркий свет от мелькавших в небе зарниц. Ведь даже в полной тьме, если закинуть голову назад, линия носа будет поблескивать. И глаза тоже, верно? Но в ту ночь все стояли не шелохнувшись, в полной тьме, опустив головы. Еще до той ночи, когда у меня был жар, мы много раз говорили с ребятами о том, что нам делать, если взрослые все без исключения уйдут из деревни и оставят нас одних. Во сне я увидел как раз такую ночь. Может, это покажется страшным, но именно потому, что такая ночь действительно была в прошлом, я знал, что ребята, плавая в реке,

протекавшей в долине, или ставя силки, в которые никто не попадал, горячо обсуждали, что нам делать, если все взрослые уйдут из деревни и в ней останутся одни дети, козы и собаки. Пылая жаром, я смотрел на экран и со страхом ждал, что вот-вот должно что-то случиться. Медсестра, не из наших мест, потом еще долго смеялась надо мной, потому что во сне я все время вытягивал руки, как будто пытаюсь остановить что-то надвигающееся на меня и вопил: снова начнется, снова начнется! Но я, наверно, хотел сказать, скоро начнется, а не снова начнется. И в это время как раз и началось то, что я пытался остановить. На экране Китового дерева, шелестевшего черной густой листвой, появились само Китовое дерево и собравшиеся под ним жители деревни — эта черная толпа людей окружила приведенную сюда семью в балахонах из белой, поблескивавшей в темноте бумаги. И одежда, и лица людей, облаченных в нее, виделись как в тумане. Это обычно бывает во сне, когда мы видим нечто волнующее нас в том обличье, в каком оно нам представляется. Отчетливо можно было разобрать, что люди эти в балахонах из белой бумаги и что это одна семья. Черной стеной окружающие их в полном молчании люди, не только женщины, но даже дряхлые старики, все как один швыряли в них камнями. Это продолжалось бесконечно долго, и семья, избиваемая камнями, упала на землю и была брошена в специально вырытую яму, а на экране Китового дерева снова возникли черные склоненные головы безмолвной толпы. Потом появилась еще одна семья в балахонах из белой бумаги и тоже упала под градом камней. Так повторялось пять раз. И черная толпа избивающих, и избиваемые в балахонах из белой бумаги не вымолвили ни слова, и всю ночь шелестело лишь Китовое дерево — такой это был сон, и то, что в нем случилось, повторялось пять раз... И балахоны из белой бумаги, и пятикратное повторение, должно быть, имели для взрослых из нашей деревни какой-то особый смысл. Выздоровев, я спрашивал потом у домашних, но они мне ничего не отвечали. Меня стали считать ненормальным, колотили — вот и все, чего я добился. А врач из соседнего городка, которого позвали ко мне, уверенный, что я все равно умру, совсем меня не лечил и убеждал родителей: если он и выживет, то останется навсегда тихим идиотом, а может быть, и буйно помешанным — радости в этом мало! Из-за того что у меня долго не проходил жар, я стал похож на красную креветку и, мечась по постели, то сжимался, то разжимался, тоже как креветка. Я очнулся дня через два-три, когда жар спал. Я весь был изранен, а на шее налилась багровая полоса, точно мне сдавливали горло веревкой.

Такаки внезапно умолк. Его худое лицо стало багровым, даже вспухло, а в широко раскрытых глазах проступила кроваво-красная сетка. Исана почудилось, что горло юноши забил тугой кровавый ком. Он отвел глаза и стал смотреть перед собой. Вечерело, скрученные и изогнутые ветром ветви дзельквы на дальнем холме окрасились в подернутые черной дымкой пурпурные тона, а над ними, в сером небе на запад летел винтовой самолет. И в направлении его полета, с востока на запад, вытянула свои ветви дзельква: это означало, что наиболее сильные ветры на холме — западный и восточный. Исана окликнул все еще молчавшего парня:

— Пошли! — Он понимал, что о Китовом дереве он услышал от Такаки все, что тот знал, и Исана хотелось, чтобы он, по возможности лаконично, выбирая лишь суть, снова рассказал свой жуткий сон — суд у Китового дерева.

На лице Такаки появилось прежнее выражение, он лишь повел глазами и молча кивнул. Они вылезли из машины, а «фольксваген», вместо того чтобы остаться неподвижным, начал вдруг балансировать, как зверь в поисках равновесия, и пополз вниз, туда, где были проложены теперь едва различимые рельсы обезьяньего поезда. Произошло ли это потому, что Такаки отпустил ручной тормоз, или потому, что их разговор помогал машине удерживать зыбкое равновесие, Исана, не знавший норова автомобилей, понять не мог.

Такаки не обратил никакого внимания на падение машины и, двинувшись вперед под черной крышей вечнозеленых деревьев, сказал:

— Такому человеку, как вы, который хотел услышать о Китовом дереве, а услышав, не стал давать дурацких объяснений, вот такому человеку я и хотел рассказать о нем.

Исана обнаружил в искреннем тоне юноши задушевность и ответил словами, не имевшими, казалось бы, непосредственного отношения к его рассказу.

— В такие тихие вечера я как бы ощущаю поддержку окружающих меня деревьев и, мне кажется, могу действовать наилучшим образом. Потому, я думаю, что мне помогают души деревьев...

Теперь Такаки стоял на самой низкой части насыпи и, собираясь спрыгнуть на открытое место за каруселью, внимательно осматривал землю. Он ничуть не беспокоился за себя, а только за Исана, который сегодня утром упал с велосипеда.

— В такие минуты, даже размышляя о смерти, я думаю, что это еще одна радость для человека, — продолжал Исана.

Они обошли карусель и двинулись к выходу, где была автобусная остановка; юноша, чуть задержавшись, поравнялся с Исана.

— Разве вы смеее умереть, бросив Дзина на произвол судьбы?

— Ты прав, конечно. Потому-то я и не думаю о смерти, как о конкретной программе действий. Это не более чем приятные мечты о том времени, когда придет смерть, о том, чтобы быть к ней готовым. Когда смотришь на могучие стволы и тоненькие веточки огромных деревьев — дзельквы, вяза, которые ты называешь деревицами, подобные мысли особенно часто приходят в голову. Эти могучие деревья делают бессмысленной границу между жизнью и смертью, тем более зимой, когда кажутся сухими и мертвыми... Я люблю, когда зимой в деревьях замирает все связанное с жизнью.

— Вы считаете, что деревья впадают в зимнюю спячку? Животные могут погружаться в зимнюю спячку, я знаю даже одного человека, который путем упражнений приучил себя к этому, — сказал Такаки.

В интонации, с какой он произнес «человека», явно чувствовалось шутливое желание поместить этого чудака в один из разделов биологического атласа. Исана рассмеялся вместе с юношей, но допытываться, какие упражнения нужны, чтобы научиться погружаться в зимнюю спячку, не стал. Перебравшись через запертые ворота и подойдя к остановке автобуса, Такаки, точно вдруг вспомнив что-то, предложил:

— Может, сходим в наш тайник?

— Нет, я должен вернуться к Дзину. Нельзя надолго оставлять его с чужим человеком, — сказал Исана.

— В ближайшие дни я вас туда отведу, — сказал Такаки и, направившись к оживленному перекрестку, исчез. В одиночестве ожидая автобуса, Исана внезапно подумал: не обидел ли я его отказом?

На следующий день Исана с нетерпением ждал, когда придет Такаки. Но от него не было никаких вестей дней пять. Пока Такаки не показывался, подростки, которыми он предводительствовал, слонявшиеся прежде вокруг убежища и вишни, тоже куда-то исчезли. Больной, затаившись на третьем этаже, усиленно лечился, и в жизнь Исана и Дзина вторгалась лишь одна Инаго. Совсем не стремясь к этому, она завладела сердцем Дзина. Исана всегда думал, будто сознание его ребенка подобно закупоренной консервной банке. Проделав в ней крохотное отверстие, Исана научился как бы с помощью тоненькой

трубочки добираться до его сознания. И когда самого Исана не было рядом с Дзином, он оставлял у конца трубочки магнитофон, на ленту которого были записаны птичьи голоса. Исана был убежден, что возможны лишь два этих способа общения с сознанием Дзина. Но сейчас в консервной банке, заключающей в себе сознание ребенка, появилось еще одно отверстие и туда стало интенсивно вливаться нечто иное...

Сначала Исана считал, что подобная роль девчонке абсолютно не подходит, но оказалось, что Инаго обладает прирожденным талантом педагога. Однажды днем Исана, сидевший в бункере, опустив ноги в землю, услышал через открытый люк, что наверху происходит нечто странное. Он весь похолодел: девчонка делала именно то, что больше всего раздражало Дзина. Сейчас его страдания станут невыносимыми, и он поднимет, не разберешь, плач или жалобный крик, в общем, начнет реветь, как кит, уменьшенный до размеров ребенка. Девчонка без конца то включала магнитофон, то выключала его. Исана, готовый заранее заткнуть себе уши, чтобы не слышать вопля Дзина, который вот-вот вырвется наружу, взбежал по металлической лестнице — остановить Инаго, неизвестно зачем затеявшую эту нелепую игру. Но девушка и ребенок, сидя на полу, опершись о диван, весело забавлялись. Дзин не только не выказывал страха или возмущения, но, наоборот, живо и осмысленно участвовал в первой в его жизни игре. Девушка включала магнитофон, и как только начиналось пение птицы, тут же выключала его.

— Это козодой, — отвечал Дзин.

Через секунду:

— Молодчина, Дзин, угадал — козодой, — говорила девушка.

Секунда требовалась ей для того, чтобы сверить на коробке от ленты порядковый номер, под которым записан голос птицы и ее название.

Инаго не только без всякого труда нашла путь к сердцу Дзина, но и безбоязненно пошла на сближение с Исана. Она выразила желание спуститься в бункер и с интересом разглядывала его устройство — это ли был не лучший способ завладеть сердцем Исана? Когда она залезла в бункер, а Исана, разрешив ей это, остался у открытого люка, Инаго почтительно, но голосом, от которого кружилась голова, задавала ему вопросы. Заглядывая в бункер, чтобы ответить ей, он встретился с горящими в темноте глазами девушки. И испытал стыд, будто залучил в ловушку мелкого зверька, и в то же время вспыхнувшее огнем желание. Хотя сидевшая в бункере девчонка была наполовину

поглощена тьмой, в глубоком вырезе куртки из джинсового материала выглядывали не только плечи, но и маленькая грудь, и цилиндрики сосков. Но Инаго не придавала этому никакого значения. Все ее внимание было приковано к четырехугольному отверстию в бетонном полу, где была настоящая земля.

— Раньше я думала, как это противно не пострадать и остаться жить в этом бункере нам одним, даже если сбросят атомную или водородную бомбу и весь Токио будет разрушен, но оказывается, что это такое место, где можно держать ноги в земле, пока снаружи по той же земле мечутся люди. Выходит как бы наоборот — мы не останемся в одиночестве. Я не могу как следует выразить это, но...

Прошла неделя, и от Такаки через Инаго поступило сообщение, что он хочет встретиться с Исана у лодочной станции рядом с парком. Такаки, наверно, потому не пришел сам встретить его к убежищу, что больной с третьего этажа был против того, чтобы показывать постороннему человеку тайник. Теперь уже без всякого страха поручив Дзина заботам девушки, Исана отправился в условленное место. Широкая река под облачным пасмурным небом — глядя от лодочной станции на ее сверкающую гладь, изрезанную естественными островками, невозможно было определить, в какую сторону она течет. Такаки сидел спиной к реке, опершись на локти с видом скучающего чудака, пришедшего на лодочную станцию не в сезон, и ждал Исана. Приближаясь к нему, Исана смотрел на реку, на неясные очертания того, что было на противоположном берегу. Там, вдали, должно быть, находился промышленный район, центральное место в котором занимал металлургический завод, но ясно рассмотреть все это отсюда, разумеется, было невозможно. А еще дальше первобытным лесом высились огромные заводские трубы, хотя и их очертания тоже были расплывчатыми. Над этим багряно-серым промышленным районом нависло хмурое, темное небо, воздух был густым от насытившей его пыли. Такаки поднял глаза на Исана, некоторое время наблюдавшего этот пейзаж, и поднялся к нему по сухому песчаному склону, мягко раздвигая полегший тростник. Рядом с Такаки стоял подросток, самый крепкий из всей их компании, на котором, как будто наступило уже лето, была открытая рубаша, джинсовые шорты и легкие туфли, и в упор смотрел на Исана, впериw взгляд в одну точку. Вместо того чтобы спуститься прямо к лодочной станции, они перевалили через песчаный гребень, подступающий к самой реке по эту сторону дамбы, и спустились к берегу уже дальше, метрах в четырех-пяти, и звуки радио, доносившиеся

раньше с лодочной станции, теперь пролетали над их головами, и слышался только скрип песка. На дне воронкообразной впадины, куда они спустились, подросток, стоя в воде, вытаскил из зарослей тростника белую металлическую лодку. Место было какое-то удивительное. Заросший тростником островок прямо перед ними и другие островки, расположенные рядом, не позволяли людям, стоявшим на дамбе, видеть, как Исана и Такаки, грохоча, залезали в лодку, которую удерживал подросток.

Так и не произнеся ни слова и не подняв головы, он оттолкнул лодку, а сам остался стоять в мутной мелкой воде. Бросив последний взгляд на него и тростник, покрывающий остров, Исана повернулся к Такаки, взявшемуся за весла. Хотя он еще не начал грести, лодка плыла вниз по течению, получив ускорение от толчка.

Лодочная станция находилась на участке реки за дамбой, который был намного шире узкой протоки между дамбой и берегом, сплошь усеянной островками сухого тростника, где сейчас плыла их лодка. Протока напоминала пруд, отделенный от основного русла реки. Однажды Исана вместе с Дзином ловил здесь карасей, хотя и ловить-то их не хотел, да по-настоящему и не ловил. Лодка их постепенно набирала скорость, значит, течение здесь такое же сильное, как и в основной части реки, наверное, оно несет мельчайшие частицы красной земли. С момента встречи ни Исана, ни Такаки не обмолвились ни словом, и Исана это казалось обязательным правилом игры в секретность, затеянной подростками. Но и заработав веслами, Такаки по-прежнему молчал, стараясь не смотреть на Исана; эта детская игра начала его беспокоить.

— Разве ваш большой товарищ не был против того, чтобы ты приводил меня в тайник? Удалось его уговорить? — спросил Исана.

— Бой, что ли? Да я думал, он ко вчерашнему дню умрет. Вот и решил, пусть противится, если ему от этого легче, — как ни в чем не бывало сказал Такаки.

Лицо Исана, обдуваемое легким речным ветерком, казалось, спыхнуло. Он даже заикаться начал:

— Думал, ко вчерашнему дню умрет? Значит, вы решили в мое с сыном убежище подбросить труп?

— Совершенно верно, — спокойно согласился Такаки. — Нам было бы трудно избавиться от трупа Боя. Даже если бы он умер от столбняка, его раны любому врачу показались бы подозрительными. И он из любопытства или профессионального долга, но обязательно постарался бы заинтересовать полицию.

— В общем, вы собирались повесить на меня с Дзином покойника! — зло бросил возмущенный Исана, прерывая беспечную болтовню Такаки, который точно пытался разозлить его еще больше.— Но почему? Почему вы решили притащить труп именно ко мне? Почему? Вы подумали о том, что вы делаете?

— Не кипятитесь! Я надеюсь, вы не наброситесь сейчас на меня? Мы ведь в лодке, не забывайте,— сказал Такаки, отпустив весла и вытянув перед собой руки, точно готовясь отбить атаку.

Исана увидел, что глаза юноши, которые тот все время отводил в сторону, налились кровью, лицо посерело и пошло пятнами, и на нем появилось злое и в то же время странно заискивающее выражение.

— Видите ли, мы, Союз свободных мореплавателей, выбрали именно вас,— сказал Такаки, не меняя позы.

Лодка плыла, набирая скорость, между островками. Ветер стал резким и порывистым, в нос ударил кислый запах, похожий на запах серы. Даже по эту сторону дамбы течение делалось все стремительнее, и Такаки пришлось теперь грести изо всех сил, чтобы уйти со стремнины. Исана молчал. Снова подойдя к островку, лодка через еще один проход в дамбе заплыла по узкой протоке в камыши. В воде, по обеим берегам протоки, где торчали сухой тростник и мискант, начали зеленеть молодые побеги. Когда, набравшись летних сил, пышная зелень превратится в густые заросли, эта протока станет для плывущей здесь лодки таинственным лабиринтом.

— Мы выбрали именно вас,— продолжал Такаки,— потому что, долгое время наблюдая за вами, убедились, что вы отличаетесь от остальных жителей этих мест. Мы сразу поняли, что вы человек необычный, но в чем состоит ваша необычность, не представляли себе, пока я не услышал, что вы говорите о китах и деревьях. Тогда я подумал, что если вы и стоите между нами и всеми остальными людьми на свете, то все-таки вы ближе к нам. Вот я и решил установить с вами контакт. Потому, когда Гой оказался при смерти, мы выбрали ваше убежище в качестве приюта для умирающего. В общем, если говорить о Бое, то он, как известно, не умер, и никаких осложнений, связанных с тем, чтобы отделаться от его трупа, не возникло, так что теперь его можно спокойно забрать из вашего убежища, и все же я собираюсь показать вам тайник Союза свободных мореплавателей. Разве вам не ясно, что мы хотим установить с вами контакт? Во всяком случае, ни с кем другим завязывать отношений мы не намерены.

— Это-то я понимаю, но...

Лодка доплыла до конца протоки, и им пришлось вылезти из нее и пролезть под аркой водостока. Миновав арку, они оказались в самом центре огромной свалки. Чего только здесь не было — она являла собой выставку множества пришедших в негодность и выброшенных предметов, связанных с жизнью человека. Доказательством того, что мусор сваливали сюда не один год, были прорезавшие его слои сухой травы. В этой горе мусора был вырыт проход в ширину плеч человека. Следуя за Такаки, Исана шел по проходу, стараясь не касаться мусорных стен, чтобы они не обвалились, потом свернул за угол — поворот был сделан, видимо, для того, чтобы проход не просматривался, — и оказался у киносъёмочного павильона.

Пока юноша возился с замком, Исана впервые поднял голову к начавшему темнеть небу и глубоко вздохнул. Загипнотизированный детской одержимостью, с которой, видимо, проделывался этот проход, Исана чувствовал себя человеком, который долго пребывал в глубокой шахте и которому только теперь представилась возможность взглянуть на небо.

Глава 7

БОЙ ПРОТИВИТСЯ

Когда ворота кинопавильона открылись, перед глазами Исана возник громадный бульдозер, раскрашенный желтыми и черными полосами. Поскольку бульдозер не работал, было бы естественно, чтобы его огромный нож лежал на земле, но нож был поднят выше кабины водителя. Между двумя штангами, держащими его, были видны не только дизельный мотор и кабина водителя, но и еще одна, расположенная над ней кабина, повернутая в противоположную сторону. По бокам желто-черного полосатого корпуса выпирали широченные гусеницы.

— Прекрасное пугало для незваных гостей.

— Не только пугало. Это же настоящий танк, — сказал Такаки. — Если на нас, как на незваных гостей, пойдет сейчас этот бульдозер и мы начнем отступать по узкому проходу, он обрушит на нас гору сваленной здесь рухляди. Погребенные под ней, мы будем смяты ножом и утрамбованы гусеницами. Конечно, бульдозер был предназначен для разрушения временных построек киностудии и расчистки участка. Мы нанялись в компанию, которая занимается расчисткой участков, и работали на

нем. Здесь предполагалось сделать площадку для игры в шары. Но из-за протеста местных жителей от этого плана пришлось отказаться. Ребята лишились работы, а бульдозер так и остался. Вот мы и придумали, как использовать его. Перво-наперво сгребли в одну кучу обломки уже разрушенного павильона, который стоял между этой постройкой и строениями напротив, и, устроив свалку, по которой мы сейчас проходили, укрыли за ней наш павильон. Во всяком случае, теперь никому и в голову не придет перебираться через гору мусора. Перед окончанием работы мы затащили в павильон бульдозер, а колею засыпали мусором, чтобы его нельзя было отыскать. Компания получила страховку. И не стала поднимать шума по поводу пропажи какого-то бульдозера.

Обойдя бульдозер, Такаки вошел внутрь павильона. Исана последовал за ним. И тут, в свете, проникавшем через застекленную крышу, он увидел двухмачтовую шхуну, шхуну, готовую к отплытию — стояло лишь натянуть канаты и поднять паруса. Исана буквально оторопел. Ого, воскликнул он, и Такаки, обернувшись, пристально посмотрел на него. Стоя позади Такаки и разглядывая вместе с ним шхуну, Исана пришел в неопишуемый восторг — создавалось полное впечатление, что шхуна мчится на них, меняя галсы, хотя паруса были спущены и она застыла на месте. На шхуне было две мачты, бушприт выдавался далеко вперед, казалось, вот-вот загорятся бортовые огни. Настоящая палуба шхуны лежала на полу павильона. Фальшборт, возвышавшийся над полом, лишь обрисовывал контуры корабля — он ничем не отличался от обычных стен помещения. И все же это была настоящая шхуна.

Внутренность павильона — обычная, как на любой киностудии: высоко, под потолком, над мачтами шхуны, было укреплено множество рам и проложены бесчисленные рельсы, на которых висела осветительная аппаратура. А внизу стояла шхуна, и благодаря тому, что вокруг нее были использовавшиеся на студии при съемках фильмов декорации с мастерски нарисованным пейзажем, создавалось впечатление, будто она плывет по морю, погрузившись по палубу. Пейзажи на декорациях справа и слева от корабля отличались друг от друга. Даже небо отличалось: с одной стороны оно было ярким и чистым, с другой — предгрозовым. За кормой судна на декорациях тянулся пенистый след, производивший эффект стремительного движения. Обойдя фальшборт, сделанный из цемента прямо на полу, и зайдя в глубь павильона к корме шхуны, Исана увидел, что на полотне изображено просто катание на водных лыжах.

— Неужели все это декорации для съемок? — спросил Исана, дойдя до кормы, и опершись обеими руками о высокий, входящий ему до груди фальшборт. Он увидел перед собой штурвал и рубку, а за ними — две мачты.

— Задник — да. Использовался, наверно, для съемки морских фильмов, — сказал Такаки. Он снял туфли, перешагнув через фальшборт и забрался на палубу. — Но сама шхуна не киноподделка. Вы, должно быть, сразу догадались. Это часть настоящей шхуны, плававшей по морям. Пятьдесят футов в длину. Мы учимся ставить и убирать паруса, изучаем снасти. Воображая то или иное направление ветра, работаем с парусами. В общем, используем шхуну для плавания в открытом море павильона. Чтобы мачты не качались, когда мы забираемся на самый верх ставить снасти, мы укрепили их не только снизу, но и сверху. Из того, что осталось здесь, на студии, только эта шхуна еще на что-то годится. Я всегда считал кинопроизводство удивительным миром, и это верно в том смысле, что в нем нет ни одной неподдельной вещи.

— Не знаю даже, как лучше назвать ее — «шхуной» или «шхуной от палубы и выше». Скажи, а эту свою «неподдельную вещь» вы построили сами?

— Разве я не сказал, что она плавала по морям? Неспециалистам такую не построить. Мы притащили ее всю прямо с моря. Разобрали по частям и привезли на мощном грузовике, — сказал Такаки с наивной гордостью. — Шхуна принадлежала какому-то иностранцу, он на лето приезжал в Японию. А зимой она стояла на якоре в одной бухте в Идзу, и одного из наших парней наняли за ней присматривать. В общем, наняли на свою голову. Летом он должен был помогать иностранцу плавать на ней, а зимой — охранять. Следить, чтобы ее не унесло тайфуном. А мы решили ее использовать для обучения Свободных мореплавателей. Но в море нас бы сразу засекали. Вот мы и отвели ее в маленький заливчик, разобрали и перетащили сюда палубу и все, что над ней. А здесь снова собрали. Разобрать палубу и мачты было не так уж трудно, а на сборку ушло целых полгода. Мачты пришлось немного подпилить. Павильон оказался прекрасным помещением: он высокий, сколько угодно блоков, веревок, работать было легко. Но все равно на это ушло целых полгода.

— Действительно, большая работа, если на нее ушло полгода, — сказал Исана, заряжаясь весельем. — Есть же люди, которые так продуманно и целеустремленно занимаются большой игрой...

Такаки, которого слово «игра», видимо, задело, начал изо всех сил крутить штурвал, потом открыл дверь в рубку и показал Исана койку и компас. Потолок над кроватью был очень низким — когда шхуна плавала по морю, пол рубки находился почти на полметра ниже палубы.

— Все, что было выше палубы, вы разобрали и унесли, а сам корпус все еще плавает по морю?

— Плавать-то, может, и плавает. Только из машинного отделения мы забрали мотор, радию тоже притащили сюда, все сняли — и койки из кубрика, и штурманский стол. Так что, по существу, здесь весь корабль. По морю же плавает лишь остов шхуны с камбузом, гальюном, кладовой и балластными цистернами. В подвале мы в точности воспроизвели кубрик. В нем мы живем, а здесь у нас проходят учения — в общем, чем не корабельная жизнь?

Такаки перелез через фальшборт, надел туфли и, толкнув металлическую дверь, скрытую декорацией, пригласил Исана следовать за ним. Света он не зажег; за дверью начиналась совершенно темная лестница. Они стали спускаться во тьму, воздух, казалось, был насыщен мириадами спор плесени. Такаки открыл еще одну металлическую дверь, как и на первом этаже. Тусклая лампочка посреди комнаты освещала расположенные в два яруса корабельные койки. В свете лампочки, затененной черным колпаком, свисавшим на длинном шнуре с высокого потолка, — Исана сразу же вспомнил светомаскировку военных лет — он увидел, как на нижней койке приподнялся на локте тщедушный человек. Одновременно в поле его зрения попали еще две фигуры, двигавшиеся в неосвещенном пространстве. Когда маленький человек на койке приподнялся, высветились его лицо и предмет, который он прижимал к груди. Но Исана уже понял, что это Бой с охотничьим ружьем в руках. Двое других, стоявшие за освещенным кругом, похоже, не были вооружены. Один из них, широкоплечий непропорционально росту, сразу заинтересовал Исану. Этот человек, по прозвищу «Короткий», как потом узнал Исана, был самой колоритной личностью среди Свободных мореплавателей, он стоял в непринужденной позе, и особенности его сложения были не более явными, чем у подростка с ружьем в руках.

— Засада? Да, Бой, — сказал Такаки, обращаясь к подростку. — Антибиотик тебе быстро помог. Неужели ты добрался сюда сам, без посторонней помощи?

— Я его привез. У меня, Такаки, тоже к тебе вопрос: почему ты пришел сюда с посторонним, не посоветовавшись с

нами? — сказал кто-то из темноты. По некоторым характерным чертам Исана сразу же запомнил и этого парня, которого звали Тамакити. — Ты садись на свою капитанскую койку, у Боя ружье заряжено. Мы с Коротким пока еще сохраняем нейтралитет, но если ты собираешься отделаться шуточками, то знай: Бой на твою удочку не попадет.

— Тамакити всегда подыгрывает Боя, — поддел его Такаки.

— И ружья, и все остальное оружие хранится у меня, кроме того, что у Боя. Он еще слаб, и без оружия с тобой, Такаки, на равных ему не договориться. Ну что ж, начнем разговор, — сказал Тамакити, не поддаваясь на провокацию. Подойдя прямо к одноярусной койке, стоявшей в конце двухъярусных коек, выстроившихся вдоль обоих бортов, Такаки протянул руку вверх и включил еще одну лампу. Следовавший за ним Исана сел на нижнюю койку и увидел, что на бетонном полу между ней и койкой Тамакити белой краской нарисована какая-то геометрическая фигура. Сидя на койке, он видел лишь переднюю ее часть, охватить же ее взглядом всю не мог. Ему пришлось мысленно представить, какой она должна быть целиком, и он понял, что это планиметрическое изображение внутреннего оборудования пятидесятифутовой шхуны в натуральную величину — об этом как раз и говорил ему только что Такаки. Двухъярусные койки расположились в соответствии с тем, как они были изображены планиметрически; в машинном отделении, отгороженном веревкой, стоял настоящий мотор, видимо, вполне исправный. Только гальюн был лишь очерчен на плане линиями, вместо него использовалась уборная, существовавшая в павильоне еще раньше, и находилась она, разумеется, вне корабля, но что касается всех остальных жизненных центров, вплоть до камбуза, то все они были размещены в границах пятидесятифутовой шхуны.

— Тамакити, я не в обиде на тебя за то, что ты распалил Боя, да еще дал ему ружье, а остальное оружие куда-то припрятал, — сказал Такаки. — Ты ведь ответственный за оружие Союза свободных мореплавателей. Да и зачем мне оружие? Я ведь не собираюсь стрелять в Боя.

— Даже если бы у тебя и была на меня обида, то только личная, верно ведь? Мы ведь отнюдь не уставом объединены, — холодно ответил Тамакити. — Если предположить, что у нас был устав, то первым его нарушил ты: ни с кем не договорившись, привел в тайник Свободных мореплавателей постороннего. Теперь я вижу, что, прежде чем объединяться вокруг тебя, нам следовало написать устав. Будь он у нас, мы бы не стали, боясь

хлопот, отправлять Боя из нашего укрытия, даже если он и был при смерти. Пока меня не было, Боя куда-то увезли и бросили одного только потому, что состояние его ухудшилось. Меня это просто взорвало.

— Да, это было нехорошо, Такаки,— поддакнул Короткий. Он произнес это голосом, сочетающим в себе нормальный голос взрослого мужчины и голос кастрата, в котором попеременно чередовались высокие и низкие ноты, поэтому голос его казался ненастоящим, как это бывает, когда пластинка вращается с большей скоростью, чем нужно.

— Оставить Боя здесь было невозможно. Разве вы этого не понимаете? Как бы мы достали лекарство? И потом, разве мы бросили Боя? И разве Бой не поправился в конце концов? Вы дожидались меня здесь, в подвале, чтобы поплакаться о его горестной судьбе, и для этого даже вооружили Боя? Очень уж хотелось поплакаться, да? — парировал Такаки.— Другой цели у вас, разумеется, не будет?

— Я сейчас убью этого сумасшедшего! Мы дожидались тебя, Такаки, чтобы убить его! — впервые подал голос Бой, и по его голосу было ясно, что он еще не совсем выздоровел.

— Что это с ним произошло? Еще вчера ныл, что умрет, а сегодня смотри как заговорил! — спокойно сказал Такаки, но на его худом лице не осталось ни кровинки, и оно конвульсивно подергивалось. Исана понял, что над ним нависла страшная опасность и что Такаки, который должен был бы его защитить, бессилен и сам с горечью и яростью сознает свое бессилие.

— Ружье заряжено дробью. Иди сюда, Такаки, а его я сейчас убью, он и всхлипнуть не успеет! — сказал Бой, наводя ружье прямо на Исана.

— Всклипнуть? Нет, я плакать не собираюсь. Плакать будешь ты, щенок! — сказал Исана.

Такаки изумленно посмотрел на него. Его глаза на подвижном бледном, а теперь еще и напряженном лице, которые до этого едва замечали Исана, налились кровью, готовой выплеснуться, как слезы, расширились и не моргая смотрели на Исана. *Сейчас, именно сейчас, моя бедная, ни в чем не повинная голова будет снесена ружейным зарядом. Ведь с такого расстояния дробь даже не рассеется и сохранит убойную силу,* — обратился Исана к душам деревьев и душам китов. Огромной липкой тяжестью на него навалилось чувство бессилия — бежать невозможно. Не столько Бой с ружьем в руках, сколько застывший взгляд Такаки заставил Исана осознать свое жалкое положение: у него нет другого выхода, как ждать, по-

добно беспомощному ребенку, приближения несущегося на него с огромной скоростью предмета, от которого невозможно увернуться. И все же он не верил, что вот-вот умрет, в нем пробудилось могучее сознание своей правоты.

— Зачем вы ему это говорите, чтобы еще больше распалить этого щенка? — перебил его Такаки, взорвавшись, как боб на скоророде. — Почему не скажете Бою, чтобы он не стрелял?

— Почему, говоришь? — сказал Исана тихо, почти не разжимая губ. Под языком застыл свинцовый комок. Ему неожиданно открылась ясная и простая истина, и он хотел как следует осмыслить ее. Вместо того чтобы обратиться к душам деревьев и душам китов, он заговорил с Такаки: Я не собираюсь искать способ как-то продлить свою жизнь, потому что мне на нее наплевать, а Дзин, как мне кажется, и без меня не пропадет в этом мире. Во всяком случае, он, по-моему, научился быть независимым от меня. Только благодаря Инаго. А раз Дзин может без меня обойтись, руки у меня развязаны — я свободен. И я с радостью готов умереть. Я ведь уже говорил тебе об этом.

Такаки, поморщившись, мрачно посмотрел на Исана.

— А как же быть с ролью поверенного, радеющего за деревья? Как же быть с поверенным китов на земле? Если поверенного деревьев и китов вдруг не станет, плохо им придется, а? Или все, что вы говорили, шутка? — возбужденно и в то же время умоляюще говорил Такаки, выдавая тем самым, что он гораздо больше Исана верит в его близкую смерть, боится ее.

— До сих пор я не мог надеяться, что кто-либо, кому я об этом рассказывал, признает меня, не думал, что в это вообще можно поверить, как и в души деревьев и души китов, — сказал Исана. — Но ты, кажется, поверил, и если души деревьев и души китов тоже признают меня своим поверенным, то моя смерть не страшна — деревья и киты сразу же выберут себе нового поверенного. Я только сейчас осознал, что в этом мире немало людей, ведущих такую же затворническую жизнь, как я, и вполне пригодных на роль поверенных деревьев и китов. Поэтому я, живущий в убежище и одержимый своей идеей, все же могу объективно взглянуть на себя и спокойно отнестись к возможности быть убитым по странной причине и в странном месте. Правда, вам придется подумать о том, что делать с моим трупом... Но если я объективно являюсь тем человеком, каким кажусь себе субъективно, то вы найдете себе еще такого же. Как ты считаешь?.. Как только вы нарисовали

на моем убежище сигналы и пошли на сближение со мной, я сразу же подумал, что мне предстоят новые испытания. Вот они и наступили...

Исана умолк. Он разрывался между напряженным ожиданием выстрела и мысленным погружением в водоворот своего внутреннего мира. Если он так и будет молчать, казалось ему, то сам сможет определить время казни, и это будет последним молчанием его плоти и сознания, совсем недавно еще живых и деятельных. И все же он, одурманенный неимоверным напряжением и спертым воздухом подвала, не испытывал ни малейшего страха. Острее других реагировал на слова Исана, пребывавшего в странной неопределенности, Короткий, стоявший за койкой Боя. Когда он заговорил тонким голосом, переживая слова своей черной пастью, треснувшее молчание словно рассыпалось бесчисленными фиолетовыми искрами.

— Поверенный деревьев и китов? Это еще что такое? — воскликнул он поспешно, точно боясь, что Бой вот-вот выстрелит.

— Разве я не рассказывал? Может, ты меня просто не слушал? — сказал Такаки возмущенно.

— Твой рассказ — это рассказ о сумасшедшем, который мы воспринимали как розыгрыш. Что все это значит? Какой-то сумасшедший решил говорить от имени китов только потому, что эти киты, обреченные на истребление, с грехом пополам спасаются в Северном Ледовитом океане или еще где-то. Разве это не сумасшествие?

— Никакой он не сумасшедший! И именно потому, что он не сумасшедший, Бой хочет убить его — из страха, что он донесет о тайнике Свободных мореплавателей, и вы оба помогаете ему в этом, — зло бросил Такаки. Исана понял, что, по крайней мере сначала, его посчитали сумасшедшим, уединенно живущим со своим умственно отсталым сыном.

— Хорошо, согласен, он не сумасшедший. Но кое-какие неясности все же остаются, верно? — теперь Короткий обращался уже к Исана. — О деревьях говорить не будем, но вот что вы будете делать как поверенный китов, когда последнего из них уничтожат? Они же обречены на истребление, вы сами говорите. Перейдете в ответное наступление на человечество, своровав водородную бомбу? А иначе какой смысл в вашем убежище? Как вы ведете свою кампанию в защиту китов, с помощью пистолета или еще как?

— Он сумасшедший! Какже планы могут быть у сумасшедшего! — завопил Бой. — Сумасшедший, Такаки, может и шпионом быть, и доносить, чтобы защитить себя, сумасшедшего. Они

хитрые. Захочется ему, к примеру, угодить полиции, и все. Такие сумасшедшие тоже бывают! Которые заискивают перед полицией!

— Подумай как следует, раньше чем стрелять! — закричал Такаки, повернувшись к Бою.— Чего ты трясешься и вопишь, как истеричная баба?

Такаки уже не загоразивает его тела, в которое устремится дробь из ружья Боя, чтобы поразить голову, плечи, грудь. Исана снова осознал грозящую опасность, от которой холодела кровь в жилах, но это был не страх, а нечто иное.

— Постой, Бой, не стреляй. Еще не время. Я хочу услышать ответ на свой вопрос! — тонким голосом воскликнул Короткий.— Ну так что же произойдет, когда последний кит будет уничтожен? Вы собираетесь в этот день обрушить возмездие на весь род человеческий, да? А если нет...

— Киты — самые крупные, самые прекрасные из всех млекопитающих, — заговорил Исана по долгу поверенного.— Безжалостно охотясь на китов, люди поставили их перед угрозой полного истребления, но я все равно убежден, что в конце концов именно киты окажутся сильнее всех млекопитающих. Киты, способные сколько угодно находиться под водой, окажутся в случае ядерной войны в несравненно лучших условиях, чем сухопутные млекопитающие. В глубине души я уверен, что день гибели последнего кита окажется также и днем гибели последнего млекопитающего, именуемого человеком. И не будет нужды обрушивать возмездие.

— Верно, я тоже так думаю! — горячо воскликнул Короткий.— Человечество действительно погибнет раньше, чем киты. Несомненно! Но в чем же тогда роль поверенного китов? В том, чтобы создать Союз млекопитающих, который выступит с призывом охранять китов, чтобы не допустить всеобщей гибели людей и китов? Если вы это собираетесь делать, то наверняка можете и шпионить, и сотрудничать с полицией, и доносить на нас. Вы же подглядывали за нами в бинокль? Верно?

— Точно, у него есть огромный бинокль, — сказал Бой, почувствовав поддержку.— Ничего другого не остается, его нужно убить, и поскорее!

— Тебя не спрашивают, — сказал Короткий.— Я к вам обращаюсь, что же все-таки это значит, быть поверенным только китов, а не служить всем млекопитающим?

— Я думаю о том дне, когда погибнут все млекопитающие земного шара, включая людей и китов, когда и деревья засохнут, а на земле появятся пришельцы, — сказал Исана с

подъемом: нашелся-таки еще один человек, слушавший его с неподдельным интересом.— Я считаю своей обязанностью рассказать пришельцам, что царствовал на земле не человек, а киты и деревья. Я хочу сообщить им, что в существовании деревьев и китов было нечто столь непостижимое, что понять это оказалось человеку не под силу. Разумеется, пришельцы будут значительно превосходить человека, и, возможно, прибегать к словам не будет необходимости. Гибель человека и будет его посланием пришельцам. Пришельцами я называю тех, кто придет сюда из миров, лежащих вне солнечной системы, то есть тех, кто останется на Земле после нас. Есть среди ученых популяризаторы, утверждающие, что после гибели млекопитающих землю заселят тараканы, но я не хотел бы поведать о величии деревьев и китов каким-то тараканам.

— Но ведь это одни предположения! — чуть ли не закричал Короткий, выходя из темноты.— По вашим словам, даже если большая часть млекопитающих, включая и людей, погибнет, то останутся киты — самые могучие, как вы говорите, млекопитающие. И пришельцев встретят лишь киты и вы — их поверенный на Земле. Деревья благодаря телепатии пришельцев тоже заговорят — и вы будете присутствовать при этом, страшно даже подумать!

— Мечты мои так далеко не простираются. Я хоть и поверенный китов, но не облечен особыми полномочиями,— сказал Исана, услышав в своем голосе явные нотки печали, резко контрастировавшие с горячностью Короткого.— Я даже мечтать не могу о такой блистательной перспективе. Единственное, чего я хотел бы,— это ограничиться в жизни ролью поверенного деревьев и китов. И не иметь никаких отношений с посторонними людьми. Могу ли я внести какой-либо вклад в настоящее и будущее человечества, растя умственно отсталого ребенка? Так я и живу, спокойно ожидая дня гибели деревьев, китов, людей. Человек, живущий ожиданиями и фактически не делающий ничего, что присуще человеку, наверняка сразу же обратит на себя внимание пришельцев, и к ним дойдет его послание. Только потому, что мне безумно хочется умереть, я и спрятался в убежище, чтобы заставить себя дожить до того дня, когда придут пришельцы. Если жить, не делая ничего, что присуще человеку, и только ждать, то естественнее всего жить, участь у деревьев, вот я и живу, пытаюсь слиться с ними. Жизнь в слиянии с деревьями более всего в духе человека, продляющего ее во имя того, чтобы встретить пришельцев...

— Поглядите на него! Он хочет прожить дольше всех нас. А такой человек способен на что угодно, он будет и шпионить, и доносить, и предавать!

— Заткнись, дубина! Тебя никто не спрашивает! — тонким голосом заглушил вопль Боя Короткий. — Однако из сказанного вами следует, что вы на этом свете ни на что не претендуете лично для себя и живете одним ожиданием. Ради чего все-таки вы отказались от всех прав, которыми обладает человек, и начали жить ожиданием? Неужели вы так любите деревья и китов? Может, это религия особая такая? А деревья и киты — боги? Но вряд ли. Из вашего рассказа я заключил, что если пришьельцы и могли бы сойти за богов, то погибшие деревья и киты — не боги. Правильно? Так что нет никаких оснований называть деревья и китов богами!

— Разумеется, и деревья и киты не боги. Киты — самые крупные, самые прекрасные из всех млекопитающих, так назвать их вполне уместно, но не более. А вот деревья, видимо, ближе к богам, чем киты. Ближе потому, что, даже если все млекопитающие погибнут, деревья смогут возродиться, и с ними подружатся пришьельцы. Я видел изуродованные листья, потерявшие свою обычную форму в результате атомной радиации, но и в Хиросиме и в Нагасаки именно деревья возродились первыми. Мне кажется, деревья переживут любые стихийные бедствия и, не исключено, будут существовать и в век пришьельцев.

— Я думаю о деревьях то же самое. Особенно ясно ощущаешь это, фотографируя, как взрываются после зимнего сна почки, — сказал Короткий.

— Тем не менее и деревья — не боги. В конце концов и они погибают, — сказал Исана.

— Совершенно верно, даже когда это Китовые деревья, — сказал Такаки.

— Сумасшедшие, сумасшедшие! Вы все сумасшедшие! — завопил Бой.

Бой, державший на коленях наведенное на Исана ружье, кричал на своих дружков, но ненависть его обращена была к Исана, и можно было ждать, что он в любую минуту нажмет на спусковой крючок. Короткий, сохраняя самообладание, кружным путем двинулся на своих кривых ногах — непропорциональность его тела теперь резко бросалась в глаза — и остановился у двухъярусной койки, находящейся в вершине равностороннего треугольника, два других угла которого образовывали койки, где стояли Исана и Такаки. Он спокойно взобрался

наверх, включил над головой голую лампочку и удобно уселся на койке; всеми своими действиями и видом он игнорировал бешенство Боя. Это явно было рассчитано на то, чтобы утихомирить Боя, державшего в руках ружье. Теперь за спиной Боя остался один Тамакити, который пока не проронил ни слова.

— Короткий уже не на стороне Боя, он вернулся на свою койку. Разве ты не видишь, Тамакити, теперь ты у Боя единственный союзник. Вам придется сражаться одним,— съязвил Такаки, хотя положение все еще оставалось напряженным.

— Правильно. Зачем убивать его, пусть лучше присоединяется к нам,— сказал Короткий.

— Почему мы должны ему верить? Почему даже ты, Короткий, веришь ему? Почему мы должны верить, что он не донесет на Свободных мореплавателей? — набросился Бой на перекинувшегося во вражеский лагерь Короткого.— Мы до сих пор полагали, что он сделает для нас все что угодно, опасаясь, что мы похитим его дефективного ребенка. Разве не ты, Такаки, всегда говорил нам это? А теперь он уверен, что сын проживет и без него. А? Угрожай ему теперь похищением сына — ему плевать, пойдет и донесет на нас. Что же нам делать? Запереть его здесь и никуда не выпускать?

— Нет, запирать его мы не будем. Ты и вправду идиот. Нам только лучше будет, если он присоединится к нам. Лишь бы он согласился,— сказал Короткий.— Ведь он единственный из всех людей, кто ждет конца света! Он не чета тебе, скулящий щенок!

— Замолчи! Хоть он и живет необычной жизнью, когда-нибудь он откажется от нее. Бросит посреди дороги! Раньше-то он жил среди людей, этот тип. И когда-нибудь снова вернется к ним. Ты ведь, Такаки, всегда нам это говорил или, может, не говорил? Человек, которого не изгнали из общества, а который сам ушел из него, рано или поздно все бросит посреди дороги и сам в него вернется, говорил же ты это?

— Такаки говорил прямо противоположное! Человек, по собственной воле покинувший общество, не вернется в него по собственной воле — вот что он говорил. Ты просто неправильно понял!

— А ты? Ты ведь пришел к нам потому, что стал сжиматься, верно? Разве ты стал сжиматься по своей воле? Инвалидами и сумасшедшими становятся тоже не по своей воле.

— Я не инвалид и не сумасшедший. Или ты сомневаешься? — сказал Короткий все тем же тонким, но с хрипотцой голосом.

Затем перед глазами Исана с невероятной стремительностью разыгралась драма насилия. С такой стремительностью, что, сколько раз он ни пытался потом мысленно проследить ее с начала до конца, стремительность, с которой он вспоминал, значительно отставала от ее развития в действительности. Необычной была не только стремительность. Скорее, само впечатление необычной стремительности связывало в одно целое разрозненные действия и реакции. Исана наблюдал за происходящим, стоя справа и чуть сзади от Короткого, и спрыгнувший с койки на пол Короткий казался ему едва ли не карликом. Ноги были такими короткими, будто он полз на коленях, а руки, которые он, согнув, выставил перед грудью, будто обрывались у локтей. По сравнению с ними туловище было невероятно длинным, плечи — широкими, грудь — могучей, оттопыренный зад — колоссальным. Выставив вперед огромную голову, вросшую в мощные плечи, он удивительно плавно, что никак не вязалось с его переваливающейся походкой, прошел мимо штурманского стола и с потрясающим равнодушием, не обращая внимания на направленное ему в грудь ружье, развернулся и ударил Боя по лицу. Сброшенный с койки, Бой быстро вскочил, не выпуская из рук ружья, и приставил его прямо к кончику носа Короткого. Тот, даже не думая отводить его в сторону, вцепился в ствол зубами, как черепаха, хватаящая свою добычу, и не выпускал ствола из зубов, сжатых так крепко, что вены на его короткой шее вздулись. Короткий изо всех сил стукнул Боя по затылку предметом, зажатым в его толстенной, как бревно, руке. Это были тали паруса, лежавшие у койки Боя. С талей, зажатых в руке Короткого, и из рассеченной головы Боя во все стороны брызнула кровь.

— Коротышка, не убивай, не убивай Боя! — закричал Такаки, и Бой при этих словах с воплем бросился в проход за койками.

Короткий выпустил из зубов ружье, и оно упало на пол, но стволом он, наверно, оцарапал горло и, харкнув не менее громко, чем вопил Бой, сплюнул на валявшееся на полу ружье.

Еще раз сплюнув, Короткий закричал:

— Не убегай! — Но Бой и не думал бежать из подвала, а забился, присев на корточки, в дальний угол.

— Так Бой никогда не избавится от своих ран, — сказал, повернувшись к Исана, Такаки, и глаза его снова налились кровью, резко выделяясь на бледном лице.

— Побудем здесь, пока он не кончит выть. Ничего другого

нам не остается, — сказал, теперь уже мирно, тонким голосом Короткий, возвращаясь к своей койке.

Все умолкли, и некоторое время в подвале раздавался лишь плач Боя. Это был печальный плач, в котором слышались и возмущение, и мольба о примирении, обращенные к своим бесчувственным товарищам.

Тамакити, до этого молча наблюдавший за происходящим, вышел в проход между койками и, подобрав с пола ружье, стал тряпкой стирать с него плевки Короткого. Была ли это аккуратность специалиста, но делал он свое дело со скрупулезностью, которой не стоила просто любовь к оружию. Его лицо врезалось в память Исана — всем обликом и гладкой темной кожей теперь, на ярком свете, Тамакити был так похож на Боя, что их можно было принять за братьев.

— Ружье стояло на предохранителе, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Но если бы Бой это заметил и попросил научить, как снять его с предохранителя, я бы научил — другого выхода у меня не было...

Глава 8 КОРОТКИЙ

Бой, которого Тамакити дотащил до койки и уложил, погасив горевшую над ней лампочку, то стонал, то засыпал ненадолго, то прислушивался к тому, что происходит, стараясь подавить стоны. Исана и все остальные задержались в подвале не для того, чтобы ухаживать за ним, а чтобы, дождавшись темноты, перетащить Боя, снова получившего ранения, в убежище. Выйти вчетвером из тайника, чтобы поесть, они тоже не могли. Их удерживали стоны Боя, больше всего боявшегося, что его бросят одного. У самого же Исана не было ни малейшей охоты расставаться с Такаки и его товарищами и одному возвращаться в убежище. Он прекрасно представлял себе, что сложный водный путь, каким они прибыли сюда, проделать без провожатого, да еще в темноте, ему не под силу. В то время он еще думал, что выбраться из тайника Свободных мореплавателей можно лишь на лодке. И тем не менее остался он не только по этой, так сказать, негативной причине. Исана и Короткий, возбужденные насилием, хотя и молчали некоторое время, но готовы были заговорить, и действительно начали болтать без умолку.

Другое дело Такаки — в отличие от настороженно молчав-

шего Тамакити, он без сопротивления окунулся в атмосферу болтовни, но, вспоминая позже эту беседу, Исана обратил внимание, что участвовал в ней Такаки, лишь поддакивая говорившему, либо вставляя какое-нибудь насмешливое замечание. Безысходность и ужас этой беседы, восстановленной Исана в памяти, странным образом естественно сочетались с подтруниванием и насмешками Такаки, стопами Боя, в которых слышалась боль, смешанная с гневом, и настороженным молчанием Тамакити.

Исана сидел на буне, вместо стула поставленном у штурманского стола, спиной к Бою и лицом к койкам, на одной из которых лежал навзничь Такаки, на другой, двухъярусной, внизу, сидел Короткий, а наверху лежал Тамакити. Примкнув Исана к Союзу свободных мореплавателей, ему бы тоже выделили койку, но он предпочел не садиться на нее, так как стеснялся избитого Боя. К Такаки, лежавшему на койке, Исана испытывал смутное чувство близости и благодаря его рассказу о Китовом дереве, и благодаря тому, что он защищал его перед Боем. И пронические восклицания Такаки, и тихие смешки совсем его не раздражали. Однако ему так и не удалось растопить настороженность двух человек, находившихся в подвале и не возражавших против убийства, замысленного Боем, — по-прежнему молчавшего Тамакити и Короткого, хотя и рассказывающего свою историю, но физически и психологически отгороженного какой-то непостижимой стеной. Исана казалось, что Такаки его старый приятель, а беспокоили лишь Тамакити, который, лежа на койке, старательно начищал ружье, и Короткий, с головой окунувшийся в свой рассказ. Исана и Короткий беседовали, сидя вполборота друг к другу, и если бы неожиданно раздался выстрел сигнальной пушки, возвещающей нечто чрезвычайно важное, то не исключено, что они пробежали бы один мимо другого в противоположные стороны. Но второй выстрел сигнальной пушки, подобный вспышке электрического разряда, взорвавшегося в нервных клетках мозга в глубине черепной коробки, несомненно, заставил бы их резко изменить направление бега и, поблуднев от злобы и страха, с ненавистью уставиться друг на друга. В напряжении, рождавшем подобное предчувствие, Исана и Короткий, сидя вполборота, вели беседу, на которой тихо посмеивавшийся Такаки и молчавший Тамакити лишь присутствовали. В этом подвале — кубрике корабля, мчащего по призрачному морю свою команду, Исана подверг себя долгой исповеди, какой не предавался еще никогда в жизни, предназначая ее, разумеется, душам деревьев и ду-

шам китов, предназначая ее ушам Дзина. Уже поселившись в убежище и вынужденный время от времени выходить наружу, Исана нередко пил водку, чтобы сбросить усталость, и, возвращаясь в убежище, распаленный алкоголем, писал обличительные письма своим прежним знакомым и приятелям. Писал как человек, укрывшийся от мира, уверенный, что обращается ко всем людям вообще, поскольку не существовало человека, который не был бы достоин осуждения. Наутро ему самому бывало отвратительно опускать эти письма в ящик — он прекрасно сознавал, что совершает непоправимую глупость, которую не объяснишь даже тем, что был пьян, но именно это сознание подстегивало его, заставляло мчаться по раскаленной дороге к почтовому ящику. В тот вечер, зная заранее, что уже через час его охватит омерзительное раскаяние, как после самого отвратительного в жизни опьянения, Исана исповедовался до полного саморазоблачения...

Но его исповеди предшествовал красочный рассказ Короткого, собственно и вызвавший к жизни эту ответную долгую исповедь. В рассказе Короткого было скрыто нечто, послужившее толчком для исповеди Исана. Короткий имел ему одному присущие физические особенности, но то, что он значительно старше Такаки, не бросалось в глаза. Хотя выглядел он моложе, ему уже исполнилось сорок, следовательно, он был даже старше Исана. Фактор возраста весьма важен для понимания того, что представлял собой Короткий. И он сам придавал этому большое значение.

...Случилось это поздней ночью, когда он отмечал свое тридцатипятилетие, рассказывал Короткий о начале своих горестей, он стал сжиматься и воспринял это как сигнал расставания с молодостью. Судя по его словам, он следующим образом осознал, что сжимается. Тридцатипятилетний профессиональный фоторепортер в день своего рождения напился. Проснувшись ночью и выпив еще немного, он вдруг почувствовал, что по желобку спины вдоль позвоночника перекатывается гладкий теплый шарик. Ему стало не по себе. Он метался, не зажигая света, по своей затихшей во сне трехкомнатной квартире, высунув язык, как собака. Потом разделся догола и встал на весы. Весь съезжился от неприятного холода весов. Посветив карманным фонариком на шкалу, он увидел, что похудел на два килограмма. Но как это связано с тем, что по его спине катался шарик? Он прислонился спиной к тонкому столбу в проходе между кухней и столовой, сдвинул пятки, прижался к столбу и над головой провел ногтем линию. Послышался скри-

пщий звук, какой издает жук-дровосек. Чувствуя, что в его жизни начинаются удивительные перемены, он вернулся воспоминаниями в далекое прошлое, дотронувшись рукой до углубления на макушке: в детстве он поражал своих приятелей тем, что наливал в это углубление целую пригоршню воды, и собирал этим богатую дань. Он тогда был убежден, что углубление на макушке, отличающее его от всех остальных людей, — доказательство необычности его судьбы. От страха у него перехватило дыхание: углубление, этот знак на макушке, который должен был осчастливить, принес ему несчастье. Ноги его точно приросли к полу. Уже тогда он предвидел роковые перемены, которые претерпит его тело и душа: с непостижимой быстротой они становились все явственнее. Бесконечные измерения столба от основания до отметок ногтем, похожих на след, который оставляет на дереве слизняк, давали вещественные доказательства его предвидения. Та постоянная, неизменная с тех пор, как в девятнадцать лет он перестал расти, цифра, теперь должна была исчезнуть из его паспорта и анкет. Его рост уменьшился на пять сантиметров! Он сжимался. И был убежден, что будет непрерывно сжиматься и дальше.

Самым ужасным было полное совпадение внутренних ощущений и показаний сантиметра. Стоило ему представить себе, что тело его будет и дальше стремительно сжиматься, а внутренние органы уменьшатся до размера обезьяньих, и он в конце концов, слабо вскрикнув, умрет, как слезы начали течь неудержимым потоком. Но зато ему удалось освободиться от сложных взаимосвязей тела и души, которые в течение нескольких лет он был не в состоянии распутать. То, что ему пришлось сделать, было чрезвычайно печально, но зато принесло чувство освобождения его истстрадавшемуся сердцу, и он снова с поразительной отчетливостью понял, что весь смысл, вся цель его последующей жизни будут неразрывно связаны со сжатием. Слезы смыли раздражение от того, что вдоль позвоночника катался теплый шарик.

С чувством, будто алкоголь лишь обжег внутренности, но действует на кого-то другого, а не на него, он вернулся в свою спальню и, постояв в раздумье у стола, подложил под ножки стула на три сантиметра старых журналов. Он вычислил, что из пяти сантиметров, на которые сократился его рост, на ноги приходится два. Когда он сел на стул, к нему вернулось ощущение удобства, стол подходил ему по высоте. Но общее состояние от этого не улучшилось.

— Возможно, такие случаи уже бывали, я даже смутно

представляю, как это происходит. Однажды, когда я ездил в Соединенные Штаты на летний семинар личных секретарей политических деятелей, я встретился там с человеком, с которым произошло нечто подобное, — подтвердил Исана, обращаясь к своим воспоминаниям.

— Это был мужчина или женщина? — живо спросил Короткий.

— Мужчина, канадский писатель, пишущий по-английски. У него из года в год укорачивалась нога. Благодаря этому писателю я понял на конкретном примере физическую привлекательность человека, у которого сжимается тело.

Писатель-канадец, он же и преподаватель, считая Исана не просто одним из слушателей семинара, но и своим приятелем, ежегодно присылал ему рождественские поздравления. В конверт он всегда вкладывал также свою новую фотографию. Это бывал фотопортрет человека в рост с круглыми испуганными глазами, в ортопедическом ботинке на толстой подошве — нога заметно укорачивалась год от года — и подчеркнуто прямо держал плечи. Всякий раз к нему прижималась очередная подруга. В первые два года это была одна русская, с которой Исана однажды встречался, — ее писатель отбил у профессора университета, своего коллеги. Позже, каждый год — новая, по-своему очаровательная женщина, излучая беспредельное обожание, прижималась к писателю.

Исана с болью замечал, что подошва на ортопедическом ботинке писателя, правая нога которого укорачивалась с поразительной быстротой, каждое рождество увеличивается на один сантиметр, и писатель, наподобие черепахи, изо всех сил тянет вверх подбородок, чтобы сохранять равновесие. Из года в год рядом с его могучей фигурой в неизменном клетчатом пиджаке появлялась то мексиканка, то китаянка, то японка, а на последней рождественской фотокарточке к нему нежно прижималась огромная женщина с распущенными по плечам рыжими волосами — было сомнительно, чтобы немолодой мужчина, да к тому же с укорачивающейся ногой, справился с ней.

— Это точно мой случай, — заявил Короткий. — Как приятно побеседовать наконец с человеком, который может меня понять. Вы не находите? Я никогда не перестану сжиматься. Но я не воспринимаю это как нечто неестественное. Разумеется, пока это безболезненно. Человек вырастает до предначертанного ему предела, и следующий этап — смерть, сжатие; и хотя то, что происходит со мной, может восприниматься как нечто противоестественное, но, если привыкнуть, то само сжи-

манье будет протекать удивительно естественно и даже наполнится дыханием жизни. Как и в период интенсивного роста, перемены, связанные со сжиманием, стимулируют гормональные и эмоциональные центры мозга.

— Коротышка — сердцеед и хочет этим похвастаться, — поддел его Такаки, но тот ничуть не смутился.

— Разумеется, это трагедия. Действительно, с женой у меня все пошло плохо. До того, как я стал сжиматься, жена была одного роста со мной, в общем женщина крупная. И к тому же, полная. Близость между нами стала какой-то странной. Особенно в моем представлении. Я стал терять ощущение, что обладаю ею. Я не мог не думать в такие минуты о том, что будет, если тело мое сожмется еще больше. Тогда я решил искать утешения у все новых и новых женщин. Вначале я не мог без отвращения вспоминать о той, с которой бывал близок. Эта близость казалась мне криком о помощи. Я чувствовал, что у меня нет никаких прав на близость с женщиной. Ведь я превратился в человека с отвратительно жалким, смешным телом. Вылитый Квазимодо! Но разве не это мечта женщины?.. Если бы моя жизнь продолжалась так, как она шла раньше, то я, думаю, не только бы сжался, но и превратился в высохший труп. Да, было бы именно так. И я жаждал этого! Неприглядная история. Но вот однажды я после десятилетней разлуки встретился с женщиной, которая была влюблена в меня до того еще, как я женился. И все переменялось! Вы читали «Идиота» Достоевского? Читали, разумеется. Его читали все. Правда, эти Свободные мореплаватели, в том числе и Такаки, не читали, ха-ха! Там есть такая женщина, Настасья Филипповна. Я не хочу сказать, что женщина, с которой я снова встретился, была Настасьей Филипповной. Понимаете?

— Понимаю! — пропичал Такаки, передразнивая тонкий голос Короткого.

Исана решил, что Такаки, безусловно, читал «Идиота».

— Я просто хочу провести аналогию между отношением Рогожина и князя Мышкина к Настасье Филипповне и моим отношением к этой приятельнице. Десять лет назад я был для нее князем Мышкиным. А при новой встрече стал для нее Рогожиным. В глазах моей приятельницы сидевшие во мне князь Мышкин и Рогожин сгорели, точно фотокарточки, и, может быть, именно поэтому она, как и Настасья Филипповна, в конце концов приобрела настоящего возлюбленного, которого раньше не могла получить.

— Приобрела не кого-нибудь, а Короткого, — сказал Така-

ки.— Двое русских слились в одно целое, сконденсировались — представляете, какое сокровище она приобрела!

— В памяти приятельницы я был человеком, который любил ее и которого любила она, но который так и не решился на физическую близость с ней. Эта женщина не чувствовала себя со мной свободно. Поэтому наши отношения тогда и не состоялись. Но теперь этого мужчину обуяло стремление к наслаждениям, и единственное, что интересовало его в их отношениях, — физическая близость. Она смогла соединить вместе духовную радость и физическое утешение. Я говорю «утешение», но какое на самом деле это было колоссальное наслаждение! Она преподавала в частном университете, жила одна, купив на деньги, оставленные в наследство родителями, роскошную квартиру, и я, нагрузившись всем необходимым для ужина, шел к ней на свидание. Пока она готовила еду, пока мы ели, сидя друг против друга, я, превратившись в князя Мышкина десятилетней давности, вел с ней беседу. Чуть опьянев, она погружалась в мои рассказы. Кровать, стоявшая у ее рабочего стола, была для нас слишком узкой, поэтому, закончив еду, мы устраивали другую постель на полу. Я до сих пор вспоминаю наивно-детское выражение лица у этой уже немолодой женщины, с каким она старательно устраивала нам постель. Я готов без конца петь дифирамбы телу и душе этой чудесной женщины. Я опустошал себя ради нее. Может быть, это следует назвать погружением в любовь? Мы обессиливали в любви.

— Развратник, грязный развратник! — слабым голосом возмутился Бой.

— Когда, изможденный, я лежал рядом со своей возлюбленной, отдав ей все свои физические и духовные силы, мне казалось, что я все еще погружен в любовь. Вам понятно, в каком смысле я употребляю слово «погружен»? Глядя ее тело, я говорил ей: теперь ты лежишь тихая, точно умершая Настасья Филипповна, и у меня такое чувство, будто я делаю то же самое, что делали князь Мышкин и Рогожин, всю ночь лежавшие возле нее! Она вздрагивала, и я думал, что она дрожит от желания...

— Она просто боялась тебя! Развратник! Ты убил ее и отделался от нее, — вмешался Бой, но Короткий не обратил на его слова никакого внимания.

— Однажды в порыве безумия я действительно чуть не убил ее... Она резко оттолкнула меня и тут же позвонила жене.

Он хочет меня убить, говорила она, а убив, лечь рядом со мной, как это сделали князь Мышкин и Рогожин. Моя жена и эта женщина вместе учились в университете и были похожи во всем, даже в своих заблуждениях, поэтому сразу же поняли друг друга. Общими усилиями жена и любовница в конце концов улекли меня в психиатрическую лечебницу. Я убежал оттуда, после чего порвал одновременно и с семьей, и с любовницей...

— Ты убил всю свою семью и любовницу и бежал, вот что ты сделал!

— Никого я не убивал, — отчеканивая каждое слово, произнес Короткий, оборачиваясь к Бою. — А любовница тогда так грубо оттолкнула меня только потому, что мое тело в тот день сжималось настолько стремительно, что даже она ощутила это. С того дня я превратился для нее в чудовище. А ведь до того, как я превратился в чудовище, прикосновение ко мне вызывало у нее желание. В конце же наших отношений я вселял в нее лишь страх...

Когда Короткий замолчал, Такаки с напускным участием, а на деле с обычной своей издевкой, сказал:

— Коротышка, по-моему, в последнее время ты не особенно погружаешься в любовь? Мне даже кажется, что ты потерял интерес к женщинам.

— Просто для любой женщины я стал слишком коротким, — неожиданно мрачно сказал Короткий. — Мое психологическое сжатие идет еще стремительнее — теперь естественный уровень, на котором находятся мои глаза, лежит в сфере детей и собак. Фотографируя, я делаю снимки лишь детей и собак, естественно попадающих в поле моего зрения. А объекты, не равные по росту с детьми и собаками, например взрослые женщины, выходят за пределы моих интересов. И я все еще продолжаю сжиматься...

— Он и нам не хочет показывать своих фотографий, хотя и профессиональный фоторепортер, — сказал Такаки.

Бой, обессиленный от ран, с трудом стал подниматься. Сначала он приподнял голову — лицо его пылало, потом встал. Все неотрывно следили за его движениями. Наконец Короткий удивленно пропщил:

— Что с ним? Пьяный он, что ли?

Но все видели, что у Боя красное лицо только лишь от высокой температуры. Из его рта шел не алкогольный дух, а горячее дыхание больного человека. Даже когда Бой кое-как сел, скрестив ноги, он все время качался, с трудом удержива-

ясь, чтобы не упасть. До сих пор молчавший Тамакити подошел к Такаки и что-то шепнул ему. Исана не уловил что, он неотрывно смотрел на бинты, которыми была обмотана голова Боя, на них пятнами красного вина засохла кровь — и на багровые садины на таком же багровом лице.

— Зачем ты привел постороннего к Свободным мореплавателям? Да еще старого! — вложив в свой слабый голос неутолимую ненависть, сказал Бой.

— А как же Коротышка, разве он тоже не старый? — утешал его Такаки.

— С Коротышкой все в порядке. Ему от нас никуда не уйти. Будет и дальше сжиматься здесь у нас.

— Хоть Короткий и избил Боя, Бой все равно его не возненавидел, — тихо сказал Тамакити.

— Зачем привел постороннего к Свободным мореплавателям? Какая в этом нужда? — сказал Бой голосом, каким закричал бы насекомое, если бы оно могло кричать.

— Есть нужда, — сказал Такаки. — Я хочу, чтобы он вступил в Союз свободных мореплавателей. Он человек, способный облечь нашу деятельность в слова. До сих пор Свободные мореплаватели все вместе делали разные вещи, но ради чего делали — на этот вопрос мы бы ответить не смогли, никто из нас не смог бы. Мы не умеем пользоваться словами. Коротышка говорит складно, но у него слова сумасшедшего, разве не так? Я уже давно разыскиваю человека, который бы выразил словами то, что мы собираемся делать, и вот наконец нашел его. Он убедил нас своим рассказом о том, что назначил себя поверенным деревьев и китов; разве одним этим он не доказал, как прекрасно он владеет словом? Нам нужен человек, который то же самое будет делать для нас.

— А на черта нам нужны слова? — не сдавался Бой.

— Ты не думал о том, что нас может схватить полиция? Разве тебя самого не схватили недавно? — сказал Такаки ледяным тоном, отбросив мягкую насмешливость, с какой он говорил до этого. — Что мы будем говорить в полиции?

— Лучше всего молчать. Хранить тайну — наше право.

— Совершенно верно. Но я хочу, чтобы были слова, столь же весомые, как наше молчание. Я думаю о том, чтобы у нас были такие слова.

— Бой прав, — включился в разговор Короткий. — Когда группа экстремистов негритянского движения оказалась в безвыходном положении и была вынуждена сражаться с оружием в руках, руководители, сопротивлявшиеся этому, были пере-

биты. А тем, кто хотел сдаться, говорили, — я сам читал в газете, это получило огромный резонанс в Америке — не пишите покаяний. Не пишите даже писем родным. Храните тайну. Ваше самое блистательное оправдание — суровые лица, замкнутые в молчании. Так зывали они с плачем к своим товарищам.

— Это касается революционного движения, — сказал Такаки. — Оно уже больше ста лет ведется одними и теми же словами, поэтому здесь молчание уместно. Но если мы будем молчать, нас никто не поймет. А еще хуже, если полиция сама придумает за нас слова и опубликует их в газетах. Захоти мы даже передать на волю наши настоящие слова, мы не сможем сделать это, не имея слов...

— Не схватят нас. А если схватят — лучше всего умереть. Хотел же я отрезать себе руку, лишь бы убежать...

— Совершенно верно. Ты, Бой, человек мужественный, — сказал Такаки. — Ну, а такая, например, вещь? Нас никто не схватит — прекрасно, но все равно, разве отсутствие у нас слов не ставит нас в трудное положение? Разве знаем мы, Бой, о себе, о том, что делаем, так же хорошо, как Короткий? Не думаю. Собственно говоря, кто мы? Что, собственно говоря, делает наш Союз свободных мореплавателей?

Бой, раскачиваясь все сильнее, молчал. С трудом удерживаясь, чтобы не упасть, он судорожно подыскивал нужные слова.

— Я прекрасно знаю, что мы за люди, — перешел он в контратаку. — Я прекрасно знаю, что мы делаем. Лучше выражать это не словами, а чувствовать, разве не так? Разве это не лучше, чем обманывать с помощью слов?

— Мы впервые узнаём о чем-то, когда выражаем это словами.

— Словами-то всегда можно выразить, но не всегда хочется говорить. У меня нет никакого желания рассказывать при этом шпионе, что мы делаем.

— Ты опять за свое? — удивленно спросил Короткий.

Продолжая раскачиваться, Бой страдальчески сморщил свое багровое вспухшее лицо. И сказал чуть ли не со слезной мольбой в голосе:

— Я думаю обо всех! Тот, кто по своей воле пришел в наш тайник, может в любое время, если ему захочется, уйти из него. Разве можно сравнивать нас с тем, кто стал затворником из стыда или страха...

Бой слишком резко откинулся назад и, скатившись с койки, грохнулся головой об пол. Он не застонал, но остался лежать

на полу, не в силах снова взобраться на койку. Такаки с товарищами решили сначала его не трогать, но потом, забеспокоившись, как бы ему не стало хуже, снова уложили на койку. Все это неожиданно подвигнуло Исана на исповедь. Пока он говорил, Бой, казалось, не прислушивался. На самом деле он был так обессилен, что не мог даже возразить Исана. Он ненадолго засыпал, храпел, но тут же просыпался и лежал с широко открытыми глазами. Интервалы между пробуждениями становились все длиннее — Бой от жара покрылся потом и, казалось, весь отдался спугу, как дорывается до воды разгоряченная лошадь. На секунду проснувшись, он сказал слабым голосом:

— Я репетировал сейчас свою смерть. На короткое мгновение я умер. И увидел что-то похожее на ад, Такаки. Такой огромный участок, на котором ведутся дорожные работы, и там стоят и бродят люди и черти. После того как выроют яму в рост человека, черти закапывают его туда, покрывают это место асфальтом и укатывают тяжелыми катками. Жара стоит — ужас. А сбоку — огромные бидоны, в таких развозят завтраки для школьников, и в этих бидонах жидкая смола...

Сказав это, Бой заснул и на этот раз долго не просыпался. Но было несомненно, что измученный жаром спящий Бой оказался медиумом, продолжающим исповедь Исана.

Глава 9

ИСПОВЕДЬ ООКИ ИСАНА

— Жизнь в убежище я избрал не по собственной воле. Если я от нее и откажусь, то все равно не смогу вернуться к жизни в обществе, хотя Бой утверждает обратное. Я думаю, что и умру в своем убежище, — начал свой рассказ Исана.

— Из-за ребенка? — спросил Такаки.

— Не только из-за него, но с ним, разумеется, это тоже связано. Когда вскоре после рождения сына я узнал, что с головой у него не все в порядке, я сразу подумал: наверно, это из-за того. Ребенок неоднократно по-детски пытался покончить с собой. И я должен был признать, что это мне кара за то, возмездие за то. Пока я не закончу своего рассказа, я не раскрою, что значит «из-за того» или «за то»... Вы когда-нибудь задумывались над тем, что значит пытаться покончить с собой? Мой приятель-врач говорил, что существует два типа самоубийства. Каждый из них можно определить буквально

двумя словами. Тип *помогите мне* и тип *я отвергителен*. «Самоубийство», по оплошности, неважно, сознательной или бессознательной, оказавшееся лишь попыткой самоубийства, означает мольбу о помощи: *помогите мне*, обращенную без разбора ко всем людям. Другой тип самоубийства никогда не может окончиться неудачей, он отвергает всех: *я отвергителен*, заявляет он тем более без разбора всем, оставшимся в живых. Он призван выразить ненависть, оскорбить. Мой сын отказывался от пищи, бесконечно падал, даже не пытаюсь защитить себя. Глядя на него, невольно создавалось впечатление, что он хочет покончить с собой. Если бы ребенок пытался убить себя, отвергая всех нас: *я отвергителен*, может быть, ему следовало бы это позволить. Другого выхода нет: меня отвергают, и я бессилен что-либо сделать. Но как быть, если ребенок, вместо того, чтобы сказать *помогите мне*, без конца повторяет попытки самоубийства? Прimitивные и потому еще более ужасные попытки самоубийства с безгласным воплем: *помогите мне, помогите мне*. Но я даже представить себе не мог, чем ему помочь. Вот тогда-то я и начал верить, что поведение ребенка является карой за то. Жена стала даже опасаться, не захочу ли я искупить свой грех, ощущая со всей определенностью, что это и в самом деле кара. Жена страдала вдвойне. Дело в том, что в моем грехе был замешан ее отец. Тогда она стала думать, как прекратить эти попытки ребенка, избавив и меня от искупления греха. Я поддерживал ее, потому что и сам хотел найти такой путь. Кончилось тем, что я оборвал все связи с реальным миром и заперся в атомном убежище. Необходимые средства на оборудование моего укрытия и на затворническую жизнь жена взяла у отца. Я, разумеется, не знал, перестанет ребенок издавать безгласный вопль: *помогите мне, помогите мне*, только благодаря тому, что запретя со мной в убежище, или нет. Это была рискованная игра. Но мы выиграли. Еще вырабатывая план затворнической жизни, мы с женой надеялись, что выиграем. Поскольку я укрылся в убежище, не искупив греха, то был обречен вечно жить с этим неискупленным грехом, неся на своих плечах всю его тяжесть. Если кто-то действительно хотел меня покарать, то почему бы ему не поместить меня, полуживого, в убежище? Если бы он именно так хотел продлить мою обремененную грехом жизнь, это было бы дарованной мне крохотной милостью. Наша рискованная игра попахивала плутовством, но даже выиграв ее, я не получал никакой выгоды. Я был втянут в эту жульническую игру, мне помогли выиграть, но настоящий куш сорвали те, кто ее устроили.

— Какая-то туманная история, — сказал Такаки.

— Возможно. Но без этого вступления я бы не смог перебросить мостик к нынешней моей жизни, о которой я собираюсь рассказать. Кстати, интересно, как там Инаго справляется с Дзином, просто не представляю! Может быть, бросила его, а сама пошла развлекаться?

— Инаго изо всех сил заботится о ребенке, — заверил Тамакити.

— Изо всех сил? — переспросил Короткий.

— Вот именно, изо всех сил. Если этот тип захочет убежать, то нам нужен заложник, верно? Инаго и взяла на себя заботу о заложнике.

— Значит, и девчонка с вами заодно? С ума можно сойти, — сказал Исана. — Но что бы вы делали с Дзином, убив меня?

— За ним бы ухаживала Инаго, — сказал Бой, который лежал нахмурившись, плотно закрыв глаза, так что казалось, будто он спит. — Тебя бы я убил, но ребенку никакой подлости делать не собирался...

Сказав это, Бой страдальчески передернулся и вскоре снова захрапел.

— Бой и Инаго еще совсем дети. Поэтому они даже представить себе не могут, что это значит — убить человека, — сказал Такаки.

— Может быть, — сказал Исана.

Он почувствовал, что слова исповеди застряли у него в горле, будто, восторпичив чешую, туда попала змея. Как легко исповедоваться перед людьми, которые не имеют ни малейшего представления, что такое убить человека. Но слова Такаки говорили о том, что он-то уж определенно знает, что такое убить человека. И он подумал, как ничтожна суть его исповеди, которую он собирался продолжать. То, упрятанное в глубь молчания, казалось уже прирученным и ушедшим в далекое прошлое, но, как только он попытался облечь его в слова, оно живо воспрянуло — ему почудилось, что он совершает то снова... Но внутренняя энергия исповеди, которую Исана держал на привязи, пока исповедовался Короткий, не давала ему остановиться на полпути. И Короткий, и Такаки, и даже Тамакити ждали слов Исана. Но больше всех явно ждал Такаки, который хотел прочувствовать силу слов человека, выбранного им, чтобы облечь в слова деятельность Союза.

— Мы связаны с тестем одним общим выпавшим на нашу долю испытанием, — вынужден был продолжать Исана. — От теста я получил свое убежище, он обеспечивает нас необходи-

мыми для жизни средствами, правда, их приходится выключать у него, хотя все, что он потратил на нас, в сравнении с теми огромными суммами, которые проходят через его руки, близко к нулю — такие прибыли загребает этот политик. Он заболел раком горла и сейчас при смерти. Я не называю его имени просто из деликатности, все-таки человек умирает. А прибыли к нему стекались со всей Юго-Восточной Азии.

— Я, кажется, знал его любовницу. Наверняка знал, — перебил Короткий, чтобы подбодрить Исана, который никак не мог решиться говорить начистоту. — У меня с этой девицей была связь уже после того, как я стал сжиматься. Она работала натурщицей в фотоателье. Как ее с таким телом — ну точно обезьяна — взяли натурщицей, ума не приложу. Когда она была любовницей политика, то получила от него, по ее словам, концессию где-то под Бангкоком, и если бы все шло хорошо, концессия принесла бы ей примерно сто миллионов иен. Когда политик объяснил, чего он хочет от нее за эти деньги, она сначала согласилась, но в конце концов сбежала от него без оглядки и осталась ни с чем. Девушка, хотя и называлась любовницей, на самом деле должна была служить приманкой для мальчиков. Но он так истязал этих мальчиков, что она в страхе сбежала от него. Каждый раз, когда она с сожалением рассказывала мне, что случилось с ее бангкокской концессией, это звучало настолько комично, что я даже чувствовал расположение к политике...

— Короткий, давай послушаем, что нам рассказывают, — укоризненно сказал Такаки.

— Весьма вероятно, что тот человек, о котором вы говорите, действительно мой тесть. Наша проблема как раз и возникла из-за его извращенности, — сказал Исана. — Тестя все звали Кэ-дьявол, и я сейчас тоже буду так называть его. Это прозвище, покинув узкий круг близких ему людей, получило такое широкое распространение, что даже иностранные политики и дипломаты звали его мистер К. Я был женихом дочери Кэ и в то же время беспредельно верным ему личным секретарем, у которого и в мыслях не было предать его или, используя его, извлечь для себя какую-то выгоду. Таким был я, когда вместе с Кэ находился в столице одной страны. Я не буду называть эту столицу, скажу лишь, что это была столица одного из европейских государств. И до этого случая, и потом он делал то же, но это никогда не доходило до преступления. Почему это произошло в стране, где не слишком развита техника? Просто

потому, что у Кэ была приманка, которая в таких странах очень ценится. Потом была Индия. В Индии приманка тоже сработала вполне хорошо. Даже слишком хорошо, настолько, что Кэ был потрясен — это было в Агре. Вы знаете о существовании такого растения, как джут? Кэ прибыл в Дели в качестве главы делегации для заключения соглашения об импорте джутового волокна. Столица находится совсем недалеко от Тадж-Махала, и члены делегации поехали осматривать этот утопающий в роскоши мавзолей, а Кэ никогда не делал того, что лично ему не приносило никакой выгоды. Сначала мы вели переговоры в Новом Дели и решили высвободить время и поехать в Агру, чтобы осмотреть Тадж-Махал, но Кэ даже не взглянул на программу нашей экскурсии. Он попросил меня заранее заказать ему гостиничный номер в Агре, чтобы он мог поспать днем. Этот выдуманный «дневной сон» был нужен ему для того, чтобы воспользовавшись специально запасенной приманкой, завлечь жертву. Приманкой служил дешевенький транзисторный приемник! Приемник Кэ показывал не сразу — такая у него была тактика. Индийские рупии выглядят маленькими бумажонками, он набирал эти бумажонки достоинством в одну рупию и разбрасывал среди детей-попрошаек, и тут начинался настоящий ад, а Кэ, не обращая внимания на возню, высматривал очередную жертву. Высматривал красивого одиннадцати-двенадцатилетнего мальчика. Кэ говорил, что, если во время потасовки, когда мальчишки дерутся и плачут, обнажая тем самым свои чувства, как следует понаблюдать за ними, никогда не ошибешься в выборе. Сам же виновник драки, буд-то потеряв всякий интерес к плодам своей «филантропии», возвращался в отель. Но это был просто трюк. У входа в отель всегда стоял мальчишка, который следил за тем, чтобы попрошайки не поднимались даже на ступеньки. Поэтому, войдя в отель, путешественник оказывался в полной безопасности. Тут-то и начиналась работа личного секретаря: я приводил мальчика, выбранного Кэ. На этот раз в Агре произошел удивительный случай, который можно было бы назвать «индийской ошибкой». Получив от мальчика все, что он хотел, Кэ, как обычно, отдал ему приемник. Он не подумал о том, что это Индия. Если бы он дал мальчику несколько десятков рупий, которые тот мог бы потихоньку унести домой, все бы обошлось. А тут, как только кончился его «дневной сон» и он проводил до черного хода мальчика, ошалевшего от обладания транзисторным приемником, началась потасовка. Лицо мальчика напоминало лицо Боя, какое у него сейчас.

Стоило Исана сказать это, как Бой, все время балансирующий между сном и бодрствованием, взвыл как собака. Но тут же силы его иссякли, и он закашлялся.

— Только что вышедший из дверей мальчик, бледный, без кровинки в лице, плакал навзрыд под палящим индийским солнцем. Я наблюдал из полутемного холла, как в гостиницу спокойно вошел мальчишка, постарше остальных, злобно осматриваясь по сторонам, как обезьяна, которая стащила банан, и спрятался за спинкой дивана. Когда Кэ рупиевыми бумажками собрал вокруг себя попрошаек, этот мальчик короткой палкой отгонял остальных мальчишек со ступенек отеля. Я сразу же все понял. Этот мальчишка отнял транзистор у жертвы Кэ, которому запрещено было подняться даже на ступеньки, и он плакал навзрыд. Я с трудом сдерживался, чтоб не вмешаться, увидев ребенка, с которым только что сделал свое мерзкое дело Кэ, горестно плакавшего под летним солнцем Агры. А теперь на него напал этот мальчишка, отнял транзистор и спрятался в холле гостиницы, будто обладал какими-то привилегиями, а сам тоже дрожит от страха. Вдруг в темном холле бас запел арию из «Бориса Годунова». Мальчишка не мог побороть соблазна испробовать транзистор. Лифтер, стоявший в глубине холла с видом солдата охраны магараджи, с поразительной быстротой бросился к мальчишке, сбил его с ног и отобрал транзистор. Подбежали служащие ресторана. У меня не хватило мужества смотреть, что будет дальше, и я вернулся в номер. Когда мы с Кэ сядились у подъезда в машину, чтобы соединиться с группой, осматривавшей Тадж-Махал, у входа в гостиницу нас встретила толпа совершенно голых мальчишек. Желая привлечь внимание Кэ, они, отчаянно жестикулируя, неслись за машиной, как назойливые мухи... Мне непреодолимо хотелось умолять этих несчастных детей: прекратите, прекратите. Голые мальчишки преследовали нас еще долго, потому что на дороге лежали коровы и машина должна была осторожно пробираться между ними. Кэ тоже сидел мрачный, видимо борясь с ознобом. У него всегда наступало такое состояние после того, как он совершал свое грязное дело, — на него нападала тоска, он, казалось мне, чуть ли не проникался сознанием совершенного греха. Во всяком случае, я всегда думал так, чтобы оставить лазейку для оправдания Кэ. Когда машина стала продираться сквозь галдящую толпу базара, устроенного прямо на улице, догнавшие ее голые дети облепили машину со всех сторон, пробегали даже под самым ее носом. Мальчишка, показывавший танцы медведя на отгороженной на базаре площадке,

бросил своего медведя, разодетого в красное и тускло-зеленое тряпье. Торопливо раздевшись, он, с горящими глазами, устремился за машиной и вскочил на крыло. Медведь растерянно ждал своего поводыря. Глядя на это зрелище, Кэ затрясся от смеха. В его фигуре проступило что-то женское. До того как он заболел раком горла, даже голос у него был как у женщины. Потом, прерывисто дыша, сказал: эх, побольше бы у меня сил, ни за что бы не упустил этого поводыря! Когда мы миновали базар, мальчишки, понимая, что здесь их территория кончается, расталкивая друг друга, отлетели от машины, и мы со скоростью ста миль в час помчались в Новый Дели. Как раз тогда меня впервые охватило отвратительное предчувствие, что если я и дальше буду помогать Кэ, то окажусь в пропасти, откуда мне уж никогда не выбраться...

— Что ты хотел нам рассказать? — подал голос проснувшийся Бой. — Ты же нам ничего не рассказал.

— Разве Исана не говорил, что совершил преступление в столице одного европейского государства? — сказал Такаки.

— Почему бы ему просто не рассказать об этом преступлении?

— Потому что о преступлении просто не расскажешь, — ответил Такаки, но в словах его звучало приглашение, обращенное к Исана.

— Почему же, и о преступлении можно рассказать просто, — сказал Исана, сознавая, что ему удалось преодолеть себя. — В конце того же года в отеле столицы одного европейского государства мы с Кэ убили ребенка. В общем, произошло то, что я и предчувствовал. Я низвергся в пропасть еще более глубокую, чем предполагал, — я стал соучастником убийства...

Услыхав это, Бой встал с кровати. Потом, угрожающе вытянув в сторону Исана левую руку, медленно пошел на него и заговорил слабым голосом:

— Вранье! Конечно, вранье! Ты подкуплен полицией. Нам ты говоришь, что убил человека, а полиции — что хочешь стать полицейским... — Бой продвигался вперед едва заметно, и поэтому на его движение Исана не обратил внимания. Голос Боя напоминал жалобный и в то же время недовольный голос ребенка. Когда же Исана заметил в правой руке Боя, которую тот прикрывал угрожающе выставленной вперед левой, длинную острую отвертку, ему не оставалось ничего другого, как перекатиться через койку и отступить. Учитывая свою слабость, Бой взял отвертку обеими руками и, оттолкнувшись от цементного пола, прыгнул вперед, направляя отвертку в лицо

Исана. Тот с трудом схватил Боя за горячее, точно пылающее огнем, запястье. Используя запястье как точку опоры, Исана бросился на Боя и повалил его на пол, но, не удержавшись, сам рухнул на него. Боль от неловкого падения заставила Исана на мгновение отпустить руку Боя, и тот снова замахнулся отверткой, целясь в глаз. Исана обхватил его горячее тело, прижал к полу и наконец скрутил так, что тот не мог шевельнуться. Бой взвыл, как пойманный зверек, и стал вырываться, колотя коленями по ногам Исана, пытаясь своей забинтованной головой ударить его по голове. Чтобы не дать Бою двинуть рукой, в которой была зажата отвертка, Исана навалился на него, изо всех сил прижимая подбородком и грудью.

— Не бей его больше, Короткий. Он может умереть от потери крови,— удержал Короткого Такаки.

— Он же совсем сумасшедший! Если его не привести в бессознательное состояние, он все равно опять разбередит все свои раны и умрет от потери крови,— ответил Короткий.

Исана слышал все это, но молчал, поглощенный тем, чтобы удерживать вырывающегося Боя. Потом, будто во сне, Исана почувствовал, как его напряженное тело приподнимают, но отвертка все еще нацелена ему в глаз.

— Хватит,— сказал Такаки.— Я подержу Боя, можете вставать.

Однако Исана был так измотан, что, скатившись с Боя, перевернулся лишь один раз и остался лежать рядом с ним; Такаки с трудом удерживал Боя. Рядом с его головой непомерно толстая ладонь Короткого нанесла два удара. Исана, все еще лежа на полу, видел, как Тамакити укладывает затихшего Боя на койку. В том, как Тамакити делал это, чувствовалась трогательная забота о товарище. Исана почувствовал угрызения совести за ту жестокость, с которой он отбивался от подростка.

— Он шпион, Тамакити, он донесет на нас,— еле дыша, печально прошептал Бой.

— Спи. Эту ночь спи,— ласково прошептал в ответ Тамакити.

— Труднее всего не совершить убийство, а потом рассказать о нем, правда? А он так бодро болтает потому, что все врет, а на самом деле его послали к нам шпионить. Самый страшный человек, Тамакити, это тот, кто врет, что совершил страшное убийство. Его нельзя принимать к нам.

— В твоих словах есть доля истины,— ответил Тамакити, точно предостерегая Такаки и Короткого.— Но сейчас спи! Ко-

гда раненый не спит, у него в голове все может перемешаться. Спи, Бой.

— Если его обязательно нужно принять к нам, пусть он при нас совершит убийство, тогда ему хода назад не будет,— пробормотал Бой, точно во сне, но, пока Тамакити колебался с ответом, он уснул по-настоящему.

Бой спал как убитый. На его исхудавшем лице теперь не было ни кровинки. Обескровленная кожа, как у того индийского ребенка, покрылась черным жирным налетом. Исана понял, почему в своей исповеди он так много говорил о пережитом в Агре.

— Может, привяжем его к койке? А то проснется и снова упадет,— сказал Короткий.

— Разве можно привязывать спящего человека, когда он в таком состоянии? — сердито ответил Тамакити.

— Я возвращаюсь в убежище,— сказал Исана.— Я до сих пор не знаю, удалось ли Инаго уложить Дзина в постель...

— Не спешите в свое убежище — вряд ли этой ночью разразится атомная война. Или, может быть, от деревьев и китов поступило специальное сообщение? — усмехнулся Короткий.— Закончите рассказ, который вы начали.

— Мне бы тоже этого хотелось,— сказал Такаки, серьезно глянув прямо в лицо Исана.— Вы ведь рассказывали не для одного Боя?

Преодолев закипавшее внутреннее сопротивление и чувство неловкости, Исана продолжал свою исповедь. Теперь, когда Бой заснул мертвецким сном и можно было спокойно говорить, не опасаясь его выходов, а Тамакити с демонстративным безразличием сидел рядом, охраняя его покой, Исана осознал свою жалкую участь — два дотошных следователя, Такаки и Короткий, принуждают его к исповеди...

— В столице того государства явного переполоха, как это случилось в Индии, не произошло. Все было тихо, но гораздо более страшно. В этом, разумеется, виноваты были одни мы, поскольку вели себя омерзительно. Сам Кэ не пошел на поиски жертвы. Послал меня в небольшой парк — рядом с гостиницей, чтобы я поискал там. Между нациями, совершенно отличными одна от другой, существует то общее, что каждой из них дети другой кажутся очаровательными. Вы замечали это? Особенно очаровательными кажутся мне дети в европейских странах.

— Вы не Россию имеете в виду? Слушая вас, я почему-то представил себе детей с берегов Невы,— сказал Короткий, снова демонстрируя свое знакомство с Достоевским.

— Это могло случиться где угодно. Кэ во главе делегаций бывал и в социалистических государствах. Но ужасный случай, о котором я рассказываю, произошел в столице одного из Балканских государств. В этом городе я уже выловил ему восемнадцатилетнего юношу. В любой стране юноша этих лет живет в состоянии неустойчивости эмоциональных побуждений. И достаточно показать ему транзисторный приемник, как он уже у вас в руках. Кроме того, среди них можно найти и таких, которые помогут расставить сети для своих младших братьев. Конечно, это грязная тактика, но мы с Кэ долгое время прибегали к ней. Итак, однажды в том городе я заманил восемнадцатилетнего юношу. Это был худой, на вид агрессивный юнец, и я даже опасался пускать его одного в номер Кэ. Но Кэ был человеком старой закалки. Через щель в неплотно прикрытой двери, уже в сумерки, я наблюдал за тем, как юнец с недовольной физиономией, все время оглядываясь, точно опасаясь, что на него нападут сзади, выходит из номера Кэ. Обернув руку полой длинной джемпера, он бережно держал ценную для него вещь. Со священным трепетом он прижимал к себе приманку Кэ — паршивый транзисторный приемник. Дешевенький транзисторный приемник, служивший компенсацией забав Кэ. Потом зазвонил телефон, и, приняв ванну, Кэ приказал мне поужинать вместе с ним. Во время ужина, помню, он спокойно болтал со мной, пользуясь тем, что никто из окружающих не понимает нас... Вернувшись из ресторана к себе, мы увидели мальчика, стоявшего за окном номера Кэ. Никогда в жизни, ни до этого, ни после, я не видел такого очаровательного ребенка. С тех пор каждый раз, когда я вижу светловолосого, голубоглазого мальчика, я внимательно разглядываю его, с ужасом думая, не явился ли он снова передо мной, — поэтому я и могу с уверенностью утверждать, что такой красивый ребенок мне больше никогда не встречался...

— За окном? — с волнением спросил внимательно слушавший Такаки.

— Совершенно верно. Кэ, зайдя в свой номер, тут же вышел и позвал меня. Войдя вслед за ним, в свете, лившемся из комнаты, я увидел мальчика, который стоял, прижавшись к оконному стеклу, точно вынырнув из тьмы еще не освещенного города. Высоко над окном, сквозь разрывы рассеянных ветром облаков, светила луна. Я не забуду сверкающие густой синевой и золотом края мрачных туч. Мы медленно приближались к мальчику, осторожно, точно пытаюсь поймать воробья, влетевшего в комнату. Приближались, заботясь о том, чтобы, резко

открыв окно изнутри, не испугать ребенка, стоявшего на узком балкончике. Наши номера находились на десятом этаже... Окно было двустворчатым, открывалось наружу. Мы решили показать ему, чтобы он отошел к одной створке окна, и тогда бы мы открыли другую, но, когда мы стали делать ему знаки, он повернулся к нам и, обнажив розовые десны и белые зубы, округлил свои красивые губы и произнес какое-то слово. Он сказал: «радио». Кэ злорадно ухмыльнулся. Да, я никогда не смогу забыть светившегося надеждой лица ребенка. Осторожно, чтобы не спугнуть мальчишку, я открыл окно и схватил его за руку — в Японии он бы учился в третьем или четвертом классе. Втащив его в комнату, я выглянул в окно, чтобы выяснить, как он попал туда, а в это время Кэ подвел мальчика к чемодану и разрешил ему выбрать транзисторный приемник. Я обязан был заботиться о безопасности хозяина и поэтому, высунувшись из окна, стал внимательно все исследовать. Меня чуть ли не валил с ног порывистый ветер, и я подумал, как опасен был путь сюда этого мальчика, решившегося на такой невероятный риск, чтобы получить радиоприемник. Номер Кэ находился в северном конце здания, и окно, за которым стоял мальчик, было первым от угла. От него до пожарной лестницы шел узенький балкончик, на котором могло с трудом уместиться лишь тело ребенка. На уровне груди взрослого человека тянулся декоративный карниз, и поэтому стоять на балкончике мог лишь ребенок. Мне почудилось, что на одной из площадок пожарной лестницы, несколькими пролетами ниже, в темноте притаился какой-то человек — скорее всего, тот юноша, который был у Кэ сегодня, но тогда я не придавал этому особого значения. Кэ ведь не нужно было выпускать потом мальчика через окно. Он прекрасно мог спуститься с ним вниз и вывести из гостиницы через холл, поэтому, кто бы там ни находился, ему ни к чему было, подобно бродячему дрессировщику обезьянки, демонстрирующему разные фокусы, наблюдать за действиями ребенка и ждать его возвращения. Я вышел из комнаты, даже не взглянув в сторону спальни, где укрылись Кэ с мальчиком. Но не прошло и десяти минут, как Кэ, вместо того чтобы вызвать меня по телефону, сам вошел ко мне в номер в плаще, надетом прямо на голое тело, и в ботинках на босу ногу. Кэ сохранил свою обычную невозмутимость и даже высокомерие, но я тут же понял, что случилось нечто ужасное. Вслед за ним я вошел в его номер и увидел это «нечто» на кафельном полу слишком просторной ванной комнаты. Увидел узкую ниточку крови, протянувшуюся к полу от уголка рта лежавшего навз-

ничь совершенно голого ребенка. Я поднял глаза на Кэ, и тот стал объяснять случившееся. Либо у ребенка было больное сердце, либо он страдал эпилепсией. С трупом нужно что-то сделать,— сказал он брезгливо. Он старался не смотреть на лицо лежавшего мальчика...

— И вы выполнили его приказ? — спросил Тамакити с неприкрытым отвращением.

— Да. Я был личным секретарем политика и думал, что если скандал не удастся скрыть, то и кабинет падет, и отношениям между этим государством и Японией будет нанесен непоправимый ущерб. Однако больше всего меня занимала мысль... возможно, дурацкая. Мысль о том, что хотя я — будущий зять Кэ, что хотя я — его личный секретарь, тем не менее между нами непреодолимая стена. И чтобы получить от Кэ поддержку, в которой я нуждался, необходимо, думал я, преодолеть разделяющую нас стену. Я испытывал невероятное волнение от одной мысли, что сейчас мы с Кэ находимся в одинаковом положении. Прежде всего я одел ребенка. Одевая его, я чувствовал, что вижу самое прекрасное и в то же время самое ужасное, что можно увидеть на свете... Я сказал Кэ, как думаю отделаться от трупа. Ясно, что мальчика подослал тот юноша, показав ему транзисторный приемник и придумав, как перебраться на балкончик с пожарной лестницы. Но даже если юноша будет молчать, не исключено, что найдется человек, видевший, как ребенок взбирался по пожарной лестнице. Перелезая с лестницы на балкончик, да еще при сильном ветре, мальчик мог сорваться и упасть вниз. Такое часто бывает. Существуют, разумеется, и другие, более сложные способы отделаться от трупа, но я не думал, что мы, иностранцы, могли бы в чужой стране прибегнуть к ним. Кэ согласился. После того как он лег в постель, я погасил свет и выждал примерно час. Потом, положив ребенка ничком на подоконник, стал понемногу выталкивать его ногами вперед на все усиливающийся ветер. Я держал ребенка за запястья, и тело его повисло над пропастью. Конечно, мне было бы легче, если б меня кто-нибудь поддерживал сзади, но Кэ не только не встал с кровати, а даже заложил подушками изнутри дверь в спальню. С трудом сохраняя равновесие, я, весь мокрый, в холодном поту то ли от ужаса, то ли от напряжения, стал раскачивать маятником отяжелевшее тело ребенка. Я должен был отпустить его руки с таким расчетом, чтобы тело его отлетело к пожарной лестнице и падало вдоль перил. Оно полетит с десятого этажа, и вероятность подозрения, что тело выброшено из нашего окна, мини-

мальна, считал я. ...Да, но мои запястья судорожно парпали ногти. Ногти ребенка, который, как мы предполагали, был мертв. Я разжал ладони и услышал жалобный крик, как вздох, а потом — это тянулось немыслимо долго — звук, будто лопнул туго набитый мешок с песком. Я продолжал стоять, высунув голову из окна, и поэтому слышал, как мне кажется, топот сбегающих по пожарной лестнице ног... Когда через три дня мы улетали из той столицы и я в самолете проходил мимо кресла Кэ, чтобы передать стюардессе заказ на вино перед обедом, он спросил таким тоном, будто речь шла о наименовании спиртного: ты не слышал крика? Это были единственные слова, сказанные Кэ после случившегося. Нет, ответил я, отходя, и заказал нам шампанское... Я заказал шампанское...

Исана умолк. Ни Такаки, ни Короткий, ни Тамакити не проронили ни слова. Забывшийся тяжелым сном Бой начал вдруг выть, как больная собака, но никто не обратил на него никакого внимания. В напряженной тишине Бой, с трудом оторвав свое тело от кровати, приподнялся и, глядя перед собой широко открытыми, но ничего не видящими глазами (глазами человека без век), прохрипел:

— Сделал, сделал, я сделал это! — Потом он упал на спину и заснул, тихо посапывая. На его лице, до этого страдальческом, теперь блуждала спокойная детская улыбка.

— Что такое, что такое? Не пугай нас! — сказал Короткий. — Я уж думал, не умер ли он от побоев.

— Бой видел сон о своей смерти, — сказал Тамакити.

— Он, наверно, думает, что своей смертью он свяжет вас с нами навсегда, поэтому и издал победный клич, — сказал Такаки. — Хотя необходимости в этом нет...

— Правильно, необходимости нет. Вы не пойдете доносить, — сказал Короткий и повернулся к Тамакити. — Мы с тобой присмотрим за Боем. А ты, Такаки, проводи его в убежище. Переносить туда Боя нет смысла. А сам вернешься сюда с лекарством и едой. Да и Бой вряд ли захочет видеть этого человека, когда проснется и поймет, что не умер...

Следуя за Такаки, Исана спустился по винтовой лестнице в люк и, ощупью пробираясь вперед, добрался до другой винтовой лестницы, по которой стал подниматься вверх. Такаки открыл железную крышку люка, и перед глазами Исана возникла полуразвалившаяся киностудия. Они оказались на первом этаже того здания, где Инаго устроила шоу перед обращенным на нее биноклем, а вдали за огороженными веревкой опытными

участками, на которых росла пшеница, перерезая густо заросшую травой заболоченную низину, из бойницы убежища в темноту лился свет. Исана нырнул в потайной ход, известный лишь Свободным мореплавателям.

Глава 10

ВЗАИМНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Подростки, принявшие Исана в Союз свободных мореплавателей как «специалиста по словам», готовясь к плаванию в далеких морях и океанах, предложили ему, не теряя времени, начать заниматься с ними английским языком. Прежде всего ему необходимо было подготовить тексты. У него в убежище было лишь две английские книги, которые он читал во время своей затворнической жизни: «Моби Дик» и Достоевский в английском переводе. Он выбрал отрывок из бесед и поучений старца Зосимы и написал ее за неимением доски на большом листе бумаги. Он выбрал из Достоевского именно эту главу, чтобы пробудить у подростков уважение к китам, как к animal*. Кроме того, чтобы заранее отвратить их от насилия, которое они могли совершить над Дзином, он попытался воззвать к ним с помощью следующего отрывка. Это была часть текста, ранее отчеркнутая им красным карандашом:

...Man, do not pride yourself on superiority to the animals; they are without sin, and you, with your greatness, defile the earth by your appearance on it, and leave the traces of your foulness after you — alas, it is true of almost every one of us! Love children especially, for they too are sinless, like the angels; they live to soften our hearts and, as it were, to guide us. Woe to him who offends a child...

...Человек, не возносись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гношишь землю своим появлением на ней и след свой гнойный оставляешь после себя — увы, почти всяк из нас! Деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам. Горе оскорбившему младенца...

Исана совершенно не был уверен в том, что выбранный им кусок заинтересует подростков. Сначала он спросил, какой текст им желателен, но они не имели ни малейшего представ-

---

* Животное (англ.).

ления, что бы им хотелось читать. Когда он сказал, что посоветуется с Коротким, человеком начитанным, они решительно воспротивились. Подростки не скрывали своего отвращения к нему. Короткий? Да, он один из наших. Но он как урод в семье. Он нам противнее любого чужака, приходится терпеть его, ничего не поделаешь... Исана выбрал текст из Достоевского, любимого писателя Короткого, чтобы хоть так выразить свой протест подросткам, но в день, когда он начал чтение и, на его основе — упражнения в устной речи, то совершенно неожиданно для себя обнаружил, что глава из Достоевского встречена с огромным интересом. Поучение старца Зосимы начинается такой фразой.

Young man be not forgetful of prayer. Every time you pray, if your prayer is sincere, there will be new feeling and new meaning in it, which will give you fresh courage, and you will understand that prayer is an education.

Юноша, не забывай молитвы. Каждый раз в молитве твоей, если искренна, мелькнет новое чувство, а в нем и новая мысль, которую ты прежде не знал и которая вновь ободрит тебя; и поймешь, что молитва есть воспитание.

Исана думал, что беседы Зосимы покажутся подросткам слишком уж правоучительными, а «праугет» * вызовет у них решительный протест. Но они не только проявили огромный интерес к тексту, но были буквально захвачены словом «праугет». И среди всех больше всего оно понравилось Бою и Тамакити! Вернувшись в свое убежище после ночи, проведенной в подвале Свободных мореплавателей, Исана ни разу не появился на развалинах киностудии. Боя не помещали больше на третьем этаже убежища Исана. Обстоятельства сложились так, что Бою пришлось снова начать борьбу с болезнью на койке в подвале съемочного павильона. Инаго тоже ушла из убежища. Иногда она приходила, чтобы повидаться с Дзином, но о состоянии здоровья Боя не говорила ни слова. Если бы, вступив в Союз свободных мореплавателей, Исана не добился примирения, хотя и внешнего, с самым упорным своим противником, ему бы плохо жилось в окружении подростков. И вот этот самый Бой через неделю после того отвратительного события, Бой с кровоподтеками на лице от побоев Короткого, но уже полный сил, появился в убежище. Он появился, всем своим видом давая понять, что просто сопровождает Тамакити как один из тех, кто входит в его гвардию. Тамакити и Бой, появившись перед Иса-

---

* Молитва (англ.).

на, который снова перебрался на третий этаж и вместе с сыном слушал записанный на магнитофонную ленту фортепьянный концерт, предложили примирение. Начал Бой:

— Такаки сказал, чтобы я пошел к вам. Велел мне сказать, что я был неправ.

За ним Тамакити, полностью изменив своему тогдашнему молчанию, начал красноречивые объяснения:

— Вас не убили совсем не потому, что нам изменил Короткий, или потому, что тактика Боя оказалась никуда не годной. У Боя самого были причины отказаться от убийства. У Боя было видение. Когда его избили и он уснул, у него было видение, и он отказался от мысли убивать вас, отказался от мысли выступить против вас. И сейчас он пришел мириться не просто потому, что ему велел Такаки, как он говорит.

— Видение?

— Когда Бой, проснувшись, уже совсем решил убить вас, то ли он еще досматривал сон, то ли еще не совсем проснулся, перед ним вдруг появились руки и остановили его. И неведомый голос произнес: не наказывай того человека, отложи казнь. Поэтом Бой, спокойно проспав до утра, дал вам уйти. Не страх заставил его отказаться от нападения.

— Вы называете «видением» сон? — спросил Исана.

— Я думаю, лучше употребить слово «видение» потому, что во время сна появились две руки и в мгновение ока открылся смысл увиденного. Мне тоже часто являются видения. Когда, например, я еду на мотоцикле со скоростью, превышающей нормальную, или когда дерусь с кем-нибудь из наших врагов. Если бы у меня не было способности читать видения, как бы я знал, где крутой поворот дороги, как бы мог определить, кто настоящий враг, которого нужно бить?

— Какой же смысл открылся тогда Бою в его видении?

— Разве я не сказал? Прости! Вот какое это было видение,— снова вместо Боя ответил Тамакити.— Прости и помирись!

— Я тогда говорил о вещах, которые невозможно простить,— сказал Исана.— Прости, помирись?..

— Если то, что вы рассказывали нам в ту ночь, правда, вам никто этого не простит и никто с вами не помирится. Нет хуже злодея, убившего ребенка,— отрезал Тамакити.— Но есть и другое — вы спасли нашего товарища. Это и открылось Бою в его видении, вот почему он и услышал голос: прости, помирись.

Сказав это, Тамакити решил, что переговоры между Исана и Боем о прощении и примирении завершены. Сам же Бой, ко-

тому явилось видение, пока Тамакити объяснял, не проявлял ни малейшего интереса ни к видению, ни к примирению с Исана и был поглощен, как и Дзин, музыкой — сонатой Скарлатти в исполнении Ландовской. На его лице, сильно загоревшем, и с еще более темными следами от ран, был разлит покой. Исана тоже внимательно слушал музыку. Раскованность ведомого музыкой воображения теснее и отчетливее сблизила его с видением Боя, и если не раскрыла до конца его смысла, то, во всяком случае, позволила поверить в его возможность.

Видение. Если действительно видение заставило тяжело-больного Боя неожиданно отбросить идею нападения на Исана, то разве исключено, что видение же приказало мечущемуся в бреду подростку: убей его, убей во имя Союза свободных мореплавателей? В таком случае, поскольку сущность видения изменилась, Бой стал тише воды, ниже травы и уже не собирается возвращаться к неудавшемуся убийству, даже способен спокойно разговаривать, слушая музыку. Вот до какой степени видение может руководить действиями этого подростка...

Но тут произошло событие, от которого Исана, отдавший себя мыслям, оправдывающим поведение Боя, вновь испытал к нему захватывающую дух ненависть. Бой неожиданно остановил магнитофон и начал перематывать ленту. Такое было недопустимо для мира звуков, в котором жил Дзин! Но в противоположность Исана Дзин ничем не проявил неудовольствия. Бой успокоил Дзина тем, что все время, пока перематывалась лента, насвистывал. Когда пленка снова стала воспроизводить музыку, Бой прекратил свист, подражавший звучащей до этого мелодии, и, снова погрузившись в слух, сказал:

— Я давно люблю эту музыку. Если бы написать на ее мелодию песню, она бы имела огромный успех. Что это такое?

— Соната Скарлатти,— объяснил Исана.

— Соната Скарлатти?

— До диез минор,— сказал Дзин голосом, подражающим пению птицы.

— Ничего себе, слабоумный,— сказал Бой прочувствованно.

Бой выразил свое восхищение таким голосом, что Исана захотелось подавить неприязнь, пробужденную в нем словом «слабоумный». Этот голос окончательно примирил его с Боем. В конечном счете благодаря посредничеству Дзина...

Что же привлекло к слову «грауег» группу Свободных мореплавателей, изучающих английский язык? Исана поразило, что, читая с ними отрывки из Достоевского, ему не было ника-

кой необходимости объяснять слово, прибегая к банальному переводу. Подростки старались понять фразу конструктивно.

— Если *prayer sincere*, то возникает *new feeling*. Потом...— Так они уточняли правильность понимания прочитанного, задавали вопросы, в общем, постигали английский язык в целом, не переводя на японский отдельные английские слова, фразы или куски текста, и это удивляло Исана, поскольку для него, когда он изучал иностранные языки, важнее всего было сдать экзамен. Подросткам нужна была не простая замена слов одного языка словами другого, а подробное толкование каждого слова; это требовало массу времени, но не казалось им скучным, наоборот, чем дольше он объяснял, тем с большим вниманием они слушали. В этом не было ничего удивительного, если вспомнить, что он имел дело с людьми, живущими бесконечной сменой одного взрывного действия другим, будто их молодые кровеносные сосуды наполнял нитроглицерин. В процессе объяснения слов Исана понял, что замена слов одного языка словами другого не могла удовлетворить их потому, что это были малообразованные ребята, приехавшие в Токио из провинции по коллективному набору, а потом покинувшие предприятия, на которых работали; они имели весьма смутное представление о нормативной лексике, которую Исана должен был использовать, чтобы заменять английские слова японскими. Разъяснение английских слов они воспринимали, как новый вид деятельности для своего тела и своей души, и всеми силами стремились понять его.

Замена «*prayer*» словом «молитва» оставляла их совершенно равнодушными, и они просто ждали следующих слов. Они ждали с трепетностью, приводившей Исана в растерянность, его дилетантского толкования, сводившегося к тому, что «*prayer*» — значит «молиться», как, например, синтоистским богам или Будде. Их не устраивало объяснение, что «*prayer*» — означает «молиться богам». И не из физиологической ненависти к таким словам, как «боги» или «Будда». Просто их нисколько не интересовало, кому молиться. Им нужно было уяснить, что значит «*prayer*» для их тела и души. У всех этих ребят, не получивших законченного среднего образования, чувствовал Исана, был удивительный инстинкт на слова; для них вопрос о том, к кому обращена *prayer*, имел в данном случае второстепенное значение, сердцевину же его составляли именно сила и страстность *prayer*. Объясняя, что значит «*prayer*», чутьем догадываясь, что они хотят услышать об этом, Исана и сам задумывался над актом *prayer* как таковым. Он думал об этом, волнуясь, наслаждаясь

преподаванием, приносящим плоды и ему, и другим. Отыскивая в недавно пережитом сущность своей молитвы, вспомнил тот день, когда он, подражая неожиданным падениям Дзина, чтобы выяснить степень их болезненности, тоже начал падать и сломал себе зуб. Подробно рассказывая подросткам об испытанной тогда боли, он пытался объяснить содержание своей молитвы.

Сначала слово «падение» вызвало у подростков смех и оживление, но потом они стали слушать внимательно. В то время он еще жил вместе с женой, но не рассказал ей о сломанном зубе и испытанной боли, опасаясь, как бы она не подумала, что муж, как и сын, тоже начал падать. В ту ночь он остался наедине со своей болью. Вообразив себя мертвым, не человеком, а дохлой обезьяной с застывшими в напряженной дуге конечностями, он боролся с болью на дне тьмы; чтобы жена ничего не заметила, погасил почник. *Закрыв глаза, которые все равно ничего не видели, кроме тьмы, я думал: я — покойник, для меня, у которого умерла душа, всякая телесная боль — галлюцинация, и, значит, это мой дух страдает от призрачной боли. Я пытался оторвать свое сознание от страдающего, израненного тела, конвульсивно вытягивая вверх свои застывшие руки и ноги. Я стремился оторвать от своего зеющего болью тела, как мне представлялось, легко отделимую кассету сознания. Вынуть кассету сознания из своего мокрого от пота тела, кажущегося телом замерзшего человека, было совсем не легко...*

Пока я боролся со своей болью, сфера ее постепенно сокращалась. Но по мере того как боль концентрировалась, она становилась все острее — верхняя челюсть, в которой сосредоточилась боль, пылала. Отец, покончивший жизнь самоубийством, когда Исана еще был ребенком, поучал его: человека создал бог, и поэтому, когда человек, созданный с заранее рассчитанной гармоничностью, испытывает страдания, выходящие за рамки переносимых, он либо теряет сознание, либо скоропостижно умирает, или же сходит с ума. Поэтому не нужно заранее тратить силы а то, чтобы постичь страдание,— поучал его отец. Приказ, который отдал себе Исана, зиждился на поучениях отца. Если испытываемые мной сейчас страдания станут непереносимыми, то лучше всего как можно скорее лишиться сознания, умереть или сойти с ума.

— Тут я запустил пальцы в рот и, чуть ли не теряя сознание, стал ковырять ими во рту — мне удалось вытащить из десны обломок зуба, и я освободился от боли,— сказал Исана.— Ведя это тяжелое сражение с болью, я, как мне кажется, все

время ргау. Таким образом, если следовать нашему тексту, именно благодаря ргауег, я, как мне кажется, освободился от боли и именно этим углубил свое education.

— Если всегда так хорошо получается, то ргауег — неплохая штука,— сказал подросток чуть постарше остальных и густо покраснел, что совсем не вязалось с его невозмутимым видом.

— Но ведь вы ргау не только, когда вам бывало больно? — сказал Тамакити. Он не хотел, чтобы этим коротким замыканием закончился рассказ Исана.— Когда Бой мучился в убежище, вы, рассказывала Инаго, как-то молились, спускаясь по винтовой лестнице. Это было в тот день, когда вы застали их врасплох. Если вы и вправду тогда молились, то я не понимаю зачем, а если ргау, то прекрасно понимаю. Если, конечно, то, о чем вы только что рассказывали, была ргауег.

Действительно, подумал Исана, когда он, увидев лежащих вместе Боя и Инаго, поспешно сбежал по лестнице, то вполне мог выглядеть человеком, совершающим ргауег. И Инаго, сообщившая об этом Тамакити, оказалась поразительно наблюдательной, хотя и делала невинное лицо. В тот день, спускаясь в сумерках по винтовой лестнице, он взывал к душам деревьев, вплотную подступавших к убежищу, и к душам китов, обитающих в далеких морях. *Души деревьев, тем, кто принадлежит к растительному миру, души китов, тем, кто принадлежит к огромным млекопитающим, обитающим в морях, их близость покажется, возможно, не только неразумной, но и отвратительной. Но в самозабвении мальчишки и девчонки было нечто непередаваемое, что не может не тронуть наших сердец. Спасите этого мальчишку от опасности заболеть столбняком. Скоро жар у него спадет, и их близость снова станет нормальной! Я обращаюсь к вам, принадлежащим к растительному миру, к вам, обитающим в морях, разве не прекрасна эта девчонка, уголяющая боль раненого...*

— Почему же ты, Бой, хотел убить человека, который ргау о тебе? — сказал Исана.

— Есть люди, ргауег которых обо мне я не желаю,— не задумываясь ответил Бой.

— Что ты этим хочешь сказать, Бой? — спросил Тамакити.

— «Ргау» — это сосредоточить всего себя на чем-то, верно? Вот я и не хочу, чтобы посторонний человек ргау обо мне,— сказал Бой чистосердечно.

— Да, об этом я тоже думал,— сказал подросток, покрасневший в прошлый раз и теперь снова краснея.

— Тамакити соображает лучше тебя, Красномордый,— сказал Бой, и Исана понял, что покрасневший подросток именно за это свое свойство и получил прозвище.

— Когда дело касается Тамакити, Боя не собьешь,— сказал Красномордый, всем своим видом показывая, что ему наплевать на само существование Боя, и снова густо покраснел.

Позже Тамакити, опираясь на высказывание Боя, развил его мысль — у Исана сложилось впечатление, что он пользуется уважением не только у Боя, но и у некоторых других ребят, наиболее молодых, он был как бы лидером фракции. Толкование Тамакити сводилось к тому, что «ргау» — значит «сосредоточиться» и если сосредоточить свое тело и сознание на объекте независимо от того, что представляет собой этот объект, то благодаря такому сосредоточению в теле и сознании возникает new feeling и new meaning.

— Разве не испытываем мы этого состояния? Только благодаря тому, что мы ргау, нам и являются видения. А что такое видение, как не new feeling и new meaning.

— Я в самом деле чувствую, что в твоём теле и теле Боя бьёт ключом new feeling,— сказал Исана.

— Нет, самое важное — new meaning,— сказал Тамакити, и Бой тут же с ним согласился.— Правда? Мы ведь не чувствительные дураки, нам мало new feeling. Мы ргау ради того, чтобы внутренне обогатить себя new meaning.

— А я не думаю, что нужно внутренне обогащать себя, как говорит Тамакити,— сказал Красномордый.

— Зачем же мы создали Союз свободных мореплавателей, если не ради внутреннего обогащения? — отмел Тамакити вызов Красномордого.— А? Ты, Красномордый, действительно ходил в университет и занимался подводным плаванием, да еще как. Потому-то мы тебе и кажемся такими же людьми, как и те, что пьют из полиэтиленовых мешочков вяжущую жидкость? Они — дерьмо. Их только эта вяжущая жидкость и соединяет. А мы внутренне спаяны между собой без всяких жидкостей и растворителей. Мы вступили в Союз из-за new feeling и, утвердившись в нем, придем к new meaning. Зачем это нужно? Чтобы передать его другим людям. Если ограничиться new feeling, оно останется лишь в нас. А верим мы в это или нет, понять не так просто. И тогда мы развяжем руки разным проходцам.— Сказав это, Тамакити многозначительно посмотрел на Красномордого. Не то чтобы он считал Красномордого проходцем, а просто испытывал удовольствие от своих слов. Крас-

номерный снова побагровел, и было достаточно взглянуть на него, чтобы понять: он не принадлежит к гвардии Тамакити, а выступает с ним на равных.— Именно поэтому необходимо new meaning. Если ясно осознать его, оно послужит внутреннему обогащению, и возникнет fresh courage. Тогда не будет никакой необходимости черпать fresh courage извне. Это-то ясно? Вот почему я говорил о внутреннем обогащении. Как и человек, это написавший, я думаю, что прауег есть education. Потому, что другого education, кроме такого, я не признаю...

— Мне тоже хотелось education, и поэтому мне нравятся наши занятия,— сказал Бой.

— Я рад.

— Вы не хотите узнать, как мы сосредоточиваемся на себе? — спросил Тамакити.— Не хотите посмотреть на нашу настоящую прауег?

— Хочу, разумеется, если это можно видеть со стороны.

— В таком случае, мы сделаем вам ответный подарок за education, — сказал Тамакити, быстро решив за всех.— Поскольку вы нам показали такой прекрасный текст, мы должны тоже сделать education в качестве ответного подарка, верно?

Тамакити, Бой и еще несколько подростков, оставив Красномордого, вышли из убежища, взяв с собой Исана. Они поехали на двух украденных ими машинах. У Тамакити, который сам вел машину, усадив рядом с собой Исана, был такой вид, будто он выискивает подходящий объект, чтобы на нем продемонстрировать самососредоточенность. Если бы только Исана согласился, он бы бросил вызов грузовой машине, которую они обгоняли на большой скорости, и продемонстрировал бы их стиль прауег или выкинул еще какое-нибудь ребячески залихватское коленце. Спровоцировать водителя тяжелой грузовой машины и заставить его столкнуться с металлическим ограждением дороги — дело нетрудное, поэтому, если захотеть, то можно сделать и так, что все сидящие в кабине грузовика погибнут...

— Даже если цепь случайностей приводит к необходимости убийства,— подмигнул Тамакити сидевшим в машине приятелям, давая тем самым понять Исана, что нечего, мол, устраивать цирковое представление и нос задирать, а особенно передо мной.— Если вы и собирались совершить убийство, вам вряд ли приходилось специально для этого тренироваться?

Спектакль, разыгранный маленьким лидером, почувствовавшим себя свободным, благодаря отсутствию Такаки мог уничтожить атмосферу доверия, возникшую между Исана и моло-

дежью. Дорожа ею, Исана смело принял вызов Тамакити и ответил. Причем им тоже двигало стремление к education.

— В годы моего детства наша страна была страной солдат. В начальной школе, которая тогда называлась народной, мы бегали с деревянными мечами и упражнялись в протыкании соломенных чучел. Думаю, что во время этих упражнений детей заставляли глубоко, хотя и по-детски, задумываться над тем, что значит убийство. Упражнения, которыми руководил приехавший в деревню учитель, сами по себе никак на нас не действовали. Все знали, что настоящее убийство совершается не так, и без всякой предосторожности били и пинали ногами друг друга. И думаю, это понимал и сам учитель. Но мы, выросшие в деревне, лучше учителя знали, как нужно убивать человека. Во всяком случае, не среди бела дня, бегая и крича. Мы, хотя и смутно, но знали, что в нашей деревне, когда по-настоящему убивают человека, то серьезные, отвечающие за свои поступки люди собираются с оружием в руках и окружают того, кого собираются убить. Примерно так было во сне Такаки о Китовом дереве. Невероятно, но совсем недавно я прочел в газете об аналогичном убийстве. В самолете, летевшем с какого-то местного аэродрома в Токио, сумасшедший пытался зарезать командира корабля. В конце концов все пассажиры навалились на него и утихомирили, а когда сумасшедший затих, оказалось, что он мертв: нож, которым он размахивал, торчит в его груди. Важно, что в убийстве участвовали все пассажиры. Так же убивают людей и жители далеких деревень, затерявшихся в густых лесах. Разумеется, это делается в тех случаях, когда деревне грозит гибель... Как еще поступить с сумасшедшим, в буйстве своем угрожающим всей деревне, летящей в самолете? Убийство человека по личным мотивам совершается иначе: глубокой ночью человек молча, крадучись нападает на своего врага, избивает его до смерти или закалывает, а сам убегает в лес. Начнут за ним охотиться, а лес густой, только он увидит, что преследователи из деревни приближаются, поднимается выше в горы — он в более выгодном положении. Человек из горной деревни, если только он полон решимости бежать в лес и жить там безвылазно, может сделать все что угодно. Может сражаться с вооруженными солдатами и даже с целым отрядом. Один юноша из деревни, дезертировавший из армии сразу же после мобилизации, заколол командира отряда жандармов, прибывших для расследования, и бежал в лес. Если бы он был способен жить в одиночестве и предвидел, что война окончится поражением японской армии, то мог бы просуществовать в лесу

сколько угодно. Но, совершив геройский поступок, он, оказавшись в одиночестве, пал духом и повесился. На огромном дереве с толстыми ветвями, усыпанными сладкими плодами, которое мы называли божественной сливой. После этого его стали называть у нас деревом повешенного, и отпало всякое желание есть сливы с этого дерева. Сколько жандармы ни прочесывали лес, они так и не могли найти, где он укрывается, но стоило ему повеситься в далеком горном лесу, и труп его сразу же был обнаружен и доставлен в деревню. Кто знает, возможно, и в случае с дезертиром произошло то, что происходило всегда: взрослые, ответственные за порядок в деревне, пошли в лес, нашли юношу, дотащили до божественной сливы и повесили... О местонахождении дерева знали все жители деревни; хотя и крепкое, оно вряд ли годилось для того, чтобы повесить взрослого человека. А когда его называли деревом повешенного, это никого не привело в замешательство — вот какой была эта божественная слива. Вот почему вероятно, что жители деревни сами приняли такое решение. Ну и радовались потом птицы, что ребята перестали перехватывать у них сладкие сливы...

— Птицы радовались? — перебил Тамакити. — Нет, эта история не для нас, а для Дзина. Вы скажете: птицы радовались, а Дзин ответит: да, птицы радовались. Почему даже сейчас, когда Дзин стал независим от вас, вы говорите о нем так, будто ничего не изменилось?

— Дзин независим?

— Конечно, он остался сейчас в убежище с Инаго, — заметил Бой.

— Но ведь не потому же, что сам Дзин предпочел мне кого-то другого?

— Да-да, вы правы, — поспешно согласился Тамакити, и Исана еще сильнее ощутил всю горечь, скрытую в его вопросе.

— Сейчас я уже действительно не нужен Дзину ежеминутно, и поэтому соглашаюсь оставлять его иногда с Инаго, — примирительно сказал Исана. — Возможно, это послужит для него стимулом выбрать вместо меня кого-то другого. В таком случае я лишь обрету большую свободу...

— Нужно только как следует научиться пользоваться этой свободой, — сказал Бой.

— Education уже началось? — спросил Исана.

— Да. Мы будем заниматься education, включив вас в наши учения, — сказал Тамакити. — Ну как, едем? Поезжайте, если не хотите показаться смешным. Возможно, наши практические учения закончатся тем, что нас упекут в тюрьму и лишат сво-

боды, ха-ха! Бой, ты сейчас переседешь в заднюю машину — мы будем проводить учения, именуемые Великое землетрясение!

Сказав это, Тамакити направил машину к съезду со скоростной автострады и, когда начался спуск, резко затормозил, даже не подведя ее к обочине. Если бы сзади шли другие машины, столкновение было бы неминуемо. Бой высадился прямо на шоссе, и Тамакити сразу же резко рванул машину вперед. Ничем не проявив недовольства, Бой как истукан, сложив руки на животе, поджидал заднюю машину. Исана обернулся к Бою, стоявшему посреди дороги, но его фигуру тут же поглотил поток машин.

— Учения, именуемые Великое землетрясение? — спросил он встревоженно.

То ли пауза показалась им комичной, то ли возбужденные ходом начавшейся игры, набившиеся в машину подростки дружно рассмеялись.

— Да, — сказал Тамакити. — Помните Великое землетрясение в Канто? Тогда наши жестокие отцы и деды устроили корейцам кровавую баню. Только потому, что корейцы оказались слабее всех. Если бы сейчас снова случилось Великое землетрясение, самыми слабыми и ненавистными были бы мы. И наши жестокие отцы и деды устроили бы кровавую баню нам. Хорошо бы, конечно, до того как это случится, уйти в открытое море, но вряд ли это нам удастся. А раз так, нужно самим изыскать средство спасения. Мы ведь слабые — полиция и силы самообороны не на нашей стороне, и нам остается одно — бежать. Нам нужно лишить своих врагов мобильности и бежать к морю — в этом наше спасение. Прежде всего мы будем разбивать машины. И нужно уничтожать механизированные отряды наемников, охраняющих эти машины. Мы добьемся того, что останутся лишь те, которые вынуждены бежать к морю на своих двоих! А это нам на руку. Тогда во время Великого землетрясения нас не догнать никому, даже моторизованной полиции. Все побегут к морю на своих двоих!

Эти слова Тамакити вызвали новый взрыв смеха его друзей. Исана так и не смог определить, чем вызвана декларация самоспасения Тамакити, осознанием себя как жертвы или самоиронией.

— Как вы будете проводить учения? — спросил Исана недоброжелательно.

— Лучше спросить, в чем их сущность, — сочувственно сказал Тамакити, продолжая гнать машину со скоростью ста

километров в час. Все очень просто. Нужно остановить машины, все машины до одной. Студенты создают освобожденные районы — вам приходилось слышать такое выражение? А мы их создадим на всех дорогах без исключения. И тогда людям придется бежать к морю на своих двоих, а значит, во всяком случае сразу же после землетрясения, никто не окажется в привилегированном положении. Мы хотим парализовать все скоростные автостреды.

— Но разве скоростные автостреды не будут и так достаточно разрушены землетрясением, если оно окажется такой же силы, как Великое землетрясение в Канто? — попытался возразить Исана, но Тамакити и остальные подростки оставили его вопрос без ответа.

— А вы не подумали о том, что будет, если в случае Великого землетрясения те, которые обладают властью, захотят завладеть положением? Они раньше всех окажутся у моря и перебьют нас, опоздавших. — В тот момент, когда Тамакити говорил это, их машина нырнула в тоннель, освещенный оранжевыми фонарями, и вливающиеся в него с разных сторон машины заставили Тамакити снизить скорость. — Поэтому мы должны сами опередить их и сделать так, чтобы через тоннели нельзя было проехать — тогда все будет в порядке, верно?

Разговаривая, Тамакити снял с баранки руку и стал шарить у колен, нашел что-то, как будто солнечные очки, и положил в карман. Подростки, сидевшие на заднем сиденье, тоже беспokoйно задвигались. Появилась вторая машина, в которую пересел Бой, и шла теперь рядом с ними, чуть ли не вплотную. Обе машины мчались к выходу из тоннеля, в сиянии которого оранжевый свет казался повисшим в нем туманом, постепенно снижая скорость, отчего разрыв с ехавшими впереди в два ряда машинами увеличился, а сзади сразу же послышались нетерпеливые гудки.

— Запирайте дверь со своей стороны и бежим! — крикнул Тамакити, резко остановив машину и до отказа взяв на себя ручной тормоз, потом с силой потянул за руку Исана. Выскочив на шоссе и пробежав несколько шагов, Исана обернулся и увидел, что машина, в которой ехал Бой, слегка столкнулась с их машиной и они обе замерли, образовав перевернутую букву V. Исана, которого Тамакити по-прежнему тащил за руку, бежал вместе с подростками к выходу; тяжело дыша, он мчался теперь по совершенно пустому тоннелю.

Сзади на Исана и подростков, стремительный бег которых выглядел невинной забавой в освобожденном ими районе, низ-

вергался поток автомобильных гудков. Подростки бежали, прыгая и подсакивая, навстречу мчащимся машинам, всячески стараясь продемонстрировать им свое презрение. Их возбуждение передалось и Исана, но у него была другая забота — не отстать. Их стремительный бег продолжался всего минут пять, но Исана едва не падал от усталости. Если бы он отстал, тогда бы какой-нибудь служащий скоростной автострады или полицейский схватил его одного. Перед самым носом бежавшего Исана, который со страхом думал о том, сколько еще придется бежать по скоростной автостраде, подростки, во главе с Боем, перепрыгнули через боковое ограждение дороги и стали взбираться по косогору, обложенному дерном. Он последовал за ними. Как раз в этом месте стояли опоры переброшенного через автостраду виадука. Преодолев таким образом опасность, правильнее сказать, опасность, которую ощущал Исана, они заняли позицию на виадуке, откуда могли спокойно наблюдать за тем, что творится на скоростной автостраде благодаря их проделке.

— Неужели вы не любите автомобиль как таковой? Больше всего меня поразило то, что вы не просто свободно бежали по той стороне автострады, которую запередили (это слово разве-селило подростков. Запередили, запередили, чтобы наловить рыбы, ха-ха, рассмеялись они), но еще и угрожали встречным машинам, насмеялись над ними. Создавалось впечатление, что вы ненавидите все автомобили вообще.

— Ненавидим? Нет, издеваемся над ними, — сказал Бой. — А к чему нам вообще любить автомашины, это же не яхта. Машина — это прошлое!

Под тонкой пленкой веселья подростков, одобрительно кивавших словам Боя, Исана увидел холодное, даже несколько преувеличенное презрение к машине, именуемой автомобилем. Это его глубоко потрясло и в то же время обрадовало. Такое явное презрение подростков к автомобилю как вещи, ничего не стоящей, произвело на него особенное впечатление. У самого Исана в молодости не было другого объекта презрения или уважения, кроме человека.

— Мы хотим во время Великого землетрясения остановить машины во всем Токио и этим показать едущим в них людям, что автомобиль — машина устаревшая, — сказал Тамакити. — Во время такого землетрясения мы хотим как можно быстрее добраться до моря, а автомобили тех, кто чинит нам препятствия, уничтожить. Это будет маленькая война. Ведь полиция и силы самообороны не станут на сторону разрушителей автома-

шин, свидетельствующих о благополучии их владельцев, наоборот, они превратятся в цепных псов тех, кто будет изо всех сил защищать свои жалкие автомобили. Они превратятся в наемников этих машин. Вам случалось видеть полицейского, который разбивал машину, задавившую человека? Нет, пистолет он направит на человека, атакующего автомобиль. А тот, кто живой и невредимый едет в машине, а у самого сердце окунается в ледяную воду, — арестован. Пусть дорожная полиция перестанет быть в услужении автомобилей и устроит хотя бы однодневный саботаж. Вот уж тогда побьется автомобилей и их рабов. Но и этого мало! Так что же, вы вместе с полицией и силами самообороны будете выступать против уничтожения этих грохочущих чудовищ?

— Ты только сейчас навел меня на мысль, что представляет собой автомобиль, и мне нужно как следует подумать об этом, — сказал Исана, а подростки оживленно засмеялись. — Что же касается людей, то верхний предел населения, которое может прожить в Японии, был достигнут в конце девятнадцатого века, и в случае, если он превышался, наступал Великий голод...

— Великий голод! — сказал Бой. — Автомобили тоже гибнут из-за Великого голода, предотвратить который людям не под силу. Может быть, если только Земля сблизится с какой-нибудь планетой...

— Например, из-за нефтяного голода. Он ведь наступит очень скоро, — сказал Тамакити. — Но до того как он наступит, привилегированные, захватив все автомобили, будут ожесточенно преследовать нас. Пока этого не произошло, чтобы люди не творили зла, охраняя свои автомашины, нужно уничтожить дурацкий обычай частного владения ими. Вы так не думаете? Мы пропагандируем эту идею, воруя автомашины и вскоре бросая их. Если все машины станут достоянием всех людей, то машина, направляющаяся по делу, останется в пункте назначения. В идеальном случае количество машин на дорогах сократится наполовину. И когда вдоль дороги будут стоять брошенные машины, каждый сможет свободно взять любую; необходимость в стоянках тоже отпадет. Никаких забот.

Из тоннеля показался волочивший машину тягач, за ним медленно потянулась колонна автомобилей. Другая машина на тормозе с запертыми дверцами была только отодвинута к обочине, и поэтому движение открылось лишь в один ряд.

— Посмотрите, до чего отвратительны взбешенные морды этих рабов машин! Задержались самую малость, а вид у них

такой, будто лишились права жить на свете. Они уверены, что, как только обезьяна слезла с дерева, она тут же села в деревянный или каменный автомобиль, верно? И правда, до чего отвратительны их морды!

Угрожая потоку машин под виадуком, Тамакити возбужденно, но в то же время с явным удовольствием кричал и размахивал руками. Потом потерял интерес и к этой игре. Следуя за Тамакити и его товарищами, Исана обнаружил удивительное явление: Бой и остальные Свободные Мореплаватели в отличие от взбешенных владельцев проносящихся внизу машин были веселы, оживленны, что было написано на их лицах. У них были лица учеников, успешно завершивших prayer, являющуюся одним из видов education, которой они отдали все свое тело, всю свою душу. Среди выбранного им текста Исана вспомнил одну фразу, в которой содержалось слово «pray».

How touching it must be to a soul standing in dread before the Lord to feel at that instant, for him too, there is one to pray, that there is a fellow creature left on earth to love him too!

Сколь умиротворительно душе его, ставшей в страхе перед господом, почувствовать в тот миг, что есть и за него молещик, что осталось на земле человеческое существо, и его любящее.

И его soul standing in dread, душа человека, уже не один год ведущего затворническую жизнь с Дзином, в тайной надежде, что подростки будут молиться за него, любить его, воззвала к душам деревьев и душам китов, постоянно наблюдавшим за ним, и когда он был в одиночестве, и когда был окружен людьми, воззвала так горячо, что ему даже стало стыдно: *how touching it must be...*

Глава 11

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК СПОСОБ САМООБУЧЕНИЯ

Наиболее старательно брали уроки английского языка в убежище самые молодые члены команды, и в первую очередь Бой. Те же, кто составлял ядро Союза свободных мореплавателей во главе с Такаки, были заняты другими делами. Приходившие в убежище подростки искренне стремились подружиться с Дзином. Они врываются в убежище, не считаясь с тем, удобно ли это в данный момент Исана, и, если Дзин спал, сидели смиренно и тихо, дожидаясь, пока тот сам не проснется.

Это правило Исана установил еще в период их затворничества. Исана был убежден, что именно он руководит их совместной жизнью, но основной ее стиль создавал Дзин. Когда раньше, включив бесконечную ленту с записанными на ней голосами птиц, Исана выходил из дому, а вернувшись, застаивал спящего Дзина, он терпеливо ждал его пробуждения. Он сидел в полном бездействии и лишь ждал, глядя на раскрасневшееся, спокойно улыбающееся лицо спящего сына, ждал, когда тот, проснувшись, позовет его. Исана и в самом деле не оставалось ничего иного, как ждать, пока Дзин проснется, и он сможет рассказать о том, что ему пришлось пережить, как он проник в дикий город, которым завладели чужие люди; так он, укрывшись в убежище, сублимировал свои горькие переживания в нечто, напоминающее общение с душами деревьев и душами китов. Разумеется, он рассказывал сыну только о том, что представлялось ценным для обогащения его жизненного опыта, и поэтому рассказ далеко не вмещал всего того, что ему приходилось совершать за стенами убежища. О каком бы событии Исана ни рассказывал, Дзин, улыбаясь, повторял короткие фразы, доступные ребенку, и этим выражал свое одобрение...

— Дзин ко всем относится одинаково хорошо, — говорил иногда Бой.

Действительно, Дзин ко всем был искренне доброжелателен. Но вряд ли подростки ждали его пробуждения с такой же трепетной надеждой, как Исана. Правда, когда Дзин наконец проснулся, глубоко вздохнув, как рабочий, утомленный тяжелым физическим трудом, все они очень радовались. В который раз они поражались удивительно острому слуху мальчика, и Дзину это очень нравилось. Как и Исана, вечно озабоченный безопасностью Дзина, подростки были одержимы страхом, что на ребенка набросится, скажем, бродячая собака. Что, если на спящего Дзина набросится собака? Единственное, на что он способен, — вертеть головой, мол, отстань, будто собака привиделась ему во сне, и поэтому, когда проснется, окажется совершенно беззащитным.

— Дзин просто умрет от страха, так и не поняв, откуда взялась такая напасть, — говорил Бой обеспокоенно.

Бой был моложе остальных подростков, и если б не будущий дальний морской поход, ради которого он жил и который символизировал его самоутверждение, то он с готовностью умер бы, — и воспринял бы смерть как нечто совершенно естественное. Но если бы умер Дзин, потрясенный страхом, причина которого осталась ему неизвестной, Боя перестало бы привлекать то

немногое, что манило его на земле, даже их необыкновенная яхта.

Подростки принесли Дзину маленький переносной телевизор, они выкрали его из машины, владелец которой беспечно оставил его в машине, бросив ее на стоянке. Пока подростки, включив первую попавшуюся программу, проверяли качество изображения, мужчина средних лет, назвавшийся «футурологом», заявил, что в будущем люди с низкими умственными способностями «будут подвергаться ненасильственной селекции», и все, кроме Дзина, с интересом прильнули к телевизору.

— На этот счет меня уже давно преследует навязчивая идея, — начал Исана в стиле, каким был написан английский текст. — Мысль о том, что всенародно избранное будущее правительство или рядовые чиновники подвергают Дзина, как сказал футуролог, «ненасильственной селекции».

— Этот человек убьет Дзина или упрячет его в концлагерь. И таких, как мы, тоже убьет или упрячет в концлагерь, — сказал Бой.

— Нет, вас с Дзином футуролог вряд ли поставит в один ряд, — сказал Исана, но Бой и остальные подростки не обратили внимания на его слова. Они принялись пинать ногами экран телевизора, на котором маячило лицо футуролога, пока не разбили его.

В отличие от Исана, которого хватало лишь на то, чтобы абстрактно ненавидеть страшное, отвратительное будущее, ожидающее Дзина, подростки сразу же перешли к конкретным действиям, чтобы разделаться с тем, кто обещает им такое будущее. Появление футуролога на экране телевизора объяснялось тем, что, как всегда в начале лета, в разгаре были научные конференции; в одном из отелей в центре города проводилась международная конференция футурологов, и на следующий же день вечером один из участников этой конференции подвергся, как сообщили газеты, нападению группы хулиганов. Подростки пробрались в отель. Бой раздобыл одежду настоящего боя из отеля, переделался в нее, вызвал того самого «футуролога», провел его в туалет, повалил там на пол, и трое мальчишек, раскрыв «футурологу» рот, «ненасильственным методом» натолкали ему в рот и в нос дерьма. Правда, осталось неизвестным, проглотил он его или нет...

Подростки совершали не только такого рода налеты с целью возмездия, но и замыслили нападение в целях самообучения. Что же они придумали? В качестве объекта нападения они избрали грузовик компании мясных продуктов, доставлявший

каждый вторник по утрам мясо в магазины. В грузовике, заполненном распластанными говяжьими и свиными тушами без шкур и внутренностей, лежали огромные ножи и топоры. Но рядом с этим мощным оружием в машине находились и привыкшие к тяжелому физическому труду рабочие, способные дать достойный отпор, — вместе с водителем их было трое. На эту вооруженную вражескую машину должны были совершить нападение трое мальчишек, вооруженные только ножами, чтобы силы были равными. Они, правда, имели с собой и пистолет, отобранный в заболоченной низине у полицейского агента, но использовать его не собирались, и должны были пустить в ход лишь в том случае, если нагрянет полиция и придется вступить с ней в бой. Если разница в вооружении оказалась бы слишком большой, честного сражения, какое может возникнуть, например, между двумя парусниками, не произошло бы, а значит, и не получилось бы никакого обучения. Было решено, что, если кто-либо из лагеря нападавших получит тяжелое ранение, ему, разумеется, придет на выручку, если же раненого не будет, то для тренировки в оказании помощи пострадавшему они попытаются удрать с говяжьей тушей, размером и весом примерно с одного из них...

Этот план пиратского нападения на суше в конце концов был осуществлен. Как-то во вторник, рано утром — еще даже роса не успела сойти — Инаго пришла в убежище с куском мяса, завернутым в газету. Пропитанная кровью газета прорвалась в нескольких местах, и выглядывало красное мясо — точно развершаяся рана. Кофта Инаго была в пятнах, но она, не обращая на это никакого внимания, радостно позвала только что проснувшегося Дзина:

— Дзин, я тебе сейчас рубленый бифштекс сделаю!

— Да, сделаешь рубленый бифштекс, — сразу ответил Дзин в тон радостному восклицанию Инаго.

— Такой прекрасный кусок мяса — и рубленый бифштекс? — насмешливо сказал Исана, но Инаго не вяла его словам.

— Ребенок любит рубленый бифштекс.

— Ладно что напали на грузовик компании мясных продуктов, но, надеюсь, хоть не ранили и не убили водителя и рабочих?

— Тамакити хотел пустить в ход альпинистский нож, но Бой, кажется, удержал его. В машине было совсем мало оружия — одни маленькие ножи, чтобы срезать мясо с костей, и он сказал, что это будет нечестно...

— Наверно, это Бой хотел пустить в ход оружие?

— Сказала же — Тамакити. Он ведь ответственный за оружие. Если уж он разозлится и начнет буйствовать, то Бой ему и в подметки не годится. Связать тех, кто был в машине, времени не было, и поэтому, перед тем как удрать, ребята стукнули их как следует, и они сознание потеряли. Тамакити собирався сделать это здоровенным напильником, о который мясники точат ножи, но Бой и тут удержал его и заставил взять что-нибудь полегче. — Инаго говорила все это насмешливо, но не с издевкой, а с переполнявшей ее радостью, все время повторяя: ха-ха. — Чем бы вы думали он стукнул их? Ха-ха, — бычьим хвостом. Бычьим хвостом с содранной шкурой, похожим на красную палку! Когда ребята вернулись, мы из этого бычьего хвоста наварили корейского супа тэгутан. Ха-ха. И говядины еще туда накрошили, в общем, повеселились. Мяса столько, что нам его и за неделю не съесть. Такаки пошел продавать.

— Такаки пошел продавать? Но его тут же арестуют, — испугался Исана. — Неужели Такаки настолько безрассуден?

— Отнюдь нет. Он знает в префектуре Гумма бараки для дорожных рабочих, поедет туда, продаст по дешевке и еще динамит за это получит.

— Чтобы в нашем полицейском государстве сошла с рук такая афера, которой и ребенка-то не обмануть? — недоумевал Исана.

— Мы и раньше точно так же получали динамит. А в этих бараках динамитом заведуют мальчишки, которых обмануть ничего не стоит, — сказала Инаго, пренебрежительно задрал нос. — Я впервые делаю рубленый бифштекс из такого огромного куска мяса, просто не знаю, с чего начинать...

— Не делай ты никакого бифштекса, зажарь целиком в духовке и все, — снова повторил Исана.

— Нет, Дзин будет есть рубленый бифштекс, — не сдавалась Инаго.

Она как бы хотела показать Дзину, что он может на нее положиться. Ей казалось, что, если по непонятной причине откажется от своего обещания, ребенок будет невыносимо страдать. И Дзин, выражая Инаго свое полное доверие, сказал, будто возражая Исана:

— Да, Дзин будет есть рубленый бифштекс.

На следующее утро Исана узнал подробности нападения на грузовик компании мясных продуктов. Это произошло на другой стороне Токийского залива, начинавшегося у убежища и перерезавшего центр города. Фотограф-любитель, наблюдавший

за жизнью перелетных птиц, стаями тянувшихся на север, устроился как раз неподалеку от места происшествия. Он-то и прислал в газету не очень отчетливую фотографию, снятую с помощью телеобъектива. Два человека, лица которых были закрыты нейлоновыми чулками, тащили говяжью тушу килограмм в сто пятьдесят — отнюдь не весом с подростка, — которая мягко свешивалась вниз и волочилась по земле; они согнулись в три погибели. За ними, нисколько не заботясь о мерах предосторожности, опустив голову, следовал еще один низкорослый человек с палкой в руках, по виду которой невозможно было определить, что это бычий хвост, — конец ее заострился и свисал вниз, как тонкая ветка ивы.

Рабочие компании мясных продуктов, которых привели в чувство, заявили, что и представить себе не могут, чем их оглушили. Видимо, признать, что они, чья работа связана с мясными продуктами, избиты бычьим хвостом, было для них сушим позором. Нападавшие в свою очередь допустили непростительную оплошность. Пистолет, который они потеряли, волоча тяжелую тушу, был найден кем-то из жителей и передан в полицию. Инаго не рассказала об этом Исана, поскольку ответственный за оружие, стыдясь допущенной оплошности, приказал держать язык за зубами. Это и в самом деле была непростительная оплошность, поскольку пистолет не был подброшен специально, с целью хвастовства, мол, нападение на полицейского в заболоченной низине и нападение на машину, груженную мясом, связаны между собой...

Однажды утром в начале июня, услышав пронзительный гомон птичьей стаи за бетонными стенами убежища, Дзин сказал: — Это серые скворцы.

Говоря это, он как бы хотел воспротивиться их крикам, в то же время показывая, что просто заткнуть уши для него еще невыносимее...

Поскольку Дзин сам указал на источник беспокойства, Исана вышел с ним из убежища и спустился к вишне. Они встали под ее густой кроной — проникавшие сквозь листву солнечные лучи рисовали четкую светотень, выделяя черные точки птиц. Темно-фиолетовые и еще только чуть коралловые вишни беспорядочно смешивались, и было не похоже, что это плоды одного дерева. Скворцы с еще большим гомоном перелетали с ветки на ветку. Они нисколько не испугались Исана с Дзином, наоборот, эта огромная стая неистовствовала, поедая спелые плоды,

и буквально оглушила их своими отчаянными криками. Но стоило Исана и Дзину шелохнуться, как стая скворцов водоворотом закружилась между ветками. Потом, сложив растрепанные на концах крылья, скворцы вцепились в ветки, нагло выставив вперед набитые едой зобы. Птицы казались Исана отвратительными. Дзин весь сжался. Исана подумал даже, что это вишня сама предлагает скворцам свои зрелые плоды, сама устроила это ужасное пиршество. Может быть, и испуг Дзина связан не с криками птиц и хлопанием крыльев, а с тем, что все происходит по приказанию самого дерева? Ведь птицы издают любимые им звуки. Чтобы подбодрить Дзина и самого себя, и в то же время обращаясь к душе вишни, Исана сказал:

— Все хорошо, Дзин. Скворцы не делают ничего дурного, не нужно их бояться. Сама вишня приказала им слететься к ней. Запомни — я поверенный деревьев и связан с их миром. Собрал птиц, вишня не хотела этим нас обидеть. Это совершенно точно, Дзин.

— Да, это совершенно точно, — медленно, будто у него перехватило дыхание, повторил Дзин.

Исана подумал, что Дзину очень неуютно стоять под деревом, в чьей кроне водоворотом кружилась стая скворцов. Исана посетила странная мысль, никогда раньше, с тех пор как он затворником поселился в убежище, не приходившая ему в голову. Не беспокоит ли Дзина то, что не ему, не отцу, а кому-то третьему грозит злонамеренность вишни и скворцов? Кому-то другому, например, Инаго... Вернувшись с Дзином в убежище, Исана нашел магнитофонную ленту, способную соперничать с гомоном скворцов, и стал слушать органную пьесу Баха. Неожиданно, привлеченная то ли гомоном скворцов, уловивших знак вишни, то ли самой токнутой и фугой, в убежище пришла Инаго. Она молча села между Исана и Дзином, слушавшими музыку. Исана заметил, что в лице у нее ни кровинки, и оно кажется жалким. От этого даже в профиль ее горящие глаза светились особенно ярким янтарным блеском. О том, что с ней произошло нечто необычное, свидетельствовали вспухшие, точно перезревшие, израненные губы и кровоподтеки.

— У тебя что-то случилось? — только и нашелся сказать Исана.

Инаго бросила на него пристальный и суровый взгляд, полный вызова всему существу на земле. Но ее глаза, подернутые янтарной дымкой, сквозь которую пробивались яркие блики, смотрели не на Исана, а в какую-то точку над его головой. В ее обращенном в недавнее прошлое, рассеянном и в то же время

сосредоточенном взгляде Исана уловил вымученно счастливую улыбку. С таким видом, будто все ее тело покрыто гусиной кожей, а кровь в жилах бурлит, Инаго проронила:

— Изнасиловали...

Исана не произнес ни слова. Инаго вложила в ухо Дзина наушник, подключила его к магнитофону, прервав таким образом лившуюся из него музыку, и стала рассказывать. Началось все с того, что было решено завязать дружбу с одним из солдат сил самообороны, проходивших обучение недалеко от развалин киностудии, и использовать его в качестве инструктора боевой подготовки.

— Такаки говорил: один из солдат военного оркестра, проходящих здесь обучение, должен заменить моего бывшего одноклассника, с которым мы пять лет назад кончали школу и который мне обещал быть нашим инструктором. Этот человек не сдержал слова, и выполнить вместо него обещание может только солдат сил самообороны. В общем, сказал Такаки, силы самообороны должны нам человека. Одноклассник Такаки поступил в Академию обороны и обещал: на ваши деньги я выучусь, как обращаться с оружием, как вести бой, и научу этому вас. Но сейчас этот одноклассник Такаки, сколько Такаки с ним ни говорит, уклоняется от ответа и знай ходит себе в штаб сил самообороны. Теперь, сказал Такаки, мы имеем полное право выбрать любого, кто служит в силах самообороны, чтобы он выполнил обещание вместо моего товарища. Я считаю это справедливым.

Именно на Инаго Такаки возложил миссию разыскать с сил самообороны долг в виде инструктора.

— В течение ближайших четырех-пяти дней, особенно в субботу и воскресенье, подумала я, они обязательно появятся в Синдзюку, чтобы развлечься, поскольку там, где их обучают, никаких развлечений нет. Я и на вокзале в Синдзюку ждала, и слонялась недалеко от их казарм — все без толку. Наверно, потому, что казармы их почти в самом городе, и им приказали строго соблюдать дисциплину. Один солдат, правда, окликнул меня, но я с первого взгляда поняла, что он не подходит — болван болваном. Если бы я привела его в Союз свободных мореплавателей и мы спросили у него, как нужно обращаться с винтовкой, на следующий же день это стало бы известно всем солдатам сил самообороны во всей Японии. Наблюдавший со стороны Тамакити тоже сказал, что у человека с таким тупым лицом учиться владеть винтовкой просто стыдно. В конце концов мне пришлось пойти туда, где солдаты упражняются на музы-

кальных инструментах. Спортивная площадка, на которой обучаются солдаты сил самообороны, обнесена проволочной сеткой, так? А напротив — спортивная площадка пивной компании и раздевалки. Через раздевалку я прошла на эту спортивную площадку и нашла местечко, откуда лучше всего видно, как солдаты учатся играть на музыкальных инструментах. Спортивная площадка пивной компании — насыпная и сильно возвышается над местностью, а если спуститься с нее вниз, к каналу, похожему на тихую речушку, за ним сразу начинается проволочная сетка. Там территория сил самообороны. Когда придут спортсмены пивной компании, они наверняка начнут приставать, подумала я и устроилась на склоне, в самом дальнем углу площадки. Там росла трава. На толстых зеленых с краснотой стеблях были узкие длинные листья, а сама верхушка — как сжатый зеленый кулак, но стоило его разворошить — там тоже листья. И такой мягкой, податливой травой зарос весь склон — когда я села, она доходила мне до груди.

Это была, конечно, чумиза; в это время года она еще мягкая и нежная, подумал Исана и стал объяснять души а м д е р е в ь е в и души а м к и т о в. Но очень скоро она вымахает высотой с хороший кустарник, станет твердой и колючей, а когда зацветет, еще и неприступно злой — сесть на нее будет совершенно невозможно. А разве мало людей заболело от ее пыльцы астматиков? Наверно, там рос еще и гречишник, красные стебли и зеленые листья которого уже начинали терять мягкость. Такая трава буйно разрастается в заболоченных низинах, не то что деревья.

— Первый солдат, которого я увидела, топая направлялся ко мне, играя на трубе. Его взяли, наверно, в военный оркестр только за то, что по росту он подходил огромной трубе; отбивая ритм на самых басах, он топал в мою сторону. Ну точно носорог. Я пригнулась к траве и следила за ним: казавшийся все выше и выше солдат с грохотом приближался ко мне, вышел за пределы площадки и подошел вплотную к проволочной сетке. И стал мочиться, повернувшись прямо в мою сторону. Мочился долго, сосредоточенно. Я рассмеялась. Солдат вскинул голову и увидел меня. Он уставился на меня, оставаясь в прежней позе. И при этом его круглые глаза на круглом лице серьезно и неотрывно смотрели на меня. Я снова рассмеялась. Неожиданно он разозлился и, не поправляя штанов, точно собака, ловко поднырнул под проволочную сетку и, топая, подошел прямо ко мне. Лицо у него было багровое. Мне даже показалось, что он тропулся. Он меня изнасиловал.

- А ты не пробовала бежать, сопротивляться?
— Это еще зачем? — спросила в свою очередь Инаго.
— Ну, видишь ли...

— Солдат тоже думал, что я буду убегать или сопротивляться, и наотмашь ударил меня прямо по шее. Когда он валил меня на землю, я чуть не задохнулась. И даже повалив, все боялся, что убегу. *Будешь сопротивляться, убью, шлюха!* — шипел он. А когда вставал, ширинка у него была в крови. Это потому, что он грубо обошелся со мной. *О-о, о-о*, взвыл он, испугался, видно. *Колготки подарю, юбку подарю*, говорит, а сам плюет на ладонь и старается стереть кровь. И все время воет: *О-о, о-о...*

Кровь и как не стиралась, и он, бессильно опустив руки, причитал без конца. Потом как заблажил: *ты заявишь в полицию? Хочешь идти в полицию — иди. Я и вправду такое натворил!* И опять начал выть: *О-о, о-о* — просто не верилось, что кто-то еще на белом свете может блажить таким голосом. *Подожди пять часов. Всего пять часов. За это время я все, все улажу. А ты через пять часов приходи в раздевалку, и мы там поговорим. Я заранее проберусь на спортивную площадку и открою тебе служебный вход. Я и раньше встречался уже там кое с кем.* Решив за нас двоих, солдат вынул из заднего кармана брюк солдатский билет, бросил его мне на колени, сбегал вниз по склону и, не прекращая выть, *о-о, о-о*, подлез под проволочную сетку. Так он и убежал, топая, ни разу не обернувшись. Каждый раз, когда он наклонялся, чтобы посмотреть на испачканную ширинку штанов, труба, кот рая висела у него через плечо, оттопыривалась вбок...

— Он так растерялся и все время выл *о-о, о-о*, оттого что до крови поранил тебя?

— Нет, наверно, решил, что ему попалась девушка. Почему бы он тогда так испугался? — ответила вопросом на вопрос Инаго. — В семь часов через служебный вход, который в самом деле был открыт изнутри, я прошла на спортивную площадку пивной компании, приблизилась к раздевалке и увидела при свете полной луны солдата, стоявшего, прислонившись к дощатой стене. Я пришла одна, и это его успокоило. Правда, чтобы он меня не убил, за оградой стояли Тамакити и Бой и наблюдали. Приближаясь к солдату, я вдруг подумала: ведь я могу сделать так, что все перевернется, и этот солдат, который выл *о-о, о-о*, не только перестанет страдать, но и получит огромное наслаждение. Думая так, я почувствовала, что во мне разливается

бесконечная доброта, в которую даже самой было трудно поверить.

Свет полной луны поглощали густые заросли гречишника вокруг спортивной площадки и территории сил самообороны, густые заросли чумизы, примятой Инаго и солдатом. Красная спортивная площадка, казалось, возносится вверх из огромной черной бездны. Всем своим нутром Инаго услышала призыв: *Будь доброй! Будь доброй! Если ты можешь быть бесконечно доброй, то будь такой доброй!* Инаго шла, чуть встряхивая головой, чтобы освободиться от шума в ушах; теперь она уже могла ясно рассмотреть выражение лица солдата, прислонившегося к дощатой стене раздевалки.

— Я остановилась в метре от него, и вдруг он исчез за дощатой стеной. Оказывается, он стоял у двери и, надавив ее спиной, отступил в раздевалку. Я сделала еще два шага и оказалась у входа, тут из тьмы протянулись руки и втащили меня внутрь. Руки солдата крепко обняли меня, не давая шелохнуть ся. Откуда-то сверху на меня шел запах тоника и били упругие струи выдыхаемого солдатом воздуха. Дыхание у него могучее — он ведь трубач. Мы помолчали, потом солдат сказал громко: *я решил покончить с собой!* Я подумала, что он и вправду еще раз изнасилует меня, а потом или повесится, или разmozжит себе голову из винтовки. Я стала говорить ему, что все забуду, что отдам ему солдатский билет, а он и не слушал.

Солдат еще крепче сжал в темноте Инаго, повалил на свернутый пыльный брезент, пропитанный запахом пота и гуталина. Он снова силой овладел ею. Длилось это долго. Еще и вправду покончит потом с собой, думала Инаго. Она была в отчаянии от того, что не находит нужных слов, чтобы отговорить солдата от самоубийства, сделать его своим другом. Вдруг она услышала, что кто-то крадучись подошел к раздевалке.

Хорошо, хорошо, запела Инаго притворно сладким голоском. Шорохи за стеной прекратились. Но она продолжала повторять: *хорошо, хорошо*, эти притворные слова еще больше распалили солдата. Во тьме звучал голос: *ты добрая, ты бесконечно добрая*. Наконец все кончилось. Она молчала, но знала, что теперь между солдатом и ею возможен спокойный разговор и торопиться нет нужды...

— Мы до утра занимались этим, поговорим немного, потом снова... Теперь солдат — мой друг. Он будет помогать Свободным мореплавателям.

В тот же вечер перед убежищем раздался сигнал мотоцикла, и когда Исана с Дзином выглянули в бойницу, то увидели, как

могучего сложения мотоциклист с Инаго на багажнике промчался рядом с вишней, чуть не задев ее, потом резко повернул, выскочил на дорогу и, подпрыгивая, умчался на полной скорости. Инаго, раскачиваясь из стороны в сторону, как тяжелый цветок на тонком стебле, крепко уцепилась за мотоциклиста и даже не взглянула на них.

Глава 12

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Как раз в то время, когда Союз свободных мореплавателей подыскивал место для занятий с солдатом сил самообороны, возлюбленным Инаго, Исана получил от жены телеграмму с просьбой позвонить ей. Исана, подумав, что, наверное, умер Кэ, стал внимательно слушать радио, но в последних известиях о смерти Кэ не сообщали. Если Наоби хочет сообщить не о смерти Кэ, а о чем-то другом, то, конечно, лучше всего забыть о телеграмме. Только вот неплохо бы посоветоваться с ней о месте для занятий Союза свободных мореплавателей, подумал Исана и пошел на вокзал позвонить по телефону-автомату.

— Тебя тогда сильно избили, как ты сейчас, все в порядке? — вместо приветствия начала жена.

— Не так уж сильно. И ведь ты сама разрешила ему бить меня. В общем, секретарь ваш работает на совесть.

— Он горел желанием доказать, что незаменим Кэ как личный секретарь. Ему ведь все время приходится соперничать с тобой. Еще...

— Какое может быть соперничество с сумасшедшим из убежища? Лучше бы поторопился взять у Кэ письменное распоряжение о том, кого он назначает своим преемником на предстоящих выборах.

— Деятели из избирательного округа назвали меня в качестве такого преемника, — ловко перешла к делу Наоби. — Выборы политика, который, подобно отцу, почти ни разу не приезжал в избирательный округ, фактически осуществляются руками крупных и мелких боссов избирательного округа, правда? Это выражение политических симпатий местных жителей к имени отца. В конце концов, именно они имеют полное право решать, кто будет преемником. Безапелляционно назвать такой порядок устаревшим было бы не совсем справедливо.

— Ты не отказывайся, пусть тебя выберут преемницей Кэ.

Если боссы за тебя, ты легко победишь на выборах. А у вашего секретаря шансов нет никаких, как бы ни пыжился.

— Избив тебя, он продемонстрировал преданность Кэ, а сам пострадал.

— Нет, пострадал я.

— В общем, ты, наверно, догадываешься, зачем я просила тебя позвонить? — многозначительно сказала Наоби.

— Ты хочешь, чтобы мы с Дзином не препятствовали движению тебя кандидатом, чтобы мы помогли тебе в период выборов, не вытаскивая на свет скандала, который произошел с самим Кэ.

— Если я буду баллотироваться на выборах, то и после смерти Кэ останется человек, у которого ты угрозами сможешь вытягивать деньги, так что лучше не совершать опрометчивых поступков.

— Понятно. Разумеется, я не стану препятствовать твоему избранию.

— Штаб избирательного округа хочет, чтобы в местной газете появилось «трогательное повествование» о том, как я мужественно отдала в руки отца воспитание умственно отсталого ребенка и даже поселила их отдельно, а после смерти политика решила выставить свою кандидатуру на его место. Если бы ты мне помог и в этом, весьма разумном предприятии, ну что тебе стоит принять участие в таком спектакле?

— Ладно, согласен. В сущности, другим способом мне не выжить. Может быть, и ты окажешь мне помощь, хотя, не исключено, моя просьба покажется тебе несколько странной, — сказал Исана.

— С удовольствием. Сделка есть сделка.

— Зависимая от Кэ компания недвижимости в разных частях страны осваивает районы для строительства загородных домов. В бытность мою секретарем Кэ всегда было так, что в двух-трех районах уже строили бараки для рабочих и наполовину завершали строительство, а потом его приостанавливали, пока не получали разрешение соответствующих властей. Может быть, мы могли бы недели две-три использовать такое местечко, ну, какой-нибудь пансионат для яхтсменов, на побережье, разумеется? Я обзавелся приятелями, и они хотят пожить все вместе.

— Загородные дома строятся сейчас в районе национального парка в Минами Идзу. Это как раз то, что тебе нужно — там работы приостановлены, потому что строительству мешают деревья. В национальном парке категорически запрещена даже

частичная вырубка дикого персика. Когда строятся загородные дома, немного разредить посадки, по-моему, вполне допустимо — мы как раз сейчас заняты тем, чтобы получить разрешение властей. Там уже построены бараки и контора, где вполне можно пожить некоторое время. Спортивной площадки еще нет, но участок расчищен, так что места, чтобы побегать, вполне хватит.

— Лучшего и не надо. — сказал Исана. — В общем, дикий персик оказал мне большую услугу.

— Видишь ли, Кэ в свое время не проявил достаточной твердости, чтобы потребовать от властей исключения этих деревьев из списка природных достопримечательностей. Участок нужно осваивать, и если бы Кэ согласился хотя бы по телефону позвонить из больницы, этого было бы достаточно. Но его болезнь стремительно прогрессирует, и теперь его с места не сдвинешь.

— Я впервые слышу от тебя, что Кэ стал таким добросердечным. Мое влияние сказывается. Просто не верится, что его волнует судьба дикого персика...

— С тобой это никак не связано, — сказала Наоби. — Возможно, вирус рака очистил его душу. Такое увидишь в любом онкологическом институте: если не считать молодежь, у которой в голове лишь боязнь смерти и отчаяние, то рак в самом деле очищает души стариков, примирившихся с мыслью о смерти. ...В общем, завтра я распорядюсь, чтобы тебе прислали подробный план того места, где строятся загородные дома, ключи от конторы и все остальное, что необходимо. Да, а как Дзин?

— Благодаря моим новым приятелям, Дзин в последнее время стал очень общительным, самостоятельным, энергия так и бьет ключом.

— Если так, то, поселив у себя своих новых приятелей, ты сможешь снова вернуться в общество?

— Разумеется, но я сам не в силах расстаться с Дзином. Нет, я буду жить по-прежнему.

— Для моих выборов — это суцая находка, — сказала жена, голос которой снова стал равнодушным.

На следующий день Наоби, никогда не нарушавшая обещаний, прислала человека, который сообщил, что с середины июня до середины июля можно использовать бараки и контору — временные постройки, находящиеся на участке, отведенном под загородные дома в Минами Идзу. Такаки молниеносно составил план учебных занятий, и было решено, что в следующую же субботу, во второй половине дня, как только солдат сил само-

обороны будет свободен, его вызовут, и учебный отряд отправится в Минами Идзу. В тот день Инаго на мотоцикле солдата приехала в убежище. Как и в прошлый раз, она хотела похватать своим возлюбленным. Исана вывел к ней Дзина, чтобы тот попрощался с Инаго. Солдат в кожаной куртке, угрожающе скрестив руки на груди, стоял, широко расставив ноги, у вишни, к стволу которой он прислонил мотоцикл, и даже не удостоил Исана взглядом. Через некоторое время он снова падел на свою черную круглую голову, похожую на пушечное ядро, еще более черный и круглый шлем и завел мотор, давая Инаго понять, что пора ехать. Нетерпеливо перемигавшийся с ноги на ногу солдат был похож, как и его мотоцикл, на поровнистого жеребца. Инаго что-то говорила Дзину тихим голосом — Исана не мог расслышать что, — и тот отвечал ей в тон. Подгоняемая солдатом, Инаго говорила с одним Дзином и, повернувшись к Исана и удостоив его лишь одним взглядом своих огненных янтарных глаз, сбежала вниз по косогору к вишне. Потом прижалась к огромной спине солдата с таким видом, будто на свете нет ничего более мягкого и приятного, и мотоцикл с треском укатил. Дзин чувствовал себя брошенным. То же испытывал и Исана...

Через неделю Такаки, убедившись, что участок в Минами Идзу, отведенный под загородные дома, безопасен, послал Короткого, Красномордого и еще одного подростка на двух машинах за боеприпасами. Машина, в которой ехал Короткий, была фургоном, в каких профессиональные фоторепортеры возят необходимую для съемок аппаратуру, что в данном случае служило прекрасным камуфляжем. Вторая машина с Красномордым за рулем была специально предназначена для Исана и Дзина. Эта забота несколько смягчила их боль при отъезде Инаго. Пока Красномордый и еще один подросток грузили в фургон боеприпасы Союза свободных мореплавателей, перевезенные из съемочного павильона полуразрушенной киностудии в бункер, Короткий рассказывал Исана о том, как проводятся боевые учения Союза свободных мореплавателей. В одной из крохотных гаваней — их поблизости бесчисленное множество — подростки пользуются шхуной, владелец которой поставил ее там на мертвый якорь, по ночам выходят в море и проводят военные учения. Днем занимаются физическими упражнениями, которые обязан выполнять в армии солдат первого года службы...

— В общем, все делается как следует. Делается серьезно, — сказал Короткий значительно, но все тем же тонким голосом. —

Наконец-то я снова могу заняться своими профессиональными обязанностями. Я фотографирую учения. А новые камеры и всякая аппаратура, которые мне пришлось погрузить в фургон, лежат там не только в целях конспирации. Солдат — прекрасный объект для съемок.

— Солдат? Но ведь он к понедельнику обязан вернуться в казарму своего отряда военных музыкантов?

— Нет, солдат все время с Инаго. *Союз свободных мореплавателей освободил из японских сил самообороны одного солдата — и то хорошо!* — сказал Короткий.

Исана и Дзин сели на заднее сиденье в машину Красномордого и поехали. Рядом с ними лежало одеяло и полиэтиленовые мешочки на случай, если Дзина укачает. Очень скоро Дзин, привыкнув к автомобилю и уютно устроившись в нем, стал тихо подвывать, подражая шуму мотора, в общем, как бы превратился в одну из составных его частей. Их машина шла впереди фургона, в котором ехали Короткий и еще один подросток. Красномордый, хотя и презирал автомобили, мастерски, даже артистически вел машину, будто родился вместе с ней; пока они добирались до Томэя — скоростной автострады Токио— Нагоя, он, выскивая непонятно откуда известные ему узкие боковые улочки, удивительно легко, ни разу не попав в пробку, миновал город, в три часа дня обычно забитый машинами. Будто получая удовольствие от скрупулезного соблюдения правил уличного движения, он ни разу не превысил установленной скорости и даже держал ее на пять километров ниже предельной. Поглощенный управлением, он почти все время молчал. Когда они выехали на автостраду и спокойно поехали по ней, Исана, почувствовав интерес к Красномордому, заговорил:

— Тамакити — молодец, но и ты тоже прекрасно водишь машину. Так свободно и легко, что даже не верится.

— Надо избежать неприятностей с полицией, вдруг она что-нибудь заподозрит, — такое указание дал нам Тамакити. И наша машина и фургон, который за нами, взяты, как полагается, нарочат, но обычно у таких автомобилей мощность не очень велика. Я и так и этак выжимаю из его мотора все, что можно. — Красномордый не отрывал глаз от дороги, уши у него горели. — Тот, кто может на чем-то сосредоточиться, ну хотя бы на вождении машины, совершает нечто похожее на прауг, правда? У меня такое ощущение, что вот-вот вспыхнут новые feelings и meanings.

— Ты действительно внимателен и сосредоточен. Я это прекрасно вижу. Скорее всего, здесь сказывается твой характер...

— Нет, я бы мог гнать машину с такой скоростью, что это было бы похоже на самоубийство,— сказал Красномордый.— Ведь мои родители покончили с собой, так что и мне покончить с собой ничего не стоит. Тамакити всегда говорит, что я не имею права говорить такое.

— Почему же, наверно, имеешь.

— Родители покончили с собой не на автомобиле; отец — повесился, мать — отравилась газом.

— Я думаю, пока мы едем с тобой в машине, ты вряд ли устроишь бешеную гонку,— сказала Исана.

— Мой отец был поваром — содержал небольшой ресторанчик, а мать работала в школе.

— Готовила завтраки школьникам?

— Нет, была учительницей математики,— поспешил исправить ошибку Красномордый, и, будто сам был виноват в этом поспешном заключении, уши у него снова покраснели.— Странный брак, да? Отец раньше тоже был преподавателем, обучал кулинарии. Но с тех пор как открыл свой ресторанчик, у него начались странности. Кончилось все тем, что он стал торговать зеленым карэрайсом.

— Зеленым карэрайсом? — сказал Исана, и Дзин, который до этого подражал шуму мотора, умолк и сказал:

— Да, карэрайсом.

— Он туда добавлял хлореллу. В молодости отец изучал проблемы космических полетов. И твердо придерживался идеи, отвергнутой управлением НАСА. Чтобы космонавты не были привередливы, считал он, нужно прежде всего освободить их от предубеждения против цвета и формы. И поскольку человечеству, видимо, придется покинуть Землю и, значит, каждый по неволе станет космонавтом, в качестве подготовки к этому он стал торговать карэрайсом, в который добавлял хлореллу. Но его никто не покупал. Отец терпел, терпел, а потом взял да и повесился. Один наш знакомый говорил, что отец сошел с ума, а я думаю, он впал в глубокую депрессию. Поскольку мать имела специальность и работала, ей бы вполне можно было не стараться второй раз выходить замуж, а она сразу же после смерти отца стала мазаться и водить к себе каких-то мерзких типов. В практических делах она ничего не смыслила. Но характер у нее был ого-го — самый добродушный мужчина, поговорив с ней, раздражался и мрачнел. И у матери на подвешенных веках, за шикарными очками, выступали капельки пота. Мужчина, бывало, хочет уйти — она не отпускает, и тот бьет ее. Потом она отравилась газом... Отец ведь тоже умер не от того,

что зеленый карэрайс не продавался и наступил застой в делах. Взял да и повесился. Да и мать умерла не потому, что так уж хотела выйти замуж, а у нее ничего не получалось. Она слишком долго занималась дурным делом, точно одержимая злым духом, и вся поникла. Однажды выставила оценки за контрольную для поступающих в университет — и отравилась газом... Я тоже чувствую, что, когда захочу покончить с собой, никому надоедать не буду. Вот это я и говорю, а Тамакити, как услышит, прямо из себя выходит. Вы тоже считаете, что я рисуюсь?

— Нет, почему же, — сказал Исава. — Возможно, Тамакити злится как раз потому, что ты не рисуешься?

— И правда, лучше всего молчать. Тем более, что Союз свободных мореплавателей обзавелся специалистом по словам. Мне захотелось хотя бы разок поговорить с этим специалистом, — сказал подросток, и на этот раз покраснел Исава.

Красномордый вел машину безупречно, и быстрая езда не мешала уснушему Дзину, от сна щеки его раскраснелись.

— Теперь о Союзе свободных мореплавателей. Вот что думает Такаки о землетрясении, которое все время предсказывают газеты. Такие люди, как мы, ни на что не годные, все до одного будут под шумок убиты. Потому что молодежь, ничего не делающую для общества, ненавидят. И мы должны заранее принять меры самозащиты. До того, как начнется землетрясение, мы должны сесть на корабль и начать свободное плавание, говорит он. Нужно подготовиться: отказаться от гражданства, чтобы нас не мобилизовали в отряды восстановления городов. Не сделай мы этого, при восстановлении городов нас опять-таки под шумок постараются перебить. Люди, сознающие свою слабость, изо всех сил будут на этом настаивать — у них это прямо навязчивой идеей станет. А вот Тамакити не боится никакого самого страшного землетрясения, наоборот, ждет его. Он говорит, что порядок в природе и обществе, существующий в этом мире, будет поставлен с ног на голову, и после землетрясения разразятся пожары и чума, и только члены Союза свободных мореплавателей, которые будут в это время в море, останутся в живых. Именно поэтому военное обучение должно быть направлено на самооборону — надо сделать так, чтобы после землетрясения, о котором говорит Такаки, корабль Союза свободных мореплавателей не был похищен. А Тамакити говорит, что нужно вести подготовку к военным действиям: если землетрясение не произойдет, вооружившись, совершать нападения по всему Токио и самим создать крупные беспорядки и панику.

Я — против. Но Тамакити высмеивает меня. Возьми, например, мотор шхуны, говорит он, починить его мы еще можем, а новый сделать не можем. А зачем? Мотор шхуны нужно использовать до конца и выбросить. И саму шхуну тоже. Пришел кораблю срок — значит, бросать его надо. Нам нет нужды ничего создавать. Даже если Свободные мореплаватели переживут разрушительное землетрясение, ничего хорошего их не ждет; хотя Тамакити и говорит, что, даже если оба побережья Тихого океана будут разрушены, Свободные мореплаватели останутся в живых — это значит, на всей земле останутся они одни, а тогда, я думаю, человеческая цивилизация прекратит свое существование. Мы ведь ничего не знаем... Я даже думаю, что в ближайшее время все люди на земле по собственной воле начнут один за другим копать жизнь самоубийством. В таком случае, не есть ли Союз свободных мореплавателей — символ будущего человечества, думаю я. Перед тем как заснуть, я всегда об этом думаю.

— Пусть символ, но как он определяет будущее?

— Ребята из Союза свободных мореплавателей и не думают о том, чтобы с годами стать иными людьми, чем сейчас. Может быть, они считают, что, до тех пор пока повзрослеют или станут пожилыми, мир вообще погибнет, в общем, считают, что будущего нет, и поэтому не делают ничего, чтобы подготовиться к нему. Всех их привезли сюда по коллективному набору, но они разбежались, даже не начав работать. Да сам Тамакити, который строит великие планы о том, как на всем земном шаре останемся мы одни, и тот чувствует, что если мы вооружимся и поднимем восстание, то и сами тоже погибнем. Может быть, именно поэтому он и хочет поскорее поднять восстание. Даже если мы потерпим поражение, а настоящее восстание не разгорится — тоже ничего страшного, считает он. Даже если нас арестуют, к смерти не приговорят — мы ведь несовершеннолетние, ну дадут лет двадцать, а мир рухнет еще до того, как истечет наш срок, и некому будет осуществлять вынесенный нам приговор. Мне тоже это нравится. Такая жизнь — самая свободная. Правда, Союз свободных мореплавателей кажется мне классом, ученики которого умрут еще до того, как закончат обучение. Может, это и есть символ скорой гибели всех школ?

Фургон, в котором ехал Короткий, пошел на обгон, и, когда поравнялся с ними, сидевший за рулем подросток сделал головой какой-то знак. Красномордый, несмотря на привычку краснеть, спокойно и холодно кивнул в ответ и, сбавив скорость, подъехал к обочине, фургон последовал за ним.

— Что-то с мотором у них, перегрелся, наверное. Звонить механикам в прокат — вольшка, попробуем сами справиться, — объяснил Красномордый.

— Почему ты вступил в Союз свободных мореплавателей? Потому что родители покончили с собой?

— Захотел и вступил, всякие были причины, у кого их не бывает?

Посмотрев на остановившийся сзади фургон, из капота которого валил пар, Красномордый достал из-под сиденья красный флажок и вышел из машины. Поставив за фургоном сигнал, означающий, что устраняют неисправность, он начал работать ловко и сосредоточенно. Занятый практической деятельностью, он забыл о своей привычке краснеть. Короткий и Исана стояли в стороне как лишние люди, не способные ничем помочь. Утомленный ездой, Короткий молчал. С приближением вечера лица подростков, копавшихся под капотом, постепенно темнели и даже посуровели. Они снова смогли двинуться в путь лишь после захода солнца.

Когда их машина въехала в непроглядно густую зелень полуострова Идзу, Исана, примостив на коленях голову спящего Дзина, оживился: тяжелое путешествие подходило к концу. Каждый раз, когда фары освещали, точно срезая, густые заросли, он гораздо острее, чем в убежище, ощущал души деревьев. Это были души деревьев, всплывавшие из листвы вечнозеленых деревьев и кустов, плотным ковром покрывающих крутой склон горы, обращенный к морю. Обе машины выехали с последнего платного шоссе и стали спускаться вниз по дороге, узкой, как протока в запруде для ловли рыбы. Бесконечно петляя, они спускались все ниже и ниже. Бесчисленные души деревьев, окружающие в темноте машину, были подобны духам моря. В воздухе стоял запах моря. Слева внизу чернело море. А еще левее светились огоньки рыбацкого поселка или курорта на горячих источниках. Справа черной стеной высилась выдающаяся в море скала. По мере движения машины огоньки заслонялись этой стеной и наконец исчезли совсем. Море тоже, казалось, перестало существовать.

Красномордый сбавил скорость. Он бросал беспокойные взгляды то на дорогу, ставшую совсем узкой, то на густые заросли кустов по обочинам. Наконец впереди показался мигающий свет карманного фонаря. Красномордый коротко просигналил, и свет карманного фонаря, освещавший кусты, переместился на дорогу. В луче фар остановившейся машины, со склона,

который резко шел вверх прямо от дороги, спустился Бой, прикрывая глаза от спящих фар.

— Вы первые,— сказал он, открывая дверцу машины.

— Да, фургон идет за нами. Я уже подумал, что мы проглядели развилку.

— Я тоже. Но все в порядке.

— Ты нас встречал, чтобы показать дорогу? Сколько же ты ждал? — спросил Исана.

— Не знаю, часов у меня нет. Из нашего тайника вышел в семь.

— Неужели пять часов нас здесь высматриваешь? — сказал Исана; ему стало не по себе.— О чем же ты здесь думал, в темноте, целых пять часов?

— Темно, ничего не видно, и я ни о чем не думал,— отрезал Бой.

До сих пор машина следовала вдоль моря, а теперь должна была подняться вверх и по гребню достичь оконечности мыса, выдающегося в море. На самой высокой точке мыса была станция электрички, а склон, поднимавшийся отсюда к горному хребту Идзу, и был районом загородных домов. Чтобы машина не сбилась с пути, на каждом повороте петлявшей в лесу дороги их ждали дозорные. Вскоре они до отказа набились в машину, и Исана пришлось взять спящего Дзина к себе на колени.

— Забыл, опять забыл, значит, ничего и не было! — трагически воскликнул во сне Бой, который сидел рядом с водителем, зажатый с двух сторон своими товарищами. Все рассмеялись и принялись расталкивать и будить его. Бой мрачно молчал, и подростки рассказали Исана страшный сон, который постоянно снится Бою. Когда он начинает засыпать, его мучит мысль, что он до сих пор ничего стоящего не совершил и чувствует себя беспомощным, как ребенок. Но во сне ему видится, будто что-то важное он все-таки сделал.

И тотчас же забывает, что он сделал. Ниточка воспоминаний, как крупинки песка в песочных часах, проскальзывает на дно забвения. Тогда-то Бой и начинает причитать: забыл, опять забыл, значит, ничего и не было.

— А что, если тебя не будить? — спросил Исана.

— Сон на этом кончается. Потом сплю как убитый, позабыв обо всем,— сказал Бой печально.

Машина, в которой сидел Исана, доехала до конца лесной дороги. Путь им преграждало огромное дерево; грубая сероватая кора напоминала шкуру носорога. Машина остановилась у самого дерева, и Исана, высоко закинув голову, долго смотрел

на буйно разросшуюся мелкую, твердую листву. Да, вот это действительно дикий персик! — подумал Исана, потрясенный гигантскими размерами дерева, и почувствовал, что сквозь тьму, наступившую, когда погасли фары машины, к нему приближается душа персика. Да, понял, сказал про себя Исана, уловив напряженной антенной своей души душу персика. Ты, я надеюсь, будешь охранять меня с сыном. Если здесь что-либо произойдет... Исана вышел из машины вслед за подростками, не проронившими ни слова, и, стоя в полной тьме с завернутым в одеяло Дзином на руках, замер, боясь сделать шаг по хрупким, острым осколкам лавы. Кожа его ощущала солоноватую сырость, пропитавшую воздух.

Прямо на него двинулось что-то огромное, как скала, и произнесло:

— Ну вот. Я буду светить себе под ноги, идите за мной налево по склону. Там ваш дом.

— Ты этого не можешь знать — слишком молод, а мне вспомнилось, как мы укрывались в бомбоубежищах во время ночных налетов, — сказал Исана.

— Ничего удивительного. Мы проводим генеральную репетицию военных действий, — ответил Такаки.

Сделав первый шаг, Такаки направил луч карманного фонаря себе под ноги. Они двигались вслед за кружком света, точно скованные одними кандалами. Вдруг из темноты вырос подбежавший подросток, приехавший со второй машиной.

— С Коротким что-то стряслось. Когда мы, дозорные, забрались в его машину и доехали до самой высокой точки мыса, он вдруг выскочил и как припустит в лес. Мы за ним, думали, это шутка, догнали, а он отбивается изо всех сил, дерется, лягается. Мы его скрутили и привезли. Что это с ним? Дурака, что ли, валиет?

Такаки молча выслушал доклад растерянного подростка. Исана уловил лишь его тяжелое дыхание. Сзади, из фургона, донесся шум возни или драки, но тут же затих.

— Нет, это не шутка, — процедил Такаки. — Смотрите, чтобы не убежал. Свяжите его. Нужно поскорее уложить Дзина. Я сейчас вернусь...

Такаки, ни слова не говоря Исана, снова пошел вперед, наступая на кружок света под ногами. Казалось, что возникшая проблема сразу сделала Такаки чужим. Исана, которому не оставалось ничего другого, молчал и шел вслед за Такаки, давя мелкие катышки лавы. Кружок света стал скакать по ступеням, вырубленным в лаве. Потом повернул налево. Справа от

тропинки небольшая деревянная лестница вела на веранду из струганых бревен. Они остановились. Такаки указал фонарем на двери дощатого строения, вроде охотничьего домика.

— Здесь жили солдат и Инаго. Другого дома, где были бы отдельные комнаты, нет,— сказал Такаки.— У нас светомаскировка, так что зажигайте свет, только закрыв за собой двери. Выключатель, как войдете, справа, немного выше обычного... Что же касается Короткого, то он не пошутил: дозорные, которые наблюдали за вашими машинами, доложили мне недавно, что за вами прошла третья машина и чего-то ждет у подъема на мыс. Может, конечно, она едет в сторону Токио... В общем, разберемся, это уж наша проблема...

— Разумеется,— ответил Исана.

— Ну ладно, укладывайте Дзина,— сказал Такаки и с нарочитой поспешностью ушел, громко хрустя катышками лавы.

Некоторое время Исана стоял неподвижно, чувствуя такую опустошающую усталость, что лестница в несколько ступенек, на которую он должен был подняться, казалась непреодолимой. *Что же замыслил Короткий? Неужели нас действительно преследовала машина?* — вопрошал он души деревьев, обступивших его в темноте.

— Это козодой,— прошептал Дзин, проснувшись.

— Что ты? — сказал Исана обеспокоенно.— Я голоса козодоя не слышу, Дзин. Дзин будет спокойно спать.

— Да, Дзин будет спокойно спать,— сказала маленькое теплое существо, завернутое в одеяло.

Тут Исана тоже услышал голос козодоя и откуда-то снизу шум моря, доносимые пропитанным влагой, удивительно свежим воздухом. *Что же замыслил Короткий? И что предпримет Такаки и остальные?* — вопрошал Исана души деревьев и души китов, обратившись туда, где бился прибой, но в нем поднималось предчувствие, будившее горькое раздражение и злость, и сосредоточить свои мысли на душах деревьев и душах китов он был не в силах. Как и ребенок у него на руках, Исана тоже устал от долгого путешествия на автомобиле.

...Когда Исана пробудился от кошмарного сна и открыл глаза, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, точно парализованный, по его лицу пробежал луч карманного фонаря. В темной комнате стояло несколько человек, один из них пытался нащупать выключатель у входа. Движимый инстинктом, Исана протянул руку к Дзину. И лишь потом понял, где он и кто вторгся к нему. Наконец кто-то заметил шнур выключателя у лампы,

завешенной куском материи, и дернул его, но лица людей, вошедших в комнату, остались в темноте.

— Простите, что разбудили. Но нет комнаты, кроме вашей, где бы можно было запереть Короткого,— сказал Такаки.

— Наручники снять? — спросил кто-то.

— Я против,— послышался голос Тамакити.— Того гляди, Короткий возьмет Дзина заложником и потребует освобождения.

— Не стану я этого делать. Зачем? Да вы бы все равно меня не выпустили, скорее бы Дзином пожертвовали,— сказал Короткий глухим голосом, точно во рту у него был кляп, с неприкрытой ненавистью обращаясь к Тамакити.

— Наденьте ему паручники спереди, тогда он сможет спать на спине,— сказал Такаки.

— Если уступать понемногу, то в конце концов ничего не останется. Будет как во сне Боя: как будто ничего и не было,— сказал Тамакити.

— Он прав.— сказал Короткий, но послушно протянул руки.

— Повали его на пол,— сказал Такаки.

— Не надо. Я сам упаду под влиянием земного тяготения,— сказал Короткий, но тут кто-то пнул его ногой, и Короткий, проехав головой по обшитой деревом стене, отлетел в угол комнаты.

— Не делай глупостей, Тамакити! — приказал Такаки брезгливо.— Запрет сваружи. Вы с Дзином будете еще, наверно, спать? У дверей поставим часового, так что, если нужно, сможете выйти. Пока с Коротким говорить ни о чем не нужно — мы хотим сначала сами разобраться.

— Можете не волноваться. Даже представься мне такая возможность, я и сам никуда не уйду,— сказал Короткий.

Через раскрытую на мгновение дверь Исана увидел, что над сочной зеленью кустов начинает подниматься туман и понял, что близится рассвет. Он снова лег в постель.

— Тамакити здорово дерется. Он мне чуть все зубы не вышиб,— сказал Короткий из тьмы.

— Но что все-так случилось?.. Во что тебя втянули?

— Втянули? — повторил Короткий, как попугай, но в голосе его звучало такое возбуждение, что Исана даже содрогнулся.— Как раз наоборот. Это я втянул Союз свободных мореплавателей. Я заставил их идти напролом. И заставлю проскочить мимо поворота,— пути назад у них больше не будет. Благодаря мне Союз свободных мореплавателей превратится в настоящую боевую организацию.

— Что ты собирался сделать? — спросил Исана растерянно.

— То, что нужно было сделать, уже сделано. Теперь посмотрю, как они будут выпутываться. Сейчас все в панике и готовы бежать куда глаза глядят. А те, у кого неустойчивая психика, как, например, Тамакити, готовы прибегнуть к насилию. В общем, все они в панике и делают глупости. Всю ночь они допрашивали меня, но ничего не добились. И сейчас сидят с красными глазами и ругают себя за то, что неумело вели допрос. А заговорщик спокойно лежит себе и собирается поспать.

Короткий с наслаждением потянулся. Исана осторожно спросил:

— Что это значит: «то, что нужно было сделать, уже сделано»?

— Все сделано. Я, по-моему, говорил, что фотографировал военные учения? В чем, в чем, а в работе с фотокамерой у меня огромный профессиональный опыт. Вот мне и удалось запечатлеть, как они, например, приставали на шхуне к берегу и взбирались на крутой утес или через кусты врывались сюда, на эту площадку, где строятся загородные дома...

— Наверно, Такаки и его товарищи должны были возражать против этого?

— Наоборот, они радовались, что их военные учения будут документально запечатлены, просто были вне себя от радости. ...Правда, они не думали, что я продам эти фотографии военных учений еженедельнику.

— Ты их действительно продал? — спросил растерянно Исана.

— Да. Я ведь раньше был фоторепортером этого еженедельника. Продал, конечно, на том условии, что не будет разглашено, где проводятся военные учения и кто в них участвует. Но редакция захотела убедиться, что это не инсценировка. Поэтому я разрешил им следовать за нами в машине в район учений, до развилки.

— А в самый последний момент перепугался? Подумал, что тебя разоблачат, и тогда конец... И решил бежать к стоявшей у развилки машине, которая следовала за нами, и укатить со своими друзьями в Токио?

— Нет, я не собрался бежать к машине у развилки. Такому коротышке, как я, в полной темноте да еще через кусты ни за что бы туда не добраться.

— Но они говорят, что ты хотел убежать, что отбивался изо всех сил, когда тебя схватили.

— Совершенно верно. Если бы я этого не сделал, не было бы всей заварухи! Именно так я и втянул в эту историю Союз свободных мореплавателей. Я решил бежать, а когда схватят, отбиваться. Им придется допрашивать меня, верно? А столкнувшись с моим сопротивлением, они, безусловно, прибегнут к насилию. А то дух насилия совсем испарился. Стоило им начать допрос — сразу распались и перешли к насилию. Вот так они и проскочили поворот, и пути назад у них больше нет.

— Но...

— Но зачем все это, хотите вы сказать? Тогда я в свою очередь спрошу: как вы считаете, может Союз свободных мореплавателей с помощью псевдвоенных учений превратиться из скопища хулиганов в боевую организацию, имеющую собственное лицо?

— Не думаю. Да и вряд ли должен. Они останутся такими, как есть, пока не повзрослеют — разве само по себе это не прекрасно? Зачем нужно искусственно превращать их Союз в организацию, имеющую собственное лицо?

— Для того, чтобы воплотилось в жизнь пророчество Короткого! — сказал Короткий с комической высокопарностью. — Мое пророчество. Я все время сжимаюсь. Давление на внутренние органы непрерывно возрастает, и они в конце концов не смогут функционировать, и я начну мучительно умирать. Тогда я получу возможность возвестить человечеству, что естественный путь от рождения к смерти нарушен, пошел вспять. Это будет пророчество человека, в муках превратившегося в Короткого. Разве это не сбывшееся пророчество? Но чтобы мое пророчество сбылось, потребуется еще очень много времени. И я почувствовал, что нужно торопиться. Я должен сделать это, пока Союз свободных мореплавателей не развалился. Потому что именно юнцы из Союза свободных мореплавателей могут возвестить о том, что мое пророчество сбылось. Я подумал тогда, что, воспылав ко мне ненавистью, они избыют меня до смерти и тем самым осуществят пророчество Короткого.

— Изобьют до смерти? Нет, Свободные мореплаватели этого наверняка не сделают. При всей жестокости того же Тамакити, — сказал Исана.

— Правильно, если речь идет о вчерашнем Союзе свободных мореплавателей. Но теперь он изменился. Взойдет солнце, снова начнется допрос, и самые молодые из них потребуют моей смерти. И тогда пророчество Короткого сбудется, а Союз свободных мореплавателей превратится в настоящую боевую организацию, которую не уничтожить даже властям, какие бы уда-

ры они на нее ни обрушили. Вся деятельность подростков, замаранных моей кровью, будет возвещать о том, что пророчество Короткого сбылось.

Исана уже собирался возразить, но тут услышал жалобный плач человека, отчаявшегося убедить кого-то другими аргументами.

— Дзин плачет,— сказал Короткий, голос которого звучал теперь печально и уныло.— Что с ним?

— Дзин, не нужно плакать, Дзин, Дзин...

— Ему грустно, и поэтому он, наверно, плачет. Он устал и хочет спать, а мы тут затеяли ничемную болтовню.

Действительно ли ничемную болтовню? — подумал Исана, касаясь пальцами горячего лба Дзина, который всхлипнул еще разок и затих. Исана понял, что Короткий чудовищно предал Свободных мореплавателей и еще более чудовищное предательство замыслил. Но в конце концов Исана снова забылся в беспокойном сне — а что ему оставалось еще?

Глава 13

СУД НАД КОРОТКИМ

Издали доносились крики подростков. В комнате стало жарко. Исана вспотел, хотя и не был укрыт одеялом. Тело его покрылось потом не только от жары в комнате, но и от другого источника тепла. Исана непроизвольно вытянул перед собой руку. Ее тут же оттолкнула маленькая горячая ладонь. Дзин заболел,— электрическим разрядом промелькнуло в сознании Исана, и он мгновенно проснулся. Дзин отвергал слова или прикосновения отца, только когда испытывал физические муки.

— Дзин, тебе жарко? Тебе больно? Дзин, Дзин, ты заболел? — страдальчески шептал Исана.

Дзин молчал. Но чувствовалось, что ребенок не спит и уже давно борется в одиночестве со своим недомоганием. Короткий, который, конечно, проснулся раньше Исана и только ждал подходящего случая, чтобы заговорить, заявил спокойно, хотя язык его не слушался, будто во рту он держал пинглонговый шарик.

— Почему вы не зажжете свет? На улице уже давно день, и светомаскировка бессмысленна.

Нажав на выключатель, Исана вернулся к закутанному в одеяло кокону — лицо Дзина с закрытыми глазами было пун-

повым, как красный перец, потные волосы прилипли к голове. Короткий тоже поразил Исана своим необычным видом. Голова его вспухла и, казалось, росла прямо из плеч...

— Он заболел. У него высокая температура.

— В Союзе свободных мореплавателей есть начинающий врач. Еще когда заболел Бой, мы поняли, что без врача нам не обойтись, и вовлекли его в Союз. Надо показать ему Дзина.

— Тебе самому нужна помощь, — сказал Исана.

— Мне это уже ни к чему, — решительно сказал Короткий.

Исана попытался телепатически передать сыну, что быстро вернется, но Дзин тихо застонал, открыл глаза, поводя ими под опухшими веками, и, не узнавая никого вокруг, сразу же снова закрыл.

— Мне нужно срочно поговорить с Такаки. Откройте, — взволнованно крикнул Исана, рассчитывая на помощь в постигшей его беде. Выйдя на яркий, ослепивший его свет, он покачнулся, потерял равновесие. Ухватившись за какой-то твердый предмет, Исана прищурился и увидел Тамакити, который, поставив ногу на ступеньку, выставил вперед ствол винтовки.

— Думали, выстрелю, и закрыли глаза? — насмешливо сказал Тамакити, упрямо держась своего обычного тона в разговоре с Исана.

Исана не оставалось ничего иного, как молча спуститься с веранды. Посмотрев на возвышавшийся впереди, сразу за кустами, покрытый лавой склон, он снова увидел вчерашний персик. Одновременно он воззвал про себя к душе персика: *сделай так, чтобы у ребенка спал жар*. Следуя за Тамакити, Исана шел той же дорогой, по которой плелся вчера ночью, — они спускались по лестнице, выдолбленной в лаве и укрепленной досками. Потом направились к площадке, достаточно большой, чтобы на ней мог развернуться мощный грузовик; Исана сразу же бросилась в глаза стена из вулканических ядер в обхват каждое, окружавшая площадку и лишь с запада оставлявшая широкую, точно долина, дорогу. От багрово-черных вулканических ядер поднимался пар.

— Дождь прошел. И теперь на нагретых солнцем камнях испаряется вода, — сказал Тамакити.

На холме с северного края площадки, точно птичье гнездо, прилепился домик, где Исана провел ночь. Обрывавшийся к морю южный склон зарос кустарником и деревьями, на восточном — стояло еще одно строение барачного типа.

— Такаки, он говорит, что у него к тебе дело, — позвал Тамакити, быстрым шагом миновав площадку и, как был в ботин-

ках, переступил порог барака. Едва поспевавший за ним Исана увидел Такаки, сидевшего на полу в комнате, устланной циновками. Исана тоже окликнул его, и в тот момент, когда Такаки повернулся к нему, деревянная перегородка между комнатой и кухней раздвинулась, оттуда выглянула Инаго в спортивной майке и крикнула:

— Почему не взяли с собой Дзина? Он еще спит?

— Заболел. Не могу понять, что с ним, он весь горит, — сказал Исана.

— Я приведу сейчас Доктора. Он с группой на учениях.

— Нет, ты, Инаго, продолжай готовить еду. — Лежавший на циновке подросток поднялся. — Я сам схожу за Доктором.

— Доктор — это корабельный врач Союза свободных мореплавателей. Во всех болезнях разбирается. Он учился на медицинском факультете, — успокаивала Инаго. — Может, поедите чего-нибудь, пока он придет?

— Мы поедим вместе с Дзином.

— Я сама покормлю его, когда понесу еду Короткому.

— Мне бы хотелось вам кое-что показать, — сказал Такаки. — В вещах Короткого были вырезки из газет и его работы. Что вы о них думаете?

— Я ничего не слышал об этих фотографиях. Покажи, — Тамакити, опередив Исана, проворно схватил большой конверт из плотной бумаги.

— Осторожно. Все-таки это его работы, — сказал Такаки.

Инаго протянула Исана миску с едой, и в нос ему ударил запах свинины и лука; он уже взял было лежавшие на миске палочки, но аппетита не было.

— Я бы хотел узнать ваше мнение об этих фотографиях. — Такаки разложил на циновке снимки, и Исана поставил миску с едой на пол у стены.

На первой фотографии около необычно низкого умывальника в туалетной комнате, огромной, как общественная баня, толпились дети в пижамах. Но они не умывались, а просто повисли, вцепившись руками в умывальник. На первом плане стоял ребенок, выглядевший старше остальных. Он оперся подбородком об умывальник и, отгалкиваясь плоскими, как весла, коленями, пытался подтянуться и влезть в него... Вцепившиеся в умывальник длинные худые руки были явно бессильны. Еще три фотографии, запечатлевшие три момента в жизни одного и того же мальчика, создавали впечатление ретроспекции. Мальчик, в еще совсем раннем возрасте, стоит, опираясь на костыли. На второй — мальчик, уже подросток, едет в кресле-катал-

ке в школу. Движение спиц на снимке напоминало брызги. На последней, где мальчик выглядел маленьким старичком, он уже был не в состоянии двигаться, лежал на кровати, укрытый простыней.

— За эту серию фотографий Короткий получил премию Ассоциации фоторепортеров, — сказал Такаки. — Они сделаны в клинике, где лежат дети с атрофией мышц. Он назвал ее «Усыхающие дети». Посмотрев эти фотографии, я подумал, что Короткий отнюдь не сжимается, как утверждает, а просто сумасшедший, уверенный, что сжимается.

— И теперь, чтобы снова получить премию Ассоциации фоторепортеров, он замыслил серию фотографий о нас и выдумал свою жалостливую историю. Вот сволочь! — воскликнул Тамакити.

— Дать добавки? — спросила Инаго, выглянув из кухни.

— Исана не хочет есть твое варено, Инаго. Видишь, не пригнулся? — в тон ей сказал Тамакити.

— Значит, Дзин и вовсе не станет это есть, — расстроилась Инаго.

— Нет, просто слишком горячо, и я ждал, пока остынет, — оправдывался Исана.

Не успел он приняться за еду, как вбежал юноша, впустив в комнату клубы пара, поднимавшиеся от вулканических ядер. Ему было чуть больше двадцати лет. На нем была американская полевая форма, которую можно купить на распродажах, устраиваемых американской армией, или считая по ее образцу из маскировочной ткани, и пилотка. В руках он держал полевую аптечку, тоже, видимо, приобретенную на одной из таких распродаж.

— Такаки, ты меня звал? — крикнул он из прихожей, прерывисто дыша, излучая бодрость и здоровье. — Дай только плеснуть водички на голову.

— Здесь сейчас ребенок, которого зовут Дзин, — объясняла Инаго Доктору. — Все свободные мореплаватели очень его любят. Насчет поговорить — он не очень, но слух у него божественный...

Доктор вернулся в барак, вытирая голову полотенцем.

— Температура есть? Кашляет? Рвало? — спросил Доктор.

— Нет, только жар, — сказал Исана, подозревая, что перед ним дилетант.

— Если это обычная простуда, то в такое время года ничего страшного в ней нет, — сказал Доктор.

— Может, рассказать, чем болел Дзин раньше? — вмешалась Инаго. — Вскоре после рождения с ним случилась ужасная история.

— Что бы вы ни рассказывали, мне прежде всего нужно осмотреть ребенка и поставить диагноз.

— Не знаю, будет есть Дзин или нет, но я все равно отнесу ему еду. Отнесу еще холодной воды и кипятку. Может, еще что нужно?

— По-моему, у нас должен еще быть консервированный суп, — сказал Доктор. — Мы, правда, ведем строгий контроль за расходом консервированных продуктов, но ведь на нынешних учениях это особый случай, верно?

— Пусть особый, но разве это значит, что мы должны нарушать принципы, которые сами же выработали? — прервал его Тамакити. — В особых случаях нами предусмотрено общее обсуждение.

— Инаго может использовать консервы по своему усмотрению, — сказал Такаки.

— Если так, то можно, значит, нарушать все что угодно. Так считал только Короткий. И дошел до того, что превратился в нашего врага...

— Тамакити, приведи сюда своего врага. А твоя бессмысленная грубость ни к чему. Доктор будет осматривать Дзина, а ты возвращайся с Коротким.

— Пусть Исана захватит с собой холодной воды и кипятка, — засуетилась Инаго, выполняя указания Такаки.

Исана с ведрами в руках и Доктор с полевой аптечкой покинули барак. Тамакити с еще одним подростком уже пересекли площадку и теперь взбегали вверх, поднимая черную мелкую пыль. Идя вслед за ними по лестнице, на которой не улеглась еще пыль, Исана увидел за стеной из вулканических ядер огромную дзелькву. На фоне зеркальной глади моря в блеске солнечных лучей дзельква, широко раскинувшая свои могучие черные ветви и закрывавшая ими яркое небо, казалась одинокой, но на самом деле из того же корня рос еще один ствол, может быть, немного тоньше первого, но не уступавший ему по высоте, и еще шире раскинувший свои ветви. Душа дзельквы охладила горящую душу Исана: *Спокойно, спокойно!* Тамакити и другой подросток, толкая Короткого в спину, вели его вниз.

— Не слишком ли, Тамакити? Может, лучше помочь человеку, у которого лицо раздулось, как набитый мешок? — возмутился Доктор.

Израненное, в кровоподтеках и шрамах лицо Короткого при ярком свете являло страшное зрелище. Но прежде чем Тамакити успел ответить, Короткий, глянув на Доктора сквозь щелочки зашвыбленных глаз, как через бамбуковые шторы, крикнул:

— Чем помогать мне, живому, лучше проведи как следует судебно-медицинскую экспертизу после того, как меня казнят. А если сумеешь, то сделай и вскрытие!

Как будто прогуливаясь с приятелями, Короткий спокойно проследовал мимо опешившего Доктора и Исана. Когда они молча вошли в дом, Доктор подложил под дверь, чтобы она не закрылась, неизвестно когда подобранный им кусок лавы, и в комнату проник свет. Он открыл и окно, обращенное к косогору. Дзин грустно лежал на боку.

— Дзин, Дзин,— позвал Исана, но горящее лицо ребенка было неподвижным. Лишь чуть дрогнули веки закрытых глаз.

— Дзин, хочешь воды? — спросил Доктор.

Слово «вода» произвело поразительный эффект. Ребенок приоткрыл ничего не видящие глаза и, тяжело дыша, выпятил нижнюю губу. Зачерпнув металлическим ковшиком воды, такой холодной, что ведро даже запотело, Исана приподнял Дзина и поднес ковшик к его губам. Вытянув их, точно бабочка хоботок, Дзин, тяжело дыша, стал жадно пить и выпил ковшик до дна. Обнимая обессилевшего сына, Исана физически ощущал, как вода охлаждает разгоряченное тельце ребенка. Исана поднес еще один ковшик к влажным губам Дзина, но тот склонил голову набок, отстраняясь от ковшика.

— У ребенка есть чувство меры,— сказал Доктор.

Доктор раздел Дзина.

— О, на животе сыпь! — сказал Доктор.— Вас ночью никто не кусал?

— Нет, кажется,— сказал Исана, разглядывая сыпь на животе тяжело дышавшего сына.

— Дзин болел ветрянкой?

— А что такое ветрянка? Я не знаю, что это за болезнь...

— Значит, ветрянкой не болел. Не может быть, чтобы такой заботливый отец, как вы, не запомнил, если ребенок болел ветрянкой,— сказал Доктор.— Пусть для вас не будет неожиданностью. Завтра все его тело покроется сыпью. С головы до ног, и даже во рту будет сыпь.

— Болезнь опасная?..

— Обычно нет. В редких случаях дает осложнения — воспаление мозга.— Доктор говорил возбужденно: это был его первый самостоятельный диагноз.— Когда появится новая сыпь,

нужно смазать снимающей зуд мазью. Сейчас я протру его тело, вымою руки и обрежу ногти.

Доктор действовал ловко и умело. Ясно, что он получил основательную подготовку. Исана, отказавшийся от мысли помогать ему, лишь наблюдал за его действиями. Глядя, как совершенно чужой человек возится с его сыном, Исана, как Бою, явилось видение, будто он умер и его сознание, воспарив, как эфир, уже после смерти наблюдает за Дзином и Доктором.

— Может быть, нужны уколы, лекарства? — спросил Исана.

— Нет, от ветрянки, насколько мне известно, никаких уколов и лекарств нет. Гораздо лучше дать болезни протекать естественно. Нужно ждать появления сыпи, а потом ждать, пока она пройдет.

— Но ведь ребенок будет ужасно страдать?

— Разумеется, — откровенно сказал Доктор.

— А можно протирать тело, когда такой жар? — обеспокоенно спросила Инаго, она принесла котелок с супом. — Что с ним? Что у тебя болит, Дзин?

Дзин с трудом приоткрыл глаза в ответ на голос Инаго. И Исана снова привиделось, будто он уже умер, но все происходящее отражается в его сознании...

— Похоже на ветрянку. Уже и сыпь появилась, — сказал Доктор.

— Прекрасная сыпь, Дзин, — с явным облегчением сказала Инаго, устроившись возле него на коленях.

Когда Доктор закончил обтирание, Инаго поспешно укутала ребенка. Исана увидел прямо перед собой ее круглый зад, выглянувший из-под короткой юбки. Трусики, прозрачные от бесчисленных стирок, почти ничего не скрывали.

— Инаго, чего оголилась, хочешь нас обольстить? — сказал Доктор.

Исана оторопел. Но Инаго и не думала менять позу. Прильнув к тельцу Дзина, она лишь повернула голову и ответила серьезно и печально:

— Вообще-то мне все равно, смотрите сколько влезет. Но я так волнуюсь за Дзина, что мне не хочется, чтобы за мной подглядывали. И чтобы смеялись, тоже не хочется.

— Да, это я некстати, ты уж не сердись, — смутился Доктор и, немного помолчав, сказал: — Мы должны идти судить Короткого, последи, чтобы Дзин не расчесывал сыпь.

— Посиди с ним, пожалуйста, — извиняющимся тоном сказал Исана, вставая.

Спускаясь по вырубленным в лаге и укрепленным досками ступеням, Исана посмотрел на двустволую дзелькву, высившуюся на западе, на фоне моря, и обратился про себя к душам деревьев: *Спасибо, спасибо, что сын заболел только ветрянкой.* С площадки, куда они спускались, доносился гомон, но никого не было видно. Все сидели в бараче, ожидая начала суда, двери были распахнуты. Члены команды ждали, когда придет специалист по словам и Доктор Союза свободных мореплавателей, чтобы принять участие в суде над Коротким.

Короткий сидел посреди комнаты на возвышении, положив на колени руки в наручниках и чуть закинув голову, чтобы вспухшие веки позволяли видеть, что делается вокруг. Он выглядел бодро, и по сравнению с ним обветренное лицо Такаки, мрачно сидевшего в глубине комнаты, казалось еще мрачнее, будто именно он был обвиняемым. В противоположность ему Тамакити и Красномордый, расположившиеся у самой двери, так что Короткий загоразживал их от Такаки, явно ощущали себя обвинителями. Винтовка, которую принес Тамакити, стояла между колен Боя, выполнявшего роль судебного стражника, — если возвышение, где сидел Короткий, можно было назвать скамьей подсудимых. Остальные подростки, человек десять, сидели лицом к обвиняемому на циновках, расстеленных на дощатом полу.

— Вы не согласились бы сесть рядом со мной и вести судебный протокол? Боюсь, без секретаря Короткий не будет говорить, — обратился Такаки к Исана, который вместе с Доктором направился в глубь комнаты.

— Если я ему еще немного врежу, сразу перестанет требовать протокола, — раздраженно вмешался Тамакити.

— Нужен не просто протокол, а подробнейшая запись всего, что я буду говорить, — сказал Короткий, игнорируя Тамакити. — Прошу вас. Если вы не запишете самым подробным образом, они не поймут, что я хотел сказать, и не поймут, что они сделали. Очень вас прошу. Когда Бой чуть не убил вас, помог вам не кто иной, как я, ведь правда? Тамакити же, как вы помните, подстрекал Боя.

Короткий хотел продолжать, но Тамакити, вытянувшись на коленях вперед, размахнулся и ударил его левой рукой по горлу. Звякнув наручниками, Короткий схватился руками за горло. Со свистом вобрав в себя воздух, он продолжал:

— Исана, я прошу вас.

В поведении Тамакити, да и всех остальных, молча сидевших на этом суде, Исана виделось позерство. Если он не согла-

сится выступить в качестве секретаря, они устроят еще более жестокое и отвратительное представление. Он сел на место рядом с Такаки, где уже были приготовлены бумага и ручка.

— Итак, начнем,— сказал Такаки уныло, нарочито демонстрируя, как ему надоела пустая переписка.

После возбужденных слов Короткого его спокойная интонация прозвучала резким контрастом и вызвала смех. Оглядевшись вокруг, Исана увидел среди гогочущих подростков солдата сидел немного в стороне, вытянув ноги — рядом с ним никто устроиться уже не мог. Сидел развалившись, как сторонний наблюдатель, но его военная выправка сразу бросалась в глаза и заставляла почувствовать, насколько сильнее он нетренированных подростков из Союза свободных мореплавателей.

— Начинаем судебное заседание в связи с изменой и предательством Короткого, который, сфотографировав военные учения Союза свободных мореплавателей, продал фотоснимки еженедельнику,— сказал Красномордый и, ожидая взрыва смеха, заранее покраснел, но смеха не последовало.— Однако,— продолжал он,— сначала, может быть, Такаки подробно изложит, в чем суть преступления Короткого?

— Разве это не я должен сделать? — перебил его Тамакити.— Я же обвинитель. По-моему, порядок ведения суда именно такой?

— А не должны ли вы сначала спросить, признаю ли я себя виновным? — бросил Короткий, и по комнате снова прокатился смех.— В детективных романах начинают с предъявления обвинения: Короткий, признаешь ли ты себя виновным?

— Хорошо, я спрошу,— сказал Такаки деловито и решительно.— Короткий, признаешь ли ты себя виновным?

— Признаю!

Когда Короткий прокричал это своим писклявым голосом, раздался новый взрыв смеха. Бывший солдат тоже засмеялся несколько снисходительно, как зритель, присутствующий на спектакле. Его глаза, казалось, ввалились от усталости, но таково было строение его лица с сильно выдающимися лбом и скулами. Упругие мышцы щек, сходявшие на нет к подбородку, придавали его лицу почти правильную округлость, а глаза, жившие, казалось, независимой жизнью, жадно следили за комическим зрелищем, устроенным этим сумасшедшим хулиганом.

— Солдат, кажется, чувствует себя посторонним,— тихо сказал Исана, наклоняясь к Такаки, который, скривив свое за-

горелое, цвета промасленной бумаги лицо, ждал, когда прекратится смех.

— Он считает себя независимым военным советником. Его дело научить нас ползать по-пластунски и обращаться с винтовкой и автоматом,— тихо ответил Такаки, постукивая красным карандашом по конверту с вещественными доказательствами — фотографиями Короткого.— Дескать, он не чета членам Союза свободных мореплавателей. Не знаю уж, на каком основании он причисляет себя к элите. Да еще уверен, что в его лице мы получили у сил самообороны прекрасного наставника.

— Однако дорога назад в казарму, видимо, для него закрыта. Если у него нет увольнительной, разумеется, его поступок равносильен дезертирству.

— Такие инциденты в силах самообороны не редкость. Солдат останется здесь, пока игра его интересует, а когда надоест, преспокойно нарушит наш договор и вернется в казарму.

— Но он ведь не думает, что винтовки, обращению с которыми он вас обучает, добыты законно?

— Он еще не видел у нас ни одного боевого патрона,— сказал Такаки.— Ему сказано, что у американцев можно легко достать винтовки, списанные во Вьетнаме, мы их достали, починили и используем для военной игры. Мы сказали ему это, и никаких сомнений у него не возникло.

— Я признал себя виновным и хочу объяснить почему,— потребовал Короткий.

— Зачем? Ты виновен, ты признал это, и нам больше ничего не нужно, верно? — сказал Тамакити, обращаясь к товарищам.

— Верно. Нечего его слушать,— сказал Бой и несколько раз стукнул прикладом об пол.— Заткните ему глотку, заткните глотку!

— Ах так? Ты, Тамакити, обвинитель? Тогда скажи, на каком основании я признан виновным! И представь доказательства,— бросил вызов Короткий.

— Ты,— гневно начал Тамакити, но, опасаясь ловушки Короткого, продолжал уже с меньшей горячностью.— Ты нарушил устав Союза свободных мореплавателей. В своих грязных личных целях, из-за своего грязного честолюбия ты сфотографировал учения Союза свободных мореплавателей и продал фотографии грязному еженедельнику. Вот почему ты виновен!

— Только поэтому?

— Тебе этого мало? Может, ты и своровал еще чего-нибудь? — спросил Тамакити.

Слушатели или, вернее, присяжные реагировали так, будто их пощекотали. Но Короткий, не обращая внимания на смех и издевательские выкрики, перешел в контрнаступление.

— На этом основании я признан виновным?! — закричал он писклявым голосом.

— Да. Ты же сам признал себя виновным, — сказал Тамакити, возводя укрепления на случай неизвестно откуда грозящей контратаки.

— Обвинение должно представить доказательства моей вины! Мое признание не может служить доказательством! Может, я все выдумал. Ты говоришь, что я сам признал свою вину и, значит, виновен; но мало ли чего можно наболтать, чтобы тебя сочли виновным.

— Мы тебя так избили, что вынудили рассказать правду.

— Но почему ты уверен, что это правда? Признание, которое у меня вырвали пыткой? Обвинитель открыто говорит, что, подвергнув меня пытке, заставил признаться, и представляет мое признание в качестве доказательства — разве это суд? Вот уж не знал, что есть такой суд.

— Не трогай его, — резко одернул Такаки, увидев, что Тамакити готов броситься на Короткого.

— Ты говоришь об уставе Союза свободных мореплавателей, но разве такой устав существует? А если существует, есть ли в нем статья, запрещающая знакомить посторонних с фотографиями членов Союза свободных мореплавателей? — сказал Короткий, обращаясь не столько к Тамакити, сколько ко всем под росткам. — Однако это не столь уж важно. Важнее другое, своим обвинением Тамакити сводит на нет значение сегодняшнего суда. Если я виновен только в том, в чем меня обвиняет Тамакити, то приговор, который мне вынесет Союз свободных мореплавателей за передачу нескольких фотографий еженедельнику, может быть только один — изгнание из Союза. Я уж не говорю о том, что меня еще и избили. Если я и побегу в полицию Идзу, ничего страшного вам не грозит: вы моментально уйдете на яхте в море и потопите оружие и боеприпасы, так что у полиции не будет никаких улик против Свободных мореплавателей. Все сведется к тому, что избили фоторепортера, снявшего военную игру каких-то хулиганов. Объективно это будет выглядеть именно так, правда? Полиция может привлечь вас к ответственности только за угон автомашин. Но сможет ли она это доказать? Что же касается идейной подоплеку деятельности Союза, то никто не сможет доказать его связей с политическими группами

ровками, ни с ультраправыми, ни с ультралевыми! Что это значит? Что Союз свободных мореплавателей существует сам по себе, не совершая ничего предосудительного, занимаясь невинной игрой, которая теперь стала известна полиции. Если же вы хотите, чтобы полиции стало кое-что известно, воспользуйтесь сегодняшним судом и провалите свой Союз. Этого вы хотите?

Короткий одержал победу. Побледневший Тамакити повернулся к Красномордому, но тот потупился и отвел глаза. Царившее в комнате оживление увяло. С видом победителя Короткий заглянул в записки Исана, чтобы убедиться, насколько тщательно ведется протокол. Потом, чекая слова, Короткий повторил подросткам кое-что из того, о чем он уже говорил Исана.

— Я — Короткий! И независимо от того, буду я членом Союза свободных мореплавателей или нет, я сжимаюсь, сжимаюсь и сжимаюсь, недалеко тот день, когда мой скелет и мои внутренности будут не в состоянии выдержать давление, которому они подвергаются, и я умру. Если использовать ядерную терминологию, произойдет взрыв, имплоужен. Я умру от взрыва, обращенного внутрь. И когда этот день наступит, я окажусь пророком атомного века! Я первым оповещу мир, что человечество начало движение вспять, что в теле каждого человека появились гены, направившие его развитие и рост в обратную сторону. У меня есть целая серия фотографий, показывающих, как я сжимаюсь, и с их помощью я обращусь к средствам массовой информации всего мира. Только так я смогу выполнить свою миссию перед человечеством! У меня нет причин цепляться за Союз свободных мореплавателей. Вы спросите, почему на этом суде я настаиваю на своей виновности? Потому что я хочу в рамках Союза предсказать, к чему приведет сжатие моего тела, и поведать об этом с помощью апостолов, которые будут передавать из уст в уста мое предсказание. Я хочу, чтобы Союз свободных мореплавателей использовал мое тело, внутреннее давление в котором беспрерывно растет, в качестве детонатора ядерного взрыва! Чтобы, когда надо мной, виновным, свершится приговор, в пламени и грохоте вывести на орбиту Союз свободных мореплавателей, то есть вас!

Короткий умолк, рассчитывая на эффект своих слов, но ответом ему было лишь неловкое молчание. Тут, видимо, он и почувствовал, что его никто не понял. Он сверкнул глазами изпод опухших век и облизнул бледным языком вспухшие, в запекшейся крови губы. Это странное, настороженное молчание

точно парализовало и Короткого и подростков. Потом Такаки все тем же сонным голосом сказал:

— Ты, Коротышка, все время повторяешь: вина, приговор. Вина — ладно, но каким должен быть приговор? Ты полагаешь, что, если даже мы и признаем тебя виновным, наказание будет состоять лишь в том, что мы избьем тебя и вышвырнем вон, да? И даже если ты после этого побежишь в полицию, никакие неприятности нам не грозят, — ты это говорил сам. Теперь скажи, каким это образом Союз свободных мореплавателей произведет свой ядерный взрыв и вознесется, подобно ракете? Не объяснишь ли нам?

Атмосфера в комнате опять стала легкой и непринужденной. И хотя кое-что еще оставалось неясным, сети красноречия, опутавшие подростков, стали расползаться, и требовалось уже совсем немного, чтобы снова начали раздаваться насмешки в адрес Короткого. Но Короткий не упустил случая приостановить подобное развитие событий.

— В тот день, когда у Свободных мореплавателей кончились боеприпасы, в сумках для фотопринадлежностей я привез динамит, взятый из нашего оружейного склада. По дороге в Токио я припрятал динамит в камере хранения на станции Атами, где обедал. Думаю, того, что я сказал, достаточно, и объяснений не требуется? Если свободные мореплаватели избьют меня и вышвырнут вон, я возьму динамит и совершу нападение на банк в Атами, потом сделаю вид, что нападение провалилось, и взорву себя. Представляете, как безумно обрадуются этой новости в еженедельнике, которому я продал фотографии. Они немедленно опубликуют фотографии военных учений. В этом случае японская полиция сразу же мобилизует все свои средства — научные и политические, — чтобы сострять из вас угрожающую обществу вооруженную организацию. Сомневаетесь? Мне то что, я, Короткий, взорвусь. Без мучений и страданий — что может быть лучше?

Короткий не только вернул утраченные позиции, но и перетянул на свою сторону подростков, сидевших в комнате. Даже бывший солдат, который до этого с глупым самодовольством смотрел на происходящее, не скрывая любопытства, прислушивался к тому, что говорилось.

— На этом суде я старался убедить вас в своей виновности. Думаете, зачем? Чтобы заставить казнить меня, — надменно заявил Короткий, чутко уловив нерешительность аудитории. — Вот почему я...

— Все ясно, Коротышка, — перебил его Такаки. — У нас сейчас идет суд, должен же высказаться не только один обвиняемый? Существует перекрестный допрос, дай же нам допросить тебя. Тамакити и Красномордый представляют обвинение, я представляю защиту...

— Защиты мне не нужно, — подскочил Короткий.

— В таком случае это будет перекрестный допрос с тремя обвинителями, Коротышка, — сказал Такаки, подняв голову, которую до этого все время держал опущенной. — Настоящий ли ты Короткий, у которого физически сокращается тело? Или ты, так сказать, Короткий психический, который лишь вообразил, что тело его сокращается?

— На такой вопрос ответ однозначен. Если я на самом деле сокращаюсь физически, то отвечаю: да, верно. Если я сумасшедший, сокращающийся лишь психически, то тогда я без колебаний отвечаю: нет, я не сумасшедший, я сокращаюсь физически, то есть снова отвечаю: да, верно, — пояснил Короткий.

Тамакити хмыкнул — то ли насмешливо, то ли сдерживая рвавшееся наружу бешенство. Красномордый, у которого даже глаза налились кровью, старался не смотреть на Такаки. Подростки беззастенчиво гоготали. Однако Такаки с хладнокровием, резко отличавшим его от Короткого, Тамакити, Красномордого и всех остальных, продолжал допрос:

— Тогда я поставлю вопрос иначе, Коротышка. В чем конкретная причина, сделавшая тебя физическим или психическим коротышкой? Мне кажется, ты до сих пор об этом ничего не сказал.

— Конкретная причина, говоришь? Что это значит? Что если бы такая причина была и у вас, то Союз свободных мореплавателей комплектовался бы из одних коротышек?

На этот раз и Бой хмыкнул в тон Тамакити, а Красномордый покраснел до слез. Подростки же, почувствовав, что Такаки совершил промах, сидели молча, затаив дыхание.

— Я стал Коротким, потому что в моем организме появились гены сокращения. Именно в том, что я Короткий, и состоит пророчество будущего, которое ждет все человечество!

Такаки вынул из конверта, по которому он до сих пор постукивал красным карандашом, фотографии детей, больных атрофией мышц, и бросил их Короткому. Тот с видом победителя, сощурившись, посмотрел на фотографии.

— Я и твою «речь по случаю получения премии» тоже вырезал, Коротышка. Прочти ему, Красномордый.

— «Наиболее светлым впечатлением было то, что для детей в этой больнице время течет в обратном направлении,— читал Красномордый тонким дрожащим голосом.— Мне кажется, я могу утверждать это, поскольку каждый новый день мучений этих детей приносит в их мышцы нечто противоположное тому, что появляется в мышцах обычных детей по мере их роста. Три года назад, когда я начал их фотографировать, они могли сами ходить из дому на процедуры, в этом году, чтобы добраться до лечебницы, они должны сесть в каталку, в будущем году, они, наверно, не смогут без посторонней помощи встать с постели. Современная медицина не в силах остановить это обратное течение времени в организме детей. Герой одной юмористической телевизионной передачи молил: время, остановись! — не в этих ли словах заключены все помыслы несчастных детей? Помыслы множества детей: время, остановись...»

— Достаточно, Красномордый,— сказал Такаки.— Это «время, остановись» очень подходит твоему писклявому голосу, Коротышка. На церемонии вручения премии ты тоже изобразил на своем лице кротость и скорбь и пропищал: «Время, остановись»?

Слова Такаки были полны ненависти. Подростки слушали его, затаив дыхание. Короткий же, казалось, погрузился в свои мысли и ничего не видел вокруг.

— Вот почему я хочу, Короткий, снова вернуться к тому же вопросу, который ты высмеял как логическую бессмыслицу. Возможно, он был сформулирован недостаточно четко. Но его можно задать и по-другому,— возвысил голос Такаки.— Ты не сжимаешься ни физически, ни психически, ты — фоторепортер, прикрываясь этой выдумкой, пробравшийся к нам, чтобы фотографировать жизнь Союза свободных мореплавателей. Вот как я хочу поставить вопрос... Ты со злым умыслом фотографировал нас и продал фотографии еженедельнику, и если теперь Союз свободных мореплавателей не перейдет к действиям, твоим фотографиям — грош цена. Вот ты и решил нас спровоцировать, да?

— Отвечай, Короткий! — ломающимся голосом закричал Тамакити.

То же одновременно выкрикнул и Бой. Крики наполнили комнату. Отвечай. Отвечай, вопили подростки. Бывший солдат сил самообороны тупо уставился на Короткого. Вокруг бушевали крики. Даже Доктор кричал с возмущением:

— Отвечай, Короткий!

ПОД КИТОВЫМ ДЕРЕВОМ

Короткий, молча смотревший на фотографии, был похож на загнанную крысу, которая мечется по огромной площади, не зная, куда бежать, где найти спасение. Возбужденные голоса подростков становились все громче. Короткий молчал, опустив голову. Такаки снова принялся чертить красным карандашом на конверте из-под фотографий какую-то геометрическую фигуру. Внешне он был спокоен, но по щекам, туго обтянутым кожей, расплзался румянец.

— Сколько ты получил за фотографии, которые продал журналу? Отвечай!.. Наверно, столько же, сколько за фотографии голых девочек? Отвечай же!..

— Наших криков никто не услышит? — спросил Исана у Такаки.

— Вокруг стоят часовые. Они просматривают весь район, разумеется, за исключением прибрежных зарослей, — ответил Такаки.

Короткий аккуратно сложил валявшиеся на циновке фотографии. В движениях его рук, хотя и скованных наручниками, чувствовалась профессиональная сноровка. Превозмогая боль в затекших коленях, он с трудом встал сразу на обе ноги. Вид у него был потерянный.

— Я действительно делал эти фотографии и получил за них премию... Но совершенно забыл о них. И очень удивился, снова увидев. Я пытаюсь вспомнить, забыл ли я о них уже к тому времени, когда начал сжиматься. Я в самом деле потрясен, даже самому не верится, что можно так начисто забыть...

Тамакити вскочил и рукояткой альпинистского ножа ударил Короткого по голове. Короткий как подкошенный упал на колени, но сознания не потерял и остался на коленях. Руки, скованные наручниками, висели как плети. Но вот тело его снова обрело силу, и, как распрямляется, напившись воды, поникшая трава, он встал — сначала на одну ногу, потом на другую. И без всякого страха, тяжело дыша, продолжал грустно и спокойно:

— Я в самом деле забыл об этих фотографиях. И, увидев их, поразился больше, чем все присутствующие здесь. Возможно, из-за того, что стал сжиматься, я совсем забыл, что, кроме меня, существуют дети, которые тоже сжимаются. Но что это означает? Что означает тот факт, что я забыл о тех детях, хотя

и был уверен в том, что и после меня среди людей беспрерывно будут появляться Короткие?.. Что означает этот факт?..

Короткий тяжело вздохнул и из-под его вспухших, посиневших век показались прозрачные слезы.

— Но все равно я, Короткий, виновен. Казните меня,— воззвал он плачущим голосом.

Атмосфера в комнате изменилась. Бывший солдат, хотя и не особенно тронутый стенаниями Короткого, все-таки немного расчувствовался и с туповатой прямоотой спросил из-за спин молчавших подростков:

— А болезнь детей, которых вы фотографировали, не инфекционная? Может быть, вы заразились, когда фотографировали их?

— Разве такая болезнь может быть инфекционной? — возмутился Доктор.— Чего ты мелешь? Из-за таких дураков, как ты, и рождается дискриминация. Тупица.

— Что, что, дискриминация? — спросил бывший солдат недоуменно, но Доктор пропустил его вопрос мимо ушей.

Подростки не питали особой симпатии к бывшему солдату, но насмехаться над ним не стали. Они, точно утратив дар речи, впились глазами в стоявшего на возвышении Короткого. Наконец Красномордый нарушил гробовое молчание, повисшее в комнате:

— Короткий с самого начала признался в том, что виновен, и требует, чтобы его казнили. Мне кажется, он жаждет совершить самоубийство,— сказал он решительно, впервые дав возможность окружающим понять, почему он вместе с Тамакити представляет обвинение.— Но не хочет ли Короткий использовать нас как орудие самоубийства? Короткий ведь извращенный тип. Может, ему приятно, чтобы его казнили молодые ребята,— именно так он хочет совершить самоубийство? Потому что тот, кто казнит Короткого, окажется навеки связанным с ним. А загребут за убийство в полицию или нет, на это ему наплевать...

Красномордый умолк, покраснев сильнее, чем обычно. Откашлявшись, он продолжал свою обвинительную речь.

— Короткий,— извращенный тип, он мечтает о самоубийстве, но только от рук подростков. Он и ко мне приставал, предлагал всякое, а потом прощения просил, плакал. Было это? Вот теперь и канючит: я виновен, казните меня!

Красномордый совсем побагровел и умолк, а подростки по-прежнему хранили молчание, но это было молчание, готовое взорваться в любую минуту. Тамакити, считая слова Красно-

мордого свидетельским показанием, которое он будто бы сам вытянул из него, с победоносным видом поглядывал на Короткого, Тамаки и Исана.

— Ну так как? — воскликнул он возбужденно. — К кому еще приставал Короткий? Признавайтесь. Поднимите руку. Красномордый же набрался смелости!

Короткий, у которого вслухшая голова, казалось, росла прямо из плеч, широко раскрыв глаза, жалобно рыскал взглядом по комнате. Бой и еще двое подростков подняли руки.

— И ты, Бой? И вы тоже? Ох и сволочь — воскликнул Тамакити, в голосе которого, скорее, звучала радость. — Вот это да! Бой, и вы оба тоже, поднимитесь сюда. Вы имеете полное право прямо сейчас учинить Короткому допрос!

Опустив голову, точно внимательно изучая винтовку, которую он держал в руках, Бой поднялся на возвышение и встал рядом с Тамакити. Тамакити, взглядом подгоняя двух других мальчишек, дождался, пока они, отводя глаза друг от друга, и в то же время стараясь двигаться согласованно, поднялись на возвышение.

— Что же ты, Коротышка? Проник, значит, в Союз свободных мореплавателей с двумя целями: сфотографировать нас, чтобы продать снимки еженедельнику, и еще совратить мальчишек. Все твои действия были заранее спланированы. Делая фотографии сжимающихся детей, ты решил из себя изобразить человека, тело которого сжимается. То же самое, наверно, и с твоими извращенными наклонностями? Нафотографировался, наверно?

Короткий слушал, опустив вслухшее, в кровоподтеках лицо, на котором выступили капельки пота. Как только Тамакити умолк, рассчитывая, что его издевательства приведут к взрыву негодования, он заявил:

— Называя меня извращенным типом, ты хочешь меня оскорбить. Как будто ты не видишь, что властвует сегодня в мире? Может быть, ты просто боишься притягательной силы того, что называешь извращением?

Не раздумывая, Тамакити ударил Короткого по лицу. Тот покачнулся, но удержался на ногах и выпрямился. Он несколько не боялся Тамакити. Снова пошел в наступление Красномордый.

— Ты, Короткий, называешь это сопротивлением меньшинства и намекаешь, что противопоставлял себя тем, кто обладает в этом мире властью и силой. Верно ли это? — спросил Красномордый серьезно. — Так просил, так умолял, помнишь? Ты

даже пытался вызвать сочувствие тем, что сжимаешься, — сказал Красномордый, побагровев от возмущения. — Мне, во всяком случае, ты говорил: давай противопоставим себя тем, кто обладает в этом мире властью и силой.

Тамакити подхватил:

— Короткий, Коротышка, — начал он насмешливо, — ты и остальным мальчишкам пел то же самое?

— Ну и что? — Короткий не потерял присутствия духа. — Умолять — умолял! Я хотел выработать в вас способность к психологическому протесту! Помнишь, Бой, ты все допытывался, когда же я сожмусь настолько, что умру? И не сам ли просил меня об этом?

Короткий буквально впился сощуренными глазами в Боя. Точно притягиваемый магнитом, Бой приблизился к нему.

— Совести у тебя нет, — закричал он и ударил Короткого.

Короткий стукнулся головой о деревянную панель и, скорчившись, сполз вниз — из его разбитых губ лилась кровь. Бой, у которого от стыда и негодования глаза налились кровью, замахнулся ногой, но Тамакити удержал его.

— Постой, Бой. Мы ему еще врежем. Врежем как следует, чтобы допрос пошел лучше, — сказал он. — Нам мало, Коротышка, что ты признал себя виновным, нам нужно, чтобы ты раскаялся.

Ноги не слушались Короткого, колени дрожали, но он все же поднялся сам, отказавшись от руки, протянутой Тамакити. Тамакити сощурил глаза.

— Я потребовал раскаяния, а Коротышка ничего не ответил, ну что ж, врежьте ему, но так, чтоб сознания не потерял, — сказал он Бою и двум другим подросткам, а сам выпачканной в крови ладонью наотмашь ударил Короткого по лицу. — Пока не ответишь, я хоть сто раз буду требовать от тебя раскаяния и бить. Врежьте ему, ребята, по тридцать три раза. Сотый — врежет Красномордый. ...Кайся, Коротышка: я проник в Союз свободных мореплавателей с целью продать еженедельнику фотографии и заработать, проник с целью совратить молодых ребят. Вот какой я.

— Я признаю себя виновным. Однако в том, что ты говоришь, я не виновен. Ты просто сволочь! Сам и раскаивайся!

Тамакити снова ударил его по лицу.

— Кайся, Коротышка: я проник в Союз свободных мореплавателей с целью продать еженедельнику фотографии и заработать, проник с целью совратить молодых ребят. Вот какой я.

Короткий, игнорируя Тамакити, закрыл глаза, высоко под-

нял голову. Из носа у него лилась кровь. Бой залепил ему щечину.

— Кайся, Коротышка: я проник в Союз свободных мореплавателей с целью продать еженедельнику фотографии и заработать, проник с целью совратить молодых ребят. Вот какой я.

Один из подростков ударил Короткого, и тот, не открывая глаз, взмахнул перед собой руками в наручниках, стараясь сохранить равновесие. Чтобы не закричать от боли, он прикусил губу, покрытую черными стружьями и новыми ранами.

— Кайся, Коротышка: я проник в Союз свободных мореплавателей с целью продать еженедельнику фотографии и заработать, проник с целью совратить молодых ребят...

Исана почувствовал во рту вкус застывшего жира и с отвращением вспомнил рагу, которое он ел два часа назад. Отвращение, воплотившееся во вкусе жира, испытывал не он один. Было оно и у продолжавшего допрос Тамакити, и у Боя, и у двух подростков, избивавших Короткого, у всех заполнивших комнату. Исана краешком глаза посмотрел на Такаки. На покрытом грязными разводами лице Такаки, который все еще рисовал сложный узор на исчерченном красным карандашом конверте, тоже было написано отвращение. Исана подумал, что если Такаки уловит момент, когда чувство, овладевшее собравшимися, дойдет до крайней точки, и скажет: *прекратите, мне это противно*, суд над Коротким окончится ничем. Действительно, в эту минуту Такаки, бросив взгляд на Исана, заговорил. Но заговорил как человек практический, не допускающий, чтобы чувства были помехой делу.

— Короткий утверждает, что он сжимается, нужно проверить, верно ли это,— предложил он.— Суд поступит справедливо, если предоставит возможность телу Короткого свидетельствовать в его защиту. Давайте поглядим на его сжимающееся тело.

— Верно,— живо откликнулся Тамакити.— Если тело у него сжимается, то ладони и ступни должны быть непропорционально большими. Будет несправедливо, если мы сами не убедимся, что он сжимается.

Все оживились. Даже Короткий, обессилевший под градом ударов, с замутненным сознанием и думавший лишь о том, как бы устоять на ногах. Когда Бой стал его раздевать, он сделал движение, чтобы помочь ему. Раздевать человека в наручниках было неудобно.

— Давай разрежем рубаху,— сказал Тамакити.

Точно хирург, оказывающий помощь при ожоге, Тамакити

альпинистским пожом разрезал рубаху Короткого, от пота и крови прилипшую к его телу. Такаки нагнул голову к конверту и внимательно разглядывал свой рисунок. Нагромождение геометрических фигур все больше напоминало могучий узловатый ствол, заканчивающийся густой шапкой листвы. Скорее всего, Китовое дерево.

— Ты режиссер этого спектакля, Такаки,— шепнул ему Исана.— Хотя главную роль в нем исполняет Тамакити.

Такаки повернулся к Исана и без всякого выражения, точно птичьими глазами, посмотрел на него. Потом снова наклонился над конвертом и, почти не шевеля губами, сказал:

— А может быть, режиссер — Короткий? Ведь это он втянул меня в эту историю; я всячески старался избежать ее. Посмотрите, посмотрите (Такаки сказал это угрюмо, хотя взглядом он указывал только на рубаху, брюки и нижнее белье Короткого, валявшиеся на залитом кровью полу. Поднимать глаза на обнаженного Короткого он решительно не хотел): главную роль исполняет тоже Короткий. И со все большим мастерством...

Короткий стоял теперь, наклонившись вперед. Оживленный гомон подростков, когда перед ними предстал совершенно голый человек, стал спадать и сменился полной тишиной, точно под действием невидимых лучей, исходящих от тела Короткого. Короткий поднял плечи, ссутулился и, выставив вперед живот, сложил на нем скवानные наручниками руки. Казалось, он хочет скрыть под иссиня-черной кожей свои могучие мышцы. Плечи, благодаря развитой мускулатуре, сильно выдавались вперед. Мышцы на боках выглядели как две огромные ладони, охватившие тело. В них было что-то отталкивающее. Казалось, что могучая мускулатура живет самостоятельной, независимой от тела жизнью.

Глядя на обнаженного Короткого, Исана вдруг услышал, что подсознательно обращается к душам деревьев: *действительно, это тело, в котором под давлением мышц костяк сжимается и одновременно начинают отмирать и сами мышцы. И только жалкие внутренности, сопротивляясь, пытаются вырваться наружу.* Пока сознание Исана не стало противиться увиденному, его подсознание, поддерживаемое душами деревьев, безоговорочно поверило словам Короткого и хотело утвердиться в том, что *это — Короткий, который действительно сжимается, более того, дошедший до самого предела сжимания, за которым лежит смерть...*

Тамакити повернулся к Бою.

— Ну-ка, осмотри его как следует,— сказал он, а сам носком ботинка, выпачканного в вулканическом пепле, ударил Короткого в пах. Тот вздрогнул и повернулся к Тамакити, угрожающе вскинув голову, его вспухшие веки и губы были плотно сжаты.

— Может, воткнуть ему эту штуку, Тамакити? — сказал Бой, с трудом сдерживая смех и вынимая из-за пояса заостренную на конце палку. Она была аккуратно обработана ножом, а рукоятка вырезана в виде рыбы.

— Это подарок Боя суду? Чтобы больше не плакать из-за того, что во сне уже дважды ничего не случилось! — шутливо поблагодарил Тамакити тоном, каким благодарят своего гвардейца за отличную службу.

Бой рассмеялся шутке, рассмеялись и остальные подростки. Тамакити ткнул Короткого заостренным концом палки в пах. Все, кто наблюдали за действиями Тамакити, сразу же поняли, что это отвлекающий маневр. Продолжая свою игру, Тамакити стал медленно заходить ему за спину. Оказавшись за спиной Короткого, Тамакити слегка пнул его коленом под зад. Захваченный врасплох, Короткий сделал несколько шагов вперед и остановился. Тогда Тамакити присел и изо всех сил ткнул его палкой. Короткий с воплем рухнул на дощатый пол, подростки испуганно отскочили в разные стороны. Продолжая вопить, Короткий выгнулся колесом, как креветка. С конца палки начала капать кровь...

Доктор прорвался сквозь кольцо подростков, окружавших Короткого, и подскочил к нему. Никто не тронулся с места; ему на помощь пришел лишь Исана.

— Я ничего не могу сделать,— причитал Доктор.— Какой ужас, с этим я ничего не могу сделать.

— Но может, все-таки удастся остановить кровь? — подбадривал его Исана.

— Все равно, я же не знаю, что у него там разворочено внутри... Ничего не поделаешь, нужно вызвать «скорую помощь» и отвезти в больницу.

Короткий, который был диким зверем, не видя ничего вокруг, все же отреагировал на слова Доктора. Он задрал голову и подбородок у него задвигался. Но единственное, что вырвалось из его рта,— новый стон, а голова, которой он пытался помотать в знак отрицания, соскользнув с колен Исана, упала на пол. Окружавшие его подростки без труда поняли, что Короткий настаивает на своей виновности и требует, чтобы его казнили, что он отказывается уходить от Свободных мореплавате-

лей даже ради сохранения жизни. Они все, точно сговорившись, посмотрели на Такаки, который продолжал сидеть не шелохнувшись. На его побледневшем лице лишь выступили капли пота, но на подростков он посмотрел без всякого выражения. Прочсть в его глазах, о чем он думает, было невозможно.

— Такаки, так нельзя. Если не предпринять срочных мер, он умрет. Я ничего не могу сделать,— плачущим голосом зывал к нему Доктор.

— Может, отвезти его на машине в больницу в Атами? — крикнул кто-то.

— Нельзя. На нашей машине мы его так растрясем, что он и ста метров не проедет, умрет,— закричал в ответ Доктор.— Да и вообще это не годится... Короткий не согласится, чтобы его лечили посторонние... Нет, это не годится...

В голосе Доктора слышалось отчаяние. По-прежнему бесстрастный, Такаки все же встал, широким шагом подошел к валявшемуся на полу Короткому и стал разглядывать его. Потом, направляясь к входной двери, сказал властно, тоном приказа:

— Пусть кто-нибудь заменит Исана! Вы пойдете со мной.

Двое подростков стали поддерживать Короткого, и Исана, освободившись, отполз на коленях в сторону. Его брюки были выпачканы в крови, но времени вычистить их не было. Он пошел вслед за Такаки в сторону дзельквы, росшей на фоне моря и стены, сложенной из вулканических ядер. Такаки, который широко шагал, плотно сжав губы и устремив в землю горящий взгляд, вдруг повернулся к Исана. Они теперь шагали рядом и так молча дошли до пышущей жаром стены, потом повернули назад. В этот момент Такаки впервые посмотрел прямо в глаза Исана, но опять ничего не сказал. У входа в барак Такаки громко закричал:

— Короткий сам настаивает на том, что виновен. Просил, чтобы его казнили. Есть возражения?

Подростки молчали. Никто не захотел высказаться.

— Хорошо! — сказал Такаки. — Короткий виновен. Казним его. ...Короткий получил тяжелое ранение, но это несчастный случай. Никто в этом не повинен. Пока каждый из вас свободен и ни в чем не замешан, ясно? Вы просто очевидцы несчастного случая. Но, участвуя в казни, ответственности не избежит никто. Смерть Короткого падет на головы всех участников. Те, кто не хочет участвовать в казни, могут свободно уйти. Казнь я избрал такую: положим Короткого у стены, и

каждый бросит в него камень. (Значит, тем же способом, какой он ребенком видел во сне, когда был болен, подумал Исана. Сам Исана смутно помнил с детских лет, что в их деревне людей казнили именно так. И должен был признать, что он сильнее прежнего поверил в существование Китового дерева Такаки.) Те, кто против, могут уйти. Но только сейчас. Тот, кто уйдет из Союза свободных мореплавателей после казни, — предатель. По-моему, это справедливо, если исходить из идеи, ради которой Свободные мореплаватели казнят Короткого. Он умрет во имя сплочения нашей команды. Согласны? Тогда собирайте подходящие камни, по одному на человека, и складывайте по середине площади. Позовите и часовых тоже. А вас я попрошу позвать Инаго.

Исана почувствовал на себе вопросительный взгляд побледневшего солдата сил самообороны, на полголовы возвышавшегося над остальными подростками. Но Исана думал, как бы побыстрее рассказать Инаго обо всем, что произошло. Он сомневался только, стоит ли сообщать ей правду о том, что ему показалось странным и непоследовательным в поведении бывшего солдата. Игнорируя устремленный на него взгляд солдата, Исана выскочил на площадку и, перепрыгивая через две ступеньки, побежал вверх по вырубленной в лаве лестнице.

— Дзин только что заснул, — подняв голову, сказала Инаго, лежавшая рядом с ребенком. — Он, бедняга, уже весь, с головы до ног, покрылся сыпью...

— И лицо тоже? — точно во сне спросил Исана, с беспокойством подумав, что совсем забыл про болезнь Дзина.

— Суд над Коротким закончился?

— Закончился, но произошел несчастный случай... Ужасное несчастье...

— Коротышка покончил с собой? — быстро спросила Инаго. — Он всегда страдал от того, что сжимается, и всегда искал случая покончить с собой.

— ...Нет, не умер еще. Ему, видимо, поранили внутренности. Доктор говорит, что бесполезно помогать ему, сам же Короткий не хочет, чтобы его везли в больницу. А если так оставить, он умрет в мучениях. Поэтому Такаки предложил казнить Короткого, тот и сам настаивал, никто не высказался против.

— Коротышка и вправду хотел покончить с собой. И Такаки пытается ему помочь.

Ее спокойный, уверенный тон поразил Исана. Но широко раскрытые от страха, горящие карие глаза Инаго были полны

слез. Осторожно, чтобы не побеспокоить Дзина, она поднялась с постели.

— Такаки сказал, чтобы позвали часовых и тебя. Все должны участвовать в казни. И еще сказал, чтобы те, кто против, ушли. Но, может быть, тебе, Инаго, лучше остаться здесь с ребенком?

— Нет, я пойду. Мне еще нужно посмотреть, как там мой солдат. Дзин заснул,— с непостижимым спокойствием сказала Инаго, вытирая слезы. Она слизывала слезы кончиком языка с уголков губ, и их горько-соленый вкус вызывал новый поток слез.

— Ну что ж, поступаай как знаешь,— сказал Исана.

С моря подул сильный ветер, наполненный влагой. Ветер бешено трепал платье Инаго, бил ей в лицо, она шла нетвердой походкой, не разбирая дороги. Исана смотрел на нее и чувствовал головокружение.

На площадке уже все было приготовлено для казни. Солнце чуть склонилось к западу, и у стены, которая теперь, контрастируя с совершенно черной землей, казалась подернутой красной дымкой, было постелено толстое одеяло, и на нем, скорчившись, лежал Короткий, застыв в позе, в которой его удерживали раньше Доктор и Исана,— теперь удерживать его было не нужно. Образовав на расстоянии трех метров от него полукруг, вооруженные камнями подростки ждали начала казни; Такаки и Доктор стояли в стороне. Они смотрели, как Исана и Инаго сбегают вниз по ступенькам, их лица были подернуты такой же красной дымкой, как и каменная стена. Но Инаго, спустившись на площадку, даже не взглянув на Такаки и Доктора, прошла между кольцом подростков и каменной стеной и подбежала к Короткому. Ничуть не смущенная голым телом Короткого,— оно все, не только нижняя часть, было залито черной, как деготь, кровью,— она присела на корточки у его головы, бессильно лежавшей на одеяле, и посмотрела ему в лицо. Короткий больше не стонал. Один глаз его утонул в мягких складках одеяла, другой из-под опухшего века смотрел в пространство между одеялом и землей. На его почерневшем вспухшем лице было написано не страдание, а, скорее, намешка.

— Коротышка, Коротышка,— решила наконец прошептать Инаго. Громким голосом, похожим на вопль отчаяния, она закричала: — Коротышка, ты умер? — Но в ответ тот лишь беззвучно двигал губами.

Горящие глаза Инаго наполнились слезами.

— Доктор, может, сделать ему какой-нибудь укол? — осуждающе сказала она, и Доктор потупился.

После этого ни на Короткого, ни на Доктора она уже не обращала никакого внимания. Она встала и направилась прямо к бывшему солдату, который с мрачным лицом, держа в руке камень, стоял среди застывших в ожидании подростков.

— Ты-то зачем хочешь участвовать в казни? — сказала Инаго, и бывший солдат стыдливо выпустил из рук камень и встал за спинами подростков.

Такаки вопросительно посмотрел на Исана, выбравшего место рядом с Доктором. Но тот решительно замотал головой. Это послужило для Такаки сигналом к действию. Он поднял камень, брошенный бывшим солдатом, и с того места, где тот раньше стоял, легким движением, но с силой швырнул его. Камень попал в живот Короткого, и тело его сложилось пополам. Вслед за Такаки подростки, все разом, швырнули свои камни. Тело Короткого все еще дергалось. Потом замерло и, казалось, сжалось еще больше.

Такаки молча поднял с земли автомат, вынул из кармана обойму и протянул солдату:

— Заряди.

Стоявшая рядом Инаго, задрав голову, пристально посмотрела в лицо растерявшегося солдата. Ее полные слез глаза изо всех сил призывали его ответить отказом. Но бывший солдат малодушно отвел взгляд от Инаго и зарядил автомат. Вместо Такаки его взял Тамакити и, поставив на одиночные выстрелы, передал Такаки. Тот подошел к Короткому и, загородив его собой, сделал один выстрел, то ли в голову, то ли в грудь. Звук выстрела пронзил выстроившихся полукругом подростков и горячим ветром отлетел от каменной стены. Такаки вздрогнул, положил у стены автомат и приказал своим замолкшим товарищам:

— Нужно похоронить, быстро сюда, четверо! Остальные, собирайтесь, нужно поскорее сматываться отсюда.

Исана посмотрел на закатное небо, предвещавшее бурю. Сквозь красновато-оранжевые шелковистые облака белым шаром проглядывало солнце, и на этом фоне черным великаном высилась огромная дзельква. Стая скворцов, взлетевшая с нее при звуке выстрела, кружилась теперь в небе. Кровь стучала в висках, и Исана не слышал их голосов, но крики птиц, предупреждающие об опасности или угрожающие врагу, несущему опасность, вероятно, проникали прямо в мозг и кружились там водоворотом. Глаза Исана, подобно объективу фотоаппарата,

моментально, до мельчайших подробностей, запечатлевали полет скворцов. Время для них точно остановилось, и новых объектов они не улавливали, а когда старый исчезал, к ним возвращалась способность видеть, и они снова запечатлевали полет скворцов. *Под Китовым деревом совершилась казнь*, — молитвенно воззвал Исана к душе дзельквы, и души деревьев сразу откликнулись громким эхом, но мозг Исана, в котором водоворотом кружились крики стаи скворцов, не смог уловить смысла эха, посланного ему душами деревьев. Если бы он мог целиком отдаться ему, то, наверно, воскресив его на экране своего сознания, попытался хотя бы расшифровать...

— Вы обратили внимание? — прошептал оказавшийся вдруг рядом с ним Такаки, глядя на стаю скворцов, кружащихся над дзельквой.

Исана ничего не ответил, мысли его были заняты тем, что он не может управлять своим зрением и в то же время способен видеть все вокруг до мельчайших подробностей.

— Тип здесь один побежал доносить, и мне пришлось уйти, не дождавшись конца погребения, — продолжал Такаки как ни в чем не бывало. — Солдат, прихватив заряженный автомат и бросив Инаго, сбежал. Теперь нужно сматываться отсюда как можно быстрее. Хорошо бы перехватить его, пока он не успел ничего натворить...

Шевеля губами вслед эху, несущемуся от душ деревьев, Исана вдруг обнаружил, что повторяет губами движения, которые делал Короткий, и понял, что тот говорил: *prayer is an... education...*

Глава 15

БЕГЛЕЦ, ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ, ОТСТАВШИЕ

Сразу был создан отряд преследования бывшего солдата. Для погони отряд разбили на три группы: одна направилась к Атами, другая — в сторону Нумадау, в обход Симода, третья — на север, через перевал Амаги. Было решено, что, пока полиция не перекроет дороги, все группы будут ехать по платным шоссе. Бывший солдат удрал на мощном мотоцикле, и можно было предположить, что он выберет платную дорогу, на которой легче развить большую скорость. Правда, на первом же полицейском посту он мог укрыться и попросить защиты,

так что в плане погони надо было учесть и это весьма существенное обстоятельство. И удастся ли догнать мотоцикл, выехавший на полчаса раньше? Тамакити во главе группы, направившейся к Атами, несмотря на запрет, взял с собой автомат, такой, с каким скрылся солдат, и сунул за пазуху гранату. Отговорить его от этого никому не удалось. Как-никак Тамакити был ответственным за оружие. Остальное оружие завернули в одеяла и, погрузив в нанятый автомобиль, отвезли в камеру хранения на станции Ито. Если проблема с бывшим солдатом как-то решится, оружие можно будет доставить на той же машине на оружейный склад в подвале разрушенной киностудии.

Двое оставшихся подростков облазили весь лагерь, уничтожая следы пребывания большой группы людей. Опасаясь, что вот-вот может нагрянуть моторизованная полиция, они трудились с истинной самоотверженностью. Вместо того чтобы сжечь мусор, они на своих плечах, пробираясь через кусты, дотащили его до самого конца мыса и выбросили в море, когда прилив достиг апогея. Через час после захода солнца эти подростки тоже покинули лагерь. Стоя под десятками тысяч листьев персика и сотнями его плодов, Исана провожал взглядом Такаки, который до конца руководил действиями подростков и уехал вместе с ними. Он вдруг подумал, что от Такаки и подростков, закапывавших труп Короткого, пахнет не только потом, но и свежей кровью только что убитого человека. Когда машина точно утонула во тьме, поднялся ветер, от которого зашумела листва персика, зашуршали заросли кустов. Исана окутал шум. Он открыл сердце душам деревьев, обратил слух к душам китов, обитающих в доносимом ветром грохоте океана, но на дне рева ветра лежало огромное безмолвие, и само существование океана казалось нереальным. Опустив голову, Исана побрел туда, где остался ребенок, которого из-за болезни нельзя было трогать с места, и девушка, брошенная беглецом. В комнате с занавешенными окнами стояла духота, и жар, исходивший от ребенка, почти ощутимо поднимался к потолку, увлекая за собой пылинки. Исана присел на корточки и посмотрел на Дзина — его лицо, сплошь покрытое сыпью, вспухло и казалось утыканным темно-красными кнопками. Сложенные на груди руки были забинтованы, чтобы он не расчесывал сыпь, — Дзин был похож на маленького боксера. Инаго, лежавшая рядом с Дзином на узком кусочке матраса, ближе к окну, разглядывала покрывавшую его сыпь и даже не подняла глаза на Исана. Он лег прямо на циновку, около матраса.

— Такаки здорово разозлился, что я помогла солдату украсть автомат и бензин? — спросила Инаго смущенно.

— Такаки ничего мне не сказал, — ответил Исана. — Ты говоришь, что помогла украсть автомат и бензин?

— Когда солдату сказали, чтобы он вынул из автомата магазин, я стояла рядом. Я сразу увидела, что он хочет сбежать и мучительно соображает, как это лучше сделать. Я спросила у него, есть ли в мотоцикле бензин, угадав мои мысли, он прямо задохнулся он злости. Я ему и подсказала: бензин стоит там же, где лежат автоматы. Взяв автомат, мы пошли будто бы положить его на место, а сами — за бензином, и пока он наливал бак, я стояла рядом и загоразивала его, чтобы никто не увидел. Тут я забеспокоилась: вдруг бинты, которыми обмотаны руки Дзина, закрутились у него вокруг шеи, и побежала посмотреть, а солдату сказала, чтобы подождал меня минутку... Когда я вернулась, его уже и след простыл. Я даже растерялась.

Печальный вздох Инаго поразил Исана в самое сердце. Ему тоже захотелось вздохнуть, спрятав свой вздох за тяжелым дыханием Дзина.

— Почему я говорю «растерялась»? Я была убеждена, что солдат без меня ничего не сможет сделать, — прибавила Инаго, повернув голову к молчавшему Исана. Она умолкла и вся сжалась, затаив дыхание, воскрешая в памяти пережитое потрясение.

— Но теперь, — сочувственно вырвалось у Исана, — когда солдат мчится на мотоцикле, он наверняка клянет себя, понимая, как ты ему нужна.

— Нет, он думает лишь о том, чтобы не отказал мотор и чтобы уйти от Свободных мореплавателей и добраться до Токио. Только вряд ли это ему удастся. Каждый раз, когда сзади будет раздаваться треск выхлопных газов, он будет думать, что в него стреляют, и в конце концов разобьется от страха... Если бы я была с ним, он мог бы не беспокоиться о том, что делается у него за спиной...

Инаго умолкла и всхлипнула. Всклипнула так слабо, что можно было даже подумать, будто это плачет Дзин, которого замучила сыпь.

— До полицейского поста в Ито или Атами доберется обязательно, — сказал Исана, ощущая, как в нем поднимается ненависть к солдату.

— Он все равно не остановится до самого Токио, — возразила Инаго. — Он хочет вернуться в свою часть, чтобы его за-

щитили. Он думает, что, если вернется с автоматом, который украли у сил самообороны, ему простят дезертирство, а начальство с полицией всегда договорится. До встречи со мной вся жизнь для него была заключена в его службе, и он во что бы то ни стало постарается вернуться.

Исана оставалось только молчать и слушать затрудненное дыхание измученных страданием Дзина и Инаго. Неожиданно Дзин спял с груди обмотанные бинтами руки и приложил их к глазам — Исана похолодел от страха, но ребенок совершенно сознательно сдержал себя и снова сложил руки на груди. Он на мгновение проснулся: беспокойство от жара и сыпи, терзавших его тело, свело щеки и губы в страдальческую гримасу. Но Исана был бессилен что-либо сделать. Он смотрел лишь, как Инаго вытирает ребенку марлей пот.

Через некоторое время раздался шум мотора въехавшей на площадку машины — казалось, звук идет из-под земли. Исана и Инаго вскочили, будто подброшенные, но никаких конкретных действий не предприняли. Машина громко просигналила, послышался голос Такаки:

— Я вернулся. Мы опасались, что ребята примут нас за дорожную полицию и, того гляди, обстреляют,— это говорилось явно для Инаго.

Громко топая, Такаки бежал вверх по ступенькам. Исана открыл дверь и, помня о светомаскировке, сразу же прикрыл ее за собой. Такаки, светя перед собой карманным фонарем, удостоверился, что на темной веранде стоит один Исана. После недолгого молчания он зашептал возбужденно:

— С опозданием пустившаяся в погоню черепаха, кажется, все-таки догонит зайца. В заливе у Ито, куда загоняют дельфинов...

Такаки прибегнул к иносказаниям, щадя чувства Инаго. Исана повернулся к закрытой двери и сказал:

— Солдат, видимо, так и не побегал в полицию. Значит, его смогут прижать к бухте и схватить.

— Возможно,— согласился Такаки, перестав заботиться об Инаго.— Мы примерно определили район, где он мог бы спрятаться. Тамакити со своей группой прочесывает его. Не хотите посмотреть, как проходит операция поимки? За Дзипом присматривает Инаго.

— Все будет в порядке. Идите, Исана. Заодно проследите, чтобы Тамакити и его дружки не сделали с солдатом чего-нибудь ужасного,— громко крикнула через дверь Инаго.

На площадке с включенным мотором стоял новенький «Фольксваген». Такаки угнал его по дороге.

— Солдата, похоже, охватила мания преследования — ему кажется, что погоня перекрыла все пути, — рассказывал Такаки, осторожно трогая с места машину, которая, попав в глубокую колею, проделанную тяжелыми грузовиками, скребла брюхом по земле, а потом до отказа нажал на газ. — Честно говоря, мы уже совсем махнули рукой. Да и отряд преследования был организован только ради того, чтобы самим поскорее смотаться отсюда. И лишь нелепая случайность позволила нам определить, где он прячется. Мы решили спрашивать у всех встречных мотоциклистов, не видели ли они солдата на мотоцикле. Его машина «Триумф-750» не часто встречается на японских дорогах. Такую машину ни один настоящий мотоциклист не пропустит, не обратив внимания. Сколько мы ни расспрашивали, никто такого мотоцикла не встречал. На станции Атами нас уже ждала группа, перевозившая оружие в Ито. И они сообщили, что в закусочной, где обычно собираются мотоциклисты, которые едут по скоростной автостраде Токио — Нагоя, Тамакити вдруг поймал одного типа, который угнал мотоцикл солдата! Представляете? Тот ехал на попутных и отдыхал у развилки трех дорог, одна из которых вела к бухте. Подъезжает солдат и загоняет мотоцикл в заросли. Потом забрасывает его ветками и травой и пешком идет к деревне у бухты. Наверно, он хотел стащить на прокатной станции моторную лодку и бежать морем. Управлять яхтой он не умеет. Но с лодок, пока они стоят на причале, моторы снимают и хранят в сарае, вот солдату и пришлось спрятаться и ждать, пока вернется компания, ловившая кальмаров, чтобы стащить с их лодки мотор. Ребята решили поймать его, когда он выйдет из прибрежных кустов и подойдет к сараю; Тамакити устроил там засаду. Он мастер на такие дела.

— Ну и ловкий же он парень, этот Тамакити, — сказал Исана.

— Места на скоростной автостраде, где собираются мотоциклисты, известны всем. А в мире мотоциклистов Тамакити как рыба в воде. Я с ним, кстати, и познакомился в одном из таких мест, где собираются мотоциклисты. Тамакити и его приятель днем работали на авторемонтном заводе, а ночи напролет выделывали разные опасные штуки на мотоциклах. Простая и очень опасная игра. Состоит она в том, что ребята мчатся на полной скорости навстречу друг другу по берегу реки Тамагава — кто раньше свернет. Опасная игра, но очень

простая, и поэтому она им уже давно надоела, и они стали искать еще более острых ощущений. Такие игры продолжались обычно всю ночь до утра. И вот однажды игра кончилась трагически. До этого бывали лишь увечья, но до гибели дело не доходило. Раненого обычно оставляли у больницы, а ребята держали язык за зубами. Это чтобы полиция не смогла прекратить их игры. Но на этот раз двое ребят с самого начала знали, что ни один из них не свернет и они обязательно столкнутся. Никто не стал их удерживать, и они с громкими криками понеслись навстречу друг другу и столкнулись. Разбитые мотоциклы и трупы положили у обочины дороги, и сразу же двое других ребят стали садиться на мотоциклы. Но тут... я их остановил. Разве это не страшно, когда люди не в состоянии сдерживать рвущуюся наружу агрессивность и, развлекаясь этой дурацкой игрой, занимаются самоуничтожением? Я убедил пятерых ребят и сколотил из них первую команду Союза свободных мореплавателей.

«Фольксваген» выбрался с мыса на асфальтированное шоссе и повернул к Ито. Их обогнала лишь одна машина, перевозящая рыбу, навстречу же не попалось ни одной, будто это было шоссе с односторонним движением. Хотя стояла глубокая ночь, все равно было странно, что движение почему-то совсем прекратилось.

— Мне кажется, я слышу выстрелы,— неожиданно сказал Такаки.

Он опустил стекло, и тугой, насыщенный солью ветер донес до них звуки выстрелов.

— Солдат. Стреляли из автомата,— сказал Такаки, о чем-то задумавшись, но продолжая гнать машину вперед.

Вскоре они доехали до места, откуда открывался вид на пепочку огней, уходящую вдаль по побережью и заканчивавшуюся огромным скоплением огней на улицах города. Далеко ввиду виднелась небольшая бухта, глубоко вдававшаяся в мыс, по которому они только что проехали. Маленький поселок, обращенный к бухте, был освещен с моря прожекторами стоявших на якоре рыбачьих шхун. На берегу было светло еще и от того, что одно из этих судов горело. Покрытая сверкающей рябью бухта, охваченная с двух сторон, точно огромными руками, волнорезами, напоминала разломанный пополам гранат. Тянувшаяся вдоль побережья от дальних огней города дорога доходила до гавани, а потом резко взбегала по крутому склону и сливалась с шоссе, на котором стояла их машина. Косогор был весь как на ладони, освещенный фарами движущихся цепоч-

кой машин. Водители ехали медленно, а временами вообще останавливались, пытаясь определить, что творится в гавани. Эту вереницу, тянувшуюся по дороге вдоль побережья, сверкая фарами, обогнала патрульная машина. За ней, одна за другой, с воем сирен промчалось еще несколько патрульных машин. Как только Такаки поднял стекло и медленно поехал вперед, навстречу им выскочил мотоцикл. Мотоциклист подъехал к обочине, погасил фары и повернул к ним мрачное лицо — это был Тамакити. На его лице была написана ничем не прикрытая жестокость человека, давшего выход распирающей его агрессивности. Такаки остановил «фольксваген».

— Что это были за выстрелы? — сурово, с неодобрением спросил он.

— Тот самый автомат, с которым солдат уехал. Из него стреляли в море пьяные рыбаки. А до этого солдат, которого рыбаки прижали к бухте, выстрелил в себя и умер.

— С чего это рыбаки стали окружать солдата?

— Я бросил гранату в рыбачью шхуну, которую вытащили на берег и только что выкрасили, а сам спрятался в кустах на косогоре. Она загорелась, и рыбаки стали рыскать по берегу в поисках того, кто это сделал. Мы наблюдали сверху, так что никакой опасности для нас не было. У солдата на плече висел автомат, и, когда его обнаружили, он, я думаю, так и не смог убедить рыбаков, что не бросал гранату.

Тамакити с торжествующим видом повернулся к Исана.

— В это время года рыбаки, они сами рассказывали, загоняют в бухту сотни, а то и тысячи дельфинов и убивают. Может быть, уничтожив их шхуну, я тем самым вознес заупокойную молитву по душам китов? Дельфины же друзья китов.

Вереница машин, подгоняемая полицейскими, пришла в движение. Лица юношей и девушек в стремительно набирающих скорость машинах, точно полосовавших своим свистом «фольксваген», исчезали одно за другим, и на них была написана та же мрачная жестокость, что и на лице Тамакити.

— Если так будет продолжаться, ты, Такаки, еще час не сможешь развернуться. Подожди-ка, я задержу машины. Мне все равно нужно возвращаться организовывать группу по перевозке оружия, — сказал Тамакити и резко вывернул мотоцикл у самой обочины дороги.

— В общем, посоветовав поехать за вами, он избавил меня от хлопот и сам успешно провернул операцию. Он, по-моему, начисто забыл о своем безобразном поведении во время суда над Коротким, и к нему вернулась его обычная самоуверен-

ность,— сказал Такаки с нескрываемым раздражением и вместе с тем с какой-то странной печалью человека, ответственного за своих товарищей.— Примитивный тип. Проблему с фотографиями, проданными Коротким, так и не разрешил, и тем не менее...

Такаки, который, несмотря на все случившееся, не утратил прекрасного расположения духа, и помрачневший Исана ночь напролет мчались в машине бок о бок с молодежью, направлявшейся к морю, и в поисках молока и каких-нибудь продуктов добрались наконец до маленького курортного городка. В конце концов им удалось даже купить карманный фонарь и транзисторный приемник. Такаки считал, что в связи со взрывом и автоматной стрельбой скорее всего останавливать и осматривать будут лишь машины, идущие из Идзу в сторону Токио, а не те, которые едут к оконечности полуострова. Из экстренного сообщения, переданного поздно ночью, стало ясно, что, хотя источник оружия еще не раскрыт, полиция на данном этапе считает инцидент в рыбацьем поселке делом рук одного бывшего солдата сил самообороны. Когда Такаки и Исана вернулись на мыс, где проводились военные учения, Такаки заявил, что для благополучной перевозки оружия он должен быстрее присоединиться к слишком нетерпеливому Тамакити и его товарищам. Таким образом, рассказать Инаго о смерти бывшего солдата выпало на долю специалиста по словам Союза свободных мореплавателей.

Выйдя из «фольксвагена» при въезде на площадку, Исана увидел за черными верхушками деревьев, там, где сливались море и темное небо, начинающую розоветь белую полосу — над морем занимался рассвет. Но это продолжалось секунду — у него не было душевных сил смотреть на светящееся небо, на котором вот-вот разольется розовато-белое сияние. Ему было гораздо приятнее глазами, привыкшими к тьме, разглядывать ту часть неба, которая была черной, рассматривать огромные деревья и кусты, густо, точно мох, укрывающие их корни. Он должен был пойти к Инаго, оберегавшей Дзина. Но если она сейчас спит, стыдно даже подумать о том, что он разбудит ее ради того, чтобы сообщить о самоубийстве солдата. Если же она не спит и ждет его, то как невыносимо тяжело, чувствовал он, будет ему выстоять под градом заранее подготовленных вопросов, которыми она его засыплет...

Застыв в бессилии, точно придавленный невероятной тяжестью, Исана обратил безмолвный вопль отчаяния к душам деревьев и душам китов: *помогите, помогите мне!* И по

тропинке, протянувшейся от его души к душам деревьев и душам китов проплыли призраки Короткого и бывшего солдата, угасших, как падающие звезды. С черного неба на него опустилась сеть безотчетного страха. Опутанный ею, Исана, згонистично стремясь к отступлению, побежал к бараку, совсем не думая о том, что, если Инаго не спит, он напрасно обрывает ее на ожидание. Он даже выискал оправдание своему бегству: в этом помещении Короткий и бывший солдат были еще живыми, значит, оно никак не связано с их призраками. Войдя внутрь, Исана лег во тьме на циновку, укрывшись с головой одеялом. И только после этого сбросил ботинки и положил рядом с собой карманный фонарь, транзистор и пакет с едой.

В висках стучала кровь. Обхватив голову руками, скорчившись, Исана стонал, тело его дрожало. От висков к ушам потекла теплая струйка. Может быть, слезы, подумал он, но струйка текла не из глаз, и даже наоборот — забегала в глаза. Кровь! Кровь Короткого? — похолодел Исана, но этого не могло быть. Одеяло, которое с лицемерной заботливостью подстелили Короткому, когда совершали над ним кровавую казнь, использовали как волокушу для трупа и закопали вместе с ним. Не распрямляясь, Исана высунул из-под одеяла руку и взял фонарь. Только тогда он почувствовал острую боль в правой ладони, лежавшей на виске, и понял, что его стоны были стонами боли. Посветив фонарем, он обнаружил на ладони, у самых пальцев, рану. Из неглубокого пореза сочилась кровь. Кусты поранили ему руку — это предостережение или наказание, ниспосланное душами деревьев. Он стал заливать порез. Вкус крови вызвал рвотную спазму в пустом желудке. Он вытер губы о плечо. *О-о-ой, я ранен! Где я поранился? Меня поранили кусты! Пошла кровь, и мне больно, больно!* — жаловался он утопавшим во тьме бесчисленным душам деревьев и душам китов.

Мельком взглянув на рану, Исана положил руку на живот и закрыл глаза, но порез и его цвет остались у него в памяти, и он почувствовал, что именно такие раны будут теперь покрывать его тело. Эта убежденность вызвала мысль, что все его раны, начиная с детских лет, и формой и цветом могли быть только такими, как эта. Перебирал в памяти одну за другой давние раны, он мысленно обозревал свою жизнь. В этот момент своей неудавшейся жизни он почему-то взволновался незначительной царапиной на ладони и, даже забыв о страданиях своего умственно отсталого ребенка, всего покрытого сыпью, лежал в бараке, пытаясь уснуть. Пытался уснуть, сознавая, что

не просто стал сообщником тех, кто совершил суд Линча, но и находится в помещении, где это преступление было совершено... Неужели судьбу человека средних лет, оказавшегося в безвыходном положении и теперь получившего новую рану, до конца его дней будет определять рана, полученная еще на заре жизни? *Нет, у меня никогда не появлялось такой мысли. Нет, каждый раз, когда я, чистый и гордый мальчик, а потом подросток, ранил себя, у меня никогда не появлялось такой мысли,* — поведал Исана душам деревьев и душам китов о чувствах, пережитых им в прошлом. Потом он стал вспоминать свои раны, точно видел сон, в котором рассказывал душам деревьев и душам китов историю каждой из них. Так он заглушил страх каплю за каплей потерять всю свою кровь... Это был сон обессилевшего человека.

...Появляется индеец и, подняв лицо со впалыми щеками и длинными ресницами, говорит: дай сто рупий, я искуплю твою вину перед детьми всей Земли, начиная от Индии и кончая Европой. Между выщербленных зубов во рту навсегда застрял запах бетеля, пальцы на руке, протянутой за деньгами, — так близко, что в любую минуту могут дотронуться до горла, изъедены проказой, — рука действительно похожа на палку. Дай ему денег. Искупи вину, ужаснее которой не бывает, дай ему десять тысяч рупий, говорит Кэ. В глубине его широко открытого беззубого рта видна раковая опухоль. Кэ в каске лежит на носилках и, закрыв глаза и широко открыв беззубый рот, будто умирающий под жарким индийским солнцем, дает такое указание. Почему он хочет дать индийцу десять тысяч рупий? Как может искупить вину посторонний человек? — возражает Исана, но раковая мумия, все время прерывая себя обжигающим горло кашлем, проливая из-под опухших век горячие слезы, от которых идет пар (в Индии на солнце действительно непереносимая жара), хрипит: нет. Будешь тянуть — придется дать пятнадцать тысяч рупий, искупить вину может лишь посторонний человек. Посмотри на смертную казнь. Разве может казненный преступник искупить свою вину? Нет, ее искупают оставшиеся в живых. Индеец, полулежащий на красной земле, зажимает между коленями банку с керосином. В ней проделана дыра, и он, подставив руку, обливает ее керосином, чтобы поджечь себя, продолжая повторять: дай сто рупий, и я искуплю твою вину. Даже во сне Исана испытывает ужас от того, что так ясно и отчетливо видит в мельчайших деталях сон, который снился ему много раз. Испытывает ужас потому, что каждый раз, просыпаясь после такого сна, он обнаруживает свою руку

в странном положении — то ли протянутой к пылающему керосину, то ли дающей деньги индийцу, готовому искупить чужую вину...

С плотно закрытыми глазами Исана начал укладываться поудобнее, но тут до его спящих ушей донеслась звучащая, казалось, еще во сне, музыка каких-то струнных инструментов. Это была индийская музыка. Ноздри защекотала сухая пыль, поднимавшаяся метра на два над мощенной булыжником мостовой на базаре в Агре. Заговорил ведущий музыкальной передачи. Музыка доносилась из радиоприемника. Исана разом открыл глаза и, подняв голову, стал осматриваться вокруг. Через чуть раздвинутую перегородку из кухни лился яркий дневной свет. Исчезло все лежавшее рядом с его, теперь освещенным одеялом: и пакет с едой, и транзистор, и карманный фонарь. Если радио слушает Инаго, то она, видимо, узнает о смерти бывшего солдата сил самообороны. А может быть, уже узнала...

Встав и дойдя до двери, Исана, сощурившись от яркого света, заглянул в кухню и увидел сидящую на корточках возле умывальника Инаго, которая слушала стоявший прямо на земле транзистор. На ней была кофта с круглым воротом и короткими рукавами, похожая на нижнюю рубашу, и желтые штаны до колен, слишком широкие ей, и поэтому на поясе были заложены глубокие складки. Соломенная с узкими полями шляпа на голове двигалась, будто она через равные промежутки времени зачершывает ею что-то, кончики пальцев скребли землю. Такие движения головы Инаго объяснялись тем, что она время от времени стряхивала слезы, а из намоченной ими пыли скатывала шарики, похожие на мух. Ослепнув от света, Исана стал отступать в темноту. Однако Инаго, заметив его, замершего в нерешительности, встала.

— Бойтесь говорить со мной о солдате и поэтому решили спрятаться? Не волнуйтесь, я все услышала по радио, — сказала Инаго. — Он покончил с собой и, значит, все-таки убежал от преследователей, а это лучше, чем если бы его убили Тамакити.

Холодным серебром, точно шарики ртути, блеснули слезинки; глаза за этим блеском были чуть красноватыми, будто она плавала под водой с открытыми глазами. Обычно горящие глаза Инаго даже смягчились, стали жалкими и беззащитными, и голос — она говорила все время стряхивая слезинки — был слабым и хриплым.

— Макароны, которые вы привезли, я уже сварила. Я их

подогрею, а вы пока вымойтесь, Дзин не любит запаха пота,— сказала она.

Он уже обратил внимание, что от тела Инаго, которое, как у всех Свободных мореплавателей, обычно пахло потом, теперь исходил чистый, свежий запах.

Снова выйдя в светлую кухню, Исана увидел стиральную машину, большие старые ведра рядом, газовую плитку, от которой тянулся шланг к баллону под навесом барака, кастрюлю и большую китайскую сковороду. Стоял там и необыкновенно пухлый чайник, и, хотя вся эта утварь находилась фактически на улице, на ней не было ни пылинки. Рано утром Инаго, слушая по радио сообщение о смерти бывшего солдата, все привела в порядок, вымылась сама и теперь, плача, скатывала кончиками пальцев земляные шарики.

— Вода в ведрах немного согрелась на солнце,— сказала Инаго, снимая с шеста для сушки белья, положенного прямо на комья лавы, махровое полотенце и протягивая его Исана.

Рядом с блестящими на солнце ведрами, на куске лавы, лежало кругло смыленное мыло. Видимо, Инаго, ничем не загордившись, мыла здесь свое обнаженное тело. Не видя никакой причины, почему бы Исана не сделать то же самое, она выжидательно смотрела на него, широко раскрыв заплаканные глаза. Инаго аккуратно собрала одежду, которую Исана, переступая босыми ногами по раскаленной на солнце лаве, снял и беспорядочно разбросал вокруг, и положила в стиральную машину. Исана зачерпнул таким же, как ведра, жестяным ковшом на длинной ручке воды из ведра и вылил на голову. Вода и впрямь лишь чуть согрелась на солнце, и кожа, на которой пот разверз все поры, восприняла ее как удар. Вздрагивая и подвывая, как собака, он начал намыливаться. Теперь он уже совсем не думал о том, что Инаго неотрывно смотрит на него, и стал тщательно без стеснения мылить пах. Неожиданно Инаго, стоявшая у стиральной машины, сказала:

— Телом вы похожи на одного японского солдата, который долго скрывался на Филиппинах — я сама видела его по телевизору.

С тех пор как Исана начал свою затворническую жизнь, у него не стало лишнего жира, появились упругие очертания мышц, и тело превратилось в неказистое, но в то же время крепкое тело рабочего из низов. Однако сам он несколько не задумывался сейчас над тем, какое впечатление производит его тело... Вся его одежда лежала в машине и была покрыта обильной пеной, поэтому ему не оставалось ничего другого, как,

обмотав бедра полотенцем, сесть на солнце на вулканическое ядро и греть охлажденное водой тело. Когда он сел, опустив плечи и сведя колени, и посмотрел вниз, то увидел, что между вспухшими пальцами чернеет грязь. В этой неудобной позе он ел макароны, политые консервированным мясом в соусе,— ну, точно пострадавший от стихийного бедствия. А Инаго, как внимательная сиделка, ухаживающая за пострадавшим, дала ему миску мясного бульона. Хотя внутри Исана еще ощущал озноб, тело снаружи нагрелось до боли, особенно накалился затылок. Он прикрыл голову ладонью и в такой комической позе, уткнувшись лицом в миску,пил бульон.

— Могу дать добавки,— сказала Инаго, когда он выпил весь бульон, но Исана так наелся, что ему стало даже жаль себя, и он замотал головой, которую напекло солнце.

— Вы ели с такой жадностью, что я подумала, не захотите ли добавки. Вы так быстро едите, наверно, потому, что давно живете только вдвоем с Дзином. Хотя Дзин ест медленнее,— сказала Инаго.— Нужно отнести Дзину бульона и молока, вы мне поможете? У Дзина высыпало даже во рту, так что есть сухие макароны, я думаю, ему будет больно.

— Может, мелко крошить и положить в бульон? Больше всего на свете Дзин любит макароны.

— Я так и сделала,— сказала Инаго.

Исана, еще раз полив голову водой, поправив намотанное вокруг бедер полотенце и надев ботинки на босу ногу, с кастрюлей бульона в руках пошел вслед за Инаго, которая несла огромный чайник с вскипяченным в нем молоком и посуду.

Дзин не спал. Он лежал посредине матраса и, сощурившись, смотрел в потолок. Сыпь сплошь покрывала его веки до самых ресниц, высыпала даже в ушах. Руки и ноги, торчавшие из-под белья Инаго, надетого на него вместо пижамы, были сплошь в сыпи. Кожа, равномерно покрытая сыпью, нигде не была расчесана. Исана схватил обмотанные бинтом пальчики Дзина, это свидетельство его детской терпеливости. Но прочтя в сонных от жара глазах сына, узнавших склоненное над ним лицо отца, недовольство, тут же отнял руку.

— Дзин, Дзин, ты крепись. Дзин будет крепиться,— шептал Исана, но Дзин не сделал и попытки ответить ему.

— Больше на теле Дзина, кажется, нигде не появилось новой сыпи,— сказала Инаго.— Мне кажется, что и та, которая высыпала, стала немного бледнее. Ветрянка, твоя, Дзин, пошла на убыль. Ну, напрягись и поешь супа. Дзин будет есть суп с мелко крошенными макарончиками?

Опухшие от сыпи, пересохшие губы Дзина чуть шевельнулись. Но Исана не уловил, что это было — отказ или согласие поесть супа. Инаго же, сразу поняв больного ребенка, сказала мягко:

— Ну что ж, Дзин, не хочешь супа — не надо. Давай по-пьем молочка.

Поддерживая Дзина за шею, у того места, где начинают расти волосы, осторожно, чтобы не содрать крупные зерна сыпи, притаившиеся, как солдаты в засаде, Инаго немного приподняла его голову и стала поить из ложки молоком.

— Ну вот, Дзин выпил молочка. Умница. Доктор ведь сказал, что у тебя и внутри тоже сыпь, помнишь? Теперь у тебя по всем внутренностям, где сыпь, разлилось молочко. Умница, Дзин, — говорила Инаго, вливая ему в рот вторую ложку и стараясь не касаться сыпи, сплошь покрывающей его губы.

Когда Инаго, напоив Дзина четырьмя ложками молока, снова положила его голову на матрас, ребенок слегка вздрогнул, тихо вытянул по бокам сложенные до этого на груди забинтованные руки и сонно задышал. Инаго, подняв на Исана все еще красные от слез глаза, сказала:

— Даже когда Дзин дремлет и ничего не замечает, все равно не расчесывает сыпь. Во сне и то не расчесывает. Пройдет у него ветрянка, и он снова станет нашим красавчиком Дзином.

— Это благодаря тебе. Если бы Дзин заболел ветрянкой, когда мы были вдвоем, он бы расчесал ногтями всю свою сыпь, — сказал Исана. — Я и не думал, что ты такая прекрасная сиделка...

— Когда Свободные мореплаватели отправятся в море, я буду исполнять роль кока и одновременно медсестры. Может, пока Дзин спит, разденемся и позагораем на морском солнце? Здесь, на вершине мыса, точно такое же взморье, как внизу, правда?.. По радио говорили, что, когда рыбаки настигли солдата, там собралось видимо-невидимо автомобилистов и мотоциклистов, которые ехали ночь напролет, чтобы искупаться в море. Зачем же отдавать на откуп море этим людям? Как-никак мы — Свободные мореплаватели.

Инаго взяла лежавшие в углу комнаты две свернутые циновки и выбросила в окно, стараясь, чтобы они упали на площадку внизу. После этого, также энергично, Инаго сдернула рубаху, оставшись в одних желтых штанах до колен и, набросив на соломенную шляпу с узкими полями махровое полотенце, выскочила из дому. Мгновение Исана видел на ее теле, где меж-

ду кожей и внутренностями не было ничего, кроме костей, мышц и самой малости жира, торчащую вперед грудь с необычно длинными цилиндриками сосков. Грудь, гораздо светлее остального покрытого загаром коричневого тела, казалась необыкновенно мягкой, податливой.

Постелив циновки узкой стороной к тени, отбрасываемой стеной из вулканических ядер, поскольку солнце уже перешло зенит, Инаго легла на одну из них, спрятав в тень лишь голову. Исана, прихватив ковш с водой, поставил его между циновок. Потом лег навзничь, но сначала вылил себе на голову немного воды. Из приемника, который Инаго установила на выступе в стене, лилась музыка. Во время передачи раздались сигналы поверки времени. У Исана с тех пор, как укрылся в убежище, не было никакой необходимости знать точное время, и он прослушал, который час. Но начавшиеся сразу же после сигналов последние известия сразу же заставили задремавшего Исана проснуться. Инаго тоже слушала, сильно закинув назад голову, как пловец на спине. Диктор сообщал, что самоубийство солдата, совершенное прошлой ночью, вызвало широкий резонанс и привело к чрезвычайному запросу в парламенте. Убивший себя солдат сил самообороны без всякой причины, которую могли бы назвать его товарищи, неожиданно покинул казарму, оставив в ней все свои вещи, и не вернулся. Он не принадлежал к людям, имеющим политические расхождения с правительством, наоборот, был юношей со здоровым сознанием необходимости национальной обороны. Автомат, из которого он убил себя, образца 64, калибра 7,62 миллиметра, находится на вооружении сил самообороны и числится украденным. Граната, брошенная солдатом незадолго до самоубийства, по всей вероятности, похищена с американской базы на Окинаве. Видимо, в самом скором времени обнаружатся связи солдата с левыми экстремистами. Перечисляем основные инциденты с применением оружия и взрывчатки, совершенные в течение этого года принадлежащими к экстремистам студентами...

— Такаки, если только он слушает эту передачу, совсем, наверно, пос повесил,— сказала Инаго, вздохнув, будто от пальщей жары, когда снова началась музыка.— Ведь он создавал Союз свободных мореплавателей как организацию, не имеющую никаких связей с политикой. Люди, которые любят заниматься политикой, либо сейчас находятся у власти, либо придут к ней завтра. Закон и сила всегда на их стороне. А на нашей стороне нет ни закона, ни силы, поэтому, чтобы нас не перебили под шумок, мы должны бежать в море. У нас у всех

есть опыт насилия, но по своему же опыту мы знаем, что те, на чьей стороне закон и сила, рано или поздно расправятся с нами тем же насилием. Нам нужно поскорее бежать в море. Потому что мы не хотим, чтобы наше насилие было обращено против нас и чтобы нас в конце концов перебили. Бой ревливо относится к штабу нашего Союза, где стоит половина корабля, и хотел убить вас лишь потому, что вы посторонний человек, только из постоянного страха, что люди, на чьей стороне закон и сила, отнимут у нас корабль. Верхняя часть судна служит как бы гарантией того, что Свободным мореплавателям в конце концов удастся занять корабль. Если бы только удалось занять настоящий, оснащенный корабль, Свободные мореплаватели могли бы сразу выйти в море. По плану Такаки, весь экипаж откажется от японского гражданства. Такаки узнавал, вроде бы, конституцией такое право предусмотрено.

— Статья двадцать вторая...

— В таком случае мы станем гражданами страны Свободных мореплавателей и сможем жить, не боясь, что нас кто-то уничтожит. Мы сможем жить, спокойно плавая по морям, никак не связанные с людьми, на чьей стороне закон и сила.

— А что если во всех уголках мира вы будете подвергаться нападению со стороны тех, в чьих руках сила и закон?

— На этот случай Тамакити и запасает оружие. У нас немалый опыт насилия. Но в конце концов нас, разумеется, уничтожат, поэтому мы решили загрузить корабль динамитом, чтобы в любую минуту можно было его взорвать. Если мы сообщим по радио жителям побережья, что нас прижали и есть только один выход — взорвать себя, они снабдят Свободных мореплавателей пищей и водой и выступят против полиции и морских сил самообороны; люди на земле проникнутся к нам симпатией. Так говорит Такаки.

— Возможно, все так и будет, — согласился Исана.

— Мы обратимся к людям по радио, но это совсем не означает, что мы свяжемся с теми, на чьей стороне закон и сила. Мы не связаны ни с кем. Если в море выйдет корабль с людьми, думающими так же, как Свободные мореплаватели, мы встретимся с этим судном, но... Говорят, что, если люди, имеющие политические взгляды, совершают даже бредовые действия, они все равно приводят в движение целую систему шестеренок; значит, даже бредовые действия имеют смысл. Такаки ненавистна такая мысль. Действия Свободных мореплавателей могут быть бредовыми, но они не приводят в движение никаких посторонних шестеренок. Союз свободных мореплавате-

лей — инородный нарост, не связанный с организмом, — таким он представляется Такаки.

— Нарост? Но как добиться, чтобы люди позволили наросту существовать? — спросил Исана. — Независимо от того, удасться ли Свободным мореплавателям выйти в море или нет...

— Если Коротышка действительно сжимался, то через него можно было бы передать всем людям, что Союз свободных мореплавателей в самом деле подобен наросту. Интересно, что за человек был Коротышка? Сжимался он или нет?..

Исана и Инаго лежали сейчас на земле, политой кровью Короткого. Они поежились от этой неприятной мысли. У самого уха Исана что-то тихо зашуршало. Он поднял это «что-то», положил на ладонь и, щурясь на горячем ярком солнце, сверкавшем на голубом небе, стал изучать. Это был уже сухой, только что упавший лист дикого персика. Взяв его большим и указательным пальцами, Исана посмотрел сквозь него на небо, повернув к себе обратной стороной. На листе ярко выделились желтые пятна. Пржилки прочерчивались на нем густо-зелеными толстыми линиями, по мере приближения к краям становившимися все четче — прожилки были мясистее ткани листа, и в тех местах, где утолщение было больше, они выделялись резче. Исана ежедневно наблюдал листья деревьев. Сейчас он снова подумал, что еще в незапамятные времена лист натолкнул человека на мысль о форме корабля. *В таком случае человек посредством дерева, используя его и как образ, и как материал, встретился с китом,* — сказал Исана, обращаясь к душам деревьев и душам китов.

— Если бы Такаки полностью раскрыл планы Свободных мореплавателей, солдат сбежал бы в первый же день, — сказала Инаго, перевернувшись на живот.

Скосив глаза, Исана снова увидел блестящую от пота, точно смазанную маслом, обнаженную грудь девушки. В том месте, где груди сходились, кожа чуть морщилась и непристойно розовела — тело ее выглядело от этого беспомощно детским.

— Так что печалиться по поводу бегства солдата, если бы, конечно, не случилось то, что случилось, особой нужды нет. К тому же, солдат умер, не пойманный Свободными мореплавателями, и, значит, действовал до конца так, как задумал...

Сказав это, Инаго улыбнулась покрасневшими глазами, заметив внимательный взгляд Исана, обращенный к ее груди. Это была ее первая улыбка с тех пор, как бежал бывший солдат. Даже подбадривая Дзина, она до сих пор ни разу не улыбнулась.

ВСПЫШКА ЧУВСТВЕННОСТИ (1)

Поздно ночью Дзин, не издавший ни стоана с тех пор, как заболел ветрянкой, вдруг жалобно заплакал, как будто почувствовав, что его страдания достигли высшей точки. Вытянув в темноте белые, в бинтах ручки, он изо всех сил двигал ими, стараясь ухватиться за что-то невидимое. Исана наблюдал за ним в мерцании лунного света, проникавшего через окно с незакрытыми ставнями. Наконец Инаго, спавшая рядом с Дзином, приподнялась — верхняя часть ее тела была обнажена, как и утром, когда они загорали, — взяла в свои ладони все еще двигающиеся ручки ребенка и в порыве нежности прижала их к груди. На следующее утро сыпь на теле Дзина побледнела и стала пропадать. Как только проснулся, он тихо сказал:

— Это дрозд.

— Ой, Дзин, ты уже у нас здоров, — бодрым голосом откликнулась Инаго, и Исана, услышав ее слова, испытал огромную радость.

Пока Инаго поднимала Дзина и водила его в уборную, Исана стоял у окна и смотрел на утреннее море. Небо и море были подернуты фиолетовой дымкой и лишь чуть поблескивали. Заросли кустов на утесе, которым заканчивался мыс, были сочно-зелеными, но и над ними еще висела дымка. Исана рассеянно смотрел на эту дымку, и его воображение рисовало в кустах и расселинах скалы бесчисленных дроздов, сидевших, нахохлившись, распушив хвосты. Привлеченный тихим смехом Дзина, Исана обернулся: Инаго, раздев его, положила на солнце и нежно водила пальцем по его телу, точно двигаясь по лабиринту бесчисленных, по уже начавших исчезать крапинок сыпи.

— Наверно, уже можно возвращаться в Токио?

— Нет, как бы не содрать нарывы. Лучше ему побыть здесь еще денька два, — ответила Инаго. — Чувствую, что в Токио ничего хорошего нас не ждет...

Она сказала это мрачно, но весь ее вид со сведенными коленями и прямой спиной был точно вызовом чему-то сильному и страшному; она быстро надела кофту и застегнула пуговицы. Потом выбежала из комнаты приготовить Дзину еду. Исана смотрел на Дзина, продолжающего греться на солнце, но ребенок теперь не только не смеялся, но даже закрыл глаза, такая его охватила слабость. И все-таки, чтобы порадовать отца, он спокойно сообщил, не открывая глаз, в которые било солнце:

— Это сибирский дрозд. Это японский дрозд.

По мере того как Дзин говорил, Исана тоже начали слышаться бесчисленные птичьи голоса. Возвратившаяся к Дзину острота слуха, казалось, приманила в безмолвие, окружавшее их дом, множество птиц.

Инаго, вся светившаяся радостью, принесла неизменные макароны, политые консервированным соусом. И Дзин спокойно и размеренно съел огромную порцию — Исана ни разу не видел, чтобы он съедал столько макарон. Потом он выпил так же много воды. Инаго вытерла его вспотевшее тельце, и он снова лег на матрас, который, пока он ел, просушили на солнце. Дзин удовлетворенно вздохнул и, улыбнувшись, посмотрел поочередно на Инаго и Исана. Он снова услышал голоса множества птиц и сообщил:

— Это синий соловей... Это сэндайский соловей.

Потом он заснул глубоким здоровым сном, совсем другим, чем был его сон со вчерашнего вечера до сегодняшнего утра...

— Дзин в самом деле замечательно знает птиц, — восхищенно сказала Инаго.

В ее тоне слышалось искреннее благоговение, что можно было объяснить и усталостью после напряжения, и просто голодом, но в нем содержалось сверх того и еще что-то. Чувство голода, который испытывал Исана, помогло ему глубже проникнуть в смысл сказанных ею слов. Оставив спящего Дзина, они вдвоем спустились вниз, приготовили еду и, сидя на ку сках лавы, поели. Потом они, как и вчера, пошли позагорать, но так как солнце припекало сильнее вчерашнего, облили друг друга водой с головы до ног. Чтобы не разбудить Дзина, они не проронили ни слова. Покрытая легким загаром блестящая, упругая кожа Инаго, казалось, радостно поглощает солнечные лучи, а кожа Исана, замурававшего себя в убежище, стала красной от ожогов и вздулась волдырями. Подставлять солнцу обожженные вчера места было больно, но эта боль не была безрадостной.

Они лежали на земле, и ветер с моря, плеска которого не было слышно, доносил до них пылинки соли. Сам ветер был сухим. К трем часам, хотя они без конца обливались водой, солнце стало припекать так сильно, что даже Инаго, не говоря уж об Исана, сдалась. Их лица обгорели и стали багровыми, как плоды дикого персика. В конце концов они вынуждены были войти в барак, чтобы немного остыть. Сидя в полутемном бараке и вдыхая пот друг друга, они вдруг уловили

еще один, новый смысл того, что укрылись в бараке. И все более загустевавшийся узел их чувств одним махом разрубила Инаго, сказав:

— Может, переспим?

— Да,— ответил Исана с признательностью застенчивого человека.

Сверкнув белками широко раскрытых глаз, Инаго накинута на голову полотенце и выбежала из барака посмотреть, что делает Дзин.

«Может, переспим», улыбнулся замешкавшийся Исана. Это не была самодовольная улыбка, но все же он сразу перестал улыбаться, забеспокоившись: а вдруг ничего не получится? Он уже так давно не знал женщины.

— Дзин хорошо поспал. С тех пор, как он заболел ветрянкой, он почти совсем не спал,— сказала, вбегая, запыхавшаяся Инаго. Девушка разделась, и Исана увидел, какая она соблазнительно стройная.

— Я давно не знал женщины, и в первый раз у нас, наверно, ничего не получится. Но потом все будет в порядке.

На лице Инаго появилось какое-то неопределенное выражение, и Исана стало стыдно своих оправданий...

— Вот видишь...— сказал Исана.

— Что видишь? Мне было очень хорошо,— ответила Инаго.

— Правда? А я подумал...

Инаго, потупившись, тихо засмеялась. Исана грустно улыбнулся. Прижавшись снова к ее телу, покрытому капельками пота, он понял: лучшее, что приносит физическая близость, это ощущение родства двух людей.

— Ты говоришь «хорошо». В этом слове заключен слишком общий смысл,— заговорил Исана.

Широко открытые глаза Инаго, когда она откинула голову, до этого прижатую к его груди, были затуманены. Видимо, она старалась соотносить слова Исана с тем, что она внутренне ощущала.

— Возможно...— сказала она, пристально глядя на Исана, все так же откинув голову.

— Может быть, у тебя такого раньше вообще не было?

— Нет, почему же...

— Наверно, было, но не по-настоящему.

— Наверно,— рассеянно сказала Инаго.— Какой вы все-таки внимательный. Казалось бы, вам какое дело?

— Ты не права. Это касается обоих. Как ты могла спать с солдатом, думая, что ему нет до этого никакого дела?

Инаго молчала. Наклонив голову, Исана увидел в ее глазах слезы.

— Противно... Противно делается, когда вспоминаю, как обманывала солдата, — сказала Инаго дрожащим голосом, в котором были слезы. — Но он так старался, что я не могла не обманывать его, а на самом деле ничего не было. Противно...

Инаго всхлипывала. Снова взглянув на нее, Исана прочел в ее глазах, вымытых слезами, желание...

...В тот день они заснули, тесно прижавшись друг к другу. Они спали в одной комнате с Дзином, Исана чувствовал, что между ними возникла прочная близость.

Хотя кризис миновал, болезнь Дзина не позволяла еще дня три-четыре взять его поездом в Токио. Поэтому Исана и Инаго вынуждены были оставаться на месте; они любовались деревьями и кустами, мечтали, лежа на солнцезеке, предавались ласкам. Они собирали и ели спелые плоды дикого персика. Налив в ведро свежей воды и поставив его в прохладное место, они насыпали туда персики и охлаждали. Инаго поражалась и веселилась, глядя, как серьезно и обстоятельно Исана ест плоды дикого дерева.

Обращаясь к душам деревьев и душам китов, Исана размышлял о двух вещах. Одной из них была смерть. Он боялся, что его близость с Инаго, которая, как он надеялся, будет расти, неожиданно прекратится — он теперь эгоистично боялся смерти. И в его мозгу, воспаленном жаром и любовью, воскресали вызванные страхом смерти слова Харис бийнос* смерти, почерпнутые из давних занятий древними языками. Раньше Исана уже говорил Такаки, и говорил именно то, что думал: я с удовольствием приму смерть; другой радости у меня, укрывшегося в убежище, нет и быть не может... Но теперь у него действительно появилось предчувствие, что он, бесильный, будет застигнут Харис бийнос смерти. Это предчувствие возникло в связи с насильственной смертью Короткого и бывшего солдата сил самообороны. Это предчувствие питалось страхом, что его неожиданно уничтожат как раз в тот момент, когда он в качестве учителя будет вести занятия чувственного возрождения. *Если бы мне удалось по-настоящему воскресить эту девочку,* — взывал Исана к душам деревьев и

---

* Харис бийнос (греч.) — насильственная ласка.

душам китов, с досадой сознавая свое бессилие. О Дзине он совсем перестал думать...

Вторым объектом его размышлений была дальнейшая деятельность Союза свободных мореплавателей. *Эта девчонка не мыслит своей жизни без Союза свободных мореплавателей, и если я не продумаю всего, что касается их планов, более конкретно и детально, то не смогу отблагодарить ее даже за ту серьезность, с какой она относится к нашей близости,* — беспомощно взывал он к душам деревьев и душам китов. — *Я получил от нашей близости колоссальное наслаждение, но сам доставить ей такое же наслаждение оказался неспособен.*

Он даже выработал для Союза свободных мореплавателей смелый план, который раньше, с тех пор как он укрылся в убежище, ему и в голову не мог бы прийти. Он придумал реальный способ заполучить корабль, достаточно большой, чтобы плавать в открытом море. Он решил потребовать у Наоби раздела наследства Кэ и на полученные деньги приобрести корабль. Разве нельзя осуществить раздел заранее, еще при жизни Кэ? Если Наоби или умирающий Кэ спросят, зачем мне вдруг потребовался корабль, то можно сказать, что я собираюсь уйти в плаванье, которое всесторонне обдумывал в течение нескольких лет жизни в убежище, с целью защиты самых крупных млекопитающих, которым грозит полное истребление во всех морях и океанах. Наоби, несомненно, ухватится за это предложение, рассудив, что и для ее предвыборной кампании может оказаться гораздо полезнее новость о том, что Исана и его друзья отправились в морской поход с целью защиты китов, а не сидят, укрывшись в своем атомном убежище. Кроме того, если бы они вышли в открытое море, Исана мог бы на более близком расстоянии общаться с душами китов, а Дзин мог бы пополнить свой репертуар настоящими голосами морских птиц...

В день, когда сыпь на теле Дзина превратилась в маленькие темно-коричневые точки и он уже мог активно двигаться, Исана и Инаго начали убирать и сжигать оставшийся мусор, чтобы уничтожить следы своего пребывания в бараке. К вечеру работа была закончена, и они вместе с Дзином звериной тропой, сквозь чащу стали пробираться к западному побережью. По дороге Исана показывал Дзину огромные деревья дикого персика. Он делал это только для того, чтобы души персика, которые, несомненно, спасли ребенка, в ответ тоже при-

ветствовали их. Низких веток со зрелыми плодами не было. Лишь высоко наверху сквозь листву проглядывали ветви, на которых висели темно-красные спелые плоды, и ветви, на которых висели еще ярко-красные неспелые плоды. Осторожно, чтобы не повредить веток, Исана залез на дерево и, сорвав несколько плодов вместе с тонкими веточками, на которых они висели, протянул их Дзину, но Дзин, у которого было слабое зрение, никак не реагировал на веточки, оказавшиеся в его руках. Он был поглощен доносившимися со всех сторон голосами птиц. Рассмотреть самих птиц сквозь густые заросли деревьев было трудно. Когда они дошли до огромной дзельквы, стоявшей на фоне неба, покрытого густыми, тяжелыми серо-синими тучами, и точно такого же серо-синего моря, так что провести между ними границу было невозможно, неожиданно наступила темнота. Скворцы, которых всего несколько дней назад было видимо-невидимо, теперь совсем исчезли; Исана, Инаго и Дзин притихли, сравнивая росшие из одного корня два ствола могучей дзельквы, рассматривая, какая у них кора, какого она цвета. Десятки миллионов листьев не издавали ни шороха; с этого сравнительно открытого места был слышен грохот волн, бивших в утес.

Взяв Дзина за руки и обходя стволы дзельквы, старый и молодой, Исана и Инаго одновременно обнаружили то, что потрясло их и на какое-то время лишило дара речи. Они сразу же пошли назад к бараку, мелко ступая, чтобы подладиться под шаг Дзина, и ощущая, как в сгущающейся тьме на них тенью могучей дзельквы наваливается страх.

— Почему... почему его так похоронили?.. Почему похоронили в таком месте, где его моментально найдут? Ладонь торчит из земли, и ее так облепили огромные мухи, что она кажется позолоченной...

Тело Инаго от пронизывающего ночного ветра покрылось гусиной кожей, но внутри у нее бушевал настоящий смерч страха. Исана хотелось одолеть его, но нужные слова не приходили на ум. Не приходили потому, что его поразила, сверлила мысль: это же Китовое дерево. Такаки решил про себя, что огромная дзельква как раз и есть Китовое дерево, и именно под ним похоронили Короткого. Почему? Во всяком случае, Исана было ясно, что Такаки пришла эта мысль в тот вечер, когда они долго стояли и смотрели на дзелькву. Но может ли это успокоить Инаго? Как успокоить ее, если в ее сознании Китового дерева не существует?

Возвратившись в Токио и спускаясь по дороге, заросшей с обочины высокой травой и ведущей из города на холме в заболоченную низину, Исана и Инаго одновременно увидели нечто неожиданное.

— Союз свободных мореплавателей горит! — закричала Инаго. И так громко, что измученный Дзин даже вздрогнул от испуга...

Перед их глазами, привыкшими к высокому небу на мысе, расстилось покрытое облаками небо, такое низкое, что, казалось, до него можно было дотянуться рукой, и это небо подпирал огромный столб дыма, поднимавшийся с развалин киностудии. У его пылающего прозрачно-красного основания низко стелилась ярко-багровая пена. В лучах склонившегося к закату солнца заболоченную низину, покрытую густым ковром травы, все сильнее заволакивало дымом. Но, возможно, горел лишь один, ближайший к ним павильон киностудии? Наверно, его разрушили, обломки сгребли бульдозером подальше от остальных построек, крупные деревянные детали увезли на лесосклад для продажи, а мелочь подожгли. По обеим сторонам пылавшего костра симметрично стояли два бульдозера, как будто отражая замысел людей, ответственных за ведущиеся здесь работы; за костром при порыве ветра удалось рассмотреть стену другого павильона, совершенно целого.

— Команду Союза свободных мореплавателей, наверно, арестовали, а тайник разрушили.

— Вряд ли. Зачем так бездумно уничтожать место преступления, — сказал Исана.

Глубокое беспокойство, охватившее Исана и Инаго, перешло и Дзину, которого они с двух сторон держали за руки. Его вид напомнил Исана еврейского мальчика с поднятыми вверх руками, отправляемого из гетто в концлагерь, которого он видел в документальном фильме. Дойдя до входа в убежище, они были напуганы еще одним, уже совсем конкретным фактом. Пытаясь открыть ключом дверь, они увидели, что она закрыта изнутри на цепочку. Но к двери подошли не установившие засаду полицейские, а Такаки, Тамакити и Красномордый, и страхи тут же рассеялись. Войдя в прихожую, Исана, Инаго и Дзин от усталости и пережитого потрясения не проронили ни слова. Голова Тамакити, поднявшегося на несколько ступенек винтовой лестницы и облокотившегося на перила, казалось, была где-то очень высоко. Красномордый, снявший цепочку, стоял на бетонном полу босиком. Стоявший напротив Такаки повернулся к ним худым профилем — не только у него

одного, у всех троих был такой вид, будто они вышли не встретить их, а возвести перед ними живую баррикаду и не пустить в дом.

— Мы забрались на балкон, разбили стекло и проникли в дом. Стекло можно вставить, это чепуха,— сказал Такаки, по-прежнему не глядя на Исана.— Вы, наверно, видели огонь? Тайник Союза свободных мореплавателей разрушен, вот и пришлось нам перебираться в другое место... Особенно срочно нужно было перевезти оружие.

Такаки оправдывался, что они вторглись в убежище Исана, но мрачность его, как и двух его товарищей, объяснялась другим: они испытывали неловкость перед Инаго. После погони за бывшим солдатом и его гибели они еще не виделись с ней. Это понимал Исана, понимала и Инаго. И великодушно разрядила напряженную атмосферу.

— Нужно уложить Дзина, дать ему отдохнуть. Нечего болтать попусту,— сказала она резко и, сняв с Дзина ботинки и обняв его, повела в комнату мимо Красномордого и Такаки.

— Инаго — настоящий боец,— сказал Тамакити внешне насмешливо, но на самом деле со смущением, которого ему не удалось скрыть.

Красномордый поднял к нему лицо, ставшее таким пунцовым, что это видно было даже в полутемной прихожей, но ни он, ни Такаки ничего не ответили. Исана подумал что, видимо, оставалось еще что-то нерешенное, о чем они хотели поговорить. Расположившись в комнате, они продолжали молчать, ожидая, пока Инаго принесет Дзину печенья и воды. Наконец Такаки начал:

— Союз свободных мореплавателей убрал оттуда людей и оружие. Около нашего корабля в съемочном павильоне остался один Бой. В этом вся проблема. Он по своей воле ни за что не покинет корабль.

— Понятно. Но как можно было оставлять там одного Боя, еще совсем ребенка? — вспыхнула Инаго.

— Бой влюблен в корабль. Мы ничего не могли с ним сделать,— сказал Такаки смущенно.— В Союзе свободных мореплавателей никто не может приказывать другому. Если он решил что-то сделать, мы не можем сказать ему: нет, не делай...

— Но ведь павильон, где он сейчас спрятался, разрушают и жгут?

— Нет, до нашего тайника еще не добрались,— сказал

Красномордый. — Они начали с другой стороны. Мы наблюдали в бинокль. Сейчас они перестали разрушать и сжигают обломки и мусор. Больше они сегодня ничего, наверно, не будут делать.

— Но завтра опять начнутся работы? — не сдавалась Инаго. — Когда у Боя над головой станут рушить и жечь, он же сойдет с ума. Почему вы не привели его сюда? Может, подобраться ночью со стороны реки и поговорить? Нужно обязательно вытащить его оттуда...

— Бой забаррикадировался в подвале и полон решимости выдержать любую осаду, — сказал Тамакити. — Он нам помогал вытаскивать оружие, а потом остался в павильоне один, замотав проволокой двери и окна, так что к нему не подступиться. Мы немного подождали — думали, станет одному страшно, выйдет. Захочет, сможет выйти в любое время, но он ни в какую — заперся изнутри и приготовился к осаде. Сидит там с позапрошлой ночи.

— Значит, Бой уже два дня один? Слышит, как за стенами все рушат и кромсают... — Инаго тяжело вздохнула. — Слышит, как бушует пламя... Еда хоть у него есть?

— Мы оставили ему все, что было в холодильнике, — сказал Такаки.

— Я схожу туда сегодня, как только рабочие прекратят работу. Я должна уговорить Боя уйти оттуда. Хорошо еще, если он не сошел с ума, ведь вокруг все горит... А с водой как? Водопровод-то они, наверно, отключили? Значит, в темном павильоне нет ни капли воды. Как он там бедный, один...

— Все это не так просто, — перебил Инаго Красномордый. — Когда мы выносили имущество Союза свободных мореплавателей, рабочие нас заметили и, видимо, заподозрили, что мы что-то своровали. Вчера они привезли передвижной вагончик и оставили на ночь сторожа. Если мы подадим Бою сигнал, сторож заметит. Мы, конечно, убежим, но Бой-то все равно останется взаперти.

— Придется ждать, пока сам вылезет, другого выхода нет, — сказал Такаки. — Я думаю, он был уверен, что мы присоединимся к нему. Но мы ушли и не вернулись, и он сейчас, наверно, злится. Сидит в темноте и распяляет себя — бросил, мол, одного. Поэтому у тебя, Инаго, все равно ничего не выйдет. Потому что Бой злится сейчас на всех нас.

— Бой считает, что в глубине души все мы к нашему кораблю относились несерьезно и бросили его не задумы-

ваясь,— сказала Инаго.— Что он все-таки будет дальше делать?

— Перед нашим уходом Бой попросил меня проверить мотор бульдозера,— сказал Тамакити, по своей обычной привычке до сих пор не проронивший ни слова.— Мотор бульдозера, который стоит в павильоне. Свалить бульдозером на головы любопытных горы мусора, если они попытаются проникнуть в павильон со стороны реки,— этот план всегда очень нравился Бою. Может, он держится потому, что ему было видение: если дело дойдет до крайности — развернуть бульдозер и пойти в атаку?

— Тамакити! — ухватился Такаки за его последние слова.— Почему ты нам этого до сих пор не рассказал? Почему молчал?

— Я думаю, Бой имеет право поступать так, как считает нужным,— парировал он.— Ты же сам говорил, что Союз свободных мореплавателей не контролирует своих членов, как это делают политические организации.

— А уж не ты ли сам, Тамакити, приказал Бою забаррикадироваться? Или намекнул ему, чтобы он это сделал,— сказала Инаго с возмущением.— И оружия не надо бы ему давать.

— Морской бинокль я ему оставил. Но с чего бы это я стал давать ему оружие, которого у нас совсем мало, да еще такому ребенку, как Бой? — усмехнулся Тамакити.

— Вряд ли Тамакити оставил Бою винтовку или гранаты,— произнес Красномордый, репивший с обычной для него прямотой высказать идею, которая давно у него зрела.— Заранее же украсть Бою тоже вряд ли удалось: и винтовки, и гранаты охраняются очень строго. Может, нужно еще строже?.. А вот как с динамитом? Взять пару шашек динамита и спрятать в рубке корабля — это ему ничего не стоило. Вот что меня беспокоит.

— Это вполне возможно,— сказал Такаки с насмешкой, ни к кому, впрочем, не адресованной.

— Чем болтать, сделали бы что-нибудь. Что скажешь, Такаки? Уже два дня Бой сидит один взаперти. Может, он там с ума сходит?

— А сидя здесь и каждую минуту ожидая, что рабочие начнут крушить корабль, он не сходил бы с ума? Уж лучше ему находиться рядом с кораблем,— сказал Тамакити.— Мы же решили это еще позавчера, когда уходили оттуда. Без кон-

ца менять решения тоже не годится. ...Если же утром начнут рушить наш павильон, нужно пойти и вытащить его оттуда, пока его не схватили рабочие.

— Верно, — сказал Такаки, теперь уже стараясь скрыть насмешку. — Мы разрешили Бою забаррикадироваться. А теперь сделаем, как предложил Тамакити. Ты согласна, Инаго?

Такаки сказал это резко, напугав Дзину, который сидел у Инаго на коленях и пил. Он повернулся к ней и поднял на нее глаза, вокруг которых остались еще темные точки.

— Хорошо, — сказала Инаго, посмотрев на Дзину потускневшими глазами. — Когда Свободные мореплаватели принимали решение, меня здесь не было, теперь ничего не поделаешь... Пойдем, Дзин, готовить ужин. Пойдем на кухню и будем готовить ужин.

— Да, будем готовить ужин, — радостно ответил Дзин.

Такаки обратил то ли вопрошающий, то ли вызывающий взгляд на Исана, не принимавшего участия в споре.

— Может, понаблюдаете из бойницы рубки? — сказал он. — У вас ведь богатый опыт наблюдения в бинокль.

Они поднялись по винтовой лестнице. Из слов Такаки можно было заключить, что Свободные мореплаватели решили использовать третий этаж как рубку, то есть как свой новый штаб, который раньше был в подвале павильона. Между кроватями Исана и Дзина стояла рация — приемник и передатчик, мощный микрофон и всякое другое оборудование, которым, видимо, оснащается рубка корабля. На стене, обращенной к заболоченной низине, между бойницами, был наклеен лист бумаги, на котором рукой Исана была написана по-английски первая страница из Достоевского.

— Я вижу, нам с Дзином придется освободить это помещение. Отнесите наши кровати на второй этаж и поставьте в комнату, которая рядом с ванной, — больше нам ничего отсюда не нужно, — сказал Исана.

Взяв бинокль, который Такаки заранее положил на пол возле бойницы, Исана начал осматривать развалины кинестудии. Лицзы застыла сиренево-красная дымка, висевшая над развороченной землей, — Исана казалось, что у него морская болезнь. Он стал медленно водить биноклем из стороны в сторону, и наконец в поле зрения попал огромный костер. Пламя состояло из мелких очагов, горевших на большой территории. Видимо, огонь бушевал в вырытой траншее. Перед этим мощным, но невысоким пламенем красной тенью шел человек. Человек, прорвавшийся через частокол огня, был в трусах, голо-

ва замотана куском материи с прорезью для глаз. Кое-где проглядывало черное, точно обожженное тело. Его фигура, казалось, колыхнется в поднимающемся вверх теплом воздухе, будто плывет в багровой воде. Потом фигура исчезла, и появились две новые, похожие не только тем, что лица были закутаны в куски материи, но и сложением. Они пытались пробиться сквозь огонь, но неожиданно исчезли. Видимо, слились с темным небом и дымом.

— Здоровые ребята. Если Бой затеет драку, несладко ему придется,— сказал Исана печально.

Однако Такаки обиделся за товарища.

— Посмотрите, какие у них мускулы. Совершенно одинаковые, верно? Днем нарабotaются, а вечером ходят в гимнастический зал. Сила есть у них, но тупая. Если бы Бой захотел убежать, это ему ничего бы не стоило. Больше ничего не видно?

— Больше ничего,— сказал Исана.

Тамакити и Красномордый отнесли вниз кровати Исана и Дзина и все лишние вещи, получив наконец возможность превратить комнату в настоящую рубку Свободных мореплавателей.

— Я теперь считаю себя одним из членов команды Союза свободных мореплавателей,— сказал Исана,— и если удастся достать корабль и выйти в море, я поплыву с вами. Поэтому прятаться от меня нет необходимости. Я, Дзин и Инаго будем спать втроем в комнате второго этажа. Только не следите за нами. Мы хотим начать совместную жизнь, и не надо ее омрачать.

После, уже глубокой ночью, Тамакити и Красномордый пошли на разведку в заболоченную низину. А Исана решил выяснить у Такаки дальнейшие планы Союза свободных мореплавателей.

— Предположим, мы выйдем в открытое море, но ведь придется заходить в порты, чтобы пополнять запасы воды и продовольствия? — сказал Исана.— Ясно, что на ворованном корабле долго не проплаваешь.

— Это верно. Тамакити думает заняться пиратством, но это крайне нежелательно,— сказал Такаки.— Вы от Инаго узнали, что мы собираемся украсть корабль?

— Это легко предположить. Но сейчас вторая половина двадцатого века, и нужно раздобыть корабль законным путем.

Исана еле удержался, чтобы не сказать: если избежим расплаты за смерть Короткого...

— Вы правы. Но тогда Свободные мореплаватели не смогут выйти в море ни завтра, ни послезавтра,— сказал Такаки.— Мы еще недостаточно обучены, чтобы получить официальное разрешение на выход в море. Как раз за это и ругал нас Коротышка...

— По-моему, он говорил прямо противоположное — дайте нам корабль хоть завтра. Только в море Союз свободных мореплавателей станет реальностью, говорил он.

— Но реальность такова, что завтра мы не сможем выйти в море,— вспыхнул Такаки.— И вообще, задуманный Коротышкой сценарий провалился. Мы остались в живых, и, чтобы воплотить мечты мертвеца, потребуется время...

— Мой тесть вот-вот умрет от рака. Я и Дзин должны получить наследство. Если я попрошу заранее выплатить нам нашу долю, то, думаю, Свободные мореплаватели смогут получить корабль,— сказал Исана.— А взамен я верну убежище...

— Вам не жаль своего убежища! — поразился Такаки.

Красномордый и Такаки решили подняться наверх, понаблюдать за тем, что происходит в заболоченной низине. Уложив Дзина спать, Инаго разделась и, примостившись рядом с Исана, стала требовать ласки. Исана боялся, что Такаки и Красномордый услышат их возню, но Инаго это нисколько не смущало — ради ласки она готова была предать весь Союз свободных мореплавателей в том числе и забаррикадировавшегося Боя...

Исана открыл глаза, когда Дзин зашевелился во сне, точно пытался отогнать от себя неприятное сновидение. Он сразу уловил странное движение в комнате наверху. Стараясь не потревожить Дзина и Инаго, которая напоминала во сне деревянную куклу, он встал, в темноте надел рубашку, трусов найти не мог, и натянул штаны на голое тело и поднялся по винтовой лестнице.

В комнате на третьем этаже, щедро наполненной утренним солнцем, сидел Такаки и через бойницу смотрел в бинокль. Через другую бойницу вел наблюдение Красномордый. С видом бывалого моряка Такаки повернулся к Исана. С трудом раздвигая тонкие сухие губы, бесстрастным голосом диктора телевидения, ведущего репортаж с места события, он сообщил:

— Поднялся туман, плохо видно. Похоже, рабочие начали рушить наш павильон и между ними и Боем вспыхнула пере-

палка. Их крики были слышны даже здесь, но разобрать ничего не удалось... Туман непроглядный... Вчера там жгли костер до поздней ночи, дым дошел сюда и смешался с туманом.

Исана выглянул из бойницы; над заболоченной низиной стлался туман, из которого, подобно горному пику над облаками, поднималась крыша еще не разрушенного павильона. Исана прислушался... Раздался взрыв, от которого дрогнули стены убежища. Исана был готов к этому взрыву — он видел, как над павильоном, до сих пор скрытым туманом, грибовидным облаком поднимаются вверх туман и дым. Вслед за ним вспыхнуло желто-красное пламя. В прогалине рассеянного взрывом тумана появился движущийся бульдозер. Полосатый бульдозер стремительно шел вперед, задрвав свой огромный нож, точно клюв взбешенного пеликана. Он продвигался, разрезая туман, и перед ним показались два бульдозера, с которых в панике, точно напроказившие дети, спрыгнули водители. Маленький человечек на высоком, чуть сдвинутом вбок водительском сиденье, расправив плечи и широко расставив ноги, вел вперед свой полосатый танк. Воображаемый танк... Наблюдавшие сразу поняли, что происходит. Исана не успел и рта раскрыть, как Такаки и Красномордый закричали в один голос возбужденно и радостно:

— Бой пустил в ход бульдозер!

Снова заглубился туман и поглотил атакующий бульдозер и два других, брошенных водителями. Раздался лягз и скрежет металла, и трое выглядывающих в бойницу не смогли удержаться от хохота.

— Надо спасать Боя,— выдавил Исана, задыхаясь от глухого смеха.— На своем бульдозере ему далеко не удрать.

Опомнившись, Такаки посмотрел на Исана.

— Верно... Такой жуткий скрежет. Бульдозер уже...— начал он, но новый приступ смеха не позволил ему продолжать.

— С прошлой ночи спасательный отряд Тамакити ждет в машине, чтобы прийти Бою на помощь. Недалеко от павильона,— добавил Красномордый, насмеявшись до слез и еще больше побагровев.

До убежища донесли обрывки ругательств и крики. Но вот запылал павильон, выбросив из тьмы огромный столб пламени; горячие струи воздуха рассеяли туман, но ни Боя, ни рабочих, которые по всем предположениям должны были сейчас с ним сражаться, не было видно, не было видно и спасательного отряда...

ВСПЫШКА ЧУВСТВЕННОСТИ (2)

Бесконечно тянувшийся день кончился, глубокой ночью в убежище вернулся Тамакити. Войдя в прихожую, он сразу же, не дожидаясь вопросов, которые должны были посыпаться на него, начал оправдываться.

— Боя избили, он почти готов. Я дотащил его до лодочной станции, но потом понял, что без доктора не обойтись, отвез его на машине в клинику Токийского университета и положил в аркаде*.

— А в клинику позвонил? — спросил Такаки.

— На обратном пути из автомата, сказал, что у них там лежит раненый.

— Какой телефон клиники Токийского университета? Наверно, ты бросил Боя умирать, а сам уехал. Не хотел, чтобы врач осматривал его? — наседал Такаки.

Тамакити весь напрягся и, сжав губы, зло посмотрел на Такаки. Все его тело было палито жестокой силой, готовой взорваться. Казалось, сейчас он бросится на Такаки, посмевшего усомниться в его словах. Однако он медленно сунул руку под джемпер, достал свернутый в трубку еженедельник и сунул его под нос Такаки. Такаки осторожно, как первоклассник, раскрыл журнал. Там были фотографии военных учений Союза свободных мореплавателей. На фотографии в верхней части страницы на первом плане был снят в профиль бывший солдат сил самообороны. И его лицо, и лица стоявших вокруг подростков дышали бодростью и были покрыты потом, и в этих крупных каплях пота отражался свет яркого летнего солнца. На всех лицах сверкали лучезарные улыбки...

— Ты говоришь, что я бросил Боя умирать, чтобы обезопасить себя. Но обезопасить себя все равно не удалось бы, — сказал Тамакити, внимательно следя за реакцией товарищей. — Больше всех жалел Боя я. После того как Бой взорвал динамитом наш корабль, чтобы он не попал в чужие руки, он продолжал сражаться с одной целью — взорвать и себя. Он несколько не боялся, что его избьют рабочие, и смерти тоже не боялся. Поэтому я решил оставить его в аркаде клиники Токийского университета. К нему пришло его видение, и он умиротворен...

---

* Подземный этаж клиники Токийского университета, где расположены магазины, закусовые и т. д.

— Тамакити, ты убил раненого Боя. Боялся, что он проболтается полиции. Убил и бросил в аркаде! — закричала Инаго, босиком выбегая в прихожую. — Мы должны сейчас же судить Тамакити! Как судили Короткого!

Тамакити, выштитв грудь, посмотрел на Инаго. Его лицо, покрытое капелками пота, было похоже на морду загнанного зверя. Шея Инаго тоже стала масляно блестящей от пота, напругшиеся жилы пульсировали.

— Тамакити нужно судить! Что бы потом ни случилось! Иначе Тамакити одного за другим будет убивать своих товарищей. Он бил Боя по ранам, которые нанесли ему рабочие, и от этого Бой умер! Тамакити боялся, как бы Бой не сказал чего в клинике! И это вместо того, чтобы помочь ребенку, три ночи в одиночестве просидевшему в съемочном павильоне...

Инаго завопила и, подскочив к Тамакити, вцепилась ему в горло. Тот не сопротивлялся, и Красномордому пришлось силой оттащить от него Инаго.

— Дзин проснется, Дзин испугается, — увещевал Красномордый Инаго.

Атака Инаго сбила спесь с Тамакити, и он превратился в испуганного мальчишку.

— Бой врехался своим бульдозером в бульдозеры рабочих и остановил их, — ни к кому не обращаясь, сказал Тамакити. — Потом он погнался за рабочими, размахивая железной трубой, и стал их бить. А рабочих-то двое. Они увернулись и сами набросились на него с деревянными брусками. Бруска — в щепки. Тогда они тоже подобрали железные трубы и избили ими Боя. Мы видели все это, когда неслись прямо по целине спасать его. Бой, ничего не замечая вокруг, опустил голову, как бык, и вслепую размахивал своей железной трубой. Чтобы остановить его, один из рабочих хотел стукнуть его по плечу. Но, видно, не рассчитал и попал в голову. Мы подбежали, когда Бой завертелся волчком, потом упал и забился в судорогах. Голова у него была проломлена, из нее хлестала кровь. Разве бы мог я ударить по такой ране? Ударить Боя, для которого самым важным в жизни был наш корабль?..

Тамакити широко раскрыл рот и неожиданно громко заплакал. Его обезображенное рыданиями лицо, напоминающее морду напуганной собаки, было отвратительно.

— Нужно как следует изучить фотографии и решить, что делать дальше, — отрезал Такаки и взбежал по винтовой лестнице.

Все последовали за ним. Никому не хотелось слушать рыдания Тамакити. Но Тамакити тоже пошел за ними. Члены команды Союза свободных мореплавателей, кроме заливавшего слезами Тамакити, жадно рассматривали фотографии — свое первое, хотя и нежелательное появление на страницах печати. Лишь Исана, единственный член команды, не попавший на снимки, был способен оценивать происходящее объективно.

Вместо фотографий он стал изучать пятна на ковре — его ни разу не чистили за их одинокую жизнь с Дзином. Стоило чуть напрячь воображение, как грязные разводы превратились в очертания шхуны. Утренний пожар разогрел воздух, и теперь, когда была уже поздняя ночь, стояла жара, как в разгар лета. Капелька пота со лба Исана упала на шхуну, вычерченную грязью на ковре. А может быть, это была слеза?

Бой, этот мальчишка, больше всего на свете любил стоять на палубе своего корабля и обозревать расстилавшийся перед ним мир. После трехдневного сидения в темном подвале он взорвал динамитом свой любимый корабль и, проломив бульдозером стену, пошел в атаку. В безудержной ярости, по-детски крикливой и обращенной против ни в чем не повинных рабочих, он вцепился в руль, страшась насилия и в то же время мечтая о нем. Все, что было в поле зрения Боя, — рабочие с железными трубами в руках, развороченная земля, заросшая густой летней травой, косогор, поднимающийся вверх из заболоченной низины, железобетонное убежище — все это кренилось и шаталось из стороны в сторону. Таким было его последнее видение, таким был весь его мир. Нерасчетливый удар железной трубы, проломивший Бою череп, низверг его видение и его мир в кровавую тьму. Теперь уже никто не увидит реального мира таким, каким его видел Бой. Его мир исчез бесследно...

Исана думал о видениях каждого из подростков, рассматривавших фотографии, думал о том, что и их реальный мир очень скоро исчезнет в кровавой тьме, безжалостно разрушенный ими самими. Можно легко представить себе, сколь горестной будет их гибель. Видимо, самоуничтожение — их неизбежный удел, в нем их протест против горести жизни. Глаза Исана встретились с глазами Тамакити, смотревшего на него исподлобья. Налитые кровью глаза Тамакити, уже сухие, лишь мельком взглянули на него, но Исана с изумлением почувствовал, что у Тамакити те же мысли, что и у него.

— Изучив этот пейзаж, ничего не стоит установить, где

проводились наши военные учения, правда? — спросил Такаки, пододвигая Исана журнал.

— То, что Короткий позволил увязаться за собой этим репортерам и притащил их прямо к нашему тайнику, по-моему, вранье, — сказал Красномордый. — Машина, которую увидели дозорные, не имела к этому никакого отношения. Однако люди, знакомые с районом Идзу, по фотографиям точно определяют, что это за местность...

— Безусловно, — сказал Исана.

Это было настолько очевидно, что он мог и не отвечать. Ветви огромной дзельквы занимали треть фотографии, за мысом на переднем плане вдалеке виднелся еще один мыс, и на нем — поселок. Любой местный житель по одному этому пейзажу мог точно опознать скалу под обрывом, откуда делался снимок. На фотографии подростки по веревке спускаются вниз по отвесной скале от дзельквы к морю. Спускаются вниз, лелея мечту попасть на корабль Союза свободных мореплавателей. Белыми иероглифами на черной фотографии было напечатано: «Может быть, среди нас находятся вооруженные партизаны?»

— Подпись под снимком говорит о том, что в редакции еженедельника, видимо, не очень верили фотографиям Короткого, — сказал Исана.

— Если бы не верила полиция — было бы другое дело. Но вряд ли на это можно надеяться, — сказал Такаки.

— Еще бы! — зло закричал Тамакити. — Мы уже начали вооруженную борьбу. Неужели это кому-нибудь не ясно?

Взгляды подростков обратились к Тамакити. За минуту до этого рыдавший и, казалось, снова вот-вот готовый расплакаться, выставив вперед подбородок, Тамакити теперь весь напрягся, как готовая к броску змея, и победоносно задрал голову.

— Что это значит: «Мы уже начали вооруженную борьбу»? — спросил Такаки.

— Именно то, что я сказал! — Еще больше повысил голос Тамакити. — Как только журнал попадет в руки сил самообороны, они немедленно начнут действовать. И полиция, конечно, тоже. Журнал вышел сегодня утром и, значит, уже привлек их внимание. Может быть, этот вопрос поднимут и в парламенте. Инструктором отряда был солдат сил самообороны — вот в чем дело. Им известно, что на солдата напали гражданские лица и он застрелился из автомата, который принадлежал силам самообороны! Естественно, в парламенте зададут вопрос: не надлежит ли силам самообороны вместе с полицией

нас уничтожить? Об этом же завопит пресса, радио, телевидение. Ясное дело: мы — враги общества, и общество потеряет голову! Даже если мы мирно сдадим оружие и признаемся, что ничего особенного до сих пор не сделали, нам все равно припомнят Короткого и солдата. Теперь у нас только два пути.

— Два пути? Чего ты нам голову морочишь, Тамакити? Чуть все это,— набросилась на него Инаго.

— У нас есть два пути, поэтому я и говорю: два пути. Собранные нами оружие раздать Свободным мореплавателям, которые рассеются по всей стране и, поскольку Союз свободных мореплавателей снова собрать не удастся, будут действовать в одиночку. Это первый путь. Кому не по зубам сражаться в одиночку, могут поступить с полученным оружием как им заблагорассудится. Кто захочет рано или поздно использовать свое оружие, пусть стреляет на здоровье, его дело...

— Получить оружие, разбрестись во все стороны и действовать в одиночку — так было до того, как мы объединились в Союз свободных мореплавателей. Разве это не противоречит избранному нами пути? В общем, как говорил Бой, это все равно как будто ничего и не было,— сказала Инаго, но Тамакити пропустил ее слова мимо ушей.

— Второй путь: собравшись всем в одном месте, забаррикадироваться и начать сражаться. Как мы это делали до сих пор, только теперь уже это будет настоящий бой... Но наша база вместе с кораблем взорвана!

Тамакити умолк и вопрошающе посмотрел на Исана.

— По-моему, Тамакити, ты просто не решаешься сказать мне, что у тебя на уме. Я согласен перевести сюда базу Свободных мореплавателей, значит, забаррикадировавшись здесь, мы превратим убежище в крепость.

— В таком случае я за второй путь. Я всегда считал, что если удастся найти убежище, то второй путь — лучший,— сказал Тамакити с явным облегчением.

— Хорошо, но нет ли третьего пути? — обратился Исана к Такаки. — Ты согласен с Тамакити?

Такаки сердито посмотрел на Исана, но промолчал.

— Разве Свободные мореплаватели не мечтали о том, чтобы найти корабль и отказаться от японского гражданства? И вот теперь, как только создалась критическая ситуация, нам предлагают рассыпаться по стране и в конце концов уничтожить себя или забаррикадироваться и тоже в конце концов уничтожить себя. Этого я понять не могу. Превратить убежи-

ще в неприступную крепость и отгородиться от всех — это был мой идеал.

— Вы правы, — выжидательно заметил Такаки.

— Вы, может быть, думаете, что оккупировали мое убежище, на самом же деле я сам пригласил в свое убежище бойцов, способных встать на защиту деревьев и китов, и пошел на это вполне сознательно. Конечно, вы оказались в критическом положении, но не странно ли — сразу забыть план Союза свободных мореплавателей?

Такаки молчал, и Исана стал смотреть на одну из фотографий, сделанных Коротким. Воображение человека, отсутствующего на фотографии, незримо присутствовало на ней. Живые, осязаемые эмоции Короткого — неважно, чем они объяснялись, жаром сердца или злонамеренностью — витали над бывшим солдатом и окружавшими его подростками. Бывший солдат разложил отдельные части разобранного автомата на куске материи, расстеленном на лаве. На прикладе автомата легко можно было увидеть темно-красный номер. Прочитав подпись под ней: «Партизаны добыли автомат калибра 7,62, образца 64, которым вооружены сухопутные силы самообороны, и используют его в боевых учениях», власти даже самой либеральной страны не могли бы оставить ее без внимания. И бывший солдат, и подростки беззаботно и дружелюбно улыбались друг другу. Короткий как бы безмолвно восклицал: можно ли не фотографировать так очаровательно улыбающихся людей!

— Если вы не против того, чтобы превратить ваше убежище в крепость, то нет нужды торопиться с обсуждением всех этих вопросов, — произнес наконец Такаки. — Но заранее могу сказать: я не согласен с тем, чтобы Союз свободных мореплавателей, раздав оружие, распался. Потому что только сейчас — Коротышка это верно понял — Союз создается по-настоящему. До сих пор он не имел ни четкой организации, ни истинной программы деятельности. Реальным было только само наше объединение. Если разбрестись по-одному, это конец Союза свободных мореплавателей. Иного права: как во сне Боя, будто ничего и не было. Теперь второй путь. Забаррикадироваться здесь и сражаться и к этому свести всю деятельность Союза свободных мореплавателей, по-моему, тоже неверно. Это обречет нас на пассивность. Вместо того чтобы активно действовать самим, нам придется ждать, пока нагрянет моторизованная полиция. Не для того создавался Союз свободных мореплавателей. Не обреченность, а свобода действий — вот каков был отправной пункт Союза.

— Защищать нашу крепость от моторизованной полиции или даже сил самообороны и перейти в наступление — разве это пассивность? Я сам первый докажу, что это не так, — сказал Тамакити.

— Это значит надеяться на какую-нибудь авантюру. О каком наступлении ты говоришь? — отрезал Такаки. — Третий путь, безусловно, самый верный. Быстрее найти корабль, уйти в открытое море, так мы, собственно, и планировали. Но сможем ли мы добраться с нашим оружием до Идзу или Босо и незаметно подняться на борт корабля?

— Сможем или нет, предсказать немислимо, — ответил Исана. — Наступил момент действовать в соответствии с планом. Отвергнуть его, боясь неудачи, все равно что признать, будто никакого замысла вообще реально не существовало, как и людей, вынашивавших этот замысел. И мы никого не сможем убедить, что Короткий и Бой по собственной воле погибли во имя этого замысла.

— Что же вы предлагаете?

— Я думаю, у полиции нет пока подробных сведений о Союзе свободных мореплавателей, и время у нас еще есть. Завтра я переговорю с женой. Если мы получим корабль, все остальное будет не так уж сложно.

— Я согласен, — решительно заявил Красномордый. — Давай испробуем третий путь, Такаки. Я готов съездить в Идзу и еще раз все осмотреть на месте...

— Ты имеешь в виду могилу Коротышки? — спросила Инаго. — Боюсь, что полиция очень скоро ее обнаружит.

— Я послал туда ребят. На трех мотоциклах, — сказал Тамакити.

Красномордый и Такаки удивленно посмотрели на него. Тамакити, едва оправившись после недавней стычки, не мог скрыть торжества. Исана, Такаки и всех остальных охватило дурное предчувствие.

— Руководитель Союза свободных мореплавателей — Такаки, и мы должны предоставить ему всю полноту власти, — сказала Инаго.

— Конечно, если мы в самом деле собираемся сделать Союз свободных мореплавателей реальным, — поддержал ее Исана.

— Только бы избежать проклятия Китового дерева, — сказал Такаки с видимым облегчением, но он был бледен, и лицо, обтянутое желтой, как пергамент, кожей, было напряжено.

Когда человек заходит в помещение, где работает кондиционер, он физически ощущает расставание с оставшимся за дверьми душным летним днем. Внутренне подготовленный к стонам из соседней палаты, Исана узнал росшие вдалеке за окном дзельквы, теперь густо покрытые листвой и выглядевшие такими близкими и досягаемыми. Как и говорил Такаки, в этом огромном городе дзельквы действительно попадают еще довольно часто. Казалось, души деревьев, слетающие с этих дзелькв, вопрошали: почему ты так безразличен к стонам старика, больного раком горла, которые, в общем-то, обращены к тебе? Исана объяснил: *это потому, что теперь я бессилен сделать для Кэ что-либо полезное. Я пришел сюда как представитель тех, для кого я что-то могу сделать.* Вычеркнув из своего сознания непрерывные стоны Кэ, Исана ждал Наоби. Комната, в которой он находился, тоже была палатой, но ее наскоро переоборудовали в рабочий кабинет; вместо одной из кроватей поставили письменный стол и короткий диванчик, на котором и сидел сейчас Исана. Наконец в комнату вошла Наоби в накинутой на плечи вязаной кофте цвета вялой зелени и в длинной, до щиколоток, шерстяной юбке — странный туалет для такого времени года, но, возможно, разумный, если человек привык жить в доме с кондиционером. Наоби плыла, величественно неся голову, винченную в широкие, неколебимые плечи, и ответила на его приветствие, лишь пройдя вдоль стены и усевшись за письменный стол. Наоби подражала преподавательнице, у которой училась в американском колледже, а во время последующей стажировки она полностью освоила эту манеру. На лице Наоби, все еще детском, хотя и принадлежащем женщине средних лет, было написано желание защититься, как в те годы, когда она жила в чужой стране. Жалкое, пребывающее в вечном напряжении создание, готовое в любую минуту сбежать, она была прекрасным объектом атаки честолюбивого личного секретаря господина Кэ, когда тот навещал за границей свою дочь.

— Приходится делать укладку и мазаться — ужас, но иначе нельзя: выборы, — сказала Наоби, перехватив взгляд Исана. — Ты тоже с прошлого раза подтянулся: наверно, кто-нибудь за тобой ухаживает?

— Просто стал следить за собой. Я же теперь не один. За Дзином они прекрасно присматривают, — смущенно сказал Исана. — Кэ всегда так стонет?

— Он не хочет, чтобы ему делали обезболивающие уколы. Категорически отказывается, — сказала Наоби с неподдельной

горечью.— Из-за его стонов больные, лежавшие в этой палате, заявили протест, поэтому мне пришлось в конце концов снять и ее, и, чтобы как-то использовать, поставила сюда письменный стол. Комната превратилась в штаб моей предвыборной кампании. Но, в общем-то, претензии больных вполне законны. Тут есть один молодой, довольно прямолинейный врач. Он утверждает, что стоны отца искусственные. Те, кто их слышат, проникаются сочувствием: как страдает бедняга, все время стонет... Кэ всегда был хитрецом. Вот он и злится, когда предлагают укол морфия. Такое впечатление, что он не хочет расставаться со своей болью... К чему это? Все равно ведь скоро умрет...

Наоби умолкла, и комнату наполнили полновесные, ни на минуту не прекращающиеся стоны, которые в самом деле можно было назвать искусственными. Погрузившись в молчание, Исана обратился к душам деревьев и душам китов: *Кэ отвергает лекарства, которые облегчили бы его страдания, и без конца стонет. Хотя скоро умрет. Наверно, именно поэтому Кэ и отвергает лекарства, которые облегчили бы его страдания? Послушайте его стоны...*

— Все время при отце, устала ужасно, прихожу сюда, вот так сажусь, локти на стол и дышу в ладони; дурная привычка, за которую меня еще в Америке ругали, но я все равно продолжаю это делать.— Говоря это, Наоби приблизила к губам ладони, глаза у нее сверкали, она была оживлена, точно завлекала Исана.— Потом снова слышу стоны, и мне кажется, что отец вцепился в меня еще сильнее. Может быть, то, что я говорю, напоминает какую-нибудь популярную американскую мелодраму, но ты же знаешь, как я отношусь к отцу? ...И вот я решила выставить теперь свою кандидатуру. Из моего избирательного округа уже приходят просители, но все равно...

Не только в те дни, когда она из-за Дзина потеряла веру в себя, но даже и до этого Исана еще не видел, чтобы его жена так раскрывалась, так искала чьего-то понимания. Даже если Наоби действует, как обыкновенная марионетка, подумал Исана, она, конечно, беспокоится за исход выборов.

— Я все понимаю,— сказал Исана, уловив душевный настрой Наоби.— Ты хочешь меня убедить, что занялась политикой, чтобы добиться сочувствия избирателей.

Исана обнаружил в себе самом ростки нового, которые дремали в нем,— об их существовании он даже не подозревал.— Он ощущал в себе спокойствие человека цели и надеялся, что ему удастся заставить Наоби прислушаться к его требованию.

Если к стонам страдающего старика приложить и случай в Европе, то многое сразу станет ясным, как в мощном свете прожектора: и больной за стенкой, и сам Исана, подвергающий опасности себя и Дзина не ради людей с кристально чистой биографией, это бы ладно, а ради мальчишек из Союза свободных морешлавателей, подлинные имена которых ему даже не известны...

— Я уже привыкла, а тебе начинать серьезный разговор под аккомпанемент этих бесконечных стонов, наверно, трудно,— сказала кандидат в депутаты парламента Наоби, уловив, как и надеялся Исана, значение его молчания и желая приободрить его.— Что привело тебя сегодня сюда? Вряд ли ты пришел, чтобы посмотреть, умер отец или нет. Тем более что в прошлый раз тебя избили...

— Ты права. Неотложное дело. А эти стоны мне просто необходимо слушать,— начал Исана.— Мы с Дзином заперлись в убежище потому, что оказались в жизненном тупике и другого выхода у нас не было. Это объяснялось состоянием Дзина; кроме того, как ты помнишь, мы потерпели банкротство и были близки к тому, чтобы наложить на себя руки. Вот мы и начали с Дзином затворническую жизнь в убежище. На наше счастье, подвернулось готовое атомное убежище. Я и сейчас считаю, что мы поступили правильно. Остался жив Дзин, жив я, зажила новой жизнью и ты. Убежище превратилось для нас в благодатный ковчег, который мы видели во время праздников на родине наших предков. В тот день, когда Кэ пришел посмотреть, где укрылись двое, потерпевшие крах, и сказал, что умывает руки, у него, возможно, вырвался точно такой же стон, который мы слышим сейчас...

— Так и было на самом деле. Я это прекрасно понимаю,— сказала Наоби.— А теперь ты решил отказаться от своего отшельничества и вернуться в общество?

— Нет, этого я делать не собираюсь, скорее наоборот. Но мне бы хотелось сделать достоянием общества некоторые выводы, в которых я утвердился, ведя отшельническую жизнь. Разумеется, выставлять свою кандидатуру на выборах я не собираюсь.

— Да это и невозможно,— сказала Наоби.

— Конечно. Я встретился с компанией молодежи, их мысли во многом совпадают с некоторыми положениями, в которых я утвердился за годы затворничества. Это те самые ребята, которым удалось благодаря твоей любезности пожить в Идзу. ...Меня сейчас волнует один наш совместный замысел.

Почувствовать, как нечто, пребывающее во мне, становится достоянием общества — вот, собственно, что привлекает меня в этом предприятии... В общем, говоря конкретно, мы хотим купить корабль и уйти в море. Это и привело меня сюда. Убежище и землю я получил от Кэ, может быть, теперь твоя компания выкупит их у меня? На вырученные деньги мы хотим приобрести корабль, на котором мы с Дзином и нашими молодыми приятелями могли бы начать новую жизнь.

— Попробую предложить. Сейчас большие суммы брошены на мою предвыборную кампанию, поэтому надо с ними все как следует обсудить. Если ты позвонишь мне завтра, я тебе сообщу о решении. Сколько тебе нужно денег?

— Не имею представления, — сказал Исана. — Могу лишь сказать, что нам нужен корабль для команды в двенадцать-тринадцать человек.

— Собираетесь в дальнее плавание?

— Нет, скорее мы будем плавать вокруг Японии. ...Видишь ли, план разработан молодежью, поэтому в деталях я его не знаю. В общем, мы с Дзином хотим начать жить вместе с другими людьми, так сказать, в подвижном убежище.

— Я помогу подобрать корабль. Отец, кажется, был связан с рыболовными компаниями, — сказала Наоби.

Исана поднялся.

— Действительно, Кэ все время стонет. Видимо, это помогает ему сохранить физические силы? — спросил он.

— Иногда нам удается насильно сделать ему обезболивающий укол. И тогда отец, выспавшись и восстановив силы, начинает ругать нас за то, что мы поступили против его воли.

— Когда в следующий раз силы вернутся к нему, передай, пожалуйста, что я приходил и слышал его стоны, — сказал Исана.

— Спасибо, передам, — сказала Наоби и как бы в знак признательности вынула из ящика стола конверт с деньгами и протянула Исана.

Исана стал прощаться, и Наоби, видимо вспомнив о полицейском, несущем охрану в коридоре, решила проводить его до лифта.

— Когда я была беременна Дзином, — сказала она, не глядя на Исана, — и заболела, я не знала, выживет ли он, выживу ли я. Как видишь, я выжила.

— Вот и хорошо. Кстати, Дзин тоже выжил, выжил и я, — сказал Исана.

Войдя в лифт и обернувшись, Исана со щемящей болью посмотрел на выглядывавшие из-под накинутой на плечи кофточки темные, с огрубевшей кожей локти Наоби, которая ушла, не дожидаясь, пока закроются автоматические двери лифта. В ушах Исана неумолчным эхом звучали стоны больного...

Исана шел по улице в поисках продовольственного магазина, и обжигающая жара, как увеличительным стеклом, сконцентрированная сферой небосклона, раскалывала голову на мелкие кусочки. Мозг не переставая сверлили стоны Кэ. Показался огромный продовольственный магазин — супермаркет. Исана подошел к управляющему, стоявшему у кассы, и, вспомнив перечень продуктов неприкосновенного запаса, прилагавшийся к рекламе атомных убежищ, сделал заказ.

— Собираетесь в путешествие? В горы, по морю? — заинтересовался управляющий.

— По морю.

Невинный вопрос коснулся самого потайного уголка души Исана, и он вдруг понял, как мало он верит в то, что Свободные мореплаватели выйдут в море. Так или иначе, продовольствие, спрятанное в бункере, поможет им выдержать осаду. Только сейчас Исана открылась вся неуверенность Такаки в будущем Союза свободных мореплавателей, все его колебания. И только поднявшись на борт корабля, они, загнанные в угол, станут настоящими Свободными мореплавателями. Достоинство Такаки как деятельного руководителя в том и состоит, что он планомерно готовит это превращение.

— Пусть продукты оставят пока здесь. Я поищу такси, — сказал Исана и положил рядом со счетом почти все деньги, полученные от Наоби.

— Такси? Не поместится, — сказал молодой управляющий, оценивающе посмотрев на Исана. — Немного не рассчитали, по моему, хотя подбирали все весьма продуманно.

— Действительно, я совсем упустил это из виду, — растерянно сказал Исана, думая, как не хватает сейчас Такаки. Тот бы мигом стащил даже многотонный грузовик...

— Что ж, придется доставить покупку на нашей машине. Чтобы избежать волокиты, вы бы сами сели в машину и показали дорогу.

— Вы очень любезны...

— Такой крупной покупки еще не было с открытия нашего магазина, — сказал управляющий и холодно улыбнулся, точно желая показать, что его сообразительность и способности достойны лучшего применения.

Подталкиваемый в спину новыми покупателями, Исана отошел от кассы и подошел к окну, на котором красовались крупные пероглифы обращенной к улице рекламы. Рядом с его головой была изображена полка с пряностями, над ней в мельчайших деталях были выписаны растения, из которых они добываются. Черный перец, красный перец, лавр, коричник... В детстве Исана, усвоив мудрость, передававшуюся из поколения в поколение в деревне, окруженной лесами, приступая к важному делу, грыз корень коричника. В их деревне рос всего лишь один, но огромный коричник. *Ты помнишь наше голодное детство?* — сказал Исана душе коричника, извлекая растение из глубин памяти. — *Это изобилие продуктов напомнило мне об огромном количестве пустых желудков в те годы.* Потом он представил себе картину, как толпы грабят продовольственный магазин. Огромная гора выставленных напоказ консервных банок рушится, и дети оказываются погребенными под ней. Бесчисленные ноги топчут банки, но никому не приходит в голову спасти детей. Толпа людей, облитых ужасом атомной войны, грабит продовольственный магазин, тщетно надеясь спастись бегством. У Союза свободных мореплавателей достаточно продовольствия. И теперь они с винтовками в руках должны отогнать толпу, пытающуюся силой проникнуть в атомное убежище Свободных мореплавателей. Толпу, которая топчет заваленных консервными банками детей и стремится в единственное в этом огромном городе общественное атомное убежище...

— Что может быть лучше загородной прогулки в обществе милых сердцу друзей, — сказал управляющий, изобразив на лице печаль. — Как бы мне хотелось совершить такую поездку.

Появились двое молодых людей и унесли купленные Исана продукты. За окном, задом к тротуару, стоял фургон. Управляющий умолк, на его умном лице действительно отражалось вполне понятное желание сбежать от окружающих его товаров. *Почему этот человек хочет сбежать отсюда?* — сказал Исана душам деревьев и душам китов. — *Может быть, потому, что и он дрожит от страха, думая о грабеже в случае атомной войны?*

— Готовы ли вы к тому, что толпа вдруг начнет грабить магазины? — спросил Исана. Управляющий, вздрогнув, отступил на шаг, но было ясно, что он воспринял слова Исана как нелепую шутку. — Ну, скажем, в день Страшного суда?

— Нет, конечно. И зачем? Разве у нас не конституционная страна. Такой же она будет и в день Страшного суда.

Когда молодой водитель, погрузив продукты, влезал в машину, управляющий что-то шепнул ему на ухо. Не обратив на это внимания, Исана сел рядом с ним. Из центра города они поехали по автостраде, идущей на северо-запад, но, видимо, где-то впереди случилась авария, так как их сторона была забита машинами, а на противоположной не было ни одной. Из-за палящей летней жары ни на тротуарах, ни на пешеходных виадуках не было ни живой души. *Город — как накануне атомной войны. Люди, побросав дома и имущество, бежали из города, спасаясь от атомной бомбардировки.* — обратился Исана к душам деревьев и душам китов. Он хотел то же самое сказать сидевшему рядом с ним молодому человеку, но тот держался неприступно и явно не был расположен его слушать. С тех пор как началось его отшельническая жизнь, Исана не поддерживал отношений с посторонними, и он подумал, что, кроме Такаки и его товарищей, вся остальная молодежь под стать этому водителю. Но, с другой стороны, молчание молодого человека вполне естественно: воздух, влетавший в окно, которое из-за жары пришлось открыть, был насыщен выхлопными газами, и он из последних сил управлял машиной, и его потное лицо было в грязных потеках. У Исана по-прежнему звучали в ушах стоны Кэ, и у него не было иного выхода, как снова обратиться к душам деревьев и душам китов. По его лицу тоже ползли грязные струйки пота.

Запершись с сыном в атомном убежище, я, как уверенный лучший обитатель земли, которых люди стремятся истребить, намеревался встретить последний день человечества. Мы с сыном тоже должны погибнуть, однако это никогда меня не беспокоило. Но теперь, когда я еду по вымершему, как после атомной войны, городу, я все яснее ощущаю привлекательность плана Свободных мореплавателей — крушить все машины подряд. Но сейчас у меня возник еще более агрессивный план! Носясь по городу, который вот-вот должен подвергнуться атомному нападению, я, как уверенный китов, обитающих в море, и деревьев, растущих на земле, буду давить людей везде за содеянное ими — вот в чем смысл моей отшельнической жизни. Я провозгласил себя уверенным китов и деревьев потому, что нахожусь на земле вместо китов и способен передвигаться вместо деревьев, и я противопоставил себя всему человечеству. Если бы сейчас вел машину не этот тупой и упрямый юнец, а кто-либо из Свободных мореплавателей, и сегодняшний день был бы последним днем мира, мы устремились бы вперед, продираясь сквозь эту автомобильную пробку, по-

мчались бы наперерез встречным машинам и наказали бы людей, слишком поздно подумавших о спасении. И еще до того, как все рухнет и небо осветится пожарами, мы возвестили бы громогласно: грядем!..

Через два часа фургон подъехал к убежищу, и молчавший всю дорогу водитель выскочил из машины, открыл заднюю дверцу и сгрузил на обочину продукты. Такаки с ребятами почему-то не появились. Не появились они и после того, как фургон скрылся в раскаленной дымке. На развалинах киностудии, где все уже было разрушено, снова пылал огромный костер, густо стлался кроваво-красный дым; там виднелось человек десять рабочих. Скорее всего, Такаки приказал не выходить, чтобы рабочие не смогли определить, сколько ребят прячется в железобетонном убежище. Наверно, это была также и предосторожность против полицейских, несомненно рыскающих поблизости. Поэтому и Исана следует проявлять осторожность. Видимо, объявлено чрезвычайное положение. Прозвучавший в ушах стон Кэ Исана воспринял как предостережение.

Глава 18

ВСПЫШКА ЧУВСТВЕННОСТИ (3)

Когда Исана, нагруженный ящичком, полным лапши, на который он положил пакеты с луком и другими овощами, с трудом добрался до входа в убежище, дверь изнутри открылась, и Красномордый взял у него часть груза. Рядом стояла Инаго.

— В полдень, в два часа и в четыре приходили полицейские, — сказала она. — Мы сидели тихо, не шелухнувшись, а Дзин, такая умница, ни звука не проронил. Такаки сказал, что полицейские, наверно, всех опрашивают и решили навестись в убежище, потому что оно всегда вызывало у них подозрение. Я наблюдала из бойницы, когда они поднимались сюда второй раз...

На Инаго была короткая, лишь чуть прикрывавшая грудь хлопчатобумажная кофта и джинсы, закатанные до колен, а Красномордый был в плавках и спортивной кепке с оторванным козырьком. Они, кажется, как следует потрудились в убежище. Было слышно, что работа в бункере продолжается. Исана таскал продукты — ему пришлось пять раз сходить туда и

обратно. Он торопился из страха, что на дороге, покрытой темно-кофейной пылью, вот-вот появятся полицейские. С ребятами, поехавшими в Идзу, чтобы получше закопать труп Короткого, наверняка что-то случилось. И Свободные мореплаватели превращают убежище в неприступную крепость. Продуктов хватало, чтобы выдержать долгую осаду.

— О корабле переговорил, — сказал Исана, передавая последний пакет Такаки. — Их решение узнаю завтра по телефону. Если с кораблем ничего не выйдет и мы окажемся на осадном положении, продукты будут как нельзя кстати. А если нам все же удастся выйти в море, мы возьмем их с собой...

— Спасибо. Мне или Тамакити покупать продукты было бы опасно. Девочки-кассирши читают еженедельники. Могут вспомнить фотографии. Да и денег у нас нет... — чистосердечно признался Такаки. К ним подошла Инаго.

— Дзин спит?

— Играет в подвале. Мы перенесли продукты туда, и я как кок проверяю их и делаю опись, а Дзин рассматривает этикетки на консервных банках.

На верхней площадке винтовой лестницы послышался грохот, видимо, упало что-то тяжелое.

— Готовимся выдержать осаду, если не будет иного выхода, — сказал Такаки тоном экскурсовода и стал подниматься по винтовой лестнице.

— Дзин, я пришел, — крикнул Исана в открытый люк подвала.

— Ребята из Идзу не вернулись. Вот мы и начали готовиться к осаде.

Грохот подняли Тамакити с ребятами, баррикадировавшие выход с винтовой лестницы на балкон третьего этажа. Они заложили проем железными крышками канализационных колодцев, а сверху навалили разбитые железобетонные балки, из которых торчали металлические прутья. Балки они обмотали веревкой и привязали к наличнику таким образом, что получилась как бы вертящаяся дверь. Двое ребят могли легко повернуть это железобетонное сооружение и в образовавшуюся щель наблюдать, что делается снаружи и даже вылезти через нее на крышу, если потребуется кого-то атаковать.

— Трудно, наверно, было притащить эти железные крышки? Да еще чтобы полицейские не заметили, — сказал Исана.

— Их притащили сюда еще до того, как вы вернулись из Идзу, — спокойно сказал Тамакити. — У нас есть еще, мы ими заложим входную дверь и дверь из кухни. Ваш дом — замеча-

тельный блиндаж, противнику остается только применить артиллерию.

В лучах заходящего солнца на теле Тамакити блестели капельки пота, видимо, он работал не отдыхая. Совсем другим делом в противоположном углу комнаты занимался еще один крепкий парень — он возился с рацией. Это был тот самый подросток, который встретил Исана на лодочной станции, когда Такаки привел его на базу Союза свободных мореплавателей. Рация представляла собой приемо-передающее устройство, соединенное с большим транзисторным всеволновым радиоприемником, и была настолько компактной, что ее можно было установить в радиорубке корабля. Подросток в наушниках настраивал рацию.

— Есть сообщения из Идзу? — прокричал Такаки в прикрытое наушником ухо радиста.

— В пятичасовом выпуске ничего не говорили. Я прослушал все станции префектуры Сидзуока... Сейчас пытаюсь поймать переговоры патрульных машин.

— У меня же нет наружной антенны, — сказал Исана.

— Ее уже установили. Это радист Союза свободных мореплавателей. Он окончил радиошколу и работал радистом на корабле, — объяснил Такаки.

Когда Такаки и Исана спустились вниз, к ним присоединился Тамакити. Он явно хотел присутствовать при разговоре: с ребятами, которых он самовольно отправил в Идзу, несомненно, что-то произошло. Он опасался, что его объявят виновным в тех неприятностях, которые обрушились сейчас на Союз свободных мореплавателей.

— Этот радист участвовал в учениях в Идзу? — спросил Исана у Такаки, но вместо него ответил Тамакити:

— Ему не удалось освободиться от работы на лодочной станции. Он ремонтировал лодки к летнему сезону.

— Чудной тип. Работал бы по своей специальности — и заработок хороший, и дело перспективное, а он все бросает и идет на лодочную станцию.

— Зато стоило мне его позвать, и он тут как тут, — сказал Тамакити гордо.

— Ты, я вижу, всерьез готовишься к осаде, — насмешливо бросил Исана, но пронять Тамакити было нелегко.

— Я все думал, как выбраться за продовольствием. Теперь все в порядке. Я был уверен, что вы доста ете все, что нам нужно. Стоит ли мечтать попусту о корабле?..

— Все же нам, видимо, удастся достать корабль.

— Если бы еще ребята, которые поехали в Идзу, благополучно вернулись обратно...— сказал Такаки.

— Их не схватили,— грубо перебил его Тамакити.— ...А если и схватили, они будут молчать. Сколько бы их ни били, они не откроют наш новый тайник.

— Будем надеяться,— сказал Такаки.

Из бункера в комнату поднялись Инаго с Дзином. Дзин отыскал в продуктах шоколад и был явно доволен находкой.

— Привет, Дзин. Вкусный шоколад?

— Да, вкусный шоколад,— ответил сын, нисколько не удрученный долгим отсутствием отца.

— Совсем оправился от ветрянки. И ни один прыщик не расчесал — вот воля у ребенка! — сказал поднявшийся вслед за ними Доктор.— Прекрасный бункер: и кухня в нем есть, и уборная. Мощные вентиляционные устройства — все предусмотрено.

— Когда мы задраим люк, бункер превратится в неприступную крепость. Так что нам и корабля-то никакого не нужно,— сказала Инаго.

— Я тоже так думаю,— неожиданно согласился Тамакити.

— Закроемся в бункере, а что дальше? Сдаться или умереть? Ведь рано или поздно кончится продовольствие,— сказал Исана.— В еженедельнике говорилось о боевых учениях партизанского отряда. Вы предлагаете нечто совсем иное. Партизаны сражаются, непрерывно меняя местоположение.

— Да, плохо наше дело,— сказал Тамакити.

— Вы, Исана, говорите, что у нас только два пути: сдаться или погибнуть. Разве нет третьего? — спросила Инаго.— Пока мы будем сражаться в окружении, на американскую военную базу, расположенную поблизости, будет сброшена атомная бомба, и только нам, забаррикадовавшимся в атомном убежище, удастся выжить.

— Атомная бомба? Если на Токио будет сброшена водородная бомба, то наш бункер взлетит в воздух. Атомное убежище ничего не стоит. Оно нужно лишь для самоуспокоения. Водородная бомба в пять тысяч раз мощнее атомной, сброшенной на Хиросиму,— сказал Тамакити.

Исана впервые приходилось выступать в роли защитника своего атомного убежища, и он вдруг почувствовал, как сильно к нему привязался.

— Мне приходилось часто обсуждать вопрос о том, какая примерно атомная бомба будет сброшена на Токио, если в са-

мом деле начнется ядерная война. Все эти рассуждения ничего не стоят, хотя такие вопросы действительно обсуждались, и мне это известно, ведь в компании, собиравшейся наладить массовое производство таких же атомных убежищ, я занимался рекламой. Даже если бы наш потребитель убедился на собственном опыте, что, в случае атомной бомбардировки, защитные возможности атомных убежищ недостаточны, рекламации от него все равно не поступило бы. Он бы просто погиб. Вот почему, рекламируя наши атомные убежища, я должен был делать вид, что мне досконально известны их возможности. С этой целью мы выпустили рекламную брошюру, перевод американского проспекта атомных убежищ, выпущенного при президенте Кеннеди. Дело в том, что тогда в компании никто ничего не смыслил ни в физике, ни в технике, зато знали иностранные языки. В брошюре говорилось, что, поскольку это оружие страшное, необходимо покупать атомные убежища, но не настолько страшное, чтобы атомное убежище не могло от него защитить. В общем, все выглядело довольно убедительно...

— Это убежище построили как образец, выпустили рекламную брошюру. Почему же так и не началось массовое производство? — спросила Инаго.

— В своей основе идея атомных убежищ — чистый обман, и скрыть это от покупателей не удалось. Например, мы не могли ответить на простой вопрос: как люди, уцелевшие в атомных убежищах, смогут существовать в условиях радиации, — сказал Исана и продолжал, обращаясь уже только к душам деревьев и душам китов: — *Волнения, одолевавшие меня в те дни, привели к тому, что я заболел меланхолией, и не в последнюю очередь по этой причине я укрылся в атомном убежище. Да, наверно, и болезнь моего ребенка случилась из-за моего внутреннего краха...*

— Расскажите подробнее об этом надувательстве, — ввернул Тамакити.

— Водородная бомба, о которой я упоминал, имеет сто мегатонн, простой расчет показывает, что она в пять тысяч раз мощнее той, что была сброшена на Хиросиму. Однако реальная разрушительная сила составляет лишь кубический корень из пяти тысяч, следовательно, она мощнее только в семнадцать раз. И в зависимости от рельефа местности может уменьшиться еще больше. Ядерная головка ракеты «поларис» равна 0,6 мегатонны, то есть в пересчете на тринитротолуол в тридцать раз мощнее бомбы, сброшенной на Хиросиму, однако реальная разрушительная сила, опять-таки равная кубическому корню из

этого числа, больше лишь в полтора раза. Следовательно, атомное убежище, расположенное на достаточном расстоянии от эпицентра взрыва, будет вполне эффективным — вот, в самых общих чертах, что было написано в брошюре. Разумеется, все эти рассуждения были сплошным надувательством; простой расчет — десять ракет «поларис» с ядерными боеголовками, наносящих удар по Токио, причинят ущерб, в пятнадцать раз больший, чем понесла Хиросима. Помимо всего, методы расчета разрушительной силы, используемые американскими учеными, как мне представляется, значительно преуменьшают силу радиации. Поэтому даже эксперты, изучавшие реальные возможности атомных убежищ, пришли в уныние. Их строительство не получило развития, в Соединенных Штатах и в Советском Союзе стали создавать вокруг крупных городов сеть радаров и антиракетных установок. Бум атомных убежищ захит. Японская компания, не успев наладить массовое производство, разорилась, осталось только это убежище. Я осматривал оружейный склад одного индийского магараджи, превращенный в музей, и обнаружил в нем массу страшного оружия. Это атомное убежище тоже достойно быть превращенным в музей...

— Если Свободные мореплаватели, забаррикадившись в нем, будут сражаться, появится еще одна причина превратить убежище в мемориальное здание, — сказала Инаго.

— Партизанский тайник эпохи атомного оружия? — усмехнулся Исана.

— И тот самый магараджа придет из Индии осматривать его. В предвидении этого я должна вставить фильтры в вентиляционные устройства. Зачем пропадать таким прекрасным фильтрам? Дзину тоже нравятся фильтры.

— Да, Дзину нравятся фильтры, — сказал, сияя, Дзин, на лице которого еще кое-где виднелись засохшие, почерневшие точки.

— Ну ладно, сейчас не время для пустой болтовни, — сказал Исана, но в тоне его явно чувствовалось, что ему приятны и оптимизм Инаго, и мягкая, добрая улыбка Дзина.

Из бункера поднялся Красномордый, весь мокрый от пота, за ним еще двое ребят. Проникавшие сквозь бойницу лучи вечернего солнца провели красной краской по его скулам, нодрям, подбородку.

— Десять человек смогут там спокойно жить, — сказал он. — Правда, мы все передвинули без вашего разрешения.

— Будь я дома, сам бы помог вам, — сказал Исана.

— Давайте разойдемся по комнатам и поспим. А в случае чего, сразу же укроемся в бункере, — сказал Такаки.

— Даже если появится противник, нет никакой нужды сразу бежать в бункер, — сказал Тамакити. — Я думаю, мы должны, сколько возможно, сражаться наверху. Обороной ты будешь руководить, Такаки?

— О чем ты говоришь? О каком руководстве может идти речь? Мы здесь в такой тесноте...

Сказав это, Такаки умолк и, точно обдумывая что-то, опустил голову. Двое ребят, закончив баррикадирование окон на третьем этаже, присоединились к команде Свободных мореплавателей, собравшейся вокруг молчавшего Такаки. Наконец, по-прежнему не поднимая головы, он медленно заговорил:

— Я думаю, что трех наших ребят, поехавших в Идзу, схватила полиция, и труп Короткого тоже обнаружили. По радио ничего не передают потому, что полиция запретила это делать. Полиция, я думаю, знает, что мы не разбежались, а укрываемся в одном месте. Если б они считали, что мы рассеялись по всей стране, то прибегли бы к помощи радио и телевидения. Я не думаю, что ребята, попав в руки полиции, будут молчать. Союз свободных мореплавателей не партия, которая зиждется на вере в революцию. Вспомните, что говорил Коротышка. Если кто-либо посторонний спросит, что такое Союз свободных мореплавателей, единственное, что нам придет на ум, — наш погибший символический корабль. И все. Если полиция их схватила, заперла в одиночках и припугнула как следует, из их голов сразу же вылетели все воспоминания о корабле. И нечего ждать, что они сохранят верность и, даже если их будут избивать, не проронят ни слова. Видимо, не позже, чем этой ночью, они все расскажут о нашем убежище. И мы здесь в безопасности только до ночи. Так что те, кому не по душе оказаться в осаде, могут свободно уйти отсюда...

Из-за спин ребят, загородивших дверь в прихожую, высунулся Радист.

— Я думаю, наш дом уже окружен, — покачал он головой, с невозмутимым спокойствием возражая Такаки. — Я не мог разобрать, о чем они переговариваются, но под горой полицейские машины поддерживают постоянную радиосвязь. Полиция видела фотографии военных учений и проявляет осторожность, поэтому они до сих пор и не ворвались сюда.

Тамакити вскочил как ужаленный. Он подлетел к черному глазу бойницы, смотревшему во тьму, но, разумеется, ничего рассмотреть не смог. Напрягшаяся спина Тамакити как бы сим-

волизировала и неуверенность, и решимость Союза свободных мореплавателей. *Они снова хотят увидеть свой призрачный корабль,*— сказал Исана, обращаясь к душам деревьев и душам китов.— *Теперь, когда угроза со стороны полиции стала реальной, их мечта как никогда близка к осуществлению.*

— Завтра утром, только рассветет, они, наверно, пойдут в наступление. Мы встретим их ружейным огнем,— сказал Тамакити, повернув к товарищам побледневшее от напряжения лицо.

— Тогда давайте возьмем самые лучшие продукты и устроим сегодня ночью пир,— сказала Инаго, вставая, и вслед за ней вскочил Дзин.

Поднос, который принесла Инаго, действительно ломился от обилия еды, но Исана потрясло убожество угощения. Суп из мясных консервов, лука, моркови и картошки и лапша с накрошенными в нее кусочками бекона — вот и все деликатесы. Исана, у которого не было аппетита, попробовал немного овощного супа и, привалившись к стене, стал наблюдать за тем, как едят ребята. Они ели с жадностью, как изголодавшиеся. *Неужели вас не потрясает эти люди, с такой откровенностью утоляющие голод?*— сказал Исана душам деревьев и душам китов.— *Их тела совершенно лишены жира. Если содрать с них кожу, под ней окажутся кроваво-красные упругие мышцы. Какое огромное количество еды может сгореть в их желудках. Как все это ужасно.*

Ребята ели долго, и Дзин, притомившись, заснул прямо на полу. Позаботиться о сыне, который лежал ничком на полу, снова должен был Исана. Взяв на руки Дзина, он отнес его на второй этаж.

— Можно на минутку? — послышался голос Такаки, который остановился у порога, не решаясь войти в комнату. Видимо, его смутило благоговение, с каким Исана надевал на Дзина пижаму.

— Можно, конечно,— сказал Исана, увидев выглядывавшее из темноты лицо Такаки.

Такаки стоял вполоборота к Исана, и свет лампы у винтовой лестницы освещал половину его лица.

— Я вот о чем подумал,— сказал Такаки.— Мы пригласили вас в Союз свободных мореплавателей как специалиста по словам. Но сейчас специалисту по словам делать у нас нечего, и мы можем обойтись без вас. И я и Тамакити считаем, что в ны-

нешней ситуации не до слов. Не лучше ли вам с Дзином этой ночью покинуть убежище?

Такаки говорил, с трудом выдавливая из себя слова. Он умолял, а Исана все ждал, что он продолжит свою печальную речь.

— Но ведь это убежище мое и Дзина,— ответил он возмущенно.

Такаки, сжав в ниточку губы, горько усмехнулся. Молодость, проглянувшая за этой горькой усмешкой взрослого человека, заставила Исана обратиться к душам деревьев и душам китов. *Неужели я и в самом деле забаррикадировался вместе с этими детьми?* Но Такаки быстро согнал с лица усмешку, спрятал проглянувшее на нем детское выражение и спросил:

— Предположим, вы останетесь, и нам придется выдержать осаду. Зачем это вам?

— Поселившись в убежище, я добровольно взял на себя миссию поверенного лучших обитателей земли, не способных передвигаться, лучших обитателей морей, не способных выйти на сушу. Разве я не говорил об этом? — сказал Исана. — Только укрывшись здесь, я осознал себя поверенным деревьев и китов. Я был пассивен, это верно, но, как мне кажется, взятую на себя миссию я выполнял честно. Если начнется война и водородная бомба уничтожит все человечество, мы с Дзином, благодаря атомному убежищу, погибнем последними, и я хотел в свой последний день сообщить всем китам и деревьям на земном шаре: как ваш поверенный поздравляю вас с тем, что человечество, пытавшееся уничтожить вас, — погибло. Я думал, что, если мне удастся это сделать, я тем самым выполню свою миссию. Но мне не хотелось никого посвящать в свою мечту. Я понимал, что моя мечта сродни навязчивой идее безумца. И боялся, что меня упрячут в психиатрическую лечебницу. Возможно, я действительно сумасшедший, но поскольку свое безумие я запер в этом убежище, то свободен в своих поступках. А Дзин — прекрасный компаньон, он ни словом не возразит, какие бы безумства я ни совершал... Да и у Дзина, с тех пор как началось наше затворничество, появилось желание жить... И вот я встретился со Свободными мореплавателями, они приняли меня в свой Союз, и я обнаружил, что передо мной открылись совершенно новые возможности, о которых я даже не подозревал. Прежде всего я обнаружил, что, если, оказавшись в осаде, придется сражаться и стрелять в людей, я, стоя рядом с вами, смогу полностью проявить себя как поверенный деревьев и китов.

Бах — выстрел во имя прекрасных деревьев, уничтожаемых людьми, бах — выстрел во имя прекрасных китов, уничтожаемых людьми... Возможно, атакующие поразились бы, услышав мои слова. Но я бы сказал им: если вы возражаете, поставьте себя на место деревьев и китов.

— Неужели вы серьезно думаете, что мы собрались здесь и притащили сюда оружие только ради ваших деревьев и китов? Ну что ж, пусть будет так,— согласился Такаки и снова спросил о том же, о чем уже спрашивал: — Но ведь остается еще Дзин? Не хотите же вы, чтобы деревья и киты сказали ребенку: умри, человек!

— Вы правы,— сказал Исана, отводя взгляд от теплого, мягкого тельца, которого он касался ладонями.— Но все, что я сейчас говорил,— пустые слова, пока не дошло до стрельбы. В зависимости от обстоятельств я и буду решать, что делать с Дзином. Что сейчас можно придумать?

— Это верно. Как я понимаю, вы собираетесь провозгласить всему миру о своих связях с деревьями и китами? И поскольку вокруг будет тьма корреспондентов, это окажется весьма эффективным...

— Не в этом дело. И если бы я даже мог сообщить газетам и телевидению, что являюсь поверенным деревьев и китов,— это не будет обращением к деревьям и китам, задуманным мной. Это нечто совсем иное...

— Тогда можно прибегнуть к другой тактике,— сказал Такаки, к которому вернулась прежняя твердость и решимость.— Тем, кто будет там, за стенами, мы внушим мысль, что вы с Дзином — наши заложники. В этом случае, может быть, нам действительно удастся выйти из окружения и добраться до порта, где Свободных мореплавателей будет ждать корабль. Если бы нам и в самом деле удалось получить корабль...

— Правильно, если вы сделаете из меня и Дзина заложников, жена, я думаю, передаст вам корабль. Тем более что деньги на корабль она собиралась дать мне. Как человек, баллотирующийся на выборах от правящей партии, она лишена возможности предоставить средства для побега людям, выступающим против властей. В случае же если это делается ради спасения мужа и сына, взятых в качестве заложников «экстремистами», тогда разговор другой. Это даже пойдет на пользу ее избирательной кампании.

— Все наши угрозы окажутся бесполезными, если и те люди не извлекут из них какую-то выгоду. Поэтому они не должны знать, что вы участвуете в сражении, иначе все прова-

лится. А пока вы можете выступать в качестве, так сказать, скрытого воина — писать тексты требований, которые Радист будет передавать за стены убежища.

Исана снова убедился, насколько Тамаки подготовлен к роли руководителя.

— Значит, сначала я должен поработать в радиорубке? — сказал Исана.

— Обороной будет руководить Тамаки. Он у нас самый опытный стрелок. Оружия и боеприпасов у нас немного, поэтому лучше всего поручить это специалисту. Да и оттащить его от оружия все равно немислимо... Но интересно узнать, действительно ли мы в осаде? Действительно ли моторизованная полиция и солдаты сил самообороны собираются нас атаковать? А вдруг завтра здесь не будет ни одного полицейского, и не будет никакого боя, и нас ждет мирное спокойное воскресенье?

Лицо Тамаки, который сказал это то ли с надеждой, то ли с неожиданным раздражением, как будто раздулось. Исана заметил, что в профиль оно действительно стало чуть шире. Видимо, из-за мерцавших в сумеречном свете капелек пота, покрывавших его лицо. Ладонь Исана, талисманом-хранителем лежавшая на плече спящего Дзипа, тоже была влажной от пота.

Чтобы противник, притаившийся снаружи, не заметил в доме движения, Инаго разделась, не входя в комнату, при свете лампочки, освещавшей винтовую лестницу. Ее тело, покрытое легким пушком, излучало мягкое сияние. Она остановилась у порога и стала всматриваться во тьму, чтобы определить, где лежит Исана. Потом прикрыла за собой дверь, подошла и легла рядом.

— Первым на пост заступает Тамаки. Он и Радист несут сегодня ночную вахту, — прошептала Инаго. Исана чуть подвинулся, освобождая ей место. — Этой ночью, надеюсь, ничего серьезного не случится.

Послышались осторожные шаги по металлическим ступенькам винтовой лестницы. Дверь на третьем этаже не скрипнула. И наверху и внизу была полная тишина. Наверно, Тамаки решил оставить двери открытыми, чтобы легче было поднять по тревоге команду. Исана прижал к себе пылавшую желанием Инаго...

Он лежал молча, с него лился пот, и покрытая потом кожа ощущала прохладу. Инаго тоже наконец затихла и лежала не

шелохнувшись. Казалось, тело ее рождается заново, время от времени по нему пробегала дрожь... Потом дрожь прекращалась, и тогда изо рта ее вырывался судорожный вздох. Исана не мог сдержать гордую улыбку. Еще никогда в жизни он не испытывал подобной радости. Обнимая засыпающую Инаго, прислушиваясь к дыханию спящего рядом сына, Исана, как часовой, смотрел во тьму, не смыкая глаз...

Раздался выстрел, и убежище откликнулось эхом, как резонатор. Проснувшись в испуге, Исана услышал спокойное дыхание сына. Значит, то была не перестрелка, а одиночный выстрел. Инаго тоже проснулась. Кто-то стремительно взбежал по винтовой лестнице. Стреляли явно из автомата короткой очередью. Он помнил этот звук еще по Идзу. Стреляли с третьего этажа. Заплакал Дзин, наверно, ему что-то приспилось.

— Дзин, Дзин,— повторял Исана, не находя нужных слов. Он не мог успокоить сына, сказать, все, мол, кончилось, Дзин, поскольку выстрелы могли повториться. Когда информация, поступающая в затуманенный мозг Дзина, расходилась с действительностью, он вспыхивал, как сухая солома. Жалко и неуверенно он шептал, весь напрягшись в ожидании нового выстрела: — Дзин, Дзин.

Инаго встала, приоткрыла дверь, впустив в комнату слабый свет с лестницы.

— Дзин, это выстрел. Бах — выстрелил Тамакити,— утешала плачущего ребенка Инаго, встав на колени у его кровати.— Это даже интересно. И совсем не страшно, Дзин.

Исана вдруг вспомнил, что нужно было делать. Присев на матрасе, надел рубаху и брюки. Он увидел прекрасные и совершенные, что даже дух захватывало, удлиненные груди Инаго, склонившейся над тихо плачущим Дзином.

— Скажу Тамакити про Дзина,— выговорил Исана, чуть ли не силой заставляя себя оторваться от того, на что хотел бы смотреть бесконечно.

На третьем этаже тоже соблюдалась светомаскировка, и лампочка без абажура освещала только винтовую лестницу. Поздრი щекотал едва уловимый запах порохового дыма, исходящий от черных спин Тамакити и Такаки, прильнувших к бойницам. Тот же запах исходил от Радиста, в темном углу комнаты с наушниками на голове склонившегося над слабо освещенной шкалой приемника.

Когда Исана подошел к свободной бойнице между теми, у которых стояли Такаки и Тамакити, Такаки предупредил:

— Осторожно. Стекла вынуты.

Действительно, стекла в круглых окнах были выбиты, и холодный ночной воздух ударял в лоб, как предвестник пули, которые вот-вот полетят в него.

— Да и было бы стекло, что стоит пуле пробить его. Раз, и готово, — сказал Тамакити. — Хотя, возможно, полицейские не получили еще приказа стрелять.

Тамакити говорил рассудительно, спокойно, по-взрослому убедительно. Если снаружи не стреляли, значит, два выстрела были сделаны Тамакити. И благодаря этим выстрелам Тамакити сразу же возмужал. Он не был уже тем щенком, которого возбуждает ружейная пальба, как раньше. Исана посмотрел на автомат, лежавший дулом к стене, у колен Тамакити. Даже в темноте деревянные части — приклад и ложе — отливали красным гляncем, а металлические — ствол и магазин — лишь едва поблескивали. Слева от Тамакити были разложены тряпки и бутылка с маслом для чистки оружия. В свободные от наблюдения минуты Тамакити, видимо, начищал автомат. Время от времени он пристально вглядывался во тьму, где укрылся противник, и ждал развития событий. Исана посмотрел в бойницу, но снаружи была полная тьма — все равно что смотреть ночью в колодезь. Но все смотрел и смотрел на дно этого черного колодезя, понимая, что Тамакити и Такаки вряд ли стреляли просто так. Радист весь был во власти своих наушников, гоняясь за ускользящей волной. Внизу, в бункере, слышались голоса ссорящихся.

— Два часа тридцать минут, — сообщил Радист. — Попробую поймать ночной выпуск известий.

— Они, наверно, решили ждать до утра, — вздохнув, сказал Тамакити.

— Проекторы большой полицейской машины ты же разбил, — сказал Такаки, повернувшись. — Двумя выстрелами оба прожектора.

— Ровно в два часа полицейская машина включила прожекторы, — объяснил Тамакити. — Чтобы мы не скрылись под покровом ночи. Кокнул я один прожектор, они сразу второй потушили; минуты три прошло — снова включили, я и его кокнул.

— Ты слышал звон разбитого стекла?

— Здесь же всего метров сто пятьдесят, — сказал Тамакити. — И солдат еще говорил, что точность этих автоматов извест-

на во всем мире. А он все-таки в силах самообороны служил...

Исана снова выглянул во тьму. Где-то там полицейская машина с прожекторами и полицейские моторизованного отряда, которые думали, что их ждет ночная прогулка, а теперь злятся.

— Ни одна станция ничего о нас не сообщает. И экстренных сообщений тоже не было, — доложил Радист.

— Может быть, пока еще действует запрет на такие сообщения? — сказал Тамакити. — Но к утру все станции только и будут передавать об осаде. Теперь-то у них нет сомнений, что в этом здании люди, готовые стрелять из автоматов.

— Видимо, так, — сказал Радист.

— Прожекторы у них разбиты, и до рассвета они ничего не предпримут, — сказал Такаки. — Ждут прибытия корреспондентов. Может, нам поспать по этому случаю? Уничтожив прожекторы, ты, Тамакити, продемонстрировал волю Свободных мореплавателей и их стрелковое мастерство, теперь до утра не стреляй.

— Не буду, конечно, — ответил Тамакити задумчиво. — Я теперь хочу, чтобы моя пуля уничтожила человека. Иначе какой толк в этом оружии...

Глава 19

ИЗ ЧРЕВА КИТА (1)

Исана так и не успел сказать: подумайте о Дзипе, у него очень тонкий слух. В дверях показалось багровое от возбуждения и растерянности лицо Красномордого.

— Четверо из наших «образованных» — предатели, — сказал он с несвойственной ему грубостью и еще сильнее заливаясь краской. — Услышав выстрелы, они затряслись от страха и хотят уйти. Их сейчас Доктор уговаривает, но...

Красномордый вошел в комнату и тяжело дыша уселся рядом с Тамакити, а тот с автоматом на коленях продолжал молча смотреть через бойницу. Возможно, он хотел показать, что вопрос относится к компетенции Такаки. Такаки поднял с пола две пустые гильзы, зажал между большим и указательным пальцами и стал молча их разглядывать. Раздался звук, точно крохотный краб пускает крохотные пузыри. Звук шел из наушников, которые снял с головы Радист. Чувствуя, что тело его холодеет, будто от потери крови, и к горлу подступает тошнота, Исана обратился к душам деревьев и душам китов. *Так начинается суд Линча. Повторение того, что случилось с*

Коротким. Но повторение одного и того же означает загнивание. Так они идут к своей гибели...

— Они не столько предатели, сколько отколовшиеся, — задумчиво сказал Такаки. — Так сказать, списались с корабля на берег...

Такаки снова умолк, и раздался решительный голос Тамакити:

— Ты говоришь, Доктор их удерживает. Но ведь он их не столько удерживает, сколько уговаривает, а они вооружены?

— Оружейный склад рядом с их койками, вот в чем дело, — ответил Красномордый.

— Тогда лучше всего выпустить их. А я прошью их очередь из своего автомата.

— Я гляжу, ты помешался на убийствах, — оборвал его Такаки. — Зачем их убивать? Списались с корабля, и все. Мы решили забаррикадироваться не потому, что нас объединяет идеология. И не нужно никаких ярлыков: они не правы, мы правы. И за это убивать? Верно я говорю? Разница между теми, кто останется и кто уйдет, только в том, что у одних есть мечта о корабле, а у других нет.

— Почему же мы убили Короткого? — набросился на него Тамакити.

— Короткий сам вповал в суде Линча. Он из-за своего видения жаждал быть убитым и делал все, чтобы у нас не было другого выхода. В конце концов я пошел на это. И когда это свершилось, я увидел свою мечту гораздо яснее. Но для чего же сейчас убивать тех, кто расстался с мечтой о Союзе свободных мореплавателей и списался с корабля? Я никогда не хотел и в будущем не собираюсь убивать людей просто так.

— Значит, ты не хочешь стрелять и в полицейских?

— Если бы можно было обойтись без стрельбы... Но они пришли, чтобы уничтожить мечту Союза свободных мореплавателей, и мы, верные своей мечте, вынуждены сопротивляться.

— Делай как знаешь, — сказал Тамакити.

— Конечно, мы их отпустим без оружия. Но они хотят уйти прямо сейчас, как же быть? — спросил Красномордый.

— Ты говоришь, хотят уйти, — сказал Такаки. — Но вряд ли им удастся уйти от моторизованной полиции. Чтобы по ним не открыли в темноте беспорядочную пальбу, нужно выпустить их, когда рассветет.

— Я согласен с Такаки, — сказал Красномордый.

— Я тоже — после истории с Коротышкой, — смущенно сказал Тамакити.

— Нужно их убедить, — сказал Исана, — что и мы с Дзином хотели уйти из убежища, но нас оставили в качестве заложников.

— Думаете эти, которые уходят, поверят, что вы с Дзином тоже хотите бежать? — сказал Красномордый. — Они ведь прекрасно знают, что вы принадлежите к Союзу свободных мореплавателей...

— Но ведь и они до выстрелов Тамакити не сомневались, что принадлежат к Союзу свободных мореплавателей, — сказал Такаки. — Именно они-то и убеждены, что другие тоже захотели бежать.

— Дзин в самом деле не переносит выстрелов, — сказал Исана, улучив момент. — У него слишком тонкий слух.

— Это правда? — спросил Такаки участливо. — Выстрелы доставляют Дзину страдания? Может, и в самом деле... что-нибудь придумать, увести его отсюда...

— Если Дзина с Инаго посадить в бункер и закрыть крышку люка, он ничего не услышит.

— Ладно, так и сделаем, — сказал Такаки.

— Пришло время поработать и специалисту по словам Союза свободных мореплавателей, — сказал Исана с признательностью Такаки за участие. — Напишу письмо жене от имени заложников, запертых в убежище. Если оно попадет в руки полиции, она не сможет игнорировать версию, что мы с Дзином заложники.

— Беглецы могли бы вынести отсюда письмо, — сказал Тамакити. — Боюсь, правда, что все это пустое.

— Напишите в письме, на каких условиях мы готовы выдать заложников. Условия наши такие: беспрепятственно выпустить нас отсюда и приготовить корабль и машину, на которой мы доедем до порта.

— Пока корабль не выйдет в открытое море, заложники будут находиться на борту. Корабль не атаковать. Это тоже стоит написать.

— Может быть, написать, какой нам нужен корабль? — спросил Исана. — Когда разговаривал с женой, я не знал, что нам конкретно нужно.

— Да никакого корабля они нам не дадут, — сказал Красномордый. — Полиция не разрешит.

— Подумать о корабле все-таки не мешает, — отрезал Такаки. — Красномордый, это ведь по твоей части — его размеры, технические данные.

В четыре часа утра четыре подростка, положив руки на за-

тылок, как показывают в телевизионных фильмах, опустив от стыда головы, вышли из убежища. Исана, как заложник, которого бдительно стерегут, остался рядом с Радистом и через бойницу смотрел им вслед. По мере того как цепочка подростков удалялась, в их фигурах все сильнее ощущался давивший на них груз стыда и отчаяния. Вопреки словам Такаки беглецы тоже мечтали о корабле, и эта мечта еще недавно была ослепительно явственной. *Если они сейчас же не вернутся к тому, что покинули (хотя это и невозможно), то им до конца дней не избавиться от чувства стыда и отчаяния*, — трагически прошептал Исана душам деревьев и душам китов. Но потушившиеся подростки упрямо шли вперед по густой траве, покрывтой утренней росой. Их ждал впереди моторизованный отряд, использующий полицейские машины в качестве прикрытия.

— В четырехчасовых известиях запрет на передачи о нас снят. Треплют все подряд, и что было, и чего не было. Нас называют партизанским отрядом убийц, — сказал Радист бесстрашно, будто сообщал время.

Из бойниц прямо напротив убежища были видны две полицейские машины. Тамакити разбил стекло еще в одной бойнице: щитов на колесиках, за которыми укрывались готовые к атаке полицейские моторизованного отряда, становилось все больше.

— Можешь разбить хоть все стекла в бойницах, — предложил Исана.

— В этом нет необходимости. Достаточно показать им, что мы не остановимся перед тем, чтобы атаковать отсюда полицейские машины. Убивать всех полицейских подряд я не собираюсь. Конечно, если командир высунет из машины голову, я ее снесу, чтобы продемонстрировать решимость Союза свободных мореплавателей.

Такаки чертил план расположения моторизованного отряда, окружившего убежище. Сейчас он мог точно указать, лишь где находятся две полицейские машины и цель полицейских щитов; однако легко было предположить, что на холме за убежищем стоит еще одна машина, которую из бойниц не видно, и он обозначил ее на плане пунктирной линией. Рассматривая свой план, Такаки пытался путем несложных рассуждений установить, откуда ждать нападения. Боеприпасов было очень мало, поэтому решили, что стрелять имеет право один Тамакити, да

и то лишь с целью предупреждения. Убежище весьма выгодно расположено для обороны, поскольку противнику придется наступать с заболоченной низины. Оставалась, правда, проблема — нападение с тыла. Когда Свободные мореплаватели глубокой ночью делали вылазку, они по украденной на складе лесоматериалов бамбуковой лестнице легко забрались на крышу убежища. Если полицейские поставят за убежищем пожарную машину с лестницей, осажденные окажутся в критическом положении.

— У нас достаточно времени, чтобы подготовиться, — сказал Такаки. — Полиция пойдет на штурм еще очень не скоро. Возможно, уловка с заложниками провалится, но все равно полицейские будут проявлять осторожность — ведь в убежище ребенок. Даже если полиция не предаст гласности письму и не сообщит о нем вашей жене, она так или иначе придет. Пресса будет все время сообщать об осаде убежища. Вряд ли ваша жена не обратит внимания на то, что здесь происходит.

Радист вынул из гнезда штеккер наушников и в рубке зазвучало радио. Инаго и Красномордый впису тоже слушали маленький транзистор, хотя он ловил только одну станцию. Но слушать все станции подряд смысла не было, поскольку они передавали одно-единственное сообщение, подготовленное полицейским управлением. И все же, улавливая малейшие различия в тоне передач разных станций, собирая по крупницам моменты, на которые они делают особый упор, можно было составить мозаичную картину кривого зеркала общественного мнения.

О Союзе свободных мореплавателей теперь знали все. Видимо, ребята, схваченные в Идзу, как следует поработали языками. Союз свободных мореплавателей — организация бешеных, обладающая огромной маневренностью и широким полем деятельности. Его члены — бешеные мотоциклисты: угнать машину им ничего не стоит. К тому же в их распоряжении автоматы, охотничьи ружья, гранаты, патроны, динамит, украденные у сил самообороны, у американских войск в Японии и в частных домах. Эта необычайно опасная группа под руководством солдата сил самообороны провела военные учения в горах Идзу. Фотографии учений опубликованы в еженедельнике. Фоторепортер, сделавший снимки, был варварски убит. На трупе, обнаруженном недалеко от их тайника, — нанесенные камнями раны, имеются повреждения внутренних органов. Из тела извлечена пуля калибра 7,62, выпущенная из автомата, находящегося на вооружении сил самообороны. Можно считать установленным, что солдат сил самообороны, покончивший с собой

после ружейной перестрелки и взрыва гранаты, и был инструктором на военных учениях. Идейные позиции группы пока не ясны. О них не известно, не известно, **ничего не известно...**

Согласно показаниям арестованных, Свободные мореплаватели ждали разрушительного землетрясения в районе Канто и рассчитывали, узнав о нем, высадиться в Токийском заливе с корабля, служащего им тайным укрытием, и напасть на жертвы землетрясения. Во имя чего, во имя чего, **во имя чего?** И теперь эти незрелые социально, но прошедшие военное обучение люди, укрылись, вооруженные автоматами, в железобетонном здании. Подросток, найденный вчера утром мертвым в аркаде клиники Токийского университета, который напал на рабочих, разрушавших строения киностудии, и был ими избит, принадлежал к этой же группе. Труп подростка подбросили его товарищи. Видимо, они давно уже вознамерились забаррикадироваться в этом здании. Что будет, если в Токио действительно произойдет разрушительное землетрясение? Необходимы серьезные полицейские меры, чтобы отбить нападение этой антисоциальной бандитской группы. **Расправимся с ней, уничтожим ее! Перебьем, сожжем, выкорчем!** Такие призывы распалившихся комментаторов неслись из радиоприемника.

— Я вижу, рассчитывать на смягчающие вину обстоятельства не приходится, — грустно сказал Такаки, протягивая Радисту штеккер от наушников, чтобы радио снова умолкло. — А теперь еще прибавят, что мы под угрозой оружия захватили заложников — умственно отсталого ребенка и его отца.

— Во время землетрясения мы собирались уничтожить машины сильных мира, создающих пробки на дорогах, забитых беженцами, и таким образом уравнивать шансы людей, спасающихся бегством, — сказал Тамакити. — И значит, были бы своеобразным спасательным отрядом. Сволочи, все с ног на голову перевернули! Может быть, ребята, которые ездили в Идзу, сделали ложное признание?

— Но нам и в голову не приходило помогать слабым, которые будут спасаться бегством, — уныло сказал Такаки. — Чтобы быстрее добраться до своего корабля, мы собирались крушить машины, которые могли нас опередить... Разве не такой у нас был план? А что бы ты сказал, если бы полицейские стали тебя бить и допытываться? Вот они и сказали, что собирались в панике землетрясения крушить машины и таким способом мстить обществу.

— Я вижу, у нас теперь два специалиста по словам, — ехидно заметил Тамакити.

— Но зато специалист по стрельбе — один, — сказал Такаки. — Ты совсем не спал, пойдешь и поспи хоть немного.

— Без меня не стреляйте. Сдерживать полицию можно, только доказав, что мы стреляем метко.

— Если нужно будет кого-нибудь застрелить, позовем, — пообещал Такаки, и Тамакити спустился вниз. — ...Странный парень, — добавил он. — Даже аппетит у него пропадает, стоит ему вообразить, что стреляет не он, а кто-то другой.

Теперь в карауле стоял один Исана, он напряженно смотрел в бойницу. На безоблачном небе ярко сияло солнце, посылая на землю дрожащие паутинки серебряных лучей. Половина седьмого. Невооруженным глазом были видны лишь полицейские машины и щиты. Ни живой души. Тамакити категорически запретил пользоваться биноклем, опасаясь, что поблескивающие линзы будут служить хорошей мишенью. Однако ясно, что за щитами — полицейские в касках и пуленепробиваемых жилетах, в полицейских машинах — снайперы такого класса, что им впору выступать на Олимпийских играх. Людей, однако, по-прежнему не было видно, и это придавало пейзажу какую-то сюрреалистическую странность, напоминавшую виденный в детстве кошмарный сон. Хотя был день и ярко светило солнце, все вокруг выглядело мрачно и таинственно. Даже деревья...

Внезапно у Исана возникло ощущение, что окружающий мир окутан непроницаемой пеленой тайны, сквозь которую не просочится и капля воды. Будто перед его глазами плотно законопачено все, каждая щелочка. Ощущение пугало своей конкретностью. Все тело Исана покрылось потом.

— Что-нибудь случилось? — спросил внимательно наблюдавший за ним Такаки.

— Ничего определенного, — сказал бездарный караульный. — Я сразу понял, что там прячутся люди. И вдруг ощутил это физически.

Такаки с его практическим складом ума взял бинокль и, отойдя от бойницы на полметра, поднес его к глазам.

— Прячутся, точно. Как насекомые, копошатся. Кишмя кишат. Замаскировались, чтобы мы не обнаружили их и не стреляли, чуть только голову высовывают и наблюдают одним глазом... Что они хотят увидеть? Ну точно циклопы. Может, после того как мы порвали с миром, на земле случилась ужасная катастрофа, и все, кроме нас, превратились в одноглазых циклопов?

Взяв у Такаки бинокль, Исана взглянул на залитый солнцем мир, расстилающийся за стенами убежища. То, что он рань-

ше видел невооруженным глазом, вроде бы не изменилось: и покрытая густой летней травой заболоченная низина, и полицейские машины, и два ряда щитов по сторонам. Но развалины снесенной киностудии превратились в баррикады из металлических балок, бревен, кусков железа, бетона. Среди этих баррикад выделялась одна, куда бульдозер сгреб куски железобетона и камни, — она сверкала на солнце, как ледяной дом эскимосов. Укрытые баррикадами, повсюду виднелись одноглазые. У некоторых этот единственный глаз был снабжен фотообъективом. Когда исчезал один одноглазый, тут же появлялся другой. Как много одноглазых укрылось там, что заставляет их то наблюдать, то прятаться? Происходящее напоминало движение красных кровяных шариков под микроскопом. На переднем плане беспрерывно перемещались серовато-синие фигуры. Это были полицейские, прикрытые с головы до колен щитами. В сторону убежища они не смотрели.

Положив бинокль, Исана заметил автомат, оставленный Тамакити. Возникло непреодолимое желание взять его и выстрелить в эти мечущиеся красные кровяные тельца с одним глазом...

Однако ответственный за оружие Союза свободных мореплавателей, точно предвидя, что такое желание может появиться, предусмотрительно вернулся. Он без лишних слов погасил вспышку агрессивности человека, никогда в жизни не державшего в руках оружия, подняв автомат за мгновение до того, как его коснулись пальцы Исана. Другой рукой он взял бинокль и, встав на колени и подавшись вперед, поднес его к глазам. Неожиданно он опустил бинокль и приложил к плечу автомат, стараясь, чтобы ствол его не выглядывал из бойницы.

— Полицейская машина повернула в нашу сторону. Выстрело в водителя. Дзин с Инаго в погребе, не услышат.

Тамакити припик щекой к красному прикладу, и лицо его стало грустным, спокойным и так похожим на лицо Боя, точно они были родными братьями. Он вздохнул, сосредоточился, будто стараясь что-то вспомнить. Раздался выстрел. Тамакити быстро опустил автомат и, прижавшись к бетонной стене, выглянул в другую бойницу. Перед выстрелом Исана зажал уши, но в них все равно звенело. Он наблюдал за энергичными, решительными действиями Тамакити, они казались ему судорожными. На плече и шее в том месте, куда он прижимал приклад, темнели красные пятна.

— Убил или нет — не знаю, но попал — точно. Пуля разбила стекло. Полицейские, прикрывшись щитами, пытаются вы-

тащить водителя из машины, он лежит на сиденье. Я целился ему в шею, между каской и пуленепробиваемым жилетом.

Тамакити протянул бинокль Такаки. Исана видел, как тяжело дышит раскрасневшийся Тамакити, красное пятно на шее уже не выделялось. Исана отказался взять протянутый ему бинокль. Тамакити лишь глянул на Исана, но промолчал. Послышался шум вертолета, кружившего над зданием.

— Сбить его, вот была бы потеха, — сказал Тамакити. — Но залезешь на крышу — самого пристрелят.

— Хватит с тебя, — сказал Такаки. — Сбивать вертолет ни к чему. Теперь они долго не начнут наступления. Если не хочешь спать, пойдем съедим чего-нибудь.

Какие железные желудки у Такаки и Тамакити, подумал Исана. Но он и сам почувствовал приступ голода. Наверно, они все уже привыкли к своей маленькой войне.

В утренние часы осаждающие ничего не предприняли. В бинокль было видно, что за баррикадами прибавилось репортеров. Зевак, похоже, разогнали. Над убежищем кружило уже несколько вертолетов. Передвигающиеся люди, бегущие животные ни разу не попались на глаза Исана. Его уставшие от яркого солнца глаза видели лишь безлюдную пустыню, которую обволакивали густые тени. Но все было в беспрерывном движении. Ветер колыхал траву и деревья. Колышущиеся тени создавали впечатление, что неподвижные камни тоже переменяются. Вишня перед входом в убежище мчитя, как слониха. Искоруженная вишня, покрытая густой до черноты листвой, яростно бросается на обжигающее ее солнце. *Я надеюсь, что, когда полицейские ворвутся сюда, они не повредят твоего ствола, не повредят твоих веток и листьев,* — сказал Исана душе в вишне. Но, возможно, дерево сердилось не только на тех, кто окружил убежище...

— Ой, — непроизвольно, по-детски вскрикнул Тамакити.

Все пространство, обозреваемое из бойницы, напоминало прозрачно-голубое стеклянное волокно. Пучки волокон были усыпаны серебристыми шариками. Вода. Струи огромного водопада низвергались с холма за убежищем. Вода лилась непрерывным потоком, извиваясь крохотными серебристыми рыбками.

— Сволочи, — сказал Тамакити, вздохнув с видимым восхищением. — Притащили пожарную машину. И теперь испытывают ее.

Прильнув к бетонной стене, Тамакити прижал лоб к углу бойницы и посмотрел вниз. Исана тоже смотрел вниз. На поросшем густой травой склоне виднелась тропинка, протоптанная (как давно это было!) Исана и Дзином. В ямках, выбитых на голой земле, отражая солнце, стояла вода. Края прозрачно-голубых лужиц сверкали осколками гранита. Эти лужицы приковали к себе глаза и сердце Исана. *Они только что возникли и вскоре исчезнут, и все же, как прочно и неизбежно все сущее на Земле, кроме человека,* — прошептал Исана, обращаясь к душам деревьев и душам китов. — *Сейчас рядом со мной люди, а я смотрю на лужицы с тем же волнением, как и прежде, когда размышлял здесь в одиночестве.*

— Уж не вскрылись ли здесь россыпи серебряной руды, — заговорил Тамакити, моргая глазами от ослепительного сияния. — В детстве я как-то видел справочник геолога, — он не сказал «читал», — и мне тоже захотелось открыть залежи руды. Я знал, что не обнаружу на улице никаких залежей, и все же не мог спокойно смотреть ни на что блестящее. В горах мною овладевало такое волнение, что даже в ушах звенело. Сколько лет прошло, и вдруг сейчас неожиданно вспомнилось, вернулось ко мне обратно. Я понимаю, что это обыкновенные лужи, а мне видятся россыпи серебра. Но даже если задуматься, если убедить себя, что передо мной не россыпи серебра, а обыкновенные лужи, я не буду расстроен, потому что вижу настоящие россыпи серебра.

— Россыпи серебра?

— Правда, я не могу подойти к этим россыпям серебра и посмотреть, не обыкновенные ли это лужи. Если я это сделаю, меня сразу же убьют...

— Тамакити, нужно как-то обезопасить тыл нашего убежища, — сказал Такаки, поднявшись в рубку с американской винтовкой на плече. — Что сообщают в последних известиях?

Однако Радист, свернувшись калачиком у своей рации, мирно спал.

— Судя по тому, что Радист оставил свою рацию, ничего нового не произошло. Итак, что ты думаешь, Тамакити?

— Есть только один способ. Не знаю, удастся ли...

— Попробуем, — не задумываясь, сказал Такаки.

— Потребуются две гранаты. Помните, Исана, вы нам рассказывали о силе взрыва атомной бомбы? Интересно, относится это к такой маленькой бомбе, как граната?

— Если одновременно взорвать две гранаты, то сила взрыва увеличится.

— Хорошо,— сказал Тамакити.— Попробую забросить на холм за убежищем две гранаты сразу. Я хочу, чтобы засевшие там полицейские были хорошо видны отсюда.

— А вдруг склон обрушится? Тогда и здание наше рухнет,— сказал Такаки.

— Здание прочное. Небольшой оползень ему не страшен,— сказал Тамакити.— Только Дзин меня беспокоит.

— Присмотрите за Дзином, Исана,— сказал Такаки.— Выберется отсюда, чтобы взорвать гранаты, один Тамакити, а мы с Радистом разбаррикадуем и снова забаррикадуем дверь. Вдвоем мы, наверно, справимся?

— Да, это и одному под силу,— заверил Радист, проснувшись и снова надевая наушники.

Тамакити дал волю охватившему его возбуждению и, воплотив его в действие, стремительно сбежал по винтовой лестнице.

— Как бы не убили Тамакити,— сказал Исана.— Если даже полиция и поверила в версию с заложниками, вряд ли человека, вылезшего на крышу с гранатами, примут за заложника.

— Тамакити человек осторожный. Он был бешеным мотоциклистом, но ни разу не был ранен серьезно,— ответил Такаки.

Комната, куда спустился Исана, была наполнена журчащими голосами птиц. В бункере — Тамакити оставил люк открытым — Дзин слушал магнитофон. Утопая в птичьих голосах, Красномордый что-то писал. Исана заглянул через его плечо, и тот поднял залившееся краской лицо — у него был растерянный вид застигнутого врасплох школьника. На листе бумаги Красномордый нарисовал двухмачтовое судно в вертикальном разрезе и в плане и снабдил рисунок подробными пояснениями. Сжав зубы, он старался скрыть свое смущение.

— Я описываю, какого размера и какой конструкции корабль нам требуется,— объяснил он.

— Молодец, нам это скоро понадобится,— сказал Исана.

Из люка высунулась голова Тамакити. Когда он вылез, в руках его оказались два полиэтиленовых мешочка с чем-то тяжелым и твердым. Он держал их с преувеличенной осторожностью, будто это были не гранаты, а бутылки с горючей смесью.

— Через десять минут атакую. Влезайте в бункер и закройте крышку люка,— сказал он.

— Смотри не ошибись, а то еще бросишь их из рубки вниз,— съехидничал Красномордый, но Тамакити даже не удостоил его взглядом.

Исана и Красномордый, как спасающиеся от бомбежки мирные жители, спустились в бункер, и Исана плотно прикрыл крышку люка. Дзин тихо узнавал голоса птиц. Раньше в птичьих голосах для него был заключен весь мир. Теперь же, называя имена птиц, Дзин знакомил с каждой из них Инаго, которая задумчиво смотрела на него.

— Это пестрый дрозд, это козодой, — казалось, Дзин подбадривает Инаго, точно заблудившуюся в темном лесу, — это длиннохвостая сова, это иглохвостая сова, это погоныш...

Поглощенный птицами, Дзин не обратил на Исана никакого внимания. У Инаго, на которую Исана смотрел в профиль, лишь напряглись спреневаты, как ростки шавеля, жилы на шее, но она так и не повернулась к нему. В бункере ранним летним утром было еще довольно прохладно, на Инаго были хлопчатобумажные брюки и рубаша, которые надевал Исана, отправляясь в заболоченную низину.

— Дзин настоящий специалист по голосам птиц, — сказал Красномордый.

— А ты — по кораблям. Оборудовал бункер под кубрик.

— Прежде чем сделать чертеж, нужно было представить себе настоящий корабль. Вот и сделали его здесь, — объяснил Красномордый. — Нам нужна перестроенная рыбацья шхуна водоизмещением в шестнадцать с половиной тонн и длиной пятнадцать метров.

— Перестроенная рыбацья шхуна? По-моему, в павильоне киностудии корабль выглядел куда романтичнее.

— Сначала Союз свободных мореплавателей предполагал выйти в море на паруснике, — сказал Красномордый. — Но безопаснее всего выйти в море на перестроенной рыбацье шхуне.

— Здравая мысль, — одобрил Исана.

В углу, возле газовой плитки и мойки, Доктор, сидя на корточках, раскладывал продукты.

— Чего-нибудь не хватает, Доктор? — спросил Исана.

— Нет, все в порядке, — улыбнулся Доктор. — Хорошо, что вы нашли консервированный шпинат и маринованную капусту. Они очень полезны. Удобны и консервы — вскипятил, и можно есть. Современное человечество продержится долго. Но что делать с водой? Если перекроют водопровод...

— Нужно набрать хоть ведерко. Противник не остановится перед этим, — сказала Инаго, повернувшись к Исана и Доктору.

Но разговаривать никому не хотелось. Каждый напряженно, не отрываясь, смотрел на стенные часы. И только Дзин говорил

то, что думал. Теперь он открывал мир летних птиц, различить пение которых не был в состоянии ни один из подростков.

— Это — серый личинкоед, это — жаворонок, это — райская мухоловка, это — горная трясогузка...

Дважды ударили взрывы. Они слились, как две ползущие по стене капли, но каждый из них возник отдельно. Бункер качнуло, как качнуло бы комель могучего дерева. Лента с поющими птицами продолжала крутиться, но Дзин протянул к Инаго руки, покрытые еще пятнами от сыпи. Испуганные, широко раскрытые глаза Инаго смотрели растерянно, беспомощно.

— Ну, Дзин, объясняй дальше. Объясняй названия птиц, — сказала Инаго.

— Это — мухоловка, это — жаворонок, — снова заговорил Дзин, дрожа всем телом.

Исана, Красномордый и Доктор взбежали по металлической лестнице и прикрыли крышкой люка звучавшие позади голоса птиц. Слышно было, как в заднюю стену здания ударяют камни и комья земли. Прижимая к боку автомат дулом вниз, по винтовой лестнице сбежал Тамакити. Он выскочил в прихожую и, едва переведя дух, навалился плечом на входную дверь.

— Вы спрячьтесь наверху. А Красномордый и Доктор помогут мне, — хрипло приказал Тамакити. — Я сейчас возьму пленного.

Он поудобнее перехватил автомат, чтобы можно было стрелять, не целясь, а левой рукой открыл замок.

— Спрячьтесь наверху, вы ведь заложник!

Над головой Исана слышался чей-то приглушенный голос. Это был хриплый голос Такаки, но разобрать, что он говорит, было невозможно. Прильнув к бойнице, он что-то кричал. Стоявший рядом с ним Радист проверял, хорошо ли вставлена в винтовку обойма. Исана выглянул наружу из соседней бойницы. Перед ним открылась комическая и в то же время впечатляющая картина. Справа от убежища, похожая на убитого носорога, лежала на боку полицейская машина. Перед ней в полном вооружении, растерянно стоял полицейский моторизованного отряда. Бежать назад, где стояли полицейские машины и ряды щитов, — слишком далеко и страшно, из бойницы доносились устрашающие крики Такаки.

— Здорово получилось! — крикнул Радист, передавая Такаки винтовку.

Такаки выстрелил. Точно в ответ на этот выстрел, град пуль застучал по стенам убежища. Что касается полицейского, то он, видимо, был водителем взорванной машины, сначала оглушен-

ный, теперь он решительно повернулся кругом и, прижав локти к бокам, топая огромными черными ботинками, бежал ко входу в убежище, чтобы сдать в плен.

— Порядок! — возбужденно закричал Такаки; он был похож на гончую, настигшую зверя.

Его худое лицо покраснело от радости и азарта, глаза сияли. Слышно было, как открылась — чтобы впустить пленного — дверь и тут же захлопнулась. Исана прислушался к возне в прихожей: не похоже было, что пленный оказывает сопротивление. Возможно, это красноречивый пленный, сопротивляющийся словесно. Наконец донесся его протестующий крик:

— Дуракиии!

Первую букву он произнес с такой силой, что она, казалось, оторвалась от остальных, а последнюю тянул, сколько можно тянуть гласную в японском языке. Он закричал: «Дуракии!», по чувствовалось, что вложил в это слово невероятную враждебность. К тому же и кричал каким-то презрительным тоном. Поскольку он продолжал выкрикивать свое «дуракиии», было ясно, что в прихожей с ним что-то делают, а он под дулами винтовок вынужден подчиняться. Можно было предположить, что ему нанесут не физическую, а моральную травму. Пленный по-прежнему не оказывал никакого сопротивления и лишь протестовал словесно.

— Дуракиии! Разве так можно совершить революцию? Дуракиии! (Мы не совершаем никакой революции. Нам нужно выйти в море, — мягко отвечал ему Такаки). Дуракиии! Говорите, что совершаете революцию, а сами товарищей своих убиваете! Дуракиии! (Вот привязался. Не собираемся мы никакой революции совершать.) Дуракиии! Вы такое натворили, а революцию совершать не собираетесь, тогда для чего же? Дуракиии! (Такаки снова отвечал терпеливо и мягко. Все это верно, но нам нужно выйти в море.) Убийцы! Дуракиии! Что вы делаете? Самим же хуже будет! Где ваша совесть, которую должны иметь люди, совершающие революцию? Дуракиии! (Опять за старое? Не совершаем мы никакой революции.) Молчание, потом дверь открылась, через мгновение снова щелкнул замок, и Такаки с друзьями, весело смеясь, взлетели по лестнице и вбежали в рубку. Исана смотрел вслед неожиданно отпущенному пленному, который убежал, как и раньше, прижав локти к бокам. На нем был, разумеется, темно-синий шлем, висящая мешком походная форма, даже своих огромных ботинок он не забыл, и только брюки у него были спущены. На его белом, сверкавшем на солнце заду был нарисован большой красный круг.

С государственным флагом на ягодицах, колышущемся при каждом его шаге, полицейский бежал прямо по траве, лишь один раз оторвав руки от боков, чтобы поправить сползший на глаза шлем, потом снова прижал их к бокам и продолжал бежать. Вся команда Союза свободных мореплавателей, облепив бойницы, громко хохотала. Лишь один Тамакити, выставив из бойницы автомат, целился.

— Пусть только попытается натянуть штаны и прикрыть зад, я тут же прострелю ему восходящее солнце! — сказал он с бешеной злобой.

Человек с флагом на ягодицах бежал по сочной летней траве в лучах щедрого утреннего солнца. Было девять часов...

Глава 20

ИЗ ЧРЕВА КИТА (2)

— Young man be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза свободных мореплавателей. Передача ведется на частоте сто сорок пять мегагерц. Радиолобители-коротковолновики, принимающие нашу передачу, просим вас записать ее на магнитофон и предложить средствам массовой информации. Young man be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза свободных мореплавателей. Предлагаем полицейским властям условия обмена заложников. Полиции известно, что в наших руках находятся двое заложников, один из них ребенок. Нам известно, что частное лицо, с которым мы желали бы непосредственно заключить сделку, намерено принять наши условия обмена заложников. Несмотря на это, полиция сознательно затягивает заключение этой сделки. Если жизнь заложников окажется в опасности, вся ответственность падет на полицейские власти. В случае необходимости мы готовы перечислить детально выдвигаемые нами условия, а также назвать имя частного лица, с которым мы желали бы заключить сделку. На указанной волне наша радиостанция ведет только передачи. Приема на этой волне она не ведет. Young man be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза свободных мореплавателей.

Радист сосредоточенно передавал написанный Исана текст. На тот случай, если передатчик выйдет из строя, Такаки укрепил на одной из бойниц с выбитым стеклом мегафон. Это был один из тех мегафонов, которые члены команды Союза свободных мореплавателей стащили с машины на уличной демонстра-

дии против сил самообороны. На случай, если полицейские будут стрелять пулями со слезоточивым газом, Доктор принимал меры против проникновения газа через бойницы с разбитыми стеклами. Обычно сдержанный и молчаливый, Доктор, с назойливым красноречием рассказывая о том, как использует полиция слезоточивый газ, призывал членов команды Союза свободных мореплавателей отнестись к этому с должным вниманием и каждому подготовиться заранее. Особенно следует остерегаться того, чтобы газ не попал прямо в глаза. Обычно полицейские стреляют в лицо. Нужно приготовить нарезанные ломтиками лимоны, они есть среди продуктов, купленных Исана, и накрыть их чашкой. Если газ попадет в глаза, следует тут же протереть их ломтиком лимона. Доктор волновался, что на кожу Дзина, на которой ветрянка не оставила ни одной отметины, мог попасть хлорацетофенон, содержащийся в газе. В конце концов было решено, что Дзин и Инаго запрутся в бункере и, как бы ни складывалась боевая обстановка, не откроют крышку люка. Необходимый для сражающихся запас продуктов был перенесен наверх.

Тамакити, положив с одной стороны бинокль, а с другой — автомат, смотрел в бойницу прямо перед собой, Такаки с винтовкой в руках наблюдал за тем, что делается слева. Красномордый, зарядив охотничье ружье, из которого Бой хотел убить Исана, поднявшись из прихожей на несколько ступенек по винтовой лестнице, следил за правым флангом. Дверь черного хода на кухне была забаррикадирована бетонными брусками, после взрыва гранат ее совсем засыпало землей.

Сам Исана, пододвинув письменный стол к стене и поставив на него стул, следил за происходящим снаружи через бойницу, проделанную для света у самого потолка. Стекло из нее он не вынул, винтовки у него тоже, разумеется, не было. Пока склон не рухнул от взрыва гранат, из этой бойницы можно было видеть лишь покрывающие склон тонкие деревца и кустики. Теперь пропаханная взрывом широкая ложбина давала возможность наблюдать за тем, что делается на холме. До чего велика разрушительная сила даже двух гранат! Хотя, видимо, когда рыли глубокий котлован для фундамента, нарушили механическое равновесие, это и привело к сильному оползню после взрыва. Через ложбину, в которой обнажилась черная земля, можно было видеть питомник торговца саженцами. Виднелись густые посадки камелии и самшита. Эти хилые деревца, выращиваемые как бройлерные цыплята, не взволновали смотревшего на них Исана. Однако вид беспомощных тонких дубков, вырванных

из земли взрывом и уже начинающих засыхать, привел его в отчаяние. *Поскольку и я виновен в том, что взрывом поднята в воздух земля, питавшая корни деревьев, то и моя жизнь потеряла смысл. Я уже начал умирать, поэтому не бросайте на произвол судьбы своего поверенного. Не прерывайте со мной связь,* — сказал Исана душам деревьев, заключенным в трупах молодых дубков. Его слова: я уже начал умирать — пашли отклик у душ деревьев, и в памяти Исана всплыло событие, происшедшее незадолго до того, как он укрылся в убежище.

Он держал наготове золингеновскую опасную бритву и одновременно принимал — это стояло в одном ряду горько-трагических ситуаций тех дней — наркотик, тоже немецкого производства. Наркотик действовал и как снотворное, поэтому нужно было спешить. Тем местом, которое он собирался разрезать бритвой, — это опять-таки стояло в одном ряду горько-трагических ситуаций тех дней — должна была оказаться внутренняя сторона запястья, расцарапанного мальчиком из европейской страны. Наркотик не дал ему утратить мужество. Но когда он приложил бритву к спокойно пульсирующим сиреневым и голубым жилкам, к тонким морщинкам кремовой кожи, в его сознании, точно обретшем независимость, промелькнуло: все мое тело, начинающееся от этого запястья, представляет собой совершенную естественную структуру. Вправе ли я, хотя и наполовину мертвый, разрушить эту естественную структуру? Казалось, очень легко зажмурить глаза и с силой полоснуть по руке бритвой, но, скованный стыдом перед этой естественной структурой, он не мог заставить себя зажмуриться... Сейчас он снова ясно осознал, точно на него снизошло видение, что у него, человека, хотя и начавшего умирать, нет права вырывать деревья, пустившие в землю корни. Я, начавший умирать, не имею ни малейшего права разрушить естественную структуру. Исана снова обратился к душам деревьев, заключенным в трупах молодых саженцев. Поступать так — значит превращать эту землю в страну мертвецов. И никто не помешает мертвецам свершать на этой земле все, что они захотят...

— Десять часов, — объявил, поднимаясь, Радист. — Похоже, сейчас они перейдут в наступление. Наверно, вот-вот начнется стрельба для прикрытия наступающих. Надо предупредить Инаго и закрыть крышку люка.

...Исана, наблюдавший за тем, что делается за убежищем, сначала увидел над рядами саженцев камелии и самшита бегущие фигуры, напоминающие черных птиц. Не закрывая глаза, подбадривал он себя и смотрел на черные точки, устремившие-

ся к убежищу. Началась лихорадочная стрельба, слившаяся в единый грохот. Подбежавшие к стенам убежища полицейские выпустили клубы белого дыма, которые огромными толстыми столбами поднялись к самым бойницам, застелив белой пеленой все поле обзора. Наступивший полумрак не был иллюзией, от которой можно было освободиться, протерев стекло, и тем не менее Исана старательно скреб стекло пальцами. У него даже пальцы онемели, и тут в бойницу попала газовая пуля. Она ударила в двойное стекло, пробила первое и врезалась во второе, и по нему разбежались лучи трещин. А что, если бы он, как минутой раньше, прижимал лицо к стеклу? — запоздало испугался Исана и, преодолевая испуг, стал искать сочувствия у душ деревьев и душ китов: *Я надеюсь, что глаза мне не повредят. Ведь я человек, который должен видеть все, желает он того или нет.* Убежище теперь погрузилось в желтый полумрак от дыма, густо заволочившего бойницы. Доктор поспешно заделывал бойницы с разбитыми стеклами. Тамакити послушно отошел в сторону. Такаки, который уже приладил мегафон и стоял теперь у другой бойницы, нервничал и прижимал к груди винтовку....

— Буду стрелять как только дым рассеется, — предупредил его Тамакити. — Сейчас бесполезно, ничего не видно, разве только поугатать их. Их командир спрятался в полицейской машине, ему хоть бы что. Вот когда начнется прицельная стрельба, это будет настоящая война... Как там за убежищем?

— С холма стреляли дымовыми шашками и пулями со слезоточивым газом. Пуля попала в бойницу, все стекло растрескалось. Больше ничего не видно.

Тамакити одним прыжком вскочил на письменный стол и осмотрел треснувшее стекло.

— Теперь пробить это стекло — плевое дело, — сказал Тамакити. — Еще один выстрел в него — плохо будет. Нужно срочно заложить бойницу. В прихожей сколько угодно обломков бетона...

Исана, как солдат-первогодок, которому наконец-то дали настоящее поручение, побежал в прихожую. Красномордый с охотничьим ружьем в руках не отрываясь смотрел в бойницу у винтовой лестницы.

— Я пришел взять несколько обломков бетона и заложить бойницу. Будь осторожен на случай прямого попадания газовой пули.

— Я и так осторожен. Бойница на такой высоте, что газовой пулей в нее можно выстрелить прямо в упор, — сказал

Красномордый. — Но гранатами мы их припугнули, приблизиться к убежищу они побоятся. У меня самое худшее место для наблюдения. И ружье только руки оттягивает...

— У каждого свои обязанности. Я, например, буду заделывать бойницу. Ничего, как-нибудь продержимся.

Дверь в прихожую после захвата пленного снова была забаррикадирована наваленными горой обломками железобетонных брусьев. Переступив через них, Исана выбирал себе по силам и такие, из которых торчала проволока, чтобы удобнее было нести. Раздался выстрел, одновременно что-то забарабанило в стену, обращенную к заболоченной низине, и рассыпалось у входной двери... Это была целая буря. Но в бункере вряд ли что-либо слышали. Вентиляционная система, рассчитанная на атомную радиацию, не была включена, и бункер не сообщался с внешним миром. И слезоточивый газ, густо обволакивавший убежище, не угрожал тем, кто находился в бункере. *Как прекрасно служит нам это атомное убежище, в эффективность которого не верил до сих пор ни один японец, над ним смеялись, называли промышленной нелепостью,* — сказал Исана душам деревьев и душам китов. — *Меня воодушевляет это трагическое противоречие: то, что казалось самым бессмысленным из всего бессмысленного, совершенного мной в жизни, теперь безупречно служит мне...* Подбадривая себя этой мыслью, Исана, нагруженный обломками железобетона, поднимался по винтовой лестнице, всякий раз сжимаясь, когда пуля ударяла в стену, хотя прекрасно знал, что пуля не может ее пробить.

Бесконечно тянулось время в белом мраке, окутавшем убежище. Тамакити, которого все время сдерживал Такаки, наконец не выдержал и, нарушив самим же наложенный запрет, дрожа от злости и возбуждения, выставил в бойницу дуло автомата. Только Радист не обращал внимания на застлавший бойницы дым и выстрелы. Его касалось лишь то, что приносили радиоволны. Через некоторое время он дал анализ обстановки:

— Полицейские машины скоро двинутся сюда. Прячась за ними, наверно, подойдут и полицейские. Хотя атаковать убежище пока не собираются.

— На какое расстояние подъедут, не знаешь? — спросил Тамакити.

— Репортаж с места событий ведет один из репортеров, которые укрылись за полицейскими машинами. Он-то, наверно, знает. Но ничего не сказал. Запретили, должно быть.

— Может быть, эта передача — отвлекающий маневр? — предположил Такаки.

Радист начал крутить рукоятки, пытаясь поймать переговоры между полицейскими.

Доктор, вспомнив, что стекло балконной двери тоже разбито, стал затыкать его одеялом, чтобы через щели между обломками бетона не проникал слезоточивый газ. Он понимал, что на крышу упало уже несметное количество газовых пуль. Исана тоже был занят своей работой — баррикадировал обломками бетона другую бойницу. Он сам себе задал норму: сложить баррикаду из пяти обломков.

Тамакити сделал три выстрела подряд. Слабый ветер разметал дым, и появились разрывы. Вздогнув от выстрелов, Исана, точно из кабины тихоходного самолета, увидел через тоннель в дыму яркое голубое небо. В стену убежища ударили ответные пули.

Все, кроме Радиста, склонившегося над радией, притаились в простенках между бойницами. Клубы белого дыма вновь затянули убежище, и полицейские не могли определить, где находятся бойницы. Пущенные вслепую пули непрерывно били по бетонным стенам.

— Разозлились. Разве это допустимо, чтобы полицейские так злились? — возмущался Такаки.

— Судя по их переговорам, они просто с ума посходили, — сказал Радист. — Ведь кто командиры в моторизованной полиции? Выпускники юридического факультета Токийского университета. Чего ж от них ждать?

— И теперь никак не договорятся, что делать полицейскому управлению?

— Нужно держать в секрете, что мы перехватываем их радиопереговоры, — сказал Тамакити, к которому снова вернулось необычайное спокойствие. — Первая моя пуля угодила, оказывается, в командира, находившегося в полицейской машине. Вместо лобового стекла тут же вставили щит, так что попал я в водителя или нет, не знаю. Больше всего их взбесило, что я попал в командира, если бы в рядового, наверно, так не злились бы. Чудно!

— В общем, разозлились, — бесстрастно сказал Радист, и эта бесстрастность больше сказала Исана о том, как взбешены полицейские, чем слова Такаки и Тамакити. Перед его мысленным взором за белой дымовой завесой возникло огромное скопище взбешенных полицейских, запрудивших всю заболоченную низину. И он вдруг отчетливо ощутил себя жалкой марионет-

кой, готовой к насилию,— такими видит их разгоряченная полиция. Отвратительное тело, начиненное насилием. Да, это действительно я, сказал себе Исана. А ведь он вроде бы не совершал никакого насилия, разве что скручивал проволоку, торчащую из обломков железобетонных балок...

— Чем слушать болтовню радиорепортеров о том, как нас окружают, лучше поймать на УКВ телевизионную передачу — тогда можно понять обстановку в целом. Нужно только мысленно представить себе поле боя с нашим убежищем посередине, — сказал Радист. — Когда радиорепортер сталкивается с тем, о чем запрещено сообщать, он путается и мелет невзвесть что. Диктор же телевизионный комментирует только происходящее на экране.

— Может, включим? — сказал Такаки.

— Только негромко, — смущенно, но твердо сказал Радист. — А то не по себе становится.

— Убили первым же выстрелом? — допытывался Тамакити.

— Сказали, что убит командир. Пуля попала в правый глаз и вышла через затылок. Смерть наступила мгновенно, — сказал Радист.

— То-то они взбесились, — сказал Тамакити. — Не сообщают, на какое расстояние они подошли? Когда я стрелял, полицейская машина стояла метрах в семидесяти-восьмидесяти.

— По телевизору сообщают, что машина осталась на прежнем месте.

— И не движется к убежищу?

— Диктор не говорит, он держится очень нервозно. Наверно, стоит на месте.

— Они просто боятся ближе, — сказал Такаки. — Теперь вырывают вокруг полицейских машин окоп, обкладывают его мешками с песком. И начнут через громкоговоритель убеждать нас сдать ся. Перед штурмом.

— Сообщив об убийстве полицейского, они официально заявили, что мы забаррикадировались в убежище, захватив заложников, — сказал Радист. — Значит, коротковолновики приняли наше сообщение и передали его прессе и телевидению. Полиции пришлось официально объявить о нем. ...Говорят о вас и Дзине, но вас называют каким-то другим именем.

— Ооки Исана — это имя, которое я выбрал себе сам...

— Я сначала подумал, что они намеренно называют вас вымышленным именем. Потом решил, что произошла ошибка. Теперь все понятно, — сказал Радист. — Полиция сообщила, что у нас дюжина гранат.

— Нам это на руку, верно? — сказал Такаки. — Кто решится нас атаковать, если мы вооружены до зубов.

— Ну они тоже не с пустыми руками пришли, — сказал Тамакити тихо, чтобы услышал один Исана.

— С глазами все в порядке? У Красномордого глаза красные, но они у него всегда такие... — спросил Доктор, поднявшись в рубку. Несмотря на дым, на бесконечные разрывы газовых пуль, никто в убежище не чувствовал рези в глазах или горле. Значит, газ не проник в помещение. — То, что бункер так плотно закупорен, — это хорошо, жаль только, не предусмотрена связь с внешним миром, — сказал Доктор. — Почему не установили телефон?

— Убежище строилось на случай атомной войны, — сказал Исана. — Когда упадет атомная бомба, кому придет в голову связываться с бункером по телефону?

— Вот оно что, — покачал головой Тамакити, и Исана понял, что он никого не убедил.

В половине одиннадцатого удары дымовых шашек и газовых пуль в стены убежища вдруг прекратились — так неожиданно прекращается проливной дождь. Белый дым, застилавший бойницы, поредел, и сквозь его клубы начали пробиваться лучи солнца. Еще не растаявшие клубы дыма засверкали чистой близкой. Тамакити, опершись прикладом автомата о колено, вытянул шею и выглянул наружу. Такаки отставил ружье в сторону.

— Противник укрепил свои позиции. Так что стрелять нет смысла, — сказал Тамакити.

— Собираются, наверно, начать переговоры, — сказал Такаки. — Одно название — переговоры, а сами потребуют: бросайте оружие, выходите и освободите пленных — в общем, чтобы перед штурмом оправдаться: сделали, мол, все возможное. Что же, посмотрим.

Все, кроме Радиста, уткнувшегося в рацию, осторожно наблюдали через бойницы.

— Что вы там делаете? — крикнул снизу Красномордый.

— Наблюдаем за противником, — крикнул в ответ Такаки.

При ярком солнечном свете, неожиданно пришедшем на смену сплошной пелене дыма, трудно было сразу охватить развернувшуюся впереди картину. Исана первым делом рассмотрел вишню. В густой ее зелени виднелись ветки со скрюченными листьями — результат обстрела противником. Исана отвел глаза от вишни — прямо перед ним, метрах в восьмидесяти, он увидел полицейскую бронированную машину. Она стояла

правым боком к убежищу, утонув по брюхо в густой летней траве. Окно машины, разбитое Тамакити, было прикрыто щитом. По бокам ее стлалось нечто, напоминающее шлейф. Это в два ряда стоял частокол щитов. Аккуратно оставленные промежутки между щитами служили, видимо, бойницами. Трава вокруг была примята, а перед щитами вытоптана, там обнажилась земля. Как и предполагал Такаки, был вырыт окоп. В новоявленном троянском коне не было заметно ни живой души. Кроме полицейской машины и тянущегося от нее шлейфа щитов, в расстилавшейся ковром траве не появилось ничего нового, все было как прежде. Копшившиеся за грудями мусора на развалинах киностудии одноглазые циклопы, видимо напуганные смертью полицейского, исчезли. Не было слышно шума вертолетов, без конца круживших над убежищем, пока его застилал дым; наверно, такой именно пейзаж увидели бы оставшиеся в живых обитатели атомного убежища, если бы они вышли из него после взрыва навстречу волне радиации. И тут от душ деревьев и душ китов к Исана пришло слово свобода. Когда он, ответственный за рекламу атомных убежищ, вел подготовку к их производству, предполагаемых потребителей прежде всего волновал вопрос: как наша семья, единственная оставшаяся в живых, сможет существовать, когда все люди вокруг погибнут? Исана с досадой подумал, что ему следовало тогда отвечать: ваша семья обретет истинную свободу и сможет наслаждаться ею.

Было десять часов тридцать пять минут.

— **Укрывшиеся в здании!** — разнеслось из мощного громкоговорителя полицейской машины. — **Укрывшиеся в здании, укрывшиеся в здании!** — сказано было так, будто в здании засело человек сто. — **Вы полностью окружены,** — хором подхватили стереотипную фразу члены команды, сидевшие затаив дыхание в рубке. За ними ее тут же повторил громкоговоритель. (— Не слишком ли много телевизионных фильмов мы посмотрели? — усмехнулся Доктор.) — **Освободите заложников!** — Громкоговоритель повторил. — **Бросьте оружие и выходите!** — Громкоговоритель повторил. Потом специалист по словам моторизованной полиции, с непреклонной уверенностью в совершенстве стиля своего обращения, вернулся к тому, с чего начал. — **Укрывшиеся в здании!**

— Они, конечно, с ума посходили от злости. Но ни в их словах, ни в тоне этой злости нет, почему бы это? — сказал Такаки. — Может, они записали эти стереотипные фразы на пленку? Но стоило ли подъезжать так близко и пожертвовать команди-

ром только ради того, чтобы произнести по радио обычные заученные слова?..

— Не усугубляйте совершенных вами преступлений. К чему это приведет, вам, видимо, известно. Укрывшиеся в здании!

— Опять стереотипы. Может, ответить этим дуракам? — не выдержал Тамакити.

— Наш мегафон рядом с их громкоговорителем не потянет, но попробовать можно. Давай, Тамакити,— сказал Такаки.

Тамакити вопрошающе посмотрел на специалиста по словам Союза свободных мореплавателей, хотя было ясно, что слова Исана ему не нужны.

— Давай, Тамакити,— сказал Исана.

— Не усугубляйте совершенных вами преступлений. К чему это приведет, вам, видимо, известно? Укрывшиеся в здании!

— Укрывшиеся в полицейской машине! Укрывшиеся в полицейской машине! — кричал Тамакити, дрожа от возбуждения.

Рупор мегафона был обращен наружу, поэтому голос Тамакити был плохо слышен в комнате, разобрать слова было почти невозможно. Члены команды Союза свободных мореплавателей весело смеялись. Очень скоро стереотипные угрозы прекратились. Подействовал все-таки мегафон Тамакити!

— Укрывшиеся в полицейской машине! — снова закричал Тамакити. — Что вы делаете?

Последняя фраза, звучавшая так обыденно, снова рассмешила осажденных, раздался громкий хохот. Исана подумал, что, может быть, этот смех — защитная реакция подростков, преодолевающих с его помощью свою ненависть к полиции и свой страх перед ней. Он так и не узнает, что делается в лагере противника. Интересно, смеются они там или нет? Ему вдруг пришла мысль, что он уже почти мертв, хотя и действует с небывалой энергией...

Наполнявший рубку смех вскружил голову Тамакити. Завладев мегафоном, он свистел, как кипящий чайник, шея его покраснела. Он не знал, что сказать еще, и делал вид, будто ждет ответа полицейской машины. Видимо, его оппонент с громкоговорителем надеялся, что Тамакити иссякнет. Но Тамакити, когда его загощали в угол, очертя голову бросался в копратаку. Даже если это требовало нечеловеческого напряжения...

— Я тот, кто стрелял, я буду стрелять и дальше! — закричал Тамакити. — И сколько бы преступлений я ни совершил, вам не удастся меня наказать. Я — несовершеннолетний, и к

смертной казни вы меня приговорить не можете. А на пожизненное заключение мне плевать — скоро всему миру крышка. Посадите меня на всю жизнь — ну и что? Мы же умрем вместе. Дураки!

Тамакити внезапно умолк и сел, обхватив руками колени. Он тяжело дышал, опустив голову, лицо его побагровело. Исана вдруг обратил внимание, что у него еще совсем не растет борода.

— По-моему, подействовало, — сказал Исана.

Тамакити злобно посмотрел на него. Он понимал, что сказал совсем не то, что нужно, и ему было стыдно.

— Я уверен, что подействовало, — утешил товарища Такаки.

— Но неужели я и правда умру вместе с ними? — сказал Тамакити хрипло.

Громкоговоритель полицейской машины снова начал вещать. Это не был ответ на слова Тамакити, не было даже намека на то, что их отвергают, презирают или смеются над ними. Громкоговоритель просто повторил уже известные стереотипные фразы.

— Интересно, дошли до них слова Тамакити? — сказал Такаки.

— Судя по радиопередачам, они кое-что поняли. Пышут злобой. Полицейские во всей Японии с ума посходили, — сообщил Радист. — Диктор и тот разозлился. Даже голос у него дрожит. Начал передавать долгосрочный прогноз погоды на море. Ловок... О чем мы говорили — ни слова, запретили, наверно. Сказал только, что с помощью мегафона мы провоцируем моторизованную полицию. Жаль.

— Значит, в наших требованиях мало толку, — сказал Такаки. — Я, честно говоря, думал, что, даже если полиция пропустит их мимо ушей, телевидение и газеты окажут на полицию нажим, чтобы она пошла с нами на сделку. ...Может, использовать рацию?

— Коротковолновики, которые поймали нашу передачу и сообщили телевидению и газетам, наверняка снова прилипли к приемникам. Значит, полностью игнорировать наши передачи полиция не сможет. Да они и сами могут нас слушать, — без особой уверенности сказал Радист.

В половине двенадцатого радиостанция Союза свободных мореплавателей начала передавать текст, составленный Исана на основе записок Красномордого. Стереотипные фразы громкоговорителя и шум вертолетов мешали передаче, поэтому бойницы с выбитыми стеклами закрыли заслонками. Сразу же стало жарко, у всех, в том числе и у Радиста, сосредоточенно вертевшегося

ручки, по щекам обильно, точно слезы, тек пот. Наконец он начал вещать спокойно и невозмутимо, будто для слушателей на противоположной стороне земного шара.

— Young man be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза свободных мореплавателей. Передача ведется на частоте сто сорок пять мегагерц. Радиолобителей-коротковолновиков, принимающих нашу передачу, просим записать ее на магнитофон и передать со своей станции. Тем, кто передал средства массовой информации нашу первую передачу, рекомендуем предложить и ту, которую вы сейчас запишите. Young man be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза свободных мореплавателей. Полицейским властям наши требования уже известны. Вот наши условия. Мы требуем, чтобы нам предоставили судно, снабженное всем необходимым для плавания по меньшей мере восьми человек. Мы требуем судно длиной пятнадцать метров и водоизмещением в шестнадцать с половиной тонн типа рыболовной шхуны для ловли тунца, снабженной дизельным мотором в тридцать восемь лошадиных сил. На судне должен быть не менее чем недельный запас воды, продовольствия и горючего. Место стоянки судна — порт Эносима. Мы требуем машину, которая доставит нас туда. Мы не собираемся возлагать расходы на плечи государства. Требуемое судно будет стоить, по нашим расчетам, около пятнадцати миллионов иен, деньги предоставит из своих средств семья задержанных нами заложников. Все это время мы будем вооружены винтовками, граматами и динамитом. Мы не боимся взорвать себя. Любые попытки освободить заложников чреваты для них смертельной опасностью. Мы ждем ответа к часу дня или от полицейских властей, или через посредников, в качестве которых могут выступать средства массовой информации. Всех, кто связан со средствами массовой информации, просим проследить, чтобы полиция не игнорировала согласие семьи заложников выполнить наши требования. Young man be not forgetful of prayer. Говорит радиостанция Союза свободных мореплавателей.

— Бряд ли пройдет такое нахальное требование, — сказал Тамакити. — Но когда я его слушал, у меня перед глазами стояла рыбацкая шхуна, на которой мы уходим в море...

Эта вспышка чувств, столь неожиданная для Тамакити, выражала, наверно, состояние всех Свободных мореплавателей.

Снова начался обстрел. На этот раз стреляли и газовыми и обычными пулями. Тамакити сразу же ответил, старательно целясь в щель между щитами по бокам полицейской машины. Но поскольку стрелявшие прятались в окопе, стрельба Тамакити

не могла доставить им беспокойства. А вот две газовые пули едва не влетели в бойницу, из которой была вынута заслонка. Теперь все, кто находился в рубке, захлебывались слезами, кашляли и изо всех сил прижимали к глазам тонкие кружочки лимона. И если бы хоть одна газовая пуля разорвалась внутри, положение осажденных стало бы критическим. Из этого можно было заключить, что противник настоящего боя еще не начинал.

— Сбили! — неожиданно завопил Радист. — Они сбили антенну!

Очевидно, это и было целью обстрела, так как он тут же прекратился. Радист судорожно крутил рукоятки. Но для Радиста душа рации умерла. Обычные радиопередачи можно было ловить без всякой антенны. Однако вести передачи и подслушивать переговоры полицейских стало невозможно. Наконец Радист отодвинул столик, на котором стояла рация, и выпрямился.

— А что с электричеством?

— С электричеством? Давным-давно отключено, — сказал Радист тоном, с каким специалисты отвечают профанам.

Исана сразу же вспомнил, как он вставлял в магнитофон Дзина новые батареи. Достаточно было отключить магнитофон от электросети, как батареи тут же начинали работать. Исана делал это каждый раз, покидая убежище и оставляя Дзина одного.

— Они давно поняли, что я пользуюсь батареями, и решили уничтожить антенну... Вот подлецы!

Радист откинулся назад и закрыл глаза. Исана показалось, что все это время он видел лишь профиль Радиста, склонившегося над рацией. Теперь он увидел его густые брови, едва не сросшиеся на мясистой переносице. От упругих щек к уголкам губ протянулись грязные полоски. Раздувая ноздри, покрытые капельками пота, он тяжело дышал, не открывая глаз. За стенами убежища, без всякой связи со стрельбой, раздавались стереотипные фразы: **Укрывшиеся в здании! Не усугубляйте совершенных вами преступлений...**

— Надо исправить антенну. Я ее укорочу, тогда ее выстрелом не собьешь, и укреплю обломками бетона на самой середине крыши.

— Вылезешь — тебя тут же пристрелят, — не поддержал его Тамакити. — И прикрыть тебя отсюда огнем тоже не удастся.

— Конечно, не удастся, — сказал Радист, не открывая глаз и лишь нахмурив брови, отчего между ними пролегли мясистые складки. — Прикрывать огнем и не нужно. Объектив телевизи-

онного комментатора внимательно следит за тем, что происходит, и когда полицейские увидят, что идет невооруженный человек, они не станут у всех на глазах стрелять в него. Ну, может, один разок для остротки.

Слова Радиста не могли никого обмануть, больше всего они смахивали на самовнушение. Подростки слушали его ошеломленно.

— Неужели антенна так уж необходима? — спросил Такаки.— Может, хватит вещать? Все, что мы передаем, они пропускают мимо ушей. Ну поставим антенну, снова начнем передачу, и что изменится?

— Неправда. Сбили же они нашу антенну,— сказал Радист.— Я, конечно, тоже не верю, что сделка пройдет как по маслу. Но мы же начали вещание, даже позывные у нас есть. Бросить на полпути — значит, все это была только игра. А я относился к этому иначе: у нас настоящая радиостанция Союза свободных мореплавателей.

Сказав это, Радист умолк. Его глаза, красные от слезоточивого газа, были обращены к выходу на балкон. Он чувствует себя одиноким, подумал Исана, подавленным. И хочет скрыть, что творится у него на душе.

— Но если передачи и в самом деле бессмысленны? Разве станут они менее бессмысленными, если починить антенну и возобновить их?

Во взгляде удивленно посмотревшего на него Радиста вспыхнули гнев и осуждение, но их тут же сменило выражение отчужденности. Он спокойно поднял с пола кусачки и заткнул их за пояс хлопчатобумажных шортов. Подошел к неустойчивой баррикаде из обломков железобетона и начал ее растаскивать. Тамакити, не говоря ни слова, пришел ему на помощь.

Низко согнувшись, точно боясь удариться головой о яркий свет, льющийся из образовавшегося отверстия, по-прежнему не обращая ни на кого внимания, Радист вышел на балкон.

Вдруг его ноги взлетели вверх, будто скошенные порывом ветра, и в то же мгновение раздался звук выстрела. Казалось, что выстрел прозвучал уже после того, как он упал. Но Радист снова вскочил на ноги. Тамакити чуть расширил проход в железобетонной баррикаде. Радист сделал шаг, еще один, можно было подумать, что он возвращается, но он поднялся по металлической лестнице, скрытой баррикадой, и вышел на крышу. Раздался еще один выстрел. Тамакити вернулся на свой пост и, выворотив дулом автомата заслонку в бойнице, выпустил очередь. Тем, в кого он стрелял, никакого реального вреда его

выстрелы не принесли. Расстреливая обойму, Тамакити плакал и не видел ничего перед собой. По стеклу крайней бойницы, ближайшей к металлической лестнице, поползла удивительно светлая струйка крови. Такаки окликнул Радиста. Ответа не последовало. Радист погиб за то, чтобы можно было вести настоящие передачи, а не играть в радиовещание.

Плача навзрыд, по-детски, как Бой, Тамакити вставил в автомат новый магазин и примостился у открытой бойницы, а остальные подростки не могли оторваться от стекла, по которому бежала струйка крови.

Исана услышал у самого уха что-то похожее на молитву, которую шептал Красномордый, глядя на струйку крови, то убывавшую, то прибывавшую.

Глава 21

ИЗ ЧРЕВА КИТА (3)

Час дня — ответа нет. Полицейская машина без конца передает стереотипные фразы. Они повторяются одним и тем же голосом и теми же словами, но это не магнитофонная запись; окончания слов стали неразборчивыми. Язык, наверно, заплетается. Даже если задняя дверь полицейской машины и открыта — из убежища этого не видно, — в ней все равно жарко. Очевидно, от стереотипных фраз у человека в форме, который, страдая от невыносимой жары, сидел на узенькой скамеечке возле радики, уже перегрелась голова, хотя поток стереотипных фраз не прекращался.

— Я бы с удовольствием посадил его у радики Союза свободных мореплавателей, — сказал Такаки. — По-моему, он принадлежит к людям типа Коротышки...

— Другого такого человека, как Короткий, не существует, — зло бросил Тамакити.

Заслонив лицо затемненным мотоциклетным стеклом, он смотрел на залитую щедрым солнцем низину. Его потемневшее, изнуренное лицо, по которому бежали струйки пота, было похоже на лицо индийского ребенка, вылезшего из воды после долгого купания. Его занимала одна мысль: как перенести в рубку тело Радиста, не подставив себя под пули. Может быть, предложить полицейским перемирие? Перемирие на короткое время, пока он будет тащить мертвого Радиста, который ле-

жал под палящими лучами солнца. Но он не чувствовал в себе сил сразиться, даже через мегафон, со специалистом по стереотипным фразам.

Каждый раз, когда Такаки брал наушники, Тамакити недобролюбно хмурился: он ждал, что рация, настроенная теперь на средние волны, расскажет о гибели Радиста, о том, что его труп валяется на солнце. Если бы «общественное мнение» признало, что моторизованная полиция зашла слишком далеко, убив безоружного человека, и нужно разрешить внести его тело в дом, Тамакити сразу же полез бы на крышу. Но Такаки, склоняясь к радию, лишь морщился возмущенно и брезгливо.

Доктор разрешил пополам очки для плавания и, укоротив переносицу, снова спил их. Они должны были защитить глаза Дзина от слезоточивого газа. Из запасных наушников, чтобы они стали легче, он вынул все внутренности, и вложил в них поролон — они должны были служить Дзину в качестве глушителей. Корабельный врач Союза свободных мореплавателей мучился от сознания того, что не смог оказать помощь Радисту, пока тот еще был жив, и старался занять себя работой.

Как член команды, обязанный наблюдать за тем, что происходит в тылу, Исана устроился у слухового окна над винтовой лестницей. Стоя на стуле, он касался головой потолка, ему пришлось чуть податься назад и наклонить голову набок. Поза была на редкость неудобная, он знал, что долго не выдержит. Там, где росли молодые саженцы, ему удалось разглядеть трепещущее на ветру белое полотнище с черными иероглифами, хотя прочесть надпись было нелегко.

— Кажется, жители на холме тоже прониклись к нам ненавистью,— сказал Исана и взял у Такаки бинокль.

Однако иероглифы на полотнище не осуждали свободных молодых мореплавателей, они выражали лишь местный эгоизм, направленный против властей: «Полицейские моторизованного отряда, здесь тихий жилой район, залетающие сюда шальные пули причиняют нам беспокойство». Исана смотрел в бинокль, пока не разболелась шея, и смеялся про себя. Когда он передал бинокль Такаки и уступил ему место, тот, посмотрев в окно, воскликнул со смехом:

— Выходит, моторизованная полиция пребывает в печальном одиночестве? Бедняги. А жара все усиливается, и полицейские совсем сойдут с ума от злости. Если бы мы предложили им сейчас повести совместное наступление на этот поселок на холме, они бы, пожалуй, согласились! — усмехнулся

Такаки.— Слышишь, Тамакити, жители на холме выразили на плакате протест, мол, шальные пули моторизованной полиции доставляют им беспокойство.

— Скоро появится еще один: «Полицейские моторизованного отряда, побыстрее уничтожьте этих сумасшедших»,— мрачно сказал Тамакити.

Исана как специалист по словам предложил, чтобы Союз свободных мореплавателей тоже выступил с обращением на полотнище. И даже если моторизованная полиция игнорирует это обращение, скрыть его от средств массовой информации не удастся. Объектив телекамеры сразу же запечатлеет его. Обращение продемонстрирует всем, что и после того, как радиостанция Свободных мореплавателей умолкла, их требования остались прежними. Исана притащил стопку пеленок, и Доктор, которому план Исана пришелся по душе, ловко сшил их вместе.

— Тебя этому научили на медицинском факультете?

— Вовсе нет,— улыбнулся Доктор и объяснил, что учился шить паруса.

Специалист по словам сделал фломастером надпись: «Дайте ответ о нашем судне!» Прикрепив к низу полотнища груз и прибыв в трех местах поперечные планки, они с Доктором спустили полотнище через бойницу. Снайперы открыли бешеный огонь. Через минуту они сбили полотнище, и из бойницы свисали лишь обрывки веревок. Громкоговоритель продолжал повторять стереотипные фразы. В струящемся от жары воздухе расплылись очертания полицейской машины. Земля, выкопанная из окопа, стала сухой, как песок. И в самом окопе тоже, конечно, сухо и жарко. Все жарче становилось и в убежище. В два часа дня показалась машина «скорой помощи». Пытаясь приблизиться к полицейской машине, она застряла, огибая заболоченную низину. «Скорая помощь» буксовала в колее, проделанной самосвалами, то и дело пятилась, потом рванулась вперед и наконец добралась до полицейской машины.

— Уверены, что мы будем соблюдать соглашение о Красном Кресте? А сами на один наш выстрел отвечают тысячью...

— Это тоже не простая машина. В ней, наверно, пуленепробиваемые стекла, и бензиновые баки тоже бронированные,— сказал Тамакити.— Но я не собираюсь стрелять в «скорую помощь». Вызвав «скорую помощь», противник признаётся в своем позоре. Им теперь здорово стыдно.

— Если им действительно так стыдно, может быть, нам удастся принести труп Радиста? — сказал Доктор.

— Им же не перед нами стыдно. Позора бояться, вот в чем дело, — сказал Такаки. — А нас они за людей не считают.

Машина «скорой помощи» укрылась в безопасной зоне за полицейской машиной и приступила к спасению пострадавших. Решив, видимо, что стрельбы из убежища опасаться нечего, вторая машина «скорой помощи» подъехала к полицейской машине напрямик, не оглябая заболоченной низины. Неужели столько людей получили солнечный удар? А может быть, это маскировка, чтобы привезти сидящим в окопе обед? Во всяком случае, на час передышка обеспечена. Осажденные, разобрав баррикаду, приоткрыли дверь на балкон и впустили в комнату свежий воздух. Если бы сейчас снова началась стрельба газовыми пулями, плохо бы им пришлось. Но противник не предпринимал атаки, учитывая, что машины «скорой помощи» были пропущены беспрепятственно.

— Может, мне тоже, размахивая флагом с красным крестом, забраться на крышу? — предложил Тамакити.

— Если тебя подстрелят, мы лишимся единственного снайпера, — сказал Такаки. — Радист, правда, не размахивал флагом, но было ясно, что он не вооружен. Пожалуй, пока мы еще живы, лучше всем вместе пообедать...

Инаго уже хлопотала в кухне. Дзин сидел на стуле, придвинутым к кухонному столу.

— Дзин, как дела? — окликнул его Исана, но тот лишь мельком взглянул на него и снова стал внимательно слушать, что ему говорит Инаго.

— Это шум вертолета, Дзин... Это радиопередача, которую ведет полиция, Дзин...

— Да, это шум вертолета... Да, это радиопередача, которую ведет полиция...

Инаго не столько, видимо, хотела подбодрить Дзина, сколько старалась сохранить равновесие, услышав, как эхо, свои слова из уст Дзина, как это делал Исана, когда им овладевала тоска. Обед, приготовленный Инаго, отражал ту ситуацию, в которую попал Союз свободных мореплавателей с тех пор, как он оказался в осаде. Рассчитывая на длительную осаду, Инаго не открыла ни одной банки дешевых консервов, а наварила огромную кастрюлю лапши, к которой подала самые дорогие продукты.

Один только Дзин получил целую банку крабов. Взяв пальцами нежный кусочек, прослоенный тонкими пластинками хрящей, и поднеся к глазам, он с удовольствием разглядывал его и затем отправлял в рот. Дзина, отказывавшегося от пищи, и

Дзина, весело улыбавшегося всякий раз, когда хрящик краба щекотал ему ноздри, и кончиком розового языка слизывавшего каждую крошку, чтобы она не упала на пол, разделяла, казалось, целая вечность...

— Я лежала в темноте и думала, что если день за днем, до вчерашней ночи, проследить всю мою жизнь от самого рождения, то только теперь я живу по-настоящему, — сказала Инаго. — Это другая, совсем-совсем новая жизнь.

На наблюдательном посту остался один Доктор, остальные спустились вниз.

— Сколько часов мы уже сражаемся? — спросил Такаки, оглядывая членов команды, собравшихся за столом. — Часов десять — двенадцать? Немало для первого боя, который ведет Союз свободных мореплавателей. Ну что ж, давайте подкрепимся.

Хотя времени было в обрез, ели вяло. Инаго отнесла в рубку еду на двоих и только тогда узнала о гибели Радиста. Она спустилась вниз, прямо держа голову, в глазах ее стояли слезы. Инаго молча подсела к столу, боясь произнести слово, чтобы не напугать Дзина. Она сосредоточенно жевала, будто вся отдавшись еде, а глаза, устремленные в одну точку, были полны слез. Подражая ей, Дзин тоже старательно жевал.

— Эта самая полицейская машина, которая перевернулась, — начал Красномордый, разрывая пелену молчания, окутавшую Инаго. — Так вот, я подумал, если бы ее поставить на колеса, мы бы спокойно сели в нее и выбрались отсюда.

— Как ты ее поднимешь без крана? Она потяжелее грузовика, — сказал Такаки.

— Это верно. Поднять трудно. Но если бы удалось! Ключи от нее я у того пленного отобрал.

Красномордый раскрыл ладонь, на которой лежали ключи от машины. Как обычно, лицо у него было багровым. Видимо, он уже придумал, как поднять машину, но из-за патологической застенчивости не решался рассказать об этом. В конце концов он обратился к Тамакити, который, как ему казалось, свисходительнее других относился к его застенчивости.

— Тамакити, как ты думаешь, не удастся ли прорвать их заслон на полицейской машине? Машина мощная и бронированная, и наши шансы будут равны.

— Не понимаю, почему мы должны выбираться отсюда, — холодно сказал Тамакити.

— Конечно, пока они не дали ответа на наши требования, нам следует оставаться здесь. Если они предоставят нам суд-

но, эта машина нам ни к чему. Я думаю о том, чтобы выбраться отсюда, если они отвергнут наши предложения и снова начнут обстрел газовыми пулями.

— Ты, по-моему, не веришь, что мы получим судно, — еще более холодно, чем раньше, сказал Тамакити и стал поглаживать автомат, который он поставил рядом с собой.

— Интересно, как ты собираешься поднять перевернутую машину? — спросил Такаки, подхватывая нить разговора, прерванную Тамакити.

— Я не уверен, что это можно сделать, — сказал Красномордый, и заливавший его щеки багрянец пополз к шее. — Просто я подумал, что если устроить взрыв у подножия холма, за полицейской машиной, то от взрывной волны она может снова встать на колеса. Ведь перевернулась она точно от такого же взрыва, верно?

— Нужно бросить к подножию холма пару гранат и посмотреть, что будет, — сказал Такаки.

Тамакити вскинул голову и глянул на Такаки. Но его определил Красномордый.

— Гранаты на это расходовать нельзя, — возразил он, хотя сам выдвинул это предложение. — Нельзя расходовать гранаты на сомнительную операцию.

— Что же делать? — спросил Такаки.

— Я подберусь к перевернутой полицейской машине и, уловив момент, взорву у подножия холма динамит, — быстро ответил Красномордый, будто речь шла о пустяковом деле.

— Это чистое безумие, — насмешливо бросил Тамакити.

— Безумие? А чем, кроме безумия, мы занимались до сих пор! — парировал Красномордый. — Я и в Союз свободных мореплавателей вступил и заперся здесь с вами, чтобы сражаться, потому, что это безумие. А ты, Тамакити, враг безумия?

— Ты уверен, что они тебя не подстрелят? Ты же сам говорил, что операция эта сомнительна. Встанет ли машина на колеса? И удастся ли подложить динамит? — вмешался Такаки.

— Я не знаю, встанет полицейская машина на колеса или нет. Но подложить динамит в нужном месте я берусь, — сказал Красномордый. — И я вот что думаю: именно потому, что этот план безумный, он и должен удался. Великие люди в истории создавали новые действиями, которые всем представлялись чистым безумием.

— Ладно, хватит о безумных делах, — отрезал Тамакити, поморщившись. — Дам тебе динамит. Сколько нужно? Подло-

жишь слишком много — машина разлетится в щепки и тебя самого швырнет черт знает куда...

— Ты боишься чрезмерного безумия? — насмешливо спросил Красномордый.

Тамакити, который раньше остро реагировал даже на самые безобидные насмешки Красномордого, на этот раз спокойно встал и пошел в бункер за динамитом.

— Он такой сговорчивый потому, что ты не потребовал у него драгоценные гранаты, — тихо сказал Такаки.

— Если бы не Тамакити, мы бы давно остались без боеприпасов, и нас, избив полицейскими дубинками, выволокли бы сейчас отсюда, — потупившись, сказал Красномордый.

Его слова были слышны, видимо, и в бункере. Но Тамакити, вернувшийся с динамитом и бикфордовым шнуром, ничего не сказал. Он положил взрывчатку на стол, с которого убрали посуду, осторожно присоединил к взрывчатке шнур, объяснил, как с этим обращаться. Красномордый внимательно слушал пояснения Тамакити, по многу раз повторявшего самые очевидные вещи. Динамит и шнур, скрепленные резинкой, Тамакити вкладывал в полиэтиленовые пакеты и передавал Красномордому. Тот, взвесив каждый пакет на ладони, закручивал верхнюю его часть и падал еще одну резинку. Казалось, он абсолютно уверен в успехе задуманного предприятия. Оставалось загадкой, каким образом многочисленные снайперы, внимательно наблюдавшие за убежищем, упустят Красномордого, когда он побежит к перевернутой полицейской машине?

— Начнешь операцию с наступлением темноты? — спросил Исана.

— Нет, до ночи ждать нельзя, — сказал Красномордый даже как-то испуганно. — Если им удалось убедить общественное мнение в необходимости освободить заложников, они скоро начнут наступление. Забросают убежище дымовыми пашками, тогда я и выберусь отсюда.

— Но они будут стрелять и газовыми пулями, тебе будет нелегко.

— Надену костюм для подводного плавания, глаза прикрою маской, и никакой слезоточивый газ не страшен, — убежденно сказал Красномордый. — Попробую нырнуть в мутное море, в котором ничего не видно.

Он с присвистом глубоко вдохнул, как это делают пловцы перед погружением. Его мощный вдох разнесся по всему убежищу, но Дзин не только не испугался, но внимательно посмотрел на губы Красномордого, проявляя к вылетавшему из них

звуку живой интерес, будто услышал пение еще неведомой ему птицы. Этот внимательный взгляд заставил подростка покраснеть от радости.

— Дзин, это человек. Этот звук издал человек,— сказал Красномордый, снова выдыхая воздух.

Когда члены команды, отправив Инаго с Дзином в бункер, вернулись в рубку, Доктор, наблюдавший в бойницу и слушавший радио, сообщил:

— Ваша жена собирается приехать. Будет уговаривать нас. Ее ждут с минуты на минуту. У ограды автозавода находится штаб полицейских сил, на пресс-конференции она сказала, что направляется туда. Передавали по радио.

— А о наших требованиях говорила что-нибудь?

— Ни слова. Не говорила даже о том, что, как мать, просит моторизованную полицию любыми средствами спасти заложников. Хотя наводящий вопрос был задан. Она ответила, что народ не должен склоняться перед насилием, даже если это приведет к отдельным жертвам,— в общем, она из тех политиков, которые принадлежат к ястребам. Я, правда, не уверен, она ли это была, хотел пойти за вами, чтобы сами послушали. Но подумал, а вдруг они неожиданно начнут наступление, и остался наблюдать.

— Моя жена — примерная ученица политика. Видимо, хочет показать своим избирателям, что она настоящий политик...

— Если хочет, чтобы ее избрали, лучше бы изобразила трогательный призыв страдающей матери, чей ребенок взят в качестве заложника,— сказал Такаки.

— В ней чувствуется американская школа,— сказал Иса-на.— Хочет воздействовать на избирателей, вызвав жалость к своей одинокой жизни.

— Интересно, какие условия переговоров она выставит? Но подождем — увидим. Во всяком случае, если вместо стереотипных фраз начнутся уговоры, и то шаг вперед,— сказал Такаки.— Если с нами вступил в переговоры самый отъявленный ястреб — это уже уступка.

— Моя жена, должно быть, сомневается, что мы с Дзином взяты заложниками. Она понимает, что я ваш единомышленник. Кстати, она об этом не говорила? Если скрыла, то надежда у нас еще, пожалуй, есть.

— Как она думает приблизиться к нам? На машине «скорой помощи»?

— Нет, вряд ли,— сказал Такаки.— Машина «скорой помощи» им нужна, чтобы отправлять в тыл раненых и постра-

давших от солнечного удара полицейских и демонстрировать этим показную заботу о тех, кто стоит на страже интересов народа. Скорее всего, подъедет на полицейской машине.

— Значит, для прикрытия они начнут обстрел дымовыми шашками и газовыми пулями,— с надеждой сказал Красномордый.— Вот я и воспользуюсь этим...

Бойницы рубки были снова как следует заделаны. Наверно, противник примет все необходимые меры предосторожности, чтобы избежать новых жертв ст пуль осажденных. Оставив на третьем этаже в качестве наблюдателя одного Такаки, все остальные спустились вниз и помогли Красномордому облачиться в костюм для подводного плавания. Одновременно делались необходимые приготовления в прихожей — шла, так сказать, подготовка сценической площадки, откуда Красномордый должен был начать свою боевую операцию. Делалось это не с целью обеспечения безопасности Красномордого, а для защиты оставшихся в убежище — на необходимости этого настаивал сам Красномордый. Как только он выскочит наружу, дверь снова должны были забаррикадировать обломками железобетона. Поэтому их складывали в виде башни, нагромождая один на другой у самой двери, с тем чтобы, легким толчком обрушив башню, завалить дверь. Сделать это нужно было в тот момент, когда Красномордый выскочит наружу...

— А вдруг тебя сразу заметят? Тут же придется подаваться назад. Если же мы завалим брусками дверь, быстро ее не открыть,— запротестовал Тамакити.

— Если меня заметят, я все равно не смогу вернуться. Они сразу поймут, что я выбежал из этой двери и откроют по ней огонь газовыми пулями,— сказал Красномордый.— Тем более ее нужно срочно забаррикадировать.

— Ты сам говоришь, что, если заметят,— конец, тогда лучше, может, не начинать? Ну доберешься, а дальше что? Неизвестно,— ворчал Тамакити.— Слишком уж это большое...

— Слишком большое безумие? Я ведь уже говорил, что именно поэтому, может быть, и удастся,— сказал Красномордый оптимистически, но вполне серьезно.

На покрытое крупными каплями лицо — легко можно было представить, что и все его тело, затянутое в костюм для подводного плавания, тоже покрыто потом,— Красномордый надел маску. Через помутневшие стекла уже невозможно было определить, покраснел он или нет.

Три часа тридцать пять минут. В убежище снова полетели дымовые шашки и газовые пули. Бойницы, выходявшие на вин-

товую лестницу, заволокло белым дымом и стало темно, как под водой. Красномордый поправил маску, шумно и глубоко вобрал в себя воздух. Дверь открылась, и он выскочил наружу. В полосах света, как во время ливня при ярком солнце, появились стлавшиеся по земле густые подолы дыма. Согнувшись, будто ныряя в воду, растворился в них Красномордый. Дверь тут же захлопнулась. Клубы слезоточивого газа успели все же ворваться в убежище и, как злобные живые существа, набросились на подростков. Они кашляли, задыхались, обливались слезами; глаза невозможно было закрыть — сразу пачиналась нестерпимая резь.

— Не трите глаза,— предупреждал Доктор.— Не трите, слышите. Это газ CS, пока не промоете, к глазам нельзя прикасаться...

Нетвердой походкой подростки приблизились к двери, повалили башню (это было чрезвычайно опасно, так как все делалось вслепую) и, пошатываясь, побежали в комнату.

— Хорошо бы забраться в бункер, но боюсь, как только откроем люк, туда попадет газ. Думаю, Дзину не следует дольше оставаться в осаде,— с трудом произнес Доктор и снова закашлялся. Никто не был в состоянии даже ответить ему. Все прислушивались к тому, что происходит за стенами убежища. Кашляя и хрипя, Доктор продолжал: — Если газ CS поразит кожу Дзина, я возьму его на руки и пойду сдаваться. Союз свободных мореплавателей не вправе заставлять ребенка страдать от газа CS. Только при этом условии я продолжаю выполнять обязанности корабельного врача...

Сильнее других от слезоточивого газа пострадал Тамакити. Разница была секундная, но все-таки он дольше всех смотрел вслед Красномордому. Скорчившись от кашля, он с трудом обрел дыхание. И все-таки ответил Доктору именно Тамакити:

— Союз свободных мореплавателей всегда был свободным объединением. Любой свободен покинуть его под любым предлогом. Я буду сражаться до конца, даже оставшись в одиночестве, в этом я тоже свободен.

Он с трудом встал и, обмотав махровым полотенцем рот, вышел в прихожую, где плавал слезоточивый газ, и взбежал по винтовой лестнице.

— Из винтовок не стреляли. Значит, Красномордого не заметили. Вслепую, для остротки, тоже не стреляли. В общем, пока все в порядке. Газовыми пулями они стреляли в верхнюю часть здания, так что и шальной пулей его вряд ли задело,— сказал Такаки.

— Но слезоточивый газ — штука серьезная, — сказал Исана. — Сможет ли Красномордый свободно двигаться, когда кругом него этот газ?

— Он на редкость здоровый парень. Три года был лучшим спортсменом всеяпонской юношеской лиги. Он не дрогнет, если ему даже придется переплыть море слезоточивого газа, — сказал Такаки, но увидев, как пострадали от газа Исана и остальные, сморщился, точно лизнул лимон.

Три часа сорок пять минут. Стрельба дымовыми пашками и газовыми пулями прекратилась. За стенами убежища стало тихо. Клубы дыма растаяли, появились лучи солнца, мгновенно вернулся яркий летний день. Глядя слезящимися глазами на эту резкую перемену, нельзя было не почувствовать головокружения; казалось, с тех пор, как началось сражение, для осажденных уже несколько раз день сменялся ночью. Прикорнув на полу, этим мыслям предавался один Исана, он был старше остальных и быстрее выбился из сил. Как только дым стал рассеиваться, подростки прильнули к бойницам. Тамакити подошел к бойнице у винтовой лестницы, через которую до последней минуты наблюдал Красномордый, снова получил дозу слезоточивого газа и вынужден был еще раз промыть глаза.

— Кажется, Красномордый все-таки забрался в кабину полицейской машины, — сказал он. — Дверца, которая была распахнута, теперь закрыта.

— Неужели их наблюдатели не обратили на это внимания? — сказал Исана.

— Если и обратили, они теперь бессильны, — ответил Такаки. — А вот у нас в убежище дела пошли плохо.

Справа и слева от убежища появились новые полицейские машины. Если прибавить еще боевые силы моторизованной полиции, скрывавшиеся среди саженцев на косогоре за убежищем, то кольцо окружения сомкнулось. Все бойницы убежища находились под прицелом снайперов, использовавших в виде прикрытия полицейские машины или тянувшиеся в обе стороны от них щиты.

— Если они перейдут в наступление, нам не выстоять. Как следует стрелять у нас умеет лишь один человек, — сказал Доктор.

— Они уверены, что у нас полно гранат и мы легко можем отогнать всех, кто приблизится сюда, — сказал Такаки.

— Но разве они не поймут, что у нас с гранатами не густо, если Красномордый, рискуя жизнью, выбрался наружу с динамитом? — сказал Тамакити, у которого язык, казалось, был на-

лит свинцом.— Ради одного этого Красномордому стоило взять гранаты...

— Хватит, Красномордый сделал так, как считал нужным,— резко перебил его Такаки.— Чего сейчас говорить о человеке, которого здесь нет. Тебя это, может, и утешит, а Красномордому не поможет. Единственное, что мы должны сделать,— это прикрывать Красномордого в его безумной затее.

— **Укрывшиеся в убежище, укрывшиеся в убежище,**— начал громкоговоритель, и Такаки, не мешкая, вынул из бойницы заслонку. Исана сразу же узнал голос и испытал странное чувство: ему казалось, будто женским голосом говорит господин Кэ. В голосе действительно были все модуляции, присущие голосу старого политика,— если бы Кэ был женщиной, он, несомненно, говорил бы таким же фальшивым голосом. Это была Наоби.— **Я та, у которой вы потребовали судно. Но у меня нет желания предоставлять вам корабль. Нет ни малейшего желания предоставлять вам корабль. Оставьте свои глупые надежды. Ваши угрозы бесполезны. Выпустите заложников и немедленно выходите сами.** Если вы выйдете, не усугубляя своих преступлений, я берусь оказать вам помощь во время суда. Найму за свой счет адвоката. Немедленно выходите. Ребенок, которого вы взяли в заложники,— умственно отсталый. Что может быть трусливее и антигуманнее этого? **Выпустите заложников и немедленно выходите сами.** У вас же нет никаких принципов, которые нужно было бы защищать, забаррикадившись. Почему вы не выходите? Ради чего вы делаете все это? Вы, кажется, надеетесь, что вот-вот произойдет разрушительное землетрясение? И вообще, допустимы ли подобные антисоциальные действия? Они не будут признаны допустимыми при любом строе. Будущее общество, не способное извлечь себя от подобных антисоциальных элементов, обречено на гибель. Эпоха, в которую разрешалось бы то, что собираетесь сделать вы, никогда не наступит ни в одном человеческом обществе на земном шаре. Чего вы в конце концов хотите? Своих товарищей вы линчуете и доводите до самоубийства, полицейского убили, умственно отсталого ребенка захватили в заложники — вы думаете, вам все позволено? Вы не люди! Разве могу я предоставить вам, способным на такое, средство для побега? Ваше требование переросло личную проблему. Даже если мне придется принести в жертву моего слабоумного ребенка, я не могу позволить себе вступить с вами в сделку. У меня есть долг перед людьми, перед согражданами, перед обществом. Да, я — мать. Я схожу с ума от того, что мой ребенок страдает. Но,

как член общества, я обязана выполнить свой долг. Я отвергаю все ваши требования. **Выпустите заложников и немедленно выходите сами. Укрывшиеся в убежище, укрывшиеся в убежище, бросайте оружие и немедленно выходите. Вы трусы. Я не склонюсь перед вашей трусливой угрозой. Я не склонюсь. Даже если в жертву будет принесен мой ребенок, мой умственно отсталый ребенок, я не склонюсь. Немедленно оставьте свои глупые надежды. Выпустите заложников и немедленно выходите сами. Это ваш последний шанс. Выпустите заложников и немедленно выходите, прошу вас...**

— Ну и на ловкой же бабенке вы женились, — чуть ли не с восхищением сказал Такаки.

Исана был настолько ошеломлен, что не сразу нашелся что ответить Такаки, успевшему вклиниться, пока громкоговорятель молчал и не начал повторять все сказанное сначала. В следующую паузу Исана попытался оправдаться.

— За всю нашу совместную жизнь я ни разу не слышал от жены такого длинного монолога. Человек растет. И меняется...

— Вам нечего стыдиться, — сказал Такаки. — Но все же, почему, говоря о заложниках, она упомянула лишь Дзина и полностью игнорировала вас? Неужели она поняла ваши отношения с нами? Неужели и полиция так считает?

— По-моему, у полиции нет оснований делать какие-либо заключения относительно меня. Думаю, только жена начала в глубине души подозревать, что я действую как ваш сообщник или по крайней мере как симпатизирующий. Позавчера я ей рассказывал о вас, хотя и весьма расплывчато. Поэтому она и говорила осмотрительно, чтобы это никак не отразилось на ее политическом будущем. Свое обращение она записала на пленку и собирается, видимо, использовать в избирательной кампании.

— И при этом нагло утверждает, что жалеет Дзина? В общем, и нашим и вашим — ну и ловка! — сказал Такаки.

— Ее выступление заранее оправдывает моторизованную полицию, если, перейдя в наступление, они убьют и Дзина тоже, — мрачно сказал Тамакити. — Обалдевших от жары полицейских эти слова матери лишь подстрекнут на то, чтобы перебить всех бандитов, даже пожертвовав ребенком.

— Верно. Она все время повторяла «умственно отсталый ребенок», «слабоумный ребенок», укрепляя в полицейских предвзятое отношение к нам. Мол, это психически неуравновешенные юнцы, которые хотят сделать что-то страшное с ненормальным ребенком, — сказал Доктор. — Если эта женщина до-

шла до такого в своих расчетах — она не мать, а циничная дрянь. Разве можно забыть о том, какой Дзин добрый, какой он терпеливый, как прекрасно разбирается в голосах птиц, и кричать: умственно отсталый, слабоумный!

— Когда мы жили втроем, одной семьей, Дзин был замкнут и никак не проявлял себя,— попытался Исана оправдать жену.— Сейчас для нас самое важное во всеуслышание исправить ту ложь, к которой она прибегла, говоря о планах Союза свободных мореплавателей и разрушительном землетрясении. Может быть, начнем вещать через мегафон?

— Надо подготовить текст,— сказал Тамакити, пожав плечами.

— Сейчас нет времени писать текст,— стал убеждать его Такаки.— Раньше же у тебя здорово получалось!

— Теперь это сделаю я,— сказал Исана.

— Но ведь жена сразу узнает вас по голосу.

— О своих подозрениях жена ни за что не признается полиции — каждый ее шаг делается с расчетом на избирательную кампанию. Даже услышав мой голос, она промолчит. Она скажет, что не узнала моего голоса через мегафон, тогда и полиция к ней не придерется, и газеты шума не поднимут, а значит, и на ее предвыборной кампании это не отразится... Я тоже хочу немного поработать как специалист по словам...

— Как специалист по словам вы уже выполнили свою миссию. На этот раз буду говорить я,— сказал Такаки.

Как только призывы Наоби на минуту умолкли, он сразу же начал встречную передачу, вместо позывных дважды повторив одну фразу:

— **Дайте ответ о нашем корабле, дайте ответ о нашем корабле!** Мы не нуждаемся в судебной защите. Потому что решение вашего суда для нас ничто! Ваши тюрьмы не просуществуют так долго, чтобы наказать нас сполна. Да и всему вашему миру жить осталось недолго. Ребенок, взятый заложником, живет с нами свободным и раскованным. Благодаря этой свободе, он стал удивительным ребенком. Поглубже задумайтесь над этим. **И подумайте о нашем корабле, подумайте о нашем корабле!** Свободные мореплаватели хотят выйти в море до того, как произойдет разрушительное землетрясение, потому что в день, когда Токно будет уничтожен, вы попытаетесь нас всех убить. И мы хотим заранее спастись от резни. Подумайте о том, что вы делаете, что вы еще собираетесь сделать. И поймите наш страх! **Потом подумайте о нашем корабле!** Да, мы действительно антисоциальные элементы. Но и только. Мы не хотим иметь

дела с вашим обществом — мы знаем, что нам не жить в нем. Но нам отвратительна мысль, что мы погибнем на той же земле, что и вы,— вот почему мы стремимся в море. **Подумайте о нашем корабле, подумайте о нашем корабле!**

Такаки, обессилив от напряжения, подавленно умолк. Молчала Наоби, молчал и громкоговоритель, повторявший стереотипные фразы. Но слушатели его не молчали. В полицейских машинах и окопе, прикрытом щитами, полицейские вопили, проклиная жару и вызывающие крики мегафона.

— Представляю, как злится Красномордый, слушая их вопли,— уныло сказал Тамакити.

Взрыв. Дрогнули стены, сидящих в комнате обсыпало пылью. Заслонки из бойниц выбило внутрь рубки. Подростки подскочили к бойницам. Их глазам открылся столб непроглядно густой пыли, поднявшейся до самых бойниц. Мелкие камни и комья земли градом сыпались на землю.

— Неудача! — крикнул, вылетая на винтовую лестницу, Тамакити и выставил в бойницу автомат.

По мере того как пыль рассеивалась, можно было убедиться в провале операции Красномордого. Полицейскую машину отбросило к самому убежищу, но она осталась на боку. Дверца кабины снова открылась и раскачивалась из стороны в сторону. Из кабины выснулась рука, затянута в черную резину, и захлопнула дверку. Из двух полицейских машин, составлявших два угла правильного треугольника, вершиной которого была перевернутая машина, увидеть это движение руки не составляло никакого труда. Газовые пули посыпались на кабину. Бесчисленные черные шарики, отскакивавшие от кабины, вызвали в памяти Исана стаю скворцов, взмывавших с огромной дзельквы в Идзу. Послышались насмешливые крики. Они заглушали треск разрывов газовых пуль — **выходи, выходи**. Убийца, сумасшедший, **выходи** — в этих криках, по-прежнему полных злобы, теперь слышались и торжествующие нотки. Тамакити выстрелил. Вопли стали еще громче. В ответ на выстрел Тамакити винтовочные пули забарабанили по стенам убежища, но это уже было похоже на игру, жестокую, страшную, но обыкновенную игру. Полицейские готовы были взять реванш за флаг, нарисованный на заду их товарища...

Через некоторое время дверца полицейской машины снова открылась, и оттуда показалось блестящее черное плечо затянутого в черную резину человека, измученного сыпавшимися на него газовыми пулями. Существование противника как будто вылетело у него из памяти. Создавалось впечатление, что он

либо контужен взрывом, либо газ CS привел его в бессознательное состояние. Человек, затаенный в черную резину, упершись ногой в кузов, оттолкнулся и вылез из машины. Маску он сорвал и, отбросив в сторону, высоко задрал голову, жадно глотая воздух. Тут же сильно закашлялся и привалился к дверце машины, чтобы не упасть. В потоке насмешливых воплей выделялись злорадные крики. **Давай сюда, давай сюда,** — кричали полицейские моторизованного отряда. **«Убийца, сумасшедший»** уже не кричали невидимые враги, кричали **давай сюда, давай сюда** и глумливо смеялись...

Человек, затаенный в черную резину, с трудом выпрямился и наконец оторвал руки от дверцы машины. Он расстегнул «молнию» на костюме для подводного плавания и, точно не отдавая отчета в своих действиях, достал сигареты и спички, будто собирался закурить. Снова раздался смех, посыпались насмешки. Напрягшись и сохраняя равновесие, человек в черной резине, опустив голову, чиркнул спичкой, потом еще и еще раз. Только находившиеся в убежище знали, что Красномордый не курит. Они с ужасом ждали, что будет дальше. Вдруг человек в резине сделал угрожающий жест, а может быть, поклон. Быстро по одному разу — перед собой и влево, где стояли полицейские машины. Взрыв. Машину вмиг охватило пламя. Кабина и труп человека в резине, объятые пламенем, отлетели к самой вышине. Загорелось дерево и трава вокруг него.

— Это я его убил! Убил, не дав ему гранаты! — в отчаянии закричал Тамакити.

Так же отчаянно кричал он, когда Бой метался в жару. Но ему никто не ответил...

Глава 22

ОБЪЯЛИ МЕНЯ ВОДЫ ДО ДУШИ МОЕЙ*

Вдали прозвучала пятиминутная сирена, и в ту же минуту машина «скорой помощи», опасаясь нового выстрела из убежища, приблизилась к стоявшей слева полицейской машине. На убежище посыпались дымовые шашки и газовые пули. Тамакити не отвечал. Вдруг снова показалась машина «скорой помощи», прятая позади полицейской, и куда-то умчалась

---

* Книга Ноны, II, 6.

с поразительной поспешностью. В это время года при такой быстрой езде по заболоченной низине, которая, хотя и высохла, но была все же неровным пустырем, трясло, наверно, нещадно. Обливаясь потом, уезжала женщина средних лет; она вся была в напряжении, сидела, твердо упершись ногами в пол машины, стиснув зубы от страха: ей казалось, что как только она окажется спиной к тому, что ей угрожает, на нее обрушится град пуль. Она уезжала, уныло прикидывая в уме, был ли успешным ее сегодняшний политический дебют, предпринятый с помощью средств массовой информации... *Мать Дзина займет место на политической арене после смерти Кэ от рака горла и станет депутатом парламента. Она едет сейчас, предаваясь своим политическим мечтам о том, как и дальше она будет двигаться вперед, качаясь из стороны в сторону, точно машина «скорой помощи», в которой она сидит,*— сказал Исана душам деревьев и душам китов.

— Поскольку увещательница уехала, сейчас начнется генеральное наступление,— сказал Такаки.— Они пойдут в наступление с твердой решимостью засветло покончить с Союзом свободных мореплавателей.

— Ой, что это? Что это? — испуганно воскликнул Доктор, глядя в бинокль.

— Ветер,— успокоил его Исана, круглый год наблюдавший в бинокль за низиной.

Густо разросшаяся в заболоченной низине трава лежала волнами, точно скошенная невидимой громадной рукой. Ветер принес с собой свежесть, и это подняло боевой дух полицейских.

— Смотрите, среди саженцев появилась пожарная машина и подъемный кран, на котором висит металлический шар. Этот кран раз в пять больше того, который разрушал киностудию! — крикнул Тамакити.

— Подъехали открыто, прямо сюда? — спросил Такаки, выходя на площадку винтовой лестницы.

— Они так и не поняли, что хотел сделать Красномордый, или решили, что у нас не осталось гранат,— мрачно сказал Тамакити.— Они думают, что Красномордый просто так падумал взорвать полицейскую машину. Гранат у него не было, взрывал динамитом и подорвался сам,— так они, наверно, рассуждают.

— Сначала, чтобы возбудить общественное мнение, сообщают, что у нас полно гранат,— сказал Такаки.— А теперь уверены, что их у нас нет и мы их встретим только ружейным огнем.

— Что же, увидят, как я швыряю гранаты,— еще мрачнее сказал Тамакити.

— Но ведь они же знают, что здесь заложники, что здесь Дзин? — сказал Доктор. — Неужели все равно начнут наступление?

— Да брось ты. Заложники интересуют полицию лишь как средство возбуждения общественного мнения. Они сейчас везде трезвонят, что после выступления матери и наших ответов на него, да еще подрыва полицейской машины, договориться с нами невозможно. Этап уговоров пройден. А газетчиков убедили, что заложников удастся вернуть только путем вооруженного наступления. И что, если не покончат с нами до темноты, местные жители подвергнутся опасности,— да мало ли что еще придумают...

— В таком случае нужно освободить заложников до генерального наступления,— сурово заявил Доктор.

— Не о заложниках разговор,— попытался прервать его Исана, но Доктор не обратил на его слова никакого внимания.

— Подумайте, что будет с Дзином, если на убежище посыплются газовые пули. Можно, конечно, заранее запереть его в бункере, но, когда полицейские откроют крышку люка, туда попадет газ. Да к тому же, открыв крышку, они наверняка выстрелят в бункер газовыми пулями. Представляете, что будет с глазами, с горлом, с кожей Дзина от газа CS?

— Заложники больше не нужны. Если бы даже мы и получили в обмен на них судно, у нас уже нет ни радиста, ни штурмана. Мы даже на моторной шхуне не сможем выйти в море,— сказал Тамакити безнадежно.

Исана хотел напомнить Тамакити, что не считает себя заложником, но им всецело завладела другая мысль. Он был глубоко тронут, обнаружив, что Тамакити, который решительнее всех настаивал на сражении, все это время мечтал выйти в море. Он открыл для себя новую грань в облике Тамакити.

— Чтобы защитить Дзина, я готов сдатьсь. Вместе с Инаго,— мужественно заявил Доктор.

— Инаго сама должна решать, что ей делать,— спокойно заметил Такаки.

— Ну что ж, пойду поговорю с ней,— сказал Доктор и вышел, всем своим видом желая показать, что ему безразлично, как будут судить о нем в его отсутствие.

Трое оставшихся в рубке не обманули доверия Доктора. *Независимо от решения Инаго, в то самое мгновение, когда*

главное, о чем молча думают сейчас Такаки или Тамакити, будет облечено в слова, судьба Союза свободных мореплавателей решится,— сказал Исапа душам деревьев и душам китов, находясь вдали от лесов и морей, задыхаясь в комнате с застывшим, спертым воздухом.

— Я не могу выйти из боя, не взорвав последнюю гранату,— сказал Тамакити печально, все еще бичуя себя за то, что произошло с Красномордым.

— А что вы решили? — спросил Такаки у Исапа.— Если уйдет Дзин, было бы естественно, чтобы и вы тоже ушли. Разумеется, это ваше убежище и мы вторглись в него, но...

— Я думаю, что могу поручить Дзина заботам Инаго и Доктора,— сказал Исапа чистосердечно. И его чистосердечие пролило свет на тот выбор, который он сделал.— Я ведь уже говорил, что укрылся в убежище, чтобы жить в нем в качестве поверенного деревьев и китов. Однако как поверенный я еще не передал послания внешнему миру. Это непозволительное пренебрежение своими обязанностями. И вот я пришел к мысли: одно то, что я буду оставаться в убежище, и послужит посланием, которое я передам внешнему миру. В самом деле, когда полицейские, окружившие убежище, в конце концов убьют меня, это будет означать, что люди убили поверенного деревьев и китов. Телевидение, радио, газеты сообщат об убийстве — лучшей возможности передать послание у меня уже не будет. И эту возможность предоставил мне Союз свободных мореплавателей.

— Ну что ж,— сказал Такаки,— вам решать. Поскольку вы остаетесь, Инаго придется уйти с Дзином, а пока они и Доктор не уйдут, мы прекратим сражение. Потом снова начнем.

— Подожди, Такаки. Я все как следует обдумал,— заговорил, подняв почерневшее лицо, Тамакити, сначала неуверенно, а потом все решительнее.— Если убьют нас троих, то Союзу свободных мореплавателей конец. И все превратится в тот самый страшный сон, который всегда видел Бой... Даже если Инаго и Доктор останутся в живых — с них хватит того, чтобы растить Дзина, до Союза свободных мореплавателей руки у них не дойдут. Кроме того, Доктор, кажется мне, по-настоящему и не мечтал о корабле Союза свободных мореплавателей. На плечи Инаго — женщины — мы взваливаем слишком большой груз. И я подумал: Короткий, Бой, Радист, Красномордый... а теперь и мы — в общем, завтра сбудется страшный сон Боя. Все пойдет прахом, всему конец. ...Вот я и подумал. Я буду сражаться до последней гранаты, а ты, Такаки, уйдешь и не позволишь

Союзу свободных мореплавателей растаять бесследно, подобно страшному сну.

— Уйти мне? — сказал Такаки, с трудом осмысливая слова Тамакити, и его покрытое потом лицо с распухшими губами побледнело и неприступно замкнулось.

— Да. Я думаю, ты обязан это сделать, Такаки, — сказал Тамакити, незаметно подтягивая к себе автомат.

— Ты говоришь, я должен уйти. Но кто как не я создал Союз свободных мореплавателей? — Такаки насмешливо посмотрел на Тамакити.

— Верно. Союз свободных мореплавателей создал ты. Именно поэтому ты должен его воссоздать. Разве Союз свободных мореплавателей был шуточной затеей? — упорствовал Тамакити.

— Раз уж ты об этом заговорил... я ведь еще раньше предлагал капитулировать, — сказал Такаки. — Я вовсе не считаю Союз свободных мореплавателей шуточной затеей...

— Именно поэтому такой человек, как ты, должен уйти из убежища. — Чувствуя, что Такаки колеблется, еще настойчивее уговаривал его Тамакити. — А когда арестуют, выложить все начистоту, чтобы доказать непричастность Инаго и Доктора к стрельбе и казни Короткого. Иначе что будет с Дзином?

— Разве же это не ваша роль — общаться с внешним миром с помощью слов в интересах Союза свободных мореплавателей? Вы же наш специалист по словам, — повернулся к Исана Такаки, на покрасневшем лице которого были написаны колебание и страх.

— Мы уже говорили об этом вчера, только что говорили снова. Обо мне речи нет, — решительно сказал Исана. — Я слагаю с себя обязанности специалиста по словам Союза свободных мореплавателей. Я хочу полностью посвятить себя обязанностям поверенного деревьев и китов. Внутренние дела Союза свободных мореплавателей решайте вы, ветераны команды.

Исана взял охотничье ружье, принадлежавшее Красномордому, и, не глядя в глаза Такаки, вышел из рубки. По винтовой лестнице поднимались Доктор и Инаго. Чтобы разойтись с ними, он поджидал их на лестничной площадке третьего этажа. Дзин, которого прижимала к себе Инаго, выглядел обессиленным из-за усталости, нервного напряжения. В объятиях Инаго он чувствовал себя уверенней. Инаго молча протиснулась мимо Исана, выразительно взглянув на него. Прикосновение девушки взволновало его. Благодаря тому, что он сделал для Инаго, каждый, кто встретится с ней потом, сможет одарить ее любовью...

Исана спустился вниз и посмотрел в бойницу. Полицейские машины и частокол щитов оставались неподвижными. Только теперь, когда щиты перестали отражать солнечные лучи, в промежутках между ними можно было увидеть выложенные в ряд мешки с песком. Исана посмотрел на черный, обгоревший ствол вишни, все еще покрытой густой сочной листвой. Дерево умирало, как человек, вскинув вверх руки, не в состоянии понять, что за враг напал на него. Тогда, в той европейской стране, почувствовав, что мальчик пришел в себя, Исана испытал взорвавшийся в его душе страх. Потом, с удивительно жестоким чувством превосходства осознав, насколько беспомощен этот маленький человек, висевший с поднятыми вверх руками, он сделал то, что намеревался сделать. И поскольку он был способен сейчас снова пережить то мгновение, когда осознал беспомощность мальчика, значит, то, что он совершил, не было совершенно им бессознательно, в порыве безумия. Он отрицал, что слышал крик мальчика, когда об этом заговорил Кэ, ничего не рассказал ему о том, что руки его исцарапаны. Теперь Кэ умирает в страданиях, один на один с болезнью, возвращенной в его клетках. Умирает с жаждой страданий, ревниво оберегая их. Но, возможно, отвергая уколы наркотиков из страха погрузиться в самого себя, он ни на мгновение не вспоминает того мальчика...

Исана почувствовал, что в нем беспокойно шевельнулось то, что можно было бы назвать душой. *Моя жизнь была аморфной*,— воззвал он к душам деревьев и душам китов.— *Существует реальный мир, который я, человек аморфный, хотя и пытавшийся много раз принять определенную форму, но всегда терпевший неудачу, воспроизводил аморфным объективом. И этот мир, так и оставшись аморфным, взорвется вместе с моей смертью и превратится в ничто. Взорвется беспомощным и брошенным, так и оставшись аморфным, и превратится в ничто. Оставив все без ответа, превратится в ничто...*— Взывая так, Исана почувствовал, что его слова не находят отклика у вишни, которая была перед ним. Черная обгоревшая вишня уже запустила ракетой в космос свою душу дерева. И превратилась в ничто. И ведь убил ее, живую, тот, кто был рядом с Исана. У него не хватало духа отречься перед душами деревьев: *нет, я не друг того, кто сжег вишню. Я просто люблю этого необычного юношу. Я был в машине, которую он вел, мы проехали огромное расстояние, и за всю дорогу он не сказал ни слова о спортивных состязаниях, в которых раньше побеждал. Не позднее захода солнца я буду убит,*

и я сожалею лишь о том, что, умерев, не смогу больше вспоминать этого необычного юношу. И мне совсем не жаль, что все остальное так и останется без ответа...

— Такаки зовет, — окликнула его Инаго, которая спустилась вниз с Доктором и спящим Дзином на руках.

В полумраке комнаты, куда почти не проникали солнечные лучи, карие глаза Инаго светились мягким блеском. От носа к уголкам губ пролегли жесткие морщины. Такой Инаго виделась Исана лет через десять. Он посмотрел на головку Дзина, точно магнитом притянутую к влажной смуглой груди Инаго. Увидел круглый шрам от операции, еще совсем свежий, и, думая о препятствиях, заключенных в этой, теперь такой красивой голове, которые не дают родиться в ней ничему, кроме аморфного, он не мог не испытать извечного протеста. Может быть, именно поэтому он, оставив все без ответа, превратится в ничто. *Прощай, Дзин*, — сказал Исана про себя, как обычно обращаясь к душам деревьев и душам китов. — *Смерть, как и то, что заключено в твоей голове, аморфна. Она разрушает все, обладающее формой. Именно поэтому взрыв, который породит смерть — я уже давно думаю об этом, — благо. И я осуществлю этот взрыв.*

— Я тоже уйду с Дзином и Доктором, — сказала Инаго. — ...Мне грустно, я так надеялась, что радость, которую я испытала, будет длиться вечно...

— Радость не может длиться вечно, так принято считать, — сказал Исана, потрясенный ее словами. — Но я спокоен и за тебя, и за Дзина. Прощай, Инаго. Всего хорошего, Доктор.

Из слухового окна, выходящего на лестничную площадку третьего этажа, Такаки смотрел, что делается за убежищем. На лице Такаки Исана тоже обнаружил жесткие морщины. И тогда он понял, что выражение лица Инаго объяснялось не только особенностями его строения. Видимо, у нее во рту все пересохло и горело. Такаки тоже смотрел на Исана, облизывая губы сухим языком. Наконец он решил и заговорил.

— Это самое Китовое дерево... Вы сказали даже, будто оно и привлекло вас в Союз свободных мореплавателей. Китовое дерево — выдумка. Просто я связал его с тем, что было так важно для вас.

Исана не дрогнул. Он понял, что этот юноша, сощурившись, вытянув в ниточку губы, пошел в отчаянную атаку, пытаясь поменяться ролями с ним, остающимся в убежище.

— Я думал об этом долгие годы. Поэтому и рассказ о Китовом дереве взволновал меня, превратился в видение, наподобие

того, что являлось Бою,— сказал Исана.— Но ведь я еще до твоего рассказа считал себя поверенным деревьев и китов. Так что, даже если Китового дерева на самом деле не существует, это ничего не значит. ...Утром Тамакити сказал, что, поскольку нельзя выйти и проверить, залитую солнцем лужу можно считать россыпью серебряной руды. Иначе говоря, поскольку я не смогу поехать на твою родину и убедиться, что предания о Китовом дереве нет, ничто не мешает мне считать, что оно существует.

Пока Исана говорил, Такаки смотрел на него сквозь влажную пелену глаз, как капризный ребенок, которому не позволили настоять на своем. Потом, тряхнув головой, как мокрая собака, разбрасывающая вокруг брызги, он покорно сказал:

— Вот как? Разве можно так говорить?..

— Можно, и я говорю,— сказал Исана.— Надеюсь, ты не станешь утверждать, что и Союз свободных мореплавателей тоже простая выдумка?

— Этого я не утверждаю,— решительно сказал Такаки.— Правда, до сих пор, если говорить честно, я не верил, что у Союза свободных мореплавателей есть будущее. Теперь поверил. Ведь его существование так реально. И верим не только мы. Начинает верить множество людей за стенами убежища.

— Во всяком случае, я верю в Союз свободных мореплавателей,— сказал Исана.

— Я надеюсь, что в следующий раз кораблю Союза свободных мореплавателей удастся выйти в море,— сказал Такаки и, обдав Исана запахом пота, прошел мимо него и сбежал вниз по винтовой лестнице. Уже спустившись в прихожую, он снова попытался было заговорить с Исана о Китовом дереве. Но тот улыбнулся и покачал головой: хватит об этом, Такаки.

— Такаки только что наблюдал, как они выравнивают бульдозером склон, разрушенный гранатой,— сказал Тамакити, оставшийся в рубке. Они хотят подогнать поближе к убежищу кран с железным шаром. Ну что ж, подождем, посмотрим, удастся ли им.

Тамакити, разобрав походную кровать, вытащил из нее две металлические трубки. Исана помог ему разрезать простыню. Прикрепляя к трубке белое полотнище, Тамакити работал с усердием, сосредоточенно, будто чинил парус. Исана делал второй флаг.

— Вывесьте свой флаг в бойницу, чтоб он был хорошо виден. А этот я отдам Такаки. Минут через пять я их выпущу.

Куском проволоки Исана укрепил в бойнице металлическую трубку с белым полотнищем. Если бы полицейские моторизованного отряда решили, что и оставшиеся в убежище члены команды тоже отказались от мысли продолжать сражение, и вплотную приблизились бы к нему, ашуро́ва * работа Тамакити оказалась бы бесцельной. Когда сдавшиеся достигнут вражеских позиций, белый флаг должен быть немедленно убран. Вынув заслонку из центральной бойницы, выходящей на фасад, он белым флагом хоть на время заткнет глотку громкоговорителю. В бетонную стену посыпались пули снайперов, которые в белом полотнище, закрутившемся вокруг металлической трубки, не признали белого флага.

— Выпустите заложников. Бросайте оружие. Укрывшиеся в убежище! — твердил громкоговоритель...

Исана стал вертеть трубку, чтобы развернуть флаг, и через некоторое время он затрепетал на ветру. Появились какие-то новые звуки. Но ни в полицейских машинах, ни в прикрытом щитами окопе невооруженным глазом никакого движения не было видно. Наполненный звуками безлюдный пейзаж, залитый красными лучами вечернего солнца. Исана показалось, что когда-то он уже видел нечто подобное. Но это было обманчивое воспоминание, воспоминание о пейзаже, который ему предстояло увидеть, пейзаже в день конца света...

Громкоговоритель молчал. Звуки становились все громче. Выглянув из бойницы, Исана увидел сначала белый флаг, а потом и Такаки, держащего в руках металлическую трубку с прикрепленным к ней белым полотнищем. За ним шла Инаго со спящим Дзином на руках. Тяжелая голова мальчика сбила на сторону ворот ее кофты и обнажила грудь. Исана смотрел на нее, трепетно вспоминая прошлое. В нескольких шагах позади появился Доктор с сумкой, в которой лежали вещи Дзина. Подумав о том, что противник может заподозрить, что в сумке спрятано оружие, и открыть огонь, он немного отстал от Инаго с Дзином. Держась прямо, высоко подняв головы, они быстро шли к ближайшей полицейской машине.

Стоило Исана на мгновение оторвать взгляд от уходящих, как вдруг все переменялось. Вокруг полицейских машин, на всем пространстве от остатков киностудии и до находившихся по бокам от нее автомобильного завода с одной стороны и учебного плаца сил самообороны — с другой, появилось бесчисленное множество полицейских. Все в одинаковых стальных ка-

---

* Ашура — демон, олицетворяющий воинственность.

сках, они стояли, повернув черные лица к убежищу. У некоторых были щиты, но они сами были похожи на темно-серые щиты. И эти механические человечки издавали злорадные вопли...

Такаки уже подошел вплотную к полицейской машине. Подбежала чуть отставшая Инаго, за ней — Доктор, все время державшийся в нескольких шагах сзади, и тоже встал около них. Полицейские выстроились в ряд, чтобы провести сдавшихся к задней двери машины. Такаки и его товарищи должны были пройти сквозь их плотный строй. Полицейские били шедшего впереди Такаки по голове, дергали за волосы. Пытались добраться и до головы Инаго, которая, оберегая Дзину, шла, низко наклонившись вперед. Ее пытался уберечь от ударов Доктор. Но его ударили ногой в пах, он упал, его подняли за шиворот и окружили полицейские и, сломав строй, скрылись за машиной.

— Ужас! Люди сами вышли, а они что делают! — негодовал Тамакити.

С тремя винтовками на плечах, держа в руках деревянный ящик с боеприпасами и динамитом, он стоял рядом с Исана и смотрел в бойницу. Одновременно он жевал кусок курицы вынутый из консервной банки, лежавшей в том же ящике.

Как только Исана стал сворачивать белый флаг, снаружи сразу же все переменялось. Серые механические человечки вмиг исчезли, и заболоченная низина снова превратилась в безлюдную. Тамакити внимательно ее осматривал, уперев автомат в колено. Он смертельно устал, но его почерневшее, осунувшееся лицо и глаза излучали силу.

— После того, как их увезут на машине «скорой помощи», начнется генеральное наступление, — сказал Тамакити, не отрывая глаз от бойницы. — Тогда и мы будем атаковать. Эти гады считают себя оскорбленными и теперь будут измываться над нашими ребятами как хотят. Я просто не представляю, что они сейчас делают с ними в полицейской машине, пока репортеры ничего не видят. — Тамакити, передернувшись от возмущения, будто полицейские делали что-то ужасное с ним самим, выглянул в бойницу. — Кран и пожарная машина подъехали почти вплотную. Сколько же щитов их прикрывает? ...Судя по высоте стрелы, они, по-моему, собираются рушить не только рубку, но и второй этаж, и первый. ...Разрушив стену второго этажа, они смогут забросать нас газовыми пулями и залить водой. Потом приставят лестницу и штурмовой отряд ворвется сюда.

Тамакити с Исана поднялись в рубку.

— Может, вы перебазируетесь в бункер,— спросил он, отводя глаза от Исана, как это обычно делал Такаки.— Если стену второго этажа разрушат, в бункер уже не пробраться. Так что, может, нам лучше разделиться до генерального наступления; я — в рубке, вы — в бункере?..

— Разумеется, я скоро уйду отсюда,— сказал Исана.— Я и из винтовки стрелять не умею и буду только путаться под ногами...

— Сейчас еще можно,— нетерпеливо перебил его Тамакити.— Вы говорите, что не умеете из винтовки стрелять, но в этом же нет ничего трудного. У нас всего одна обойма, можно сделать двадцать выстрелов, так что берите автомат. Вы эту обойму расстреляете в момент.

— А как же ты?

— Я буду стрелять из винтовки и охотничьего ружья, как следует целиться и убивать по одному,— сказал Тамакити и протянул Исана автомат, по-прежнему не глядя ему в глаза.

Оставляя за собой шлейф пыли, прямо по целине ехала машина «скорой помощи».

— Пусть увезут Дзина и остальных, тогда начнем,— сказал Тамакити, провояка глазами машину. Потом, точно решившись на что-то, посмотрел прямо в глаза Исана и спросил: — Помните, Красномордый сказал, что именно потому, что затея безумная, она как раз и удалась? Вы думаете, он это серьезно?

— Если оставшиеся в живых думают, что умерший говорил серьезно, значит, так оно и было на самом деле,— сказал Исана.

Глубоко посаженные черные глаза Тамакити, все его почерневшее, грязное лицо засветились радостью.

— Я сейчас, как Красномордый, думаю о безумной затее,— сказал он возбужденно. Это и правда безумный, дурацкий разговор. Если я буду все время точно убивать их по одному, то все может пойти вспять. Сотни полицейских захотят перейти на мою сторону. На полицейских машинах и грузовиках мы ворвемся в центр города, пробьемся через него, реквизируем все суда, стоящие в порту и возродим Союз свободных мореплавателей, он будет мощнее, чем прежний. Действительно, безумие, но все-таки...

Тамакити стало стыдно своих слов, и Исана пришел на помощь мечтателю.

— Полицейским, которым пришлось целый день жариться на солнце, все это уже осточертело, и многие из них, я думаю, с радостью согласились бы отплыть на корабле,— сказал Исана.— А если им в самом деле в голову пришла такая мысль, то

при некоторой решительности осуществить твою идею не так уж трудно. Когда этот огромный отряд полиции ворвется в центр города, противостоять ему смогут лишь силы самообороны. А пока правительство будет дискутировать вопрос о том, чтобы привести в действие силы самообороны, Союз свободных мореплавателей успеет отплыть в море.

— И сразу отказаться от гражданства. Полицейские скинут с себя пропотевшую форму, а я останусь в чем есть! Вот было бы здорово!

— Если бы удалось осуществить твою безумную идею и все повернуть вспять,— серьезно сказал Исана, желая, чтобы его слова слышали души деревьев и души китов,— я бы передал тебе роль поверенного деревьев и китов. Я ведь человек старой формации. Укрыться в убежище—это же пассивная позиция, и только человек новой формации, как ты, способен повернуть все вспять.

«Скорая помощь», вынырнув из-за полицейской машины, умчалась. Запад горел закатом. Небо очистилось, но дым заводского района за рекой туманом прочерчивал в нем бледные полосы, сверкавшие бронзовыми искрами. Закат был многослойный, из светлых и темных полос. И только солнце за ними ярко сияло и, казалось, не собиралось заходить. Снова всплыло видение: огромная дзельква на фоне закатного неба Идзу и кружащая над ней стая скворцов. *Но здесь нет ни птиц, ни того огромного величественного дерева. Даже вишню и ту мы сожгли*,— грустно сказал Исана душам деревьев и душам китов.— *Этому закату не хватает дерева. Возможно, это и есть самая важная проблема.*

Две полицейские машины одновременно двинулись вперед. Пошли вперед и полицейские, сверкая касками над щитами на колесиках, которые они толкали перед собой. Бесчисленные полицейские, заполонившие всю заболоченную низину, быстро, почти бегом, шли вперед, глядя в прорези, сделанные в верхней части щитов. В темных щитах тоже отражались бронзовые искры, и от этого движения полицейских еще больше были похожи на движения механических человечков...

— Помните те слова, не скажете мне их еще раз? — сказал Тамакити, положив дуло винтовки на бойницу.— Бумагу, на которой они были написаны, сорвала Инаго и взяла с собой. Я их как следует не помню, а они мне очень нравятся.

— *Young man be not forgetful of prayer*,— напомнил Исана первую строчку, но Тамакити молча продолжал смотреть в бойницу, и он стал читать дальше: — *Every time you pray if your*

prayer is sincere, there will be new feeling and new meaning in it which will give you fresh courage, and you will...

— Спасибо,— тихо прошептал Тамакити.— Я только до этих пор понимаю смысл. И теперь все ясно вспомнил. И успокоился. Мне всегда не по себе, когда я что-нибудь забываю...

Тамакити выстрелил. Полицейский, бежавший справа от машины, упал, белая тонкая палка взлетела в воздух. Тамакити заметил незащищенную часть лица между щитом и каской. Судя по тому, что упавший держал палку, служившую ему, чтобы отдавать команды, он, видимо, был командиром, с молчаливого согласия которого избивали сдавшихся. Выстрел мгновенно прекратил всякое движение за стенами убежища. И впереди и далеко позади все полицейские, скорчившись, укрылись за щитами. Бронзовый ореол, парящий над их головами, сразу всплыл вверх. И снова воскресив в памяти стаю кружащих в вышине скворцов, закатное небо прочертили черные дымовые пашки и газовые пули. А в заднюю стену убежища беспрерывно бил огромный молот.

— Кран начал работать,— сказал Исана, как бы уточняя обстановку. На самом деле в стену била струя воды из пожарной машины. Но вскоре могучие удары один за другим, не шедшие ни в какое сравнение с прежними, сотрясли стены убежища.

— Ну что ж, теперь нам пора расстаться,— крикнул Тамакити сквозь серовато-красный дым, ворвавшийся в бойницу.— Это уж точно безумие! Поверьте мне, все еще пойдет вспять!

Не дожидаясь ответа Исана, Тамакити набил рот курицей из банки и, обтерев руки о рубашку, стал готовить динамит для взрыва. Существования Исана он теперь просто не замечал. Но когда тот поднялся, Тамакити окликнул его и протянул большую банку консервов, лежавшую в деревянном ящике. Исана тоже залез в нее пальцами и вытащил кусок курицы. Положив его в рот, Исана, опасаясь взрыва, передвинул автомат на грудь и быстро вышел из рубки. От каждого удара в стену металлическим шаром винтовая лестница стонала и качалась. Исана сел и стал ждать. Снаружи послышался шум, напоминавший шум водопада. Во входную дверь беспрерывно барабанили газовые пули — казалось, в нее по срочному делу стучит бесчисленное множество людей. Дверь уже еле держалась, и при штурме ворваться через нее ничего не стоило. Спустившись до лестничной площадки второго этажа, Исана, оглядев прихожую, решил устроить здесь засаду. Он будет стрелять в полицейских, когда они ворвутся, и прикрывать Тамакити. Эта

операция по прикрытию будет, видимо, продолжаться минуты две-три. Над головой ходит Тамакити, вернее, носится взадвперед, как загнанная собака. Он закладывает динамит так, чтобы причинить противнику максимальный ущерб. Потом, в последний раз осмотрев заряженные ружья, осмотрев гранаты, начнет ждать. Прикрытие ему явно не нужно. Верхняя часть здания будет его безраздельным полем боя, и путающийся под ногами Исана первым взлетит в воздух при взрыве динамита.

Исана подобрал валявшийся в комнате карманный фонарь, спустился по металлической лестнице в бункер и положил его на пол рядом с автоматом. Потом снова поднялся на несколько ступенек, чтобы закрыть крышку люка. Он мог бы и надежно запереть ее, но не исключено, что раненый Тамакити тоже спустится сюда. Подумав об этом, Исана лишь закрыл крышку и снова спустился вниз.

Шум водопада смолк. Не было слышно и ударов дымовых шашек и газовых пуль в стены убежища. До бункера доносился лишь грохот металлического шара, рушившего здание, но этого Исана не боялся. Он испытал подъем, который появлялся у него всегда, еще с детских лет, когда он в одиночестве оставался в закрытом помещении. По ногам тянуло прохладой — воздух здесь был холоднее, чем на улице. Светя карманным фонарем, Исана подошел к штурманскому столу и зажег стоявшую на нем спиртовую горелку. Он будет ждать, поставив ноги на землю, — он делал это всегда, предаваясь мечтам; крышка люка прямо над головой. Исана подвинул поближе стоявшую у стены походную койку. На упавшей с нее бумажке было написано: *pilot berth* *. В мельчайших подробностях вычерчивая план корабля, Красномордый продумал все детали. Исана положил бумажку туда, где она лежала, и на свободное место поставил стул, сидя на котором он размышлял. Непонятно откуда взявшееся воспоминание заставило его не ставить заряженный автомат к стене, а положить на *pilot berth*.

Выпрямившись, Исана сел на стул. Потом снова встал, проверил магнитофон, лежавший на койке, где днем спал Дэйн. Работают ли еще батареи? Он включил магнитофон и полился поток птичьих голосов. Что же это за птицы, пение которых он слышит последний раз в жизни? Этот крохотный вопрос, на который никогда уже не получить ответа, повиснет в воздухе и превратится в ничто, подумал Исана. Да и не стоит слишком

---

* Койка лоцмана (*англ.*).

уж задумываться над ним. Жалея время на перемотку ленты, он снял обе кассеты и поставил две другие — пустую и с записью криков китов. С песней китов-горбачей, записанной подводным магнитофоном в Бермудском проливе. Поставив звук на полную мощность, он услышал шум волн в глубине моря, уловленный чувствительным ухом микрофона, и шум работающего мотора лодки. Эти звуки моментально погрузили бункер на дно Бермудского пролива. Раздались крики китов: *уин, уин, уин, боооа, боооа, уин, уин*, заглушившие удары металлического шара.

— Это киты, — сказал себе Исана, с удовольствием вспоминая прошлое. Вслед за китом-горбачом, кричавшим *уин, уин, уин, боооа, боооа, уин, уин*, ту же песню запели все остальные киты, находившиеся поблизости...

Возвращаясь на свое место для размышлений, Исана увидел в свете карманного фонаря лежавшую на постели Дзина маленькую книжку в красной обложке, выглядевшую, как пятно крови. Это была Библия издания Гедеона с параллельным английским и японским текстом. Исана даже представить себе не мог, что желание Свободных мореплавателей изучать английский язык настолько велико, что заставило их украсть Библию в отеле, а Инаго, запертая в бункере с Дзином, проводила время за ее чтением. И он подумал, что Инаго открывается ему новой стороной, о которой он даже не мог предположить. Но и это тоже, оставшись без ответа, превратится в ничто. Он взял Библию и, снова устроившись на стуле, решил погадать. Поскольку он загнан в бункер и для него закрыты все пути, которые он был бы свободен выбирать, он может быть наиболее свободен в своем гадании. Во всяком случае, у него есть, видимо, право не слушать никого, кто сказал бы ему, что он гадает предвзято. Закрыв глаза, Исана, снова погрузившись в свои мысли, утонувшие в песне китов в Бермудском проливе, раскрыл Библию и отчеркнул ногтем строку. Открыв глаза, он увидел в свете карманного фонаря следующий кусок английского текста: *...yet ye seek to kill me, because my word hath not free course in you.* Исана почувствовал, что это последние слова, переданные ему душами деревьев и душами китов. До сих пор он много раз обращался к душам деревьев и душам китов, но ни деревья, ни киты ни разу не ответили ему. И наконец сейчас дали ему ясный ответ на все его обращения: *...теперь вы хотите убить меня, ибо слово мое не вошло в вас.* Среди тех, кого души деревьев и души китов назвали «вас», был, конечно, и сам Исана, провозгла-

сивший себя поверенным деревьев и китов. Потому что был не в состоянии объяснить смысл слов, сотрясавших его барабанные перепонки, — песню китов и позволил ей безвозвратно утонуть в потоке времени. Нужно ли более разительное доказательство? Но осознание этого тоже превратится в ничто, оставшись без ответа. Эта мысль захватила Исана и освободила от неведомой силы, втягивавшей его в мрачную бездну. *Я провозгласил себя поверенным деревьев и китов, но я человек, и мне не избежать ответственности перед вами, поскольку я один из тех, кто рубил деревья и истреблял китов,* — сказал он, обращаясь к душам деревьев и душам китов. — *Именно поэтому, думаю я, Дзин был именно таким, каким был, и я не мог ничего есть и бесперерывно падал и весь в кровотокающих ранах был близок к смерти. Вот почему сознание того, что я, оставив все без ответа, превращусь в ничто, позволит мне обрести безграничную свободу...*

Шум волн сопровождал крики китов, но к магнитофонной записи вдруг начал примешиваться все усиливающийся звук льющейся воды. Холодная вода плескалась вокруг голых ног Исана. Он встал со стула и посветил фонарем. Из четырехугольника, где была земля, в которую он, размышляя, погружал ноги, фонтаном била вода. Огромное количество воды, выбрасываемое пожарной машиной, просочилось под фундамент с задней стороны убежища и теперь фонтаном бьет из четырехугольника, где была земля, — интересно, с каким законом гидродинамики связана свирепость этого мощного потока, уже подступившего к щиколоткам? Но и этот вопрос, оставшись без ответа, превратится в ничто.

Изменение звука ударов металлического шара указывало на то, что дыра в стене уже проломлена, и теперь шар проделывает более сложные движения, чтобы расширить ее. Что все-таки происходит сейчас наверху? Этот страшный вопрос окажется еще одним испытанием, ниспосланным человеку, оставшемуся в живых в убежище. Даже если кому-то и удалось бы, благодаря мощи атомного убежища, пережить атомную атаку, у него не будет возможности узнать, что происходит вокруг. Сколько мегатонн было в сброшенной бомбе? Ограничилась ли дело локальной атомной войной или она превратилась в глобальную? Остался ли кто-нибудь в живых из всего рода человеческого, кроме укрывшихся в этом убежище? И поскольку даже самые большие оптимисты не смогут определить силу радиации, они будут лишены возможности решать, когда выйти на поверхность. Если бы даже они, набравшись мужества,

вылезли на поверхность, это была бы безнадежная затея. Естественнее было бы ждать действий тех, кто остался на земле. И даже если бы они услышали стук в крышку люка, была бы у них уверенность, что стучат оставшиеся в живых люди? А вдруг это прибывшие на землю обитатели вселенной или даже духи вселенной, внимательно наблюдавшие за окончанием последней мировой войны? Важно не то, как я пытался увильнуть от этих вопросов в разговоре с покупателями убежищ, а то, какие доводы привел бы себе самому. Действительно, как бы я ответил на них сейчас? И это тоже, оставшись без ответа, превратится в ничто.

Над головой раздался раскатистый взрыв, вода из отверстия поднялась столбом и дошла до колен. Потом еще более мощный взрыв. Бункер вздрогнул и застонал, стоявшая на штурманском столе спиртовка подскочила и упала в воду. Исана, тоже скошенный неведомой силой, упал на пол, подняв тучу брызг, которые были ему не видны. Встав на ноги, он смог разглядеть, где лежит карманный фонарь, но не пошел за ним, а снова уселся на стул, погрузив ноги в землю. Потом вытянул перед собой руку и поднял автомат. Аккуратно поставив его между колен, он попытался сориентироваться. Точно слепой, всматривался он во тьму широко раскрытыми глазами, слушая крики китов и шум бьющей фонтаном воды. И, обратившись к душам деревьев и душам китов со словами, которые можно было бы принять за молитву, погрузился в ожидание.

Что происходит на земле? Взорвалась ли атомная бомба после того, как я спрятался в бункере, или, может быть, произошли еще более страшные сдвиги земной коры, и землю захлестнули цунами или потоп? Ведь даже в атомном убежище вода дошла мне до колен. Может быть, потоп уже уничтожил всех людей на земле и воскресил мощь китов, безжалостно истреблявшихся людьми, и теперь огромные стада могучих китов плавают между бескрайними зарослями деревьев — их единственных друзей на земле? Если это так, то стада могучих китов услышат крики китов-горбачей, доносящиеся из этого бункера, и придут на помощь своим гибнущим братьям. Я провозгласил себя поверенным китов и деревьев, но теперь киты, установившие свое господство на земле, возможно, посчитают меня своим врагом в противоположность раскинувшим в воде свои ветви деревьям — их друзьям. Потому что я сам этого хочу. Я жажду обличать людей в жестокостях, чинимых деревьям и китам. Именно поэтому я обязан проявить свойственную человеческой природе жестокость и доказать правильность своих

*мыслей, которые я лелеял многие годы. Сопrotивляясь, я прибегну к насилию, и мое тело и душа, принадлежащие последнему человеку на земле, взорвутся и, оставив все без ответа, превратятся в ничто. Вот тогда-то, киты, обращаясь к своим неизменным друзьям — деревьям, вы пошлете сигнал: **все хорошо**. Каждый листочек, каждая травинка присоединят свой голос к могучему хору: **все хорошо!***

Крышка люка поднимается. Исапа на мгновение видит в свете, льющемся сверху, нечто иссиня-черное, напоминающее шкуру кита, и, зажмурив глаза от влетевших в бункер газовых пуль, нажимает на спусковой крючок. Пять выстрелов. Нужно экономно расходовать патроны. Нужно быстро снимать палец со спускового крючка и стрелять короткими очередями. Газовых пуль все больше. Он задерживает дыхание. Снова вдыхать ему, наверно, не придется. Он делает три выстрела. Мощная струя воды бьет в степу бункера и, отброшенная, накрывает его. Снова упав, теперь уже в глубокую воду, он делает четыре выстрела. Все остается без ответа, открывая путь в ничто. Обращаясь к душам деревьев и душам китов, он посылает им последнее прости: **все хорошо!** И за ним приходит та, которая приходит за всеми людьми.

РАССКАЗЫ

*Редакторы А. Михалев
И. Заславская*

СОДЕРЖАНИЕ СКОТИНЫ

Мы с младшим братом ковырялись щепками в рыхлой, пахнувшей жиром и пеплом земле на дне лощины. Здесь, на слегка вскопанной площадке, расчищенной от густого кустарника, был устроен временный крематорий. Дно лощины уже застлало вечерние сумерки и холодный туман, словно в лесу вдруг забили ключом подземные воды, тогда как на нашу маленькую деревушку — она располагалась по обе стороны мощеной дороги на круто спускавшемся к лощине склоне горы — еще падал пурпуровый свет. Я разогнулся и устало зевнул во весь рот. Брат тоже распрямился и, едва заметно зевнув, улыбнулся.

Хватит с нас на этот раз, решили мы, забросили щепки в пышно разросшуюся летнюю траву и плечом к плечу начали подниматься по узкой тропинке, ведущей к деревне. Мы приехали на площадку крематория собирать остатки костей — хорошие кости затейливой формы, которые можно было нацепить украшением на грудь, но деревенские ребята уже собрали кости все до одной, и нам ничего не досталось. Наверно, стоит

как следует вздуть кого-нибудь из младшеклассников и отнять кости. Мне вспомнилась картина, которую я увидел два дня назад из-за спин взрослых, стоявших на площадке крематория плотной до черноты толпой: сжигали труп женщины из нашей деревни, с печальным лицом она лежала в ярких отблесках пламени. Ее голый вздувшийся живот возвышался маленьким холмом. Мне стало жутко. Крепко схватив брата за руку, я быстро зашагал прочь. Казалось, будто стиснутый нашими огрубелыми пальцами жук-носорог выдавил из себя липкую воющую жидкость, будто запах трупа неотступно преследует нас.

Жители деревни были вынуждены сжигать трупы под открытым небом из-за весенних дождей, ливших не переставая вплоть до начала лета. Из-за дождей, которые шли долго, упорно и беспрерывно, так что наводнения стали делом обычным. После того как горный обвал разрушил висячий мост, через который проходила кратчайшая дорога из деревни в город, наше отделение начальной школы закрылось, почтальон перестал приносить письма, и люди, если надо было, добирались до города по узкой раскисшей дороге вдоль гребня горы. Вozить мертвецов в городской крематорий никому и в голову не приходило.

Однако полная отрезанность от города не особенно тяготила нашу деревню, селение, хотя и старое, но еще не вполне вставшее на ноги. К нам, деревенским, в городе относились, как к грязной скотине, зато в нашем маленьком поселке, скученном на горном склоне и глядевшем в узкую лощину, и без города хватало разнообразных впечатлений повседневной жизни. К тому же мы, дети, радовались, что школу закрыли уже в конце весны.

У входа в деревню, там, где начиналась мощеная дорога, стоял Мицукути с собачонкой на руках. Толкнув брата плечом, я пробежал в густую тень старых абрикосовых деревьев взглянуть на собаку.

— Вот, посмотри,— сказал Мицукути, встряхнув собачонку так, что она взвизгнула.

Он показал мне свои руки: они были сплошь в укусах, покрытых спекшейся кровью и собачьей шерстью. Пятнами укусов была испещрена и его грудь, и толстая короткая шея.

— Вот так-то,— с серьезным видом сказал Мицукути.

— Ты ведь обещал, что мы вместе пойдем охотиться на диких собак,— с удивлением и досадой сказал я.— А сам, значит, пошел один.

— Я заходил за тобой,— поспешно отозвался Мицукути.—

Тебя не было.

— Ну и покусали же тебя! — сказал я, легонько погладив кончиками пальцев собаку со свирепыми, как у волка, глазами и раздувающимися ноздрями. — Наверно, забрался в самое логово.

— Чтобы уберечь горло, я обмотал его кожаным поясом, — хвастливо сказал Мицукути.

Я отчетливо представил себе Мицукути во всеоружии, с кожаным поясом вокруг горла, мысленно увидел, как он достает щенка из норы, высланной ветками кустарника и засохшей травой, а в это время его кусает дикая собака; я представил себе, как Мицукути выходит с добычей на потемневший фиолетовый склон и спускается на дорогу.

— Горло целым-целехонько, — хвастливо сказал Мицукути. — Я ведь дождался, когда в норе осталась одна только эта собачонка.

— Я видел, как эти тварюги бежали по лощине, — возбужденно сказал мой брат. — Пять штук... целая стая. Там, наверно, были и ее родители.

— А! — сказал Мицукути. — Когда?

— Сразу после полудня.

— Вот тогда-то я и отправился.

— Лучше бы этот щенок был белый, — сказал я, подавив в себе отголосок зависти.

— Его предки блудили с волками, — с видом знающего человека сказал Мицукути.

— Вот здорово! — мечтательно произнес мой брат.

— Он уже привык ко мне, — сказал Мицукути, напыжась от гордости. — Он больше не вернется к диким собакам.

Мы с братом промолчали.

— Вот, смотрите. — Мицукути опустил собачонку на мощную дорогу и разжал руки. — Вот.

Но мы смотрели не на собачонку, а на небо над лощиной. Там со страшной скоростью летел невероятно огромный самолет. Оглушительный рев, всколыхнувший воздух, на какое-то мгновение словно накрыл нас волной. Подобно увязшим в растительном масле насекомым, мы были не в силах пошевелиться.

— Вражеский самолет! — крикнул Мицукути. — Враг прилетел!

— Вражеский самолет!.. — закричали мы хриплыми голосами, глядя на небо.

Но вот в небе снова нет ничего, кроме темно-синих облаков, озаренных закатным солнцем. А собачонка Мицукути, восполь-

зовавшись моментом, подпрыгнула и с лаем припустила по мощеной дороге. Подскакивая, она вбежала прямо в лес и исчезла из виду. Мицукути бросился было вдогонку, да так и застыл на месте, ошарашенно вытаращив глаза. Мы с братом расхохотались, чувствуя, как кровь, словно сакэ, вскипает у нас в жилах. Мицукути, несмотря на всю досаду, тоже не мог удержаться от смеха. Расставшись с ним, мы побежали домой, к складу — в сумерках он походил на огромного зверя, присевшего на задние лапы. Отец в темной кухне с земляным полом готовил нам еду.

— А мы видели самолет! — крикнул брат. — Огромный вражеский самолет...

Отец стонущим голосом сказал что-то в ответ, но не обернулся. Я подошел к дощатой стене и взял с подставки тяжелое отцовское охотничье ружье, которое надо было почистить, вскинул его на плечо, и мы с братом, взявшись за руки, пошли по темной лестнице на второй этаж.

— Жалко, что собака убежала, — сказал я.

— И самолет тоже жалко, — отозвался брат.

Мы жили на втором этаже стоявшего посередине деревни общественного склада в тесной комнате, где раньше разводили шелковичных червей. Отец спал под шерстяным одеялом на циновках, прикрывавших начавшие загнивать толстые доски; мы с братом расстилали постель на дверях, снятых с петель и положенных на деревянные рамы, предназначенные для выкармливания шелкопряда; обои были все в пятнах и издавали острое зловоние, голые балки потолка облеплены сопревшими листьями шелковицы. Комната, прежде кишевшая шелковичными червями, теперь была переполнена людьми.

Обстановки у нас не было никакой. Самой дорогой вещью в нашем бедном жилище было отцовское ружье, тускло поблескивавшее от дула до глянцевого-смолистого приклада, при выстреле, казалось, преображавшееся в металл, сильно, до онемения отшибающий плечо; были здесь и колонковые шкурки, связками свисавшие с голых балок, а также всевозможные ловушки. Отец зарабатывал на жизнь охотой — бил зайцев и птиц, а в снежные зимы — диких кабанов. Кроме того, он сдавал в городское управление шкурки попадавших в ловушки колонков.

Протирая клеенкой ружейный ствол, мы с братом смотрели сквозь щели двери на темное небо, словно надеясь вновь услышать гул самолета. Но самолеты над деревней пролетали крайне редко. Мы приставили ружье к раме у стены, легли в по-

стель и, тесно прижавшись друг к другу, мучимые голодом, стали ждать, когда отец принесет нам котелок с дзосуем*.

Мы с братом были как два маленьких семечка, укрытых твердой кожурой и толстой мякотью плода, мы были как два нежных, полных жизни зеленых семечка, которые, попав на солнечный свет, дрожат будто в ознобе. Вне твердой кожуры, оберегавшей нас от внешнего мира, у моря, которое, если залезть на крышу, виделось вдали сверкающей узкой полосой, и в большом городе за вздымавшимися, как волны, горами, дышала своим спертым дыханием война, шедшая уже не первый год, грандиозная, как легенда, но утратившая былую поворотливость. Однако для нас война означала просто отсутствие в деревне молодежи и повестки о том, что тот-то и тот-то пал в бою. Война не проникала сквозь твердую кожуру и толстую мякоть. И даже вражеские самолеты, последнее время пролетавшие над деревней, воспринимались нами просто как некие диковинные птицы.

Перед самым рассветом я проснулся от сильного подземного гула и непонятных оглушительных раскатов. Отец сидел на расстеленном на полу одеяле, сжавшись в комок и широко раскрыв глаза, алчные, как у затаившегося в лесной чаще зверя, готового броситься на добычу. Но отец ни на кого не бросился, а лег на спину и вроде бы снова заснул.

Я ждал, напрягая слух, но подземный гул не возобновлялся. Я ждал терпеливо, медленно вдыхая сырой воздух, пахнувший плесенью и какими-то мелкими зверюшками, явственно различимыми в слабом лунном свете, словно украдкой вливавшемся в высокое слуховое окно. Вдруг едва слышно заплакал мой брат, который спал, уткнувшись мне в бок взмокшим от пота лицом. Как видно, он тоже ждал, что подземный гул возобновится, и не вынес ожидания. Я подложил ладонь под худую, тонкую, как стебелек, шею брата и стал убаюкивать его; успокоенный мягкими движениями собственной руки, я снова заснул.

Когда я проснулся, сквозь щели стен лился щедрый свет утра, в воздухе уже чувствовалась жара. Отца дома не было. Не было у стены и его ружья. Разбудив брата, я, голый по пояс, вышел на мостовую перед складом. Улицу и каменную лестницу затоплял свет утреннего солнца. Вокруг было полно детей. Одни, ослепленные солнцем, словно в забытьи стояли на месте, дру-

---

* Дзосуи — вареный рис с овощами.

гие, уложив на землю собак, искали у них блох, третьи носились с криком по улице. Взрослых нигде не было видно. Мы с братом заглянули в маленькую деревенскую кузницу, стоявшую в густой тени пышных камфорных деревьев. В темной лагуче сегодня не полыхали над углями яркие языки пламени, не дышали мехи, не было видно и кузнеца, стоящего по пояс в яме, кузнеца с необыкновенно загорелыми, сухими руками, готовыми ловко подхватить раскаленное докрасна железо. Чтобы утром кузница пустовала — это было дело невиданное. Взявшись за руки, мы с братом молча возвратились на мостовую. Все мужчины деревни куда-то ушли, а женщины, очевидно, не хотели выходить на улицу. Одни только дети тонули в разливе солнечного света. Смутное беспокойство стеснило мне грудь.

На каменной лестнице, ведущей к водоему, куда вся деревня ходила за водой, разбросав руки в стороны, лежал Мицукути. Завидев меня с братом, он вскочил и подбежал к нам. Казалось, он того и гляди лопнет, такой у него был напыженный и самодовольный вид. В уголках растрескавшихся губ пузырилась слюна.

— Вы знаете? — крикнул он, хлопая меня по плечу. — Вы знаете?..

— Ну... — неопределенно отозвался я.

— Вчерашний самолет свалился ночью на гору. А вражеских летчиков уже разыскивают — все взрослые ушли с ружьями в горы на облаву.

— А в них будут стрелять? В летчиков-то? — с напусковой важностью спросил брат.

— Наверяд ли, пуль и так не хватает, — снисходительно ответил Мицукути. — Пусть уж лучше их поймают.

— А что с самолетом? — спросил я.

— Упал в пихтовый лес и — вдребезги, — протараторил Мицукути. — Почтальон своими глазами видел. Вы, наверно, знаете это место.

Да, я знал это место. Теперь в том лесу, должно быть, распустились цветки пихты, похожие на метелки травы. Потом, в конце лета, из метелок завяжутся шишки, напоминающие по форме яйца диких птиц, и мы пойдем их собирать — они служили нам снарядами. И в нашем складе тоже, под вечер или на рассвете, может вдруг со страшным шумом посыпаться град этих коричневых пуль...

— Ну? — сказал Мицукути, широко растягивая губы, так что обнажились светло-розовые десны. — Знаете?

— Как не знать, — ответил я. — Сходим?

Собрав вокруг глаз морщинки, хитро усмехаясь, Мицукути молча смотрел на меня. Я разозлился.

— Если пойдем, так я сбегаю за рубашкой, — сказал я, сердито глядя на Мицукути. — А если даже ты уйдешь без меня, я тебя мигом догоню.

Мицукути поморщился и недовольно заметил:

— Ничего не выйдет, детям запретили ходить в горы. Их могут принять за иностранных летчиков и застрелить.

Понурившись, я глядел на свои голые ноги, на короткие сильные пальцы, упирившиеся в раскаленные утренним солнцем камни мостовой. Разочарование, как сок по дереву, растеклось у меня в груди, жаром сердца только что убитой птицы полыхнуло по коже.

— Интересно, какпе они на лицо, эти вражеские летчики? — спросил брат.

Я расстался с Мицукути и, обняв брата за плечи, побрел домой. И вправду, какпе они на лицо, эти иностранные летчики, в каком обличье прячутся? Мне чудилось, что поля и леса вокруг нашей деревни наводнены затаившимися иностранными солдатами, и их с трудом сдерживаемое дыхание вот-вот вырвется из груди с оглушительным шумом. А резкий запах их пота неотвратимо, как осень, воцарится во всей лощине.

— Хорошо бы их не убили! — мечтательно сказал брат. — Хорошо бы их поймали и привели!

От сильной жары во рту собиралась липкая слюна, от голода сосало под ложечкой. Отец, скорее всего, вернется только с наступлением темноты. Нам придется самим готовить себе завтрак. Обогнув склад, мы спустились к колодцу, возле которого валялось дырявое ведро, и напились, упираясь руками в выпуклые, словно брюшки личинок, холодные запотевшие камни. Потом мы зачерпнули котелком воды, развели огонь и набрали картошки из-под слоя рисовой шелухи. Картошка, когда мы ее мыли, казалась твердой, как камень.

Наш завтрак был прост, но обилен. Держа картофелину обеими руками и насыщаясь с аппетитом счастливого зверя, брат задумчиво сказал:

— А что, если летчики залезли на пихты? Я ведь видел на пихте соню.

— На пихтах сейчас расцвели цветы, так что спрятаться легко, — ответил я.

— Вот и соня сразу спряталась, — улыбнулся брат.

Я представил себе иностранного летчика, притаившегося между ветвей пихты, сплошь усыпанных похожими на метелки

травы цветами. Сквозь зыбкую завесу мелких зеленых иголок он следит за отцом и другими мужчинами деревни. Цветы пихты, густо облепившие его раздутый летний комбинезон, должны придавать ему сходство с отъевшейся перед зимней спячкой соней.

— Даже если летчик спрятался на дереве, собака все равно его учует и залает, — с уверенностью сказал брат.

Утолив голод, мы оставили в темной кухне котелок, несъеденную картошку, соль и уселись на каменной лестнице, выходящей на улицу. Мы долго сидели там, как в забытии, а после полудня отправились искупаться к водоему у источника, где вся деревня набирала воду.

На берегу, распластавшись на самом широком и гладком камне, лежал голый Мицукути и позволял девочкам гладить и ласкать себя, как куклу. Раскрасневшийся, издавая похожий на птичий крик смех, он время от времени пошлепывал девочек по голым заднюшкам.

Брат уселся рядом с Мицукути и с интересом наблюдал за его веселым ритуалом. Я тоже искупался у источника, окатил брызгами samozабвенно отдавшихся солнцу и воде заморышей, а потом, не вытираясь, надел рубаху и, оставляя на мостовой мокрые следы, вернулся на каменную лестницу склада и еще долго неподвижно сидел на ней, обняв колени руками. Ожидание сродни безумию, что-то вроде жаркого опьянения бередило мою душу. Мне грезилось, что я сам предаюсь диковинной забаве, которая так увлекала Мицукути. Но вот среди возвращающихся с купанья детей появились девочки, существа с убогими обнаженными телами проходили мимо меня, покачивая худыми бедрами; и всякий раз, как они обращали ко мне робко улыбающиеся лица, я отпугивал их, осыпая градом насмешек и мелких камней.

Я по-прежнему ждал, сидя все в той же позе. Небо заполнили порхающие с места на место облака цвета полевого пожара, над лощиной встал горячий багровый закат, а взрослые по-прежнему не возвращались. Мне казалось, я сойду с ума от ожидания.

Закат поблек, из лощины, холода обожженную солнцем кожу, подул приятный ветерок, пали сумерки. Наконец в при тихшую, измаявшуюся беспокойным ожиданием деревню с лаем стали возвращаться собаки. Вслед за ними шли взрослые. Дети, и я в том числе, гурьбой выбежали им навстречу, и в толпе взрослых мы увидели высокого черного человека. Страх толкнулся мне в душу.

Взрослые шагали, окружив свою «добычу», губы их были серьезно сжаты, как во время зимней охоты на кабанов, спины горблены почти горестно. На пленнике был не серо-синий шелковый летний комбинезон и черные кожаные сапоги, а темно-зеленый китель и брюки, на ногах — тяжелые, неуклюжие башмаки. Запрокинув большое черное лоснящееся лицо к небу, на котором играли последние отблески дня, черный человек шел, хромяя и волоча ноги. На щиколотках у него была цепь от кабаньего капкана, она громко звенела. За взрослыми безмолвно шагали мы, дети. Медленно дойдя до площади перед школой, процессия остановилась. Только я успел протолкаться сквозь толпу детей и выйти вперед, как староста громко закричал, чтобы мы убирались прочь. Мы отступили на плантацию абрикосовых деревьев в угол площади и, упорно удерживая занятую позицию, наблюдали за совещанием взрослых в сгущающейся темноте. В дверях домов, выходящих на площадь, показались женщины. Сложив руки под белыми передниками, они настороженно, с беспокойством прислушивались к тихим голосам мужчин. Мицукути сильно толкнул меня сзади в бок и отвел в сторону.

— Он негр, я с самого начала так думал, — сказал Мицукути дрожащим от волнения голосом. — Настоящий негр!

— Что с ним сделают? Расстреляют на площади?

— Расстреляют? — задыхаясь от изумления, вскрикнул Мицукути. — Расстрелять самого что ни на есть настоящего негра?

— Ну да, ведь он враг, — неуверенно настаивал я.

— Враг? Ты говоришь, враг? — схватив меня за воротник и брызгая мне в лицо слюной, хриплым голосом воскликнул Мицукути. — Ведь он же негр, какой это враг?

— Эй вы, эй вы! — послышался возбужденный голос брата из толпы детей. — Посмотрите-ка на него!

Мы с Мицукути обернулись и увидели, что летчик-негр отошел от растерявшихся взрослых и, расслабив плечи, мочится. Казалось, еще немного, и его фигура, одетая в подобие темно-зеленого рабочего костюма, растворится в сгустившихся сумерках. Опустив голову, негр мочился долго, и когда вздох наблюдавших за ним детей ветерком пронесся за его спиной, лениво встряхнулся.

Но вот взрослые вновь обступили негра, и толпа, медленно развернувшись, двинулась обратно. Выдерживая дистанцию, мы пошли следом. Молчаливая процессия, сопровождавшая пленника, остановилась перед боковой дверью склада. Там, зияя чернотой, словно логово зверя, виднелся проход в подвал, предназна-

ченный для хранения зимою осеннего урожая каштанов, тщательно отобранных и обработанных сероуглеродом, убивающим прячущихся под твердой кожурой личинок. Серьезные, как на торжественной церемонии, взрослые, по-прежнему окружая негра, спустились в подвал, мелькнули белые руки, и толстая крышка люка захлопнулась.

Напрягая слух, мы пристально наблюдали за продолговатым окошком подвала. Через мгновение в нем засветился оранжевый огонек. Заглянуть в окошко у нас не хватило духу. Беспокойное ожидание утомило нас. Однако выстрелов не было слышно. Вместо этого крышка люка приподнялась, и из подвала выглянуло темное лицо старосты. Он закричал на нас, мы отпрянули от окошка и расстались с надеждой хотя бы издали следить за происходящим. Ни звуком не выдавая своего разочарования, дети побежали по мостовой, их грудь распырало от ожидания, сулившего впереди ночь с кошмарными сновидениями. Вслед им, разбуженный громким топотом, летел страх.

Один только Мицукути, спрятавшись на примыкавшей к складу плантации абрикосовых деревьев, решил дальше наблюдать, что будут делать взрослые с плешком. Мы с братом повернули к главному входу в склад и, опираясь на вечно сырые перила, поднялись в свое жилище. Стало быть, теперь мы будем жить в одном доме с пленным. Наверху вряд ли услышишь его крики, но зато, что ни говори, мы теперь будем спать прямо над подвалом, в котором заперли летчика-негра; на наш взгляд, это было просто замечательно, рискованно, прямо-таки невероятно. Я стучал зубами от волнения, от страха и радости, брат, укрывшись с головой одеялом и поджав ноги, весь трясся, словно схватил жестокую простуду. Но потом, в ожидании минуты, когда, преодолевая усталость, с тяжелым ружьем на плече вернется отец, мы заулыбались друг другу, осознав, какая удача нам привалила.

Когда мы принялись доедать остатки холодной, осклизлой, затвердевшей картошки, стремясь не столько утолить голод, сколько унять смятение обуревавших нас чувств, по лестнице, глядя конец томительному ожиданию, поднялся отец. Дрожа всем телом, мы наблюдали, как он приставил ружье к раме у стены и опустил на расстеленное на полу одеяло. Не говоря ни слова, он смотрел на котелок, из которого мы ели картошку. Мне показалось, что отец до смерти устал и взволнован.

— Рис кончился? — глядя на меня, недовольным стонущим голосом спросил отец, вздувая бугром заросший грубой щетиной кадык.

— Да,— тихо ответил я.

— Ячмень?

— Тоже весь вышел,— ответил я, начиная сердиться.

— А этот... самолет, что с ним случилось? — робко спросил брат.

— Сгорел. В лесу было начался пожар.

— Весь, целиком? — выдохнул брат.

— Только хвостовое оперение осталось.

— Хвостовое оперение...— как в трансе повторил брат.

— А другие летчики? — спросил я.— Ведь не один же он прилетел?

— Двух других летчиков убило. Этот выбросился с парашютом.

— С парашютом...— зачарованно протянул брат.

— А с этим что теперь делать? — набравшись духу, спросил я.

— Кормить, пока не придет решение из города.

— Просто кормить? — изумленно переспросил я.— Как скотину?

— Он все равно что зверь,— серьезно сказал отец.

— Вот хорошо бы посмотреть! — сказал брат, выжидающе глядя на отца, но отец лишь раздраженно поджал губы и молча спустился по лестнице.

Мы с братом сели на раму, служившую нам кроватью, и стали ждать: отец, заняв у соседей зелени и риса, должен был вернуться и приготовить обильный горячий дзосуй. Мы до того устали, что даже есть не хотели. Мышцы у нас судорожно подергивались, мы были взбудоражены. Кормить негра!.. Я крепко стиснул руками грудь. Мне хотелось сорвать с себя одежду, кричать.

Кормить негра, как зверя...

Наутро отец молча растолкал меня. Только что рассвело. Сквозь щели в стенах лился яркий свет и мутный пепельно-серый туман. Поспешно глотая холодный завтрак, я мало-помалу окончательно проснулся. Отец с ружьем на плече и с привязанным к поясу свертком, в котором было съестное, помутневшими от бессонницы глазами смотрел на меня, дожидаясь, когда я кончу есть. У его ног лежала связка скатанных трубочкой колонковых шкурок, обернутая драным джутовым мешком. При виде шкурок у меня перехватило дыхание, я понял, что мы идем в город. Должно быть, для того, чтобы сообщить о негре городским властям.

Вопросы так и вертелись у меня на языке, я даже стал мед-

леннее глотать, но заросшая грубой щетиной челюсть отца беспрерывно ходила вверх и вниз, как будто он жевал зерно, и я понял, что бессонная ночь сказалась на его нервах и он раздражен. Расспрашивать о негре было нельзя. Вчера вечером после ужина отец перезарядил ружье и отправился в ночной караул.

Брат, уткнувшись лицом в пахнущее прелой травой одеяло, все еще спал. Покончив с завтраком, я забегал на цыпочках по комнате, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить брата. Я натянул ярко-зеленую рубашку из плотной ткани, надел матерчатые спортивные туфли, которые в обычные дни никогда не носил, вскинул на плечи связку шкурок и бегом спустился по лестнице.

Над влажной мостовой тихо плыл туман, окутанная дымкой деревня спокойно спала. Уже молчали, устав кричать, петухи, не лаяли собаки. Я увидел мужчину с ружьем. Свесив голову, он стоял, прислонившись к абrikосовому дереву у боковой стороны склада. Отец тихо перекинулся с караульным несколькими словами. Я в страхе бросил быстрый взгляд на окошко погреба — оно зияло чернотой, как рана. Мне казалось, что оттуда тянется рука летчика-негра, готовая схватить меня. Я быстро отвернулся. Когда мы молча зашагали по мостовой, осторожно ставя ноги, чтобы не поскользнуться, солнце пробило толщу густого тумана и обдало нас жарким напористым светом.

Но вот, направляясь к дороге на гребне горы, мы углубились в лес криптомерий и зашагали по тропе, прорубленной в чаще деревьев на рыхлом склоне, где красная глина присасывалась к подошвам, и тут мы снова опустились на темное дно ночи. Туман обрушился крупными, чуть ли не дождевыми, каплями, оставившими во рту металлический привкус, туман стеснял дыхание, увлажнял волосы и блестящим бисером оседал на ворсе рубахи, ворот которой уже скомкался и почернел. Прямо под слоем прелых опавших листьев сочилась ключевая вода, она проникала сквозь матерчатые туфли и леденила ноги, но думать больше приходилось о том, как бы не пораниться о твердые, как железо, стебли кучно разросшихся грубых папоротников и не задеть готовых броситься на тебя щитомордников, притаившихся с широко раскрытыми глазами между вцепившихся в землю корней.

Когда мы вышли на дорогу, пролегавшую вдоль опушки невысокого смешанного леса, где туман расходился и было светло, я стряхнул с рубахи и штанов капли влаги и приставшие семена леспедыцы. Небо было ясное и пронзительно-синее. Цепь да-

леких гор, цветом похожих на куски медной руды, которые мы подбирали в заброшенной шахте на дне ложины, казалась надвигающимся па нас морем, озаренным солнцем. А потом уж выгянула белесоватая полоска настоящего моря.

Повсюду вокруг пели птицы, шумели на ветру верхушки сосен. Из-под листьев, придавленных сапогом отца, пепельно-серыми брызгами разлетались в стороны полевые мыши и, на мгновение испугав меня, скрывались в густых зарослях кустарников, убранных алой листвою.

— Мы идем в город, чтобы рассказать о негре? — спросил я, глядя в мощную спину отца.

— А? — переспросил отец. — Ну да...

— И потом к нам придет полицейский?

— Не знаю, — стонущим голосом сказал отец. — Пока не общат в префектуру — не знаю.

— Нельзя же держать его все время в деревне и кормить, — сказал я. — Он ведь опасный...

Отец промолчал. Я вновь ощутил изумление и испуг, как вчера вечером, когда негра привели в деревню. Интересно, что он теперь делает в подвале? Если он выйдет оттуда, он примется убивать и людей, и охотничьих собак, станет поджигать дома. Мне не хотелось думать об этом и было до того страшно, что я трясся всем телом. Обогнав отца, я, задыхаясь, побежал под гору по длинному спуску.

Затем мы снова выбрались на ровную дорогу, солнце стояло уже высоко. В местах маленьких оползней по обе стороны дороги, словно свежая кровь, рдела на солнце обнажившаяся красная глина. Мы шагали, подставив непокрытые головы палящим солнечным лучам. По щекам струился пот, обильно стекавший из-под коротко стриженных волос.

Когда мы вошли в город, я прижался к отцу и шагал, не обращая внимания на поддразниванье мальчишек. Если б не отец, они, насмехаясь надо мной, наверно, забросали бы меня камнями. Городских детей — худых существ с коварными глазами, переполнявших город в блеске полудня, — я не любил и презирал, как некую породу насекомых сродни жукам-скарабеем, с видом которых решительно нельзя свыкнуться. Если бы не взрослые, следившие за нами из глубины темных лавок, я нашел бы в себе решимость отколотить и сбить с ног любого из этих задир.

В городском управлении был перерыв. Накачав воды насосом, стоявшим на площади перед управлением, мы напились и затем долго ждали, сидя на стульях у окон, залитых жарким

солнечным светом. Наконец к нам вышел старый чиновник. Отец тихо переговорил с ним, и они ушли в кабинет мэра, а я со связкой колонковых шкурок подошел к окошку, у которого стояли в ряд маленькие весы. Надо было, чтобы шкурки пересчитали и записали в регистрационную книгу на имя отца. Я внимательно следил, как женщина в очках с толстыми стеклами вписывает в книгу число шкурок.

Когда эта процедура закончилась, я решительно не знал, чем мне еще заняться. Отец все не выходил. Я взял туфли в руки и, присасываясь к полу босыми ногами, пошел по коридору отыскивать моего единственного здесь знакомого, который постоянно приносил нам новости из города. У нас в деревне и стар и млад звали этого одноногого мужчину «писарем», потому что во время медицинских осмотров в школе он записывал то, что говорил врач.

— А, лягушонок, пришел? — встав со стула за ширмой, громко сказал писарь, и я почувствовал некоторое раздражение. Подобно тому как мы называли его писарем, он называл всех деревенских ребят лягушатами, и, вероятно, тут ничего нельзя было поделывать. Все же я был рад, что мне удалось найти его.

— Говорят, вы поймали негра, лягушонок, — сказал писарь, стуча об пол деревянной ногой.

— Да, — сказал я, оперевшись о его стол, на котором лежал завтрак, завернутый в газетную бумагу сплошь в желтых пятнах.

— Большое дело сделали!

Глядя на бескровные губы писаря, я с достоинством, взрослому, кивнул в знак согласия и хотел рассказать о негре, о том, как его, огромного и черного, привели, словно зверя, на закате в деревню, но не мог найти нужных слов.

— Его убьют? — спросил я.

— Не знаю. — Писарь повел подбородком в сторону кабинета мэра. — Надо полагать, сейчас решат.

— А может, его приведут в город? — спросил я.

— Похоже, ты рад, что школа закрылась, — уклоняясь от ответа на вопрос, сказал писарь. — Учительницы у вас лентяйки, только и знают, что жаловаться, а уходить не уходят. Дети в деревне грязные, вонючие, противные.

Мне стало стыдно за мою заросшую грязью шею, и, вызывающе скинув голову, я натянута улыбнулся. Из-под стола со стуком высунулась перекошенная неуклюжая деревянная нога писаря. Мне доставляло удовольствие смотреть, как он скачет по горной дороге на здоровой правой ноге, помогая себе косты-

лем и протезом, но, когда он сидел на стуле, в его протезе мне виделось что-то неприятно коварное, как в городских детях.

— Ну да это и хорошо, что школу закрыли,— сказал писарь, смеясь и снова стучая об пол протезом.— Чем сидеть грязными в классе, лучше уж будете играть на воле.

— У нас и учительницы грязные,— сказал я.

Учительницы у нас и правда были уродливые и грязные.

Писарь рассмеялся.

Тут из кабинета мэра вышел отец и тихо позвал меня. Писарь хлопнул меня по плечу, я стряхнул с себя его руку и побежал прочь.

— Не упусти пленного, лягушонок,— крикнул писарь вдогонку.

— Что решили насчет негра? — спросил я у отца, когда мы выходили в город, жарившийся на солнце.

— Спихнули с себя ответственность, и все! — резко, словно давая мне нагоняй, буркнул отец. Обескураженный его тоном, я молча зашагал по улице в тени безобразно кривых городских деревьев.

Когда мы дошли до моста на окраине, отец молча присел на низкие перила, положил на колени сверток с завтраком и развернул его. Подавляя в себе желание расспросить отца поподробнее, я протянул к свертку свою не очень чистую руку. По-прежнему молча мы принялись есть колобки из вареного риса.

Мы уже кончали есть, когда на мост вошла девушка с аккуратной, как у птицы, головкой. Я быстро прикинул, как я выгляжу и одет, и решил, что выгодно отличаюсь от любого городского мальчишки. Выставив вперед ноги в матерчатых туфлях, я ждал, когда девушка пройдет мимо. В ушах у меня шумела горячая кровь. Девушка на какое-то мгновение задержала на мне взгляд, затем, нахмурившись, проскочила мимо. У меня разом пропал аппетит. По узкой лестнице у конца моста я спустился к реке напиться. На берегу буйно росла высоченная полянь. Кося и расшвыривая ее ногами направо и налево, я подбежал к кромке воды, но вода была грязная, темно-бурая. Какой я ужасно жалкий и бедный, подумалось мне.

Когда мы, покрытые пылью, коркой слипшейся на потных, сальных лицах, еле передвигая одеревеневшие ноги, сошли с дороги вдоль гребня горы и, пройдя лес криптомерий, спустились к деревне, вечерняя мгла уже полностью застлала лощину, но

жар солнца, накопленный за день, еще давал себя знать, и густой туман, подымавшийся с земли, был приятен.

Отец пошел с докладом к старосте, а я поднялся на второй этаж склада. Брат спал, сидя в постели. Я потряс его за плечо, почувствовав при этом, какие у него тонкие кости. От моей горячей ладони по его телу пробежала легкая дрожь. Из мгновенно раскрывшихся глаз хлынула усталость, смешанная со страхом.

— Как негр? — спросил я.

— Спит себе в подвале, и только, — ответил брат.

— Страшно было тебе одному? — ласково спросил я.

Брат с серьезным видом кивнул.

— А Мицзукути видел негра?

— Детей ругают, когда они приходят на площадь, — с нескрываемой досадой сказал брат. — За ним придут из города?

— Неизвестно.

В нижний этаж, громко переговариваясь, вошли отец и бакалейщица.

— Мне нельзя носить ему в подвал еду, — упорно твердила бакалейщица. — Я женщина, и мне нельзя, это может сделать ваш сын.

Я разувался, согнувшись, и при этих словах быстро выпрямился. Брат крепко обнял меня своей нежной рукой. Прикусил губу, я ждал, что скажет отец.

— Эй, спустись ко мне! — крикнул отец, и я, бросив туфли на пол, сбегал вниз по лестнице.

Прикладом ружья отец указал на корзину с едой, которую оставила бакалейщица. Я согласно кивнул и поднял корзину. Мы молча вышли из склада в туман. Воздух уже остыл, но камни мостовой под нашими ногами еще хранили тепло дня. Караульного у склада не было. Завидев тусклый свет, сочащийся из подвального окошка, я почувствовал, как по всему моему телу, словно яд, разливается усталость. Но я чуть ли не скрежетал зубами от волнения, представляя себе, как впервые увижу негра вблизи.

Отец снял внушительный, сочащийся влагой висячий замок, заглянул в подвал и, держа ружье наготове, спустился вниз. Я присел на корточки и, окутанный туманом, ждал. Ноги у меня дрожали, и мне было стыдно, что это могут увидеть глаза, во множестве наблюдавшие за мной.

— Иди! — долетел до меня приглушенный голос отца.

Я прижал к груди корзину с едой и спустился по короткой лестнице в подвал. Там, в свете слабой электрической лампочки

без абажура, обняв руками колени и положив на них голову, сидел на корточках пленный. Мое внимание сразу привлекла толстая цепь с кабаньим капканом, которой негра приковали за ногу к столбу. Не меняя позы, пленный вскинул на меня какие-то липучие, цепкие глаза. Казалось, вся кровь прихлынула к моему лицу, оно вспыхнуло. Я отвел взгляд, прислонился спиной к стене и посмотрел на отца, который стоял, наведя ружье на негра. Отец повел в мою сторону подбородком. Я, почти зажмурившись, шагнул вперед и поставил перед негром корзину с едой. Потом, пятясь, отступил назад. Внезапный страх выворачивал наизнанку мое нутро, меня тошнило. Негр пристально смотрел на корзину. Где-то далеко залаяла собака. За окошком на площади стояла мертвая тишина.

Меня вдруг заинтересовала корзина с едой, на которую не отрываясь глядел негр. Я увидел ее его голодными глазами. Несколько больших колобков из вареного риса, хорошо прожаренная рыба, мясо, тушенное с овощами, козье молоко в широкогорлом граненом кувшине. Негр долго глядел на корзину, оставаясь все в той же позе, в которой я застал его, спустившись в подвал, под конец уже я сам начал испытывать муки голода. Мне подумалось, что негр из презрения к нам и скудости предложенного ему ужина, пожалуй, и в самом деле не притронется к еде. Мною овладело чувство стыда. Если негр не обнаружит желания приняться за ужин, это чувство может передаться и отцу. Раздавленный позором, он, чего доброго, начнет буйствовать с отчаяния, и тогда всю деревню захлестнет бесчинство уязвленных взрослых. И кому только пришла в голову эта скверная мысль — давать негру еду?

Однако негр неожиданно вытянул неимоверно длинную руку, взял толстыми волосатыми пальцами кувшин, поднес его к носу и понюхал. Затем кувшин накренился, толстые, будто резиновые губы раскрылись, обнажив ряд крупных белых зубов, пригнанных один к другому ровно и аккуратно, как детали машины, и я увидел, как молоко полилось в широкий ярко-розовый рот. В глотке негра забулькало, как в раковине, когда в нее устремляется вода вперемешку с пузырьками воздуха, затем густое молоко, словно мякоть надрезанного перезрелого плода, потекло из уголков рта по шее на раскрытую грудь, собираясь дрожащими каплями на глянцеvито-черной коже. От волнения у меня пересохли губы — я впервые заметил, что козье молоко — очень красивая жидкость.

А негр с резким стуком поставил кувшин обратно в корзину. Теперь в его движениях не было и тени прежней нерешитель-

ности. Рисовые колобки, зажатые в огромном кулаке, казались маленькими конфетами, сверкающие зубы с хрустом перемалывали рыбью голову. Прислонившись спиной к стене, я стоял рядом с отцом и с невольным восхищением следил за энергичной работой челюстей негра. Он ел самозабвенно, не обращая на нас никакого внимания, и, хотя меня мучило от голода, мне все же удалось рассмотреть его как следует.

Голова правильной формы была покрыта короткими курчавыми волосами. Маленькими черными вихрами они, словно языки пламени, вздымались над торчащими, как у волка, ушами. Кожа на горле и на груди была как бы залита изнутри темно-фиолетовым светом, и у меня дух захватывало всякий раз, как его лоснящаяся толстая шея поворачивалась, прорезаясь глубокими морщинами.

Влажными и горячими, словно воспаленными, глазами глядел я на хищный разгул аппетита, и простая деревенская еда превращалась в моем воображении в лакомые заморские яства. Я знал, что, если в корзине останется хоть кусочек, выбравшись из подвала, я с тайной радостью возьму его трепетными пальцами и проглочу. Однако негр уписал все подчистую да еще вытер пальцами тарелку из-под мяса с овощами.

Отец толкнул меня в бок, и я, стыдясь и досадуя, как будто меня пробудили от нечистых мечтаний, подошел к негру и взял корзину. Затем, под защитой отцовского ружья, повернулся к пленному спиной и уже хотел было ступить на лестницу, как вдруг услышал тихий тяжелый кашель. Я споткнулся, и страх мурашками пробежал у меня по коже.

Я поднимался по лестнице на второй этаж, и в кривом темном зеркале, качавшемся в выбоине столба, навстречу мне всплывал в тусклом свете жалкий японский мальчишка, побледневший, с плотно сомкнутыми, бескровными губами и судорожно дергающимися щеками. Бессильно свесив руки вдоль тела, испытывая унижительное чувство пришибленности и подавляя желание разрыдаться, я толкнулся в дверь нашей комнаты, которая почему-то оказалась закрытой.

Брат сидел в постели, его глаза жарко блестели, в них стоял страх.

— Это ты закрыл дверь? — спросил я, презрительно скривив рот, чтобы брат не заметил, как дрожат мои губы.

— Да, — ответил брат и, стыдясь собственной трусости, опустил глаза. — Какой он?

— Очень черный, — сказал я, захлестнутый волной усталости.

Я и вправду был вконец замучен. После всех тягот долгого дня — путешествия в город, кормления негра — мое тело отяжелело от усталости, словно губка, впитавшая слишком много воды. Я снял рубашку, облепленную сухими травинками и мохнатыми семенами лесных растений, и нагнулся обтереть ноги тряпкой, всем своим видом показывая, что не желаю отвечать на дальнейшие вопросы. Сложив губы трубочкой и широко раскрыв глаза, брат с беспокойством следил за мной. Я лег рядом с ним и зарылся лицом в пахнущее потом и мышами одеяло. Брат сидел, прижавшись коленями к моему плечу, и молча смотрел на меня, не выказывая намерения продолжать расспросы. Все было в точности так, как в то время, когда я лежал в лихорадке. И в точности так, как тогда, мне хотелось лишь одного — спать.

На следующее утро я проснулся поздно. С площади перед складом доносился какой-то шум. Ни отца, ни брата в комнате не было. С трудом подняв горячие веки и взглянув на стену, я увидел, что отцовского ружья тоже нет. Прислушавшись к шуму с площади и глядя на пустое место у рамы, где обычно стояло ружье, я почувствовал, как мое сердце учащенно забилося. Я вскочил с постели, схватил рубашку и бегом спустился по лестнице.

На площади толпились взрослые и дети, подняв кверху маленькие грязные напряженные лица. Мицукути и мой брат, отделившись от толпы, присели на корточки у окошка подвала. Подглядывают, рассерженно подумал я и уже хотел было подбежать к ним, но тут из прохода, ведущего в подвал, легко опираясь на костыль и опустив голову, вышел писарь. Жестокое, темное изнеможение, ливень отчаяния захлестнули мою душу. Однако трупа негра вслед за писарем не вынесли. Из подвала поднялся мой отец, неся на плече прикрытое мешком ружье. За отцом шел староста. Они вполголоса переговаривались между собой. Я тяжело вздохнул, чувствуя, как у меня на боках и бедрах выступил горячий, словно кипяток, пот.

— Посмотри-ка, посмотри! — крикнул мне Мицукути.

Я прополз по горячим камням мостовой и заглянул в подвальное окошко, приходившееся вровень с землей. На дне мрака безжизненным комом, будто сваленное ударом животное, лежал негр.

— Избили? — дрожа от ярости и поднимаясь с земли, спросил я. — Связали и избили?

— Да? — Под напором моего гнева Мицукути принял воинственную позу, лицо его стало жестким, губы вытянулись в нитку.— Избили?

— Избили! — крикнул я.

— Неужели избили?.. — с сожалением сказал Мицукути.— По-моему, они ходили просто поглядеть. Поглядели на него, а он уже и валяется.

Мой гнев остыл. Я неопределенно покачал головой. Брат пристально смотрел на меня.

— Ладно, ничего,— сказал я ему.

Один из мальчишек, обойдя меня, хотел заглянуть в окошко, но Мицукути так пнул его ногой в бок, что он громко вскрикнул. Мицукути же присвоил себе монопольное право заглядывать в окошко к негру и накручивал хвост каждому, кто посягал на эту привилегию.

Я оставил Мицукути и подошел к писарю, который стоял в окружении взрослых и разговаривал с ними. Он не обратил на меня никакого внимания, словно я был обычным сопливым деревенским мальчишкой, и это задело мое самолюбие — ведь как-никак мы были с ним приятелями. Но сейчас не время было думать о самолюбии и гордости. Просунув голову между спинами взрослых, я стал слушать, о чем толкуют староста и писарь.

В городском управлении и полицейском участке, говорил писарь, не знают, что делать с пленным негром. О нем доложили в префектуру, и пока не будет получен ответ, его надо содержать, и эта обязанность возлагается на деревню. Староста, возражая писарю, твердил, что у деревни нет возможности содержать пленного негра. К тому же и конвоировать его по дальней горной дороге деревенским будет не под силу. Долгий период дождей и наводнения усложнили путь в город.

Но вот писарь заговорил высокомерным повелительным тоном, свойственным мелким бюрократам, и взрослые подчинились. Когда стало ясно, что до того, как выйдет решение префектуры, негра будут держать в деревне, я оставил недовольных, растерянных взрослых и побежал к брату и Мицукути, безраздельно завладевшими местом у подвального окошка. Меня переполняло ожидание и передавшееся от взрослых неясное беспокойство.

— Ну что, его не убьют? — торжествующе крикнул Мицукути.— Негр не враг.

— Жалко его,— обрадованно сказал брат.

Сталкиваясь лбами, мы втроем заглянули в окошко и, увидев, что негр по-прежнему лежит в той же позе, но грудь его

равномерно поднимается и опускается, удовлетворенно вздохнули. Тем временем к самым нашим ногам подползли другие ребяташки. Они тихо что-то ворчали, выражая недовольство нашим поведением, но Мицукути, проворно вскочив на ноги, так заорал на них, что они с жалобными криками прыснули во все стороны.

Вскоре нам надоело смотреть на неподвижно лежащего негра, но мы не оставили своего привилегированного места. Мицукути, предварительно договариваясь о вознаграждении в виде грудных ягод, абрикосов, инжира, хурмы и прочего в том же духе, позволял детям заглянуть в окошко. Посмотрев на пленного, они, по самый затылок паливаясь краской волнения и изумления, вставали и отходили от окошка, отирая пыль со щек. Я стоял, прислонившись спиной к стене, и, глядя на подгоняемых Мицукути ребяташек, которые, припав к окошку и выставив на солнце худенькие зады, впервые увлеченно набирались собственного жизненного опыта, испытывал странную удовлетворенность и какой-то радостный подъем. А Мицукути, завалив к себе на колени прибредшую от взрослых охотничью собаку, искал и давил у нее блох, при этом высокомерным голосом командуя детьми. Взрослые, провожая писаря, поднялись к дороге вдоль гребня горы, а мы продолжали нашу необычную игру и время от времени, невзирая на жалобные протесты ребяташек, сами подолгу глядели в окошко. Негр лежал все в той же позе, и не похоже было, что собирается ее изменить. Он лежал так, будто его жестоко избили, испинали ногами, словно его ранили, а видели это только взрослые.

Когда настала ночь, я, держа в руках тяжелый котелок с дзосуем, снова спустился в подвал в сопровождении отца с ружьем. Негр взглянул на нас глазами, в уголках которых собрались сгустки желтого гноя, затем запустил свои поросшие волосами пальцы прямо в горячий котелок и принялся жадно есть. Я мог спокойно разглядеть его. Отец, со скучающим видом опустив ружье, прислонился к стене. Я видел мелкую дрожь, пробегавшую по толстой шее негра, склонявшегося над котелком, внезапное напряжение и расслабление мышц, и он казался мне послушным, кротким, добрым животным. Заметив в окошке Мицукути и брата, которые подглядывали затаив дыхание, я быстро и лукаво улыбнулся их черным, влажно блестящим глазам. Я начал привыкать к негру, и во мне пробивались ростки торжествующей радости. Однако, когда негр, почему-то потеряв равновесие, свалился на бок и закрепленная у него на ноге цепь с кабаньим капканом резко звякнула, преж-

ний страх с новой силой ожил во мне, разлился по жилам и мурашками пробежал по телу.

Начиная со следующего дня, я окончательно присвоил себе право носить негра еду в сопровождении отца, который теперь уже не снимал с плеча ружья, чтобы навести его на негра. Когда рано утром или поздно вечером мы с отцом появлялись у боковой стены склада, дети, с нетерпением поджидавшие нас на площади, разом испускали глубокий вздох, и он, ширясь, словно облако, возносился ввысь. С видом специалиста, совершенно потерявшего интерес к работе, но исполняющего ее со всей тщательностью, я, нахмурив брови, проходил с корзиной по площади, не устаивая детей ни единым взглядом. Брат и Мицукути довольствовались тем, что, держась вплотную ко мне с двух сторон, сопровождали меня до прохода в подвал. Затем, когда мы с отцом спускались вниз, они немедленно бежали к окошку. И если даже мне вконец надоело бы носить негра еду, я все равно продолжал бы делать это, хотя бы только ради наслаждения шагать по площади, всей спиной чувствуя горячие вздохи доходящей до неприязни зависти ребят, включая Мицукути.

Тем не менее для Мицукути я особо выхлопотал у отца разрешение раз в день приходить в подвал. Я сделал это для того, чтобы возложить на него часть работы, с которой мне было слишком трудно справиться одному. В подвале для негра поставили у столба маленький бочонок. Во второй половине дня мы с Мицукути, взявшись с двух сторон за пропущенную сквозь стенки бочонка веревку, осторожно поднимались с ним по лестнице и шли опорожнять его к навозной куче. Мицукути относился к этому делу с величайшей серьезностью.

Негр всецело завладел вниманием детей деревни и заполнил собой всю нашу жизнь. Интерес к пленному распространился среди детей, как эпидемия. А у взрослых были свои дела. Наша эпидемия их не затронула. Ждать слова руки указаний от городского управления было негоже. Мой отец, на которого был возложен надзор за негром, начал снова выходить на охоту, и негр безраздельно стал предметом лишь нашего детского любопытства.

Я, брат и Мицукути взяли за обычай в дневное время, когда все взрослые разбрелись по горам и лощине, запирались с

негром в подвале; на первых порах сердце гулко стучало у нас в груди от сознания, что мы совершаем нечто запретное, но потом это стало для нас обычным делом, и мы были спокойны, словно именно нам вменили в обязанность присматривать за негром. Покинутое Мицукути и братом подвальное окошко всецело стало достоянием других ребят. Проползая по горячей, запыленной сухой пылью земле, они по очереди, с красными от зависти лицами глядели, как мы — я, Мицукути и брат — сидим вокруг негра. Иной раз, потеряв от зависти голову, кто-нибудь из ребят норовил прошмыгнуть вслед за нами в подвал, но Мицукути не зевал, и любопытный за свой бунтарский порыв тотчас повергался наземь с разбитым в кровь посом.

Бочонок мы теперь поднимали по лестнице и оставляли у наружного прохода, а всю остальную работу — тащить его, изнемогая от вони, к навозной куче под палящим солнцем — высокомерно поручали другим ребятам. С сияющими от радости лицами они подхватывали бочонок и уносили его, стараясь не расплескать ни капли мутно-желтой жидкости. Каждое утро все мы, в том числе и Мицукути, смотрели на узкую тропинку, спускающуюся к деревне от дороги вдоль гребня горы, чуть ли не молясь о том, чтобы на ней не показался писарь с каким-нибудь неприятным распоряжением.

Кожа на поге негра, стянутая цепью с болтающимся капканом, стерлась и воспалилась. Сочившаяся из раны кровь запекалась шероховатой коркой. Это беспокоило нас. Присаживаясь на бочонок, негр, преодолевая боль, как мальчишка, обнажал в улыбке зубы. Мы долго молча переглядывались и наконец, посоветовавшись, решили снять с него цепь. Ведь он, словно бессловесное вялое черное животное, все время сидел на земле, обняв руками колени и поглядывая на нас влажными глазами, — ну что он может нам сделать, когда мы снимем цепь? Он ведь просто негр, только и всего.

Из отцовского ящика для инструментов я достал ключ. Когда Мицукути, крепко зажав ключ в руке, склонился перед негром и, касаясь плечами его коленей, снял цепь, негр вдруг издал протяжный звук, напоминающий стои, и, распрямившись, шумно затопал ногами. Мицукути со слезами страха на глазах отбросил цепь с капканом в сторону и взлетел вверх по лестнице, а мы с братом застыли на месте, не в силах встать на ноги. От страха у нас перехватило дыхание. Однако вместо того, чтобы ястребом налететь на нас, негр опять сел на землю и, обхватив руками колени, уставился сумрачными влажными глазами на валяющуюся у стены цепь. Когда Мицукути, поту-

пьясь от стыда, вернулся в подвал, мы с братом встретили его снисходительными улыбками...

Поздней ночью пришел отец и, пройдя в подвал, увидел, что ноги негра свободны. У меня захолонуло сердце, но отец ничего не сказал. Весть о том, что негр кроток, как домашнее животное, немедленно разлетелась по деревне и дошла до всех, и взрослых и детей.

На следующее утро, принеся негру завтрак, мы — я, брат и Мицукути — увидели, что он, положив на колени кабаньих капкан, пытается его починить. Когда Мицукути швырнул капкан в стену, он поломался. Негр, точь-в-точь как мастер, приходивший весной в деревню чинить капканы, искусно и уверенно разбирает поврежденные детали. Затем он поднял голову и, пристально глядя на меня, жестами показал, что ему требуется. Переглянувшись с Мицукути, я не мог сдержать радости, мое лицо расплылось в улыбке. Негр заговорил с нами. Это было невероятно, так же невероятно, как если бы с нами заговорило домашнее животное.

Мы побежали к дому старосты и, взяв у него ящик с инструментами, составлявшими общую собственность деревни, возвратились в подвал. Среди инструментов были и такие, которые можно было использовать как оружие, но мы, не колеблясь, вручили их негру. Мы не могли себе представить, что смиренный, как ручной зверь, негр был раньше солдатом и воювал, мы просто выбросили из головы эти мысли. Негр посмотрел на ящик с инструментами, посмотрел нам в глаза. С трепетной радостью, от которой жаром пылала грудь, мы наблюдали за ним.

— Он совсем как человек, — тихо сказал мне Мицукути, и на душе у меня стало радостно и весело. Из окошка до нас — словно туманом пахнуло — долетел изумленный вздох ребятишек.

Отнеся корзину наверх и позавтракав, мы вернулись в подвал. Негр к тому времени достал из ящика гаечные ключи и молоток и аккуратно разложил их на разостланном мешке. Мы присели рядом. Негр посмотрел на нас, и, когда его теперь уже пожелтевшие крупные зубы обнажились, мы, потрясенные, сообразили, что негр тоже умеет улыбаться. Нам вдруг стало ясно, что между нами и негром существует глубокая, горячая, почти «человеческая» связь.

Под вечер жена кузнеца, ругая Мицукути последними словами, увела его домой, а негр, хотя от долгого сидения на земле у него ломило поясницу, пальцами, измазанными старой, смешанной с пылью смазкой, вновь и вновь проверял защелкива-

ющийся с металлическим звуком капкан, стараясь сделать так, чтобы пружины зацеплялись гладко, без малейшего труда.

Мне не было скучно. Я смотрел, как под нажимом челюсти капкана на розовой ладони негра образуется мягкая вмятина, смотрел, как сплывает в полосы жирная грязь на его потной толстой шее. Это вызывало у меня легкую тошноту, смутное отвращение. А негр, надувая толстые щеки, словно читая стихи, увлеченно занимался своим делом. Брат, опершись о мои колени, блестящими глазами восхищенно следил за движениями его пальцев. Вокруг нас тучами летали мухи, и их жужжание, влетая в жаркий воздух, гулом отдавалось у меня в ушах.

С необычно низким, коротким приглушенным звуком капкан защелкнул в своих челюстях толстый соломенный жгут. Бережно положив его на землю, негр взглянул на нас улыбающимися глазами, в которых, казалось, стояла неподвижная вода. По черным лоснящимся щекам скатывались дрожащие капли пота. Мы с братом улыбнулись в ответ и, не переставая улыбаться, долго смотрели в его послушные глаза, как смотрят в глаза козе или охотничьей собаке. Было жарко. И, словно жара была общей радостью, связывавшей нас с негром, мы, изнемогая от духоты, улыбались друг другу...

Однажды утром в деревню принесли писаря, он был весь в грязи, из щеки текла кровь. Он оступился, упал в лесу с невысокой кручи и не мог двигаться. В таком состоянии его нашли и подобрали шедшие работать в горы мужчины из нашей деревни. Когда его перевязывали в доме старосты, писарь с беспокойством обнаружил, что верхняя часть протеза, сделанная из твердой толстой кожи, забранной в металлический каркас, помялась и не налезает на ногу. Это означало, что он не будет больше приходить в деревню с указаниями от городских властей. Взрослые были взволнованы, а нам, детям, думалось: если писарь пришел за негром, пусть бы он лучше умер голодной смертью, валяясь под обрывом, никем не замеченный. Но оказывается, писарь явился лишь сообщить, что указаний насчет негра из префектуры еще не поступало. Мы воспрянули духом, и писарь снова стал нам мил и люб. Захватив его протез и ящик с инструментами, мы отправились в подвал.

Негр, лежа на отсыревшем земляном полу, тихим басом пел песню, поразившую нас своей удивительной мелодией. В ней слышались едва сдерживаемые стоны и крики, готовые в любое мгновение обрушиться на слушателя. Мы показали негру поврежденный протез. Он встал, осмотрел его и тут же привялся за

работу. В окошко хлынули радостные возгласы ребят; я, брат и Мицукути звонко смеялись вместе с остальными.

К вечеру, когда писарь вошел в подвал, протез был полностью починен. Как только писарь надел его на свое искалеченное бедро и встал, мы радостно загалдели. Писарь вприпрыжку поднялся по лестнице и вышел на площадь опробовать протез. Подхватив негра под руки, мы заставили его подняться и, нимало не колеблясь, словно таков был давний обычай, вывели его на площадь.

Впервые за все время плена вдохнув полной грудью вольный воздух, свежий, бодрящий воздух летнего вечера, негр с интересом следил за осторожными шагами писаря. Все было в порядке. Писарь вприпрыжку подбежал к нам и, достав из кармана табак, изготовленный из листьев гречишника, — вернее, грубое подобие табака, дым которого страшно ел глаза и своим запахом наводил на мысль о полевом пожаре, — свернул самокрутку, зажег ее и подал негру. Тот было затянулся, но тут же отчаянно закашлялся и, приложив к горлу руку, согнулся в три погибели. Писарь смешался, на его лице появилась огорченная улыбка, а мы так и покатались со смеху. Негр выпрямился, вытер своей огромной ладонью слезы, потом достал из кармана брюк глянцеви́то-черную трубку и сунул ее в руки писарю.

Писарь принял подарок, негр удовлетворенно кивнул. Они стояли, залитые светом солнца в надвигавшихся вечерних сумерках. Мы радостно кричали до боли в горле и, смеясь, как сумасшедшие, толкались вокруг них.

С этого дня я стал часто приглашать негра на прогулки по деревне. Взрослые не возражали. Встречая негра в окружении детей, они лишь отворачивались и сторонились, подобно тому как племенной бык, составлявший общую собственность деревни, сторонился встретившихся на его пути зарослей кустарника.

Случалось, что дети были в разгоне, каждый по своим домашним делам, и не могли навещать негра в его подземном жилище. В такие дни, видя его, дремлющего в тени деревьев на площади или не спеша, ссутулившись, идущего по мостовой, никто уже — ни мы, дети, ни взрослые — не удивлялся. Подобно охотничьим собакам, детям и деревьям, он становился частицей деревенской жизни.

Однажды на рассвете отец принес в грубо сколоченной продолговатой ловушке невероятно длинного, хорошо ушитанного

бесновавшегося колонка, и нам с братом предстояло помогать снимать с него шкуру. Мы с нетерпением ждали, чтобы негр пришел взглянуть на нашу работу.

Когда он явился, мы с братом, затаив дыхание, стояли на коленях по бокам отца, державшего измазанный кровью нож с засаленной рукояткой, и ожидали полного умерщвления отчаянно сопротивлявшегося колонка, желая, чтобы негр увидел, как умело отец будет свежевать его. Наконец колонка, в последнем предчувствии смерти злопамерно испустившего страшную вонь, задушили, и отец ножом снял с него слегка потрескивавшую шкуру. От колонка осталась только бесстыдно оголенная, обтянутая глянцевитыми, жемчужно-серого цвета мышцами тушка. Мы с братом понесли ее на свалку, а затем вернулись домой, на ходу вытирая испачканные руки листьями деревьев. К этому времени шкура была уже вывернута мездрой наружу, и ее оставалось только прибить гвоздями к доске. Издавая округленными губами какие-то птичьи звуки, негр внимательно следил за тем, как толстые пальцы отца выскребают жир из складок мездры, чтобы она скорее просохла. Потом шкура была распялена для просушки на дощатой стене, она словно вцепилась в стену когтями, и, глядя на потеки крови, разбежавшиеся по доскам, словно железные дороги на карте, негр выразил свое восхищение. И могли ли мы с братом без гордости думать о том, с каким мастерством делает свое дело отец! А он, спрыскивая шкуру водой, благожелательно взглянул на негра. В эту минуту мастерство отца как бы сплотило всех нас — меня, брата, отца и негра — в единую семью.

Мы заглядывали с негром и в кузницу. Там ему тоже понравилось. Окружая его плотным кольцом, мы отправлялись в кузницу чаще всего в те часы, когда Мицукутт, сверкая в отблесках пламени полуголым телом, помогал ковать мотыги. Когда кузнец испачканными угольной пылью руками совал в воду раскаленный докрасна кусок железа, негр каждый раз издавал крик восхищения, похожий на горестный стон, и дети вторили ему. А кузнец с торжествующим видом вновь и вновь демонстрировал свою сноровку этим опасным способом.

Женщины также мало-помалу утрачивали страх перед негром. Временами он получал еду прямо из их рук.

Лето было уже в разгаре, а указаний из префектуры все не поступало. Ходили слухи о том, что город, где было префектуральное управление, горел от воздушных налетов, но это ни-

как не сказывалось на нашей деревне. Над деревней весь день стояла жара горячее любого огня, сжигающего какой-то там город. Когда мы сидели вокруг негра в подвале, куда не задувал ни малейший ветерок, до нас начинала доходить все забивающая густая жирная вонь, от которой мутился рассудок, — вонь от гниющего на свалке трупа колонка. Для нас это всегда был лишь повод посмеяться, и мы хохотали до слез.

Однажды в жаркий день Мицукути подал мысль отвести негра к источнику у общественного водоема. Донельзя изумленные тем, как это до сих пор не пришло нам в голову, мы схватили негра за серые от грязи руки и поднялись с ним наверх. Бежавшие по площади ребятишки с громкими криками окружили нас, и мы веселой ватагой побежали по палимой солнцем мостовой.

Раздевшись донага, мы стащили с негра одежду, бросились гурьбой в водоем и со страшным шумом принялись плескаться друг на друга водой. Мы были в восторге от нашей новой затеи. Негр был такой высокий, что даже в самом глубоком месте вода едва доходила ему до пояса, но всякий раз, как мы обдавали его брызгами, он издавал крик, как курица, которую душат, и на некоторое время погружался с головой на дно, а затем вставал, выплевывая крик вместе с водой. Его мокрое тело, отражающее яркое лучи солнца и блестящее, как бока вороного коня, было прекрасно и совершенно. Мы подняли такой галдеж, так плескались и кричали, что и девчонки, поначалу стоявшие стайкой в тени зубчатых дубов, окружавших водоем, не теряя ни минуты бросились в воду во всей своей младенческой наготе. Мицукути, изловив одну из девочек, начал свой бесстыдный ритуал, а я, потащив за собой негра, с самого удобного места показал ему, как Мицукути предается наслаждению. Я весь был полон жаркого солнца. Вода, словно вскипая, пенилась и искрилась. Мицукути, красный как рак, смеялся и кричал, шлепая девочку ладонью по мокрой блестящей попке. Я разразился смехом, девочка заплакала. Мы так хохотали, что в конце концов ноги отказались нам служить. Мы вышли из водоема и в изнеможении повалились на землю. В наши детские души закралась печаль. Негр представлялся нам каким-то редкостным, замечательным домашним животным, от природы одаренным добротой. Как мне передать меру нашей любви к нему, искрящееся на мокрой коже солнце того далекого сверкающего летнего дня, густую тень на камнях мостовой, запах детских тел, охрипшие от радости голоса — все эти переполнявшие меня тогда ощущения?

Это лето, сверкающее наготой мощных мышц, лето, плещущее радостью и, словно внезапно зафонтанировавшая нефтяная скважина, обдающее нас своим черным мазутом, будет длиться для нас всю жизнь и переживаться нами так, будто оно никогда не кончится.

В тот же вечер хлынул проливной дождь и окружил лощину завесами мглы. Дождь не перестал и с наступлением ночи. На следующее утро я, брат и Мицкути, укрываясь от продолжавшего лить дождя, принесли в подвал еду. Поев, негр обхватил руками колени и тихо запел. Ловя протянутыми пальцами залетающие в окошко брызги, мы словно плыли в разливе его голоса, в его торжественной и величественной, как море, песне. Когда он умолк, дождь уже кончился. Таща за руки беспрестанно улыбавшегося негра, мы вышли на площадь. Туман над лощиной быстро расходился, деревья, впитавшие листвою капли дождя, стояли массивные и разбухшие, как распушившиеся пенцы. Под порывами легкого ветерка трепещущие ветви разбрасывали в стороны брызги и мокрые листья, и в возникавшей на мгновение маленькой радуге плясали цикады. Стрекот цикад бурно нарастал, жара возвращалась. Усевшись на каменном пороге у прохода в подвал, мы вдыхали воздух, пахнущий отсыревшей корой деревьев.

Но вот — было уже заплотдень — на лесной дороге показался писарь с зонтиком и плащом под мышкой. Он вошел в дом старосты. Мы встали и, прислонившись к старому абрикосовому дереву, ронявшему на нас капли дождя, ждали, когда писарь снова выйдет на площадь, готовые подать ему знак. Но писарь все не появлялся, зато на крыше амбара старосты зазвонил колокол, созывая в деревню взрослых, работавших в лесу и лощине. Из мокрых от дождя домов на мостовую высыпали женщины и дети. Я оглянулся на негра: улыбка сошла с его темного лоснящегося лица, и внезапное беспокойство сдавило мне грудь. Оставив негра, я, Мицкути и брат побежали к дому старосты.

Писарь молча стоял в сенях, староста в задумчивости сидел на дощатом полу, скрестив ноги. Он не обратил на нас никакого внимания. Волнуясь и изо всех сил сдерживая нетерпение, полное неясных предчувствий, мы ждали, пока соберутся взрослые. Один за другим они входили в дом, одетые в рабочую одежду, с недовольными лицами. Пришел и мой отец. К стволу его ружья было привязано несколько небольших птиц.

Когда в самом начале совещания писарь, изъясняясь на местном диалекте, объявил, что негра решено доставить в префектуру, мы, дети, были ошеломлены. Затем писарь сказал, что, хотя за негром должны были явиться солдаты, среди военных сейчас, похоже, такой разброд и сумятица, что деревне велено доставить негра в город своими силами. Взрослым только и хлопот, что довести его до города, а там уж с ним *разберутся*.

Надо было предупредить пленного. Протолкавшись между взрослыми, я помчался на площадь и, с трудом переводя дыхание, остановился перед негром, по-прежнему сидевшим у входа в подвал. Он медленно поднял на меня свои пасмурные глаза. Я ничего не мог ему объяснить и только смотрел на него с волнением и тоской. А он неподвижно сидел, обхватив руками колени, и всматривался в мои глаза. Я оглянулся: взрослые во главе с писарем вышли из темных сеней дома старосты и двинулись к складу.

Я потряс негра за плечо и что-то закричал на родном диалекте. Казалось, от страха кровь застыла в моих жилах. Что мне было делать? Негр по-прежнему молчал и, сотрясаемый моей рукой, только мотал толстой шеей. Уронив голову на грудь, я отпустил его плечо.

Внезапно вскочив, негр вырос надо мной, словно дерево. Он стиснул мою руку, чуть ли не волоком потащил меня за собой и почти скатился вместе со мной по лестнице в подвал. Там он забегал с такой стремительностью, что я совершенно оторопел и едва успевал следить за ним глазами. Он захлопнул люк и цепью починенного им капкана притянул свисавшее в подвал кольцо — оно было соединено с металлической рамкой паружного засова к выступавшей из стены опоре. Затем, сцепив руки и понурившись, он медленно спустился с лестницы, и тут, посмотрев в его налитые кровью, словно забитые грязью, безжизненные глаза, я внезапно, совсем как в тот день, когда его поймали и привели в деревню, увидел в нем недоступного пониманию дикого черного зверя, нечто опасное и ядовитое. Я поглядел на него, поглядел на примотанный к крышке люка капкан, поглядел на свои голые ноги. Смятение и страх хлынули мне в душу, затагивая ее в свой водоворот. Я отпрянул от негра, прижался спиной к стене. Он, все так же понурившись, стал посреди подвала. Закусив губы, я силился унять дрожь в ногах.

Подойдя к люку, взрослые сначала легонько, а затем все сильнее, с квохтаем внезапно потревоженных кур, принялись трясти крышку. Но толстая дубовая крышка, совсем недавно служившая для того, чтобы со спокойным сердцем дер-

жать негра в подвале, теперь изолировала его от всего внешнего мира: от взрослых, детей, деревьев, ложицы...

Всполошившиеся мужчины заглядывали в окошко, неловко сшибаясь лбами, одно лицо быстро сменяло другое. Вскоре поведение взрослых резко изменилось. Сперва они закричали, потом наступило молчание и в окошко угрожающе просунулось дуло ружья. Негр, как проворный зверь, подскочил ко мне и, крепко прижав меня к себе, заслонился таким образом от ружья. Застонав от боли, я забился в его руках и с жестокой отчетливостью понял все. Я стал пленником, заложником в руках негра. Он обернулся «врагом», а все «наши» остались по ту сторону дубовой крышки. Гнев, унижение, неумная скорбь от сознания, что тебя предали, огнем обожали и опалили мое тело. А прежде всего был страх, он, вспухая и завихряясь, забил мне горло и исторг из него рыдание. Пылая яростью в грубых руках негра, я заливался слезами. Негр взял меня в плен...

Дуло ружья опустилось, шум голосов усилился, затем за окошком началось совещание. Негр, по-прежнему до боли стискивая мою затекшую руку, неожиданно потащил меня за собой в недоступный для прицельной стрельбы угол и молча уселся там. Я, как в ту пору, когда мы дружили, стоял перед ним на коленях, вдыхая жаркий запах его тела. Взрослые совещались долго. Время от времени в окошко заглядывал отец, и каждый раз, как он успокаивающе кивал своему ставшему заложником сыну, я заливался слезами. Вечерние сумерки, как морской прилив, заполнили сперва подвал, а потом и всю площадь. С наступлением темноты взрослые, бросая мне ободряющие слова, стали группами расходиться. Я еще долгое время слышал за окошком шаги отца, потом как-то разом все признаки присутствия людей исчезли. Ночь наполнила подвал.

Негр отпустил мою руку и теперь глядел на меня так, словно им снова владело чувство привязанности, переполнявшее нас до сегодняшнего утра. Дрожь от гнева, я отвел взгляд. Негр, повернувшись ко мне спиной, свесил голову между колен, я по-прежнему стоял на коленях, потупившись и упрямо вздернув плечи. Я был одинок, беспомощен и заброшен, как попавший в ловушку колонок. Негр неподвижно сидел во мраке.

Я поднялся, подошел к лестнице, потрогал капкан. Холодный и твердый, он противился моим пальцам и убивал все ростки смутной надежды. Я не знал, что мне делать. Я был как зайчонок, который, не веря, что ему пришел конец, что он попал в капкан, умирает от голода, глядя на свои изувеченные лапы, схваченные железными челюстями. Меня терзала мысль, что

глупо было доверять негру, видя в нем друга. Но можно ли было не доверять этому постоянно улыбающемуся черному великану? Мне и теперь трудно было представить себе, что этот время от времени скрежетавший зубами человек и прежний глупый негр — одно и то же лицо.

Я трясся в ознобе и лязгал зубами. У меня вдруг заболел живот. Схватившись руками за низ живота, я скорчился, и мною овладело страшное замешательство. Меня слабило. Сказывалось пережитое мной нервное потрясение. Но опростаться в присутствии негра было немыслимо. Стиснув зубы и чувствуя, как на лбу у меня выступает едкий пот, я вынужден был терпеть. И я, мучаясь, терпел так долго, что усилия подавить естественный позыв полностью вытеснили из моей души страх.

Однако в конце концов я махнул рукой на свою стыдливость, подошел к бочонку, на который негр усаживался под наш бурный смех, и спустил штаны. Мой оголенный зад казался мне необычайно уязвимым и незащищенным, унижение, казалось, прошло у меня по пищеводу в желудок и окрасило все в черный цвет. Встав с бочонка, я вновь забился в угол. Я был раздавлен, усмирен, вконец уничтожен. Я прижался лбом к нагретой земным теплом стенке и долго плакал, тихо шмыгая носом. Ночь тянулася нескончаемо. В лесах лаяли стаи диких собак. В воздухе посвежело. В конце концов усталость сморила меня, и я забился сном.

Когда я проснулся, моя рука снова была крепко зажата в руке негра и совсем онемела. В подвальное окошко вместе с промозглым туманом лились голоса взрослых. Потом послышался скрип протеза писаря. Вскоре к скрипу добавились удары кувалды по крышке люка. Эти громкие тяжелые звуки отдавались в моем взбудораженном голодом желудке и болью отзывались в груди.

Неожиданно негр с криком схватил меня за плечи, оторвал от земли и, вытащив на середину подвала, поставил так, чтобы меня было видно в окошко. Было совершенно непонятно, зачем он это сделал. Меня, словно зайца, выволокли на всеобщее обозрение, и бесчисленные глаза в окошке глядели на мой позор. Будь среди этих глаз черные глаза моего брата, я бы, наверно, от стыда откусил себе язык. Но в прорезь окна за мной наблюдали только глаза взрослых.

Грохот кувалды усилился. Громко закричав, негр своими огромными ручищами схватил меня сзади за горло. Его ногти больно впелись в мою нежную кожу, мне стало нечем дышать. Я судорожно забил руками и ногами, запрокинул голову, захри-

пел, испытывая величайшее унижение перед заглядывающими в окошко взрослыми. Отчаянно извиваясь, я силился оторваться от слившегося с моей спиной тела негра, колотил пятками по его ногам, но его волосатые толстые руки были тверды и тяжелы. Он громко кричал, перекрывая мой хрип. Лица взрослых в окошке исчезли. Наверно, подумалось мне, они уступили воле негра и побежали остановить человека, разбивавшего крышку люка. Негр умолк и ослабил свою железную хватку. Чувство любви и благодарности к взрослым переполнило мое сердце.

Но вот кувалда заколотила по крышке еще громче. Лица взрослых опять показались в окошке, негр снова закричал и стиснул мне горло. Я откинулся назад и, ловя воздух искривленным раскрытым ртом, не мог выдать из себя ни звука. Взрослые махнули на меня рукой. Невзирая на то, что негр душил меня, они продолжают долбить крышку люка. Когда люк откроют, я уже буду задушен, как колонок, они найдут только мой окоченелый труп. Полный отчаяния и жгучей ненависти, позорно хрипя, я в корчах, со слезами на глазах слушал удары кувалды.

В ушах у меня стоял шум, как от вращения несметного множества колес, он гулом отдавался в голове, из носу текла кровь. В этот миг крышка люка разлетелась, на лестнице замелькали грязные голые ноги, до самых пальцев поросшие грубым волосом, подвал наполнили распаленные безумием отвратительные взрослые. Крепко прижимая меня к себе, негр с громким криком опустился на колени у стены. Приклеенный спиной к его потному липкому телу, я вдруг почувствовал, что в эту минуту нас связал воедино некий жгучий, как ярость, ток. А затем я испытал стыд и враждебность сродни той, что проявляет кошка, застигнутая в момент случки. Это была враждебность к взрослым, которые неподвижной толпой стояли у прохода на лестнице, наблюдая мой позор, враждебность к негру, который сдавил мне горло своими толстыми лапами и окровавил мою нежную кожу, запустив в нее свои ногти, и наконец растравленная во мне многосложная враждебность ко всему на свете. Негр выл. Его вой парализовал мои барабанные перепонки. Я готов был впасть в беспамятство, всепоглощающее, как радости, изведенные мною в разгар этого лета. На своем затылке я чувствовал учащенное дыхание негра.

От толпы отделился мой отец с топориком. Его пылающие яростью глаза встретились с такими же горящими, как у собаки, глазами пленного. Ногти негра по-прежнему глубоко впились мне в шею, я хрипел. Отец подскочил к нам. Увидев за-

песенный топорик, я закрыл глаза. Схватив меня за левую руку, негр прикрыл ею свою голову. Весь подвал заревел, и я услышал, как хряснули мое запястье и череп негра. На жирно лоснящуюся черную руку, державшую меня за шею, падали густые капли крови и скатывались вниз. К нам со всех сторон бросились взрослые, я почувствовал, как хватка негра ослабла и по всему моему телу разлилась жгучая боль.

Словно затапущенный в какой-то липкий мешок, я чувствовал, как приживлялись заново к моему телу воспаленные веки, саднящее горло и пылающие ладони. Я не мог прорвать эту липучую плену, выскользнуть из нее. Как недоношенный ягненок, я был завернут в этот мешок, не дававший мне двигать пальцами. Неподвижным оставалось и мое тело. Была ночь, взрослые вокруг меня тихо о чем-то разговаривали. Потом было утро, сквозь закрытые веки я чувствовал свет. Время от времени на мой лоб ложилась тяжелая рука. Я стонал, хотел стряхнуть эту руку, но не в силах был повести головой.

Когда мне наконец удалось открыть глаза, было снова утро. Я лежал дома в своей постели. Брат и Мицкути, стоя у двери, наблюдали за мной. Полностью открыв глаза, я пошевелил губами. Брат и Мицкути с криком бросились вниз по лестнице, и вскоре появились отец и бакалейщица. Меня мучило от голода, но, когда отец поднес к моим губам кувшин с козьим молоком, я содрогнулся от подкатившего приступа тошноты, вскрикнул, сжал губы, и молоко полилось мне на горло и грудь. Все взрослые, включая отца, были мне отвратительны. Оскалившиеся взрослые, бросившиеся ко мне с занесенными топорами,— в этом было что-то недоступное пониманию, чудовищное, тошнотворное. Я продолжал кричать до тех пор, пока отец и бакалейщица не вышли из комнаты.

Немного погодя брат тихо прикоснулся ко мне своей нежной рукой. Лежа с закрытыми глазами, я молча слушал его тихий голос. Он вместе с другими детьми тоже собирал хворост для костра, на котором должны были сжечь труп негра, но писарь пришел с распоряжением приостановить кремацию. Чтобы замедлить разложение, труп положили в заброшенной шахте и огородили ее забором от диких собак.

Он уже думал, что я умер, вновь и вновь благоговейно повторял брат. Думал так потому, что я целых два дня пролежал в бессмятстве и ничего не ел. Чувствуя на своем плече руку

брата, я погрузился в глубокий сон, непреодолимо манящий, как смерть.

Проснувшись во второй половине дня, я попытался перевязать разможженное запястье. Я долго лежал неподвижно с открытыми глазами, разглядывая мою покоившуюся на груди руку, до того распухшую, что она казалась мне чужой. В комнате никого не было. Из окна несло отвратительным смрадом. Мне было понятно, что скрывалось за этим зловонием, но я не испытывал ни малейшей печали.

Когда в комнате стемнело и посвежело, я сел в постели, после долгого колебания связал вместе концы повязки, накинул получившуюся лямку на шею и, опершись здоровой рукой о раму открытого окна, обвел взглядом деревню. Дома вдоль мостовой, деревенская площадь и вся лощина тонули в зловонии, бурно извергаемом огромным трупом негра, в беззвучном крике его мертвого тела, словно в кошмарном сне вспухшего до неимоверных размеров и поглотившего все вокруг. Смеркалось. В оранжево-сером небе, низко нависшем над лощиной и давящем на нее со всех сторон, было что-то трогающее до слез.

Время от времени в лощину, выпятив грудь, молча и торопливо спускались взрослые. Чувствуя, что их вид вызывает во мне страх и тошноту, я отстранился от окна. За то время, пока я лежал большой, взрослые превратились для меня в каких-то чудовищ. Я ощущал такую тяжесть и бессилие, будто все мое тело до последней клеточки было набито мокрым песком.

Меня бил озноб. Сжав пересохшие губы, я наблюдал, как камни мостовой, окутавшись разреженной золотистой тенью, сперва как бы слегка разбухают, затем, слившись в одно целое, одеваются в пурпур и наконец тают в тусклом фиолетовом мерцании. Едкие соленые слезы время от времени увлажняли и жгли мои потрескавшиеся губы.

Со стороны заднего входа в склад, прорываясь сквозь тяжелый трупный запах, доносились оживленные крики детей. Стараясь твердо ставить дрожащие, как после долгой болезни, ноги, я спустился по темной лестнице и, выйдя на улицу, по безлюдной мостовой пошел на крики детей.

Дети шумели, собравшись на поросшем густой травой крутом берегу речушки, вокруг них с лаем бегали собаки. С покрытого кустарником дна лощины доносились звуки ударов по вбиваемым в землю колям — взрослые продолжали сооружать крепкую изгородь у входа в шахту, где лежал труп негра. Они делали свое дело молча, дети же, как сумасшедшие, с громкими криками носились по косогору.

Прислонившись к старой павлонии, я следил за игрой детей. Используя как салазки хвостовое оперение сбитого самолета, они скатывались вниз по склону. На этих остроугольных, необыкновенно проворных салазках они неслись под горку с визгом звериных детенышей. Если санкам грозило столкновение с торчащими там и сям черными камнями, дети, тормозя ногами, меняли курс. Когда какой-нибудь мальчишка взбирался с санками вверх по косогору, трава, примятая при спуске его доблестного предшественника, медленно распрямлялась, и ранее проложенный след терялся, до того легки были и санки, и ездки. Чтобы не понасть под сапки, дети проявляли необыкновенное проворство и разлетались в стороны, как искры горючего порошка из-под руки заклинателя.

От гурьбы детей отделился Мицукути с зажатой между зубами травинкой и бегом поднялся ко мне. Привалившись к напоминавшему оленью ногу стволу остролистного дуба, он заглянул мне в лицо. Отвернувшись от него, я сделал вид, будто с увлечением слежу за ребятами. Пристально, с живым интересом разглядывая мою висящую на перевязи руку, Мицукути шумно потянул носом воздух.

— Ух, как воняет! — сказал он. — Твоя раздробленная рука страшно воняет!

Я перехватил его полный задиристого блеска взгляд и, не смотря на то, что он тотчас же с воинственным видом широко расставил ноги, готовый кинуться в драку, чуть не вцепился ему в глотку, но почему-то сдержался.

— Это не мой запах, — ответил я бессильным, сиплым голосом. — Это запах негра.

Мицукути недоумевающе уставился на меня. Закусив губу, я опустил глаза и смотрел, как колеблются мелкие травинки вокруг его босых лодыжек. Презрительно пожав плечами, он энергично сплюнул и побежал обратно к ребятам на косогор.

Меня, словно откровение, осенила мысль, что я уже не маленький. Кровавые драки с Мицукути, охота на птиц лунными ночами, катанье на санках, детеныши диких собак — все это было ребячьими забавами. Теперь подобного рода связь с миром для меня полностью оборвалась.

Чувствуя смертельную усталость и дрожь в ознобе, я сел на землю, еще хранившую дневное тепло. Здесь, у самой земли, высоко поднимавшаяся летняя трава скрывала от меня молчаливую работу взрослых на дне лощины, зато катавшиеся на санках дети выросли и зачернели густой толпой. Затем на этих

юных фавнов, мечущихся, словно их застигло наводнение, постепенно опустилась ночная тьма.

— Ну как, лягушонок, оклемался?

Сзади мне на голову легла сухая горячая ладонь, но я не обернулся, не выказал ни малейшего намерения встать. Продолжая сидеть лицом к играющим на косогоре детям, я лишь краем глаза взглянул на черный протез писаря, твердо упершийся в землю рядом с моей ногой. Даже писарь и тот одним своим приходом вызвал у меня приступ тошноты.

— Что же ты не катаешься на санках, лягушонок? — спросил писарь. — Я-то полагал, это ты придумал.

Я упорно молчал. Писарь, скрипя протезом, уселся, достал подаренную негром трубку и набил ее своим табаком. В нос ударил острый, разжигающий неясное чувство запах — запах опаляющего лес полевого пожара. Легкая голубая дымка окутала нас.

— Война — ужасная вещь. Она калечит даже детей, — сказал писарь.

Глубоко втягивая в легкие воздух, я молчал. Войне, долгой кровопролитной войне суждено было продолжаться. Война — половодье, смывающее в далеких странах стада овец с пастбищ и дерн с подстриженных газонов, — не должна была прийти в нашу деревню. И все же она пришла и размозжила мне руку, отец, взмахнув топориком, обогрил ее кровью. Наше селение внезапно оказалось ввергнутым в войну, и я был затерт в ее толчее.

— Похоже, теперь конец уже близок, — серьезно сказал писарь, как если бы он разговаривал со своим сверстником. — Связь с военными в большом городе хотя и есть, по там сейчас такая неразбериха, что ничего толком не добьешься. Что делать — неизвестно.

Со дна лощины продолжали доноситься удары молотов. Запах мертвого иностранного летчика, казалось, лип к невидимым в темноте густо переплетающимся ветвям деревьев.

— Никак не уймутся, — сказал писарь, прислушиваясь к ударам молотов. — Это твой отец с людьми. Тоже не знают, что делать, вот и возьтятся там с кольями.

Мы молча слушали тяжелые удары, прошивавшие паузы в крике и смехе детей. Вскоре писарь привычными движениями начал отстегивать протез. Я наблюдал за ним.

— Эй! — крикнул писарь детям, — подвезите-ка сюда санки!

Дети, шумно переговариваясь, поднялись к нам с санками. Когда писарь, отталкиваясь от земли здоровой ногой, пробился

на санках сквозь толпу детей и покатился вниз, я взял его протез и побегал с ним под гору. Протез был необычайно тяжелый, и я с трудом удерживал его в руке.

На густую траву уже начала падать роса, мои босые ноги намокли, от палипавших на них сухих травинок по телу пробегали мурашки. Внизу под косогором я остановился и замер в ожидании. Была уже ночь. Лишь голоса детей на верху косогора сотрясали ее темную, почти непрозрачную пелену.

Крики и смех стали громче, потом раздался странный звук, как будто косою полоснули по траве; мимо меня, рассекая вязкий воздух, должны были пронестись санки, но они не проносились. Мне послышался глухой удар, но я, не меняя положения, продолжал всматриваться в темноту. На мгновение наступила тишина, потом мимо меня, кувыряясь, пролетели санки— на них никого не было. Отбросив протез, я побегал вверх по косогору.

На торчащем из травы темном и мокром от росы большом камне, бессильно разбросав руки, лежал на спине писарь. Его лицо улыбалось. Я наклонился. Из носа и ушей писаря обильно текла кровь. Гомон приближавшихся из темноты ребят ширился и рос, противясь дувшему из ложицы ветру.

Не желая быть среди детей, я оставил мертвого писаря и поднялся по косогору. Подобно жителям города, я скоро привык к внезапным смертям и к виду смерти, то горестной, то улыбающейся. Тело писаря, очевидно, сожгут на костре из хвоста, собранного для сожжения негра. Влажными от слез глазами взглянув на низкое, оцепневшее в белесоватом мраке небо, я отправился вниз на поиски брата.

ЛЕСНОЙ ОТШЕЛЬНИК ЯДЕРНОГО ВЕКА

В поисках *свободы* ты бежал из лесной глуши, скитался по провинциальным и столичным городам, а потом очутился в Африке. Ну и что? Нашел ты ее, *свободу*? Я ведь тоже ищу *свободу*, хотя и не путешествую, куда уж мне в Африку, а живу на одном месте, в забытой всеми лесной долине. И все-таки, если поразмыслить, чего я искал всю жизнь? Оказывается, я искал *свободу*. А понял я это совсем недавно и теперь с каждым днем все больше и больше убеждаюсь, что не ошибся. Тебе не кажется странным, что я вдруг заговорил о *свободе*? Возможно, ты еще не осознал до конца, что ищешь именно ее. *Свобода* ведь не конкретная материальная вещь, руками ее не ухватишь, и ты будешь искать ее, испытывая постоянное чувство голода, пока не угаснет твой разум. И все же именно ты, несчастный, безмолвный, мелькнувший в нескольких кадрах телевизионного фильма, заставил меня убедиться, что погоня за *свободой* стала делом всей моей жизни, что все мое «я» — бесконечное чередование мелочной удовлетворенности и вечного

недовольства, надежд, гнева и страха, приведшее в конечном счете к прочно укоренившемуся во мне чувству унижения,— не что иное, как постоянно ищущее *свободу* сознание.

Ты, наверно, не видел этого фильма, не знал, что являешься одним из персонажей, и не заметил нацеленного на тебя кинообъектива, но я-то видел по цветному (!) телевидению, в доме владельца лесных угодий нашей долины, видел и фильм, и тебя на экране, и отчетливо понял, в каком ты тушике после всех твоих отчаянных скиганий. Между прочим, это была специальная информационная передача, озаглавленная: «Японцы, активно действующие в Африке». Ха-ха, японцы, активно действующие в Африке! Ваш лагерь разбит в сухой, изрезанной трещинами низине. В сезон дождей она, наверно, превращается в русло реки. По словам комментатора, это было где-то на границе Кении и Уганды. На экране телевизора появился страус-детеныш, которого запикивали в ящик. Неподалеку возвышался термитник. Аборигены и японцы стояли двумя отдельными группами. Видно, и те и другие недавно пообедали и впали в уныние от того, что после короткого послеобеденного отдыха их снова ждет тяжкий труд. И вдруг появился ты. Молниеносно возник из тени, отбрасываемой термитником, метнулся к зарослям кустарника, размахивая большущим сачком, и вдруг присел, откинув в сторону сачок и закрыв лицо ладонями. Бабочка улетела, а тебя, должно быть, хлестнули гибкие ветви прямо по глазам, а главное, по здоровому глазу. Другой глаз ведь у тебя почти не видит, и, естественно, ты бережешь здоровый, как драгоценность. Наверно, ты скрыл этот свой изъян, иначе бы тебя не взяли в отряд, командированный в Африку для отлова представителей местной фауны. Бедняга! Ты лезешь из кожи вон, рвешься работать даже тогда, когда другие наслаждаются коротким послеобеденным отдыхом, лишь бы не заметили, что ты полуслепой, а то еще чего доброго выгонят... Потом был такой кадр: ваш отряд плывет на пароходике вниз по Нилу, к Средиземному морю. Из воды торчат головы бегемотов, кругом плавают нильская капуста. Кинообъектив, скользя по лицам участников экспедиции, сияющим от наигранного, показного восторга, на несколько секунд задержался на тебе. Ты устроился на корме: сидишь на ящике, одинокий, погруженный в собственные мысли. Солнце палит всю, а голова у тебя не покрыта, может быть, потому, что мешают бинты — все твоё лицо и лоб забинтованы. Видны лишь глаза — словно черные следы пули на белой марле. И до чего же ты истощенный, высохший, темный! Темный и сухой, как вяленая рыба. И во всем твоём об-

лике глубочайшее уныние и усталость. Это бросается в глаза даже по телевизору. Скажу честно, не очень-то приятно было на тебя смотреть. Я спросил себя — что с ним произошло? Почему он, по доброй воле отправившись в африканскую даль, дошел до такой крайности, до полного изнеможения, до полного упадка, физического и морального, почему с покорностью переносит телесные недуги, отягощающие и без того тяжелое душевное состояние? И я ответил — он искал *свободу*. А потом подумал о себе и с предельной ясностью понял самого себя. Почему я, тогда еще не старый и уважаемый настоятель буддийского храма, согласился исполнять роль комедийного персонажа, который простил изменившую ему и сбежавшую с любовником жену, принял ее, когда она, далеко уже не юная, утратившая былую привлекательность, вернулась с двумя девочками, дочерьми любовника, и после этой скандальной истории был изгнан из храма, но не ушел из долины, а поселился в жалкой лачуге, построенной на месте бывшей птицефермы. Да, я понял, почему все случилось именно так, а не иначе, — я тоже искал *свободу*. Вот я теперь и решил поделиться с тобой моими мыслями, рассказать тебе, что я испытал за эти годы, именно тебе, хотя я не знаю, жив ли ты, вернулся ли благополучно из Африки, выбрался ли из тупика крайнего недовольства всем на свете, и в первую очередь самим собой. Именно тебе, потому что, если все же ты выжил и возвратился на родину, если ты победил все свои недуги и вновь посветлел, смыв тропический загар, и даже заплыл жирком, ты все равно отныне и до конца дней твоих не чужд того, что я называю *свободой*. Уж поверь мне, это именно так. Я ведь был священнослужителем и выработал в себе профессиональное чутье, помогающее мне находить слабое место у ближнего моего и прилипать к этому слабому месту прочнее, чем мокнущий лишай, с той лишь разницей, что лишай докучает, а я даю человеку временное утешение, иллюзию спасения и, когда он идет ко дну, вытаскиваю на поверхность, чтобы глотнул свежего воздуха (впрочем, после такой помощи он может погрузиться еще глубже).

Я такой. Правда, что касается твоего больного места, ты сам помог мне его обнаружить, когда на несколько секунд мелькнул в светотени кинескопа, среди всей этой экзотической бутафории — нильской капусты, термитников, — расцветенной немислимо чудовищными красками.

Итак, о *свободе*. Еще год назад, до моего внезапного нового обращения, я бы не произнес этого слова *свобода* ни перед тобой, ни тем более перед жителями нашей долины.

Было время, мне говорили, что лицо у меня, как яичко. Я стригся под машинку: поначалу, чтобы скрыть раннюю седину, позже, рассчитывая на эффект седого ежика. В тот период моей жизни я весь сиял от собственной добропорядочности — сияла вечная улыбка на лице-яичке, сияла седая, остриженная под машинку голова. Теперь, когда я думаю об этом, мне неясно, хотел ли я в ту пору казаться таким или действительно был таким от рождения. Откровенно говоря, не знаю. В конечном счете это, наверно, одно и то же. Я с моей постоянной улыбкой, придававшей лицу некоторый оттенок печали, должно быть, производил впечатление человека мягкого, всегда готового принести себя в жертву. И действительно, вся моя жизнь была сплошной жертвой, постоянной, никогда не кончающейся заботой о судьбах нашей долины и ее обитателей. Если у кого-либо из моих прихожан возникала необходимость сделать то или иное дело, я был тут как тут, готовый помочь. Иными словами, я жил только для нашей долины, совершенно не считаясь с собой, с собственными интересами, забывал даже о самых элементарных бытовых мелочах. Каждый мог помыкать мной, как ему заблагорассудится. И я не только терпел и безоговорочно принимал все это, но и совершенно искренне ежедневно и еженощно пекся о благе продувных хитрецов и глупцов нашей долины.

Играл ли я такого человека, или то была моя сверхсущность, унаследованная от предков? Теперь я прихожу к выводу, что, несмотря на полную зависимость от призола жителей долины, а может быть как раз благодаря ей, я совершенно не думал о самом себе, уже в те годы я стремился к *свободе* и наполовину достиг ее. Я не хотел ничего, абсолютно ничего для себя лично, я, так сказать, снес частокол, окружавший мою личную жизнь, и стал относиться с пренебрежением к собственным желаниям, словно они были не мои. Очевидно, именно поэтому, обобранный до последнего медяка, загнанный и униженный, я не чувствовал себя ущемленным и считал такое состояние вполне естественным. Отсюда и моя улыбка — тихая, ясная, отнюдь не вымученная. Это ли не *свобода*?! Помню, пристал ко мне наш сельский учитель, человек раздражительный и в тот момент очень раздраженный, и настойчиво потребовал, чтобы я раскрыл перед ним мою истинную сущность — не верил он в мое самоотречение, подозревая, не бурлят ли под этой маской низменные чувства: обида, жгучая злоба, черная ненависть. Я по своему обыкновению молча улыбался в ответ, а в голове у меня свистел ветер *свободы*. Правда, в то время конкретных мыслей о *свободе* у меня еще не было. Учитель изводил меня своими

приставаниями как раз в ту пору, когда моя жена после громкой, как набатный звон, связи со своим и его, этого сельского учителя, коллегой вернулась ко мне, то есть очень давно. Возможно, учитель завидовал своему коллеге, отбившему у меня жену, потому с такой яростью нападал на меня. Как бы там ни было, но я сделался всеобщим посмешищем, мишенью для нападок и издевок всех обитателей долины. Еще бы, от человека сбежала жена, открыто ушла к любовнику, а потом вернулась, и муж ее принял! Впрочем, эта скандальная история вызвала и сочувствие ко мне, за мной окончательно утвердилась репутация человека жалкого, абсолютно безвредного, безропотно подчиняющегося любым обстоятельствам. Кроме того, теперь, задним числом, мне кажется, что нельзя считать пострадавшей стороной только меня. В настоящее время, когда жена снова живет со мной, она, одержимая ненавистью, не устает упрекать меня в коварстве, равнодушии и лицемерии, прикрытых добродушной улыбкой, — короче говоря, утверждает, что я в погоне за своей пресловутой *свободой* толкнул ее в бездну порока и довел до отвратительной, жалкой жизни. В этом есть доля истины, хотя на самом деле все обстояло гораздо проще: я не хотел вмешиваться в *свободу* жены, равно как и не хотел допустить вмешательства в мою *свободу*. Жена никогда не упоминает о «своей» измене, она называет это «наша» измена (подразумевая себя и меня) и, очевидно, на пятьдесят процентов права. Впрочем, я не уверен, что все зло коренится в измене, скорее уж если в чем-то и было зло, так это в нашей супружеской жизни, а измена стала лишь ее естественным завершением. Наша история — и супружеская жизнь, и последовавшая на каком-то этапе измена — довольно простая, так что прошу ее выслушать. Мне хочется, чтобы ты узнал, как я жил раньше, до измены, и как живу теперь с вернувшейся ко мне — развратной! — женой, узнал и понял особенности теперешнего нашего существования, ибо оно оказывает определенное влияние на мое мышление.

Известно ли тебе, что представляла собой моя жена, когда мы только-только познакомились и она еще не была моей женой? Представь себе преподавательницу физкультуры в начальной школе, девушку исключительно крепкую и крупную, превосходившую меня в весе на пятнадцать килограммов и в росте на двадцать сантиметров, настолько мощную, что один человек, вернувшийся из русского плена, из Сибири, прозвал ее «солдато-сибирячка». И эта самая девица, пышущая силой и здоровьем, ухитрилась до момента нашей встречи, то есть до полных два-

дцати восьми лет, сохранить свою девственность, которую мы и начали уничтожать с бешеной страстью и пылом, достойным зеленой юности; для наших любовных упражнений мы выбрали место не слишком подходящее — убогую сторожку начальной школы. Вот тут-то и выяснилось, хотя это и без того было ясно, что моя жена обладает крайне странными взглядами на вопросы секса, неколебимо укоренившимися в ее перевернутом сознании без каких бы то ни было религиозных или медицинских оснований. Не знаю, может быть, секрет этих ненормальных взглядов на половую жизнь крылся в ее годами подавляемой чувственности, принявшей в конечном итоге уродливые формы — такая смесь извращенности и самозащиты.

Ее секс-комплекс состоял из двух основных пунктов: 1) всякие ласки, поцелуи, объятия — короче говоря, все, что предшествует близости и дополняет близость, не что иное, как постыдное извращение, 2) сама близость женщине никакого наслаждения не доставляет, являясь постоянным источником болезненных ощущений. Пожалуй, если бы она придерживалась таких взглядов в первые дни замужества, это еще можно было понять — действительно, откуда знать великовозрастной, созревшей и перезревшей девственнице, что может дать настоящая близость с мужчиной? Да, поначалу и волнение и страхи — все объяснимо. Но если бы только поначалу! Шли месяцы нашей супружеской жизни, и, надо сказать, очень напряженной жизни, ибо она, как бывшая учительница физкультуры, почитала режим, требовала от меня регулярного выполнения супружеского долга и, постоянно погруженная в чувственные размышления, вовсе не собиралась отступать от своих правил. В конце концов ее сексуальный вывих превратился в настоящую проблему: с одной стороны, полное отрицание нежности, ласк, любовной игры, с другой — и это вполне естественно для женщины ее возраста, впервые испытавшей мужскую ласку, — минимум удовольствия от близости с мужчиной, вернее, даже не минимум удовольствия, а максимум неудовольствия. И все же она требовала от меня близости, и я не смел пропустить ни одной ночи, когда ее расписанием была запланирована «супружеская близость». Я казался себе почти палачом, истязающим добровольно отдавшуюся в мои руки жертву, и в то же время я сам был жертвой, не смеявшей удрать в другой угол комнаты от моей грозной властительницы.

А потом, в одну из таких кошмарных ночей, я, палач и жертва, восстал против нее, палача и жертвы. Поначалу все шло, как обычно. Она, нагая и гневная, поносила меня, обливала по-

током злобной брани и упреков. И я, робкий священнослужитель, человек, замкнувшийся внутри своей *свободы*, отгороженный от внешнего мира неизменной покорной улыбкой, вдруг взорвался, не знаю уж почему — то ли тирания жены в ту ночь достигла апогея, то ли лопнуло мое терпение. Я вскопчил, тоже голый, — безобразная, должно быть, была сцена! — и заорал:

— Если ты до двадцати восьми лет ни с кем не спала, не умешь этого делать и не желаешь научиться, то нечего лезть к мужчине! Или поищи другого идиота, который сумеет расшевелить тебя!

На следующий день жена отправилась на свою бывшую работу и соблазнила бывшего своего сослуживца, парня на несколько лет моложе ее. Она изменяла мне совершенно открыто, а через некоторое время уехала с любовником в один провинциальный городок. Таким образом, я, защищая свою *свободу*, патолкнул жену на мысль о ее *свободе*, и она этой *свободой* решила воспользоваться.

Почему же она вернулась ко мне? Я думаю, у этого мужчины тоже в конце концов иссякло терпение — хотя он терпел ее настолько долго, что они произвели на свет двух детей, — иссякло под непрекращающимся потоком ее недовольства, под тяжестью ее сексуальной тирании, и он сбегал в поисках своей собственной *свободы*. Посуди сам, могу ли я его упрекнуть за это? Тебя, наверно, удивляет другое — почему я принял мою бывшую жену? Может быть, потому, что привык встречать обрушившиеся на меня беды с неизменной улыбкой, с покорностью, с тем самоотречением, с каким всегда готов был отказаться от личной жизни в угоду любому из жителей долины?

По правде говоря, в тот момент, когда я увидел жену — она с двумя девочками вышла из автобуса, курсировавшего между провинциальным городком и нашим селением, и под взглядами высыпавших из домов жителей, мгновенно узнавших о ее приезде и сгоравших от любопытства, спокойно, с таким видом, будто все так и должно быть, направилась вверх по тропинке, ведущей к храму, — я совершенно не представлял, что буду делать, и даже не пытался вообразить, какую реакцию вызовет ее приезд среди односельчан. Она, эта средних лет женщина, вместе с двумя маленькими девочками подошла к дощатой двери главного здания храма, но передумала, свернула за угол и направилась к сумрачному жилому отсеку, подталкивая и ругая улиравшихся девочек, исчезла внутри помещения, потом вышла снова и громкими криками — что-что, а уж кричать-то она уме-

ла, привыкла подавать команды под открытым небом, когда была учительницей физкультуры,— разогнала толпу зевак, к этому времени запрудивших весь храмовый двор, встала, уперев руки в крутые бока, широко расставив ноги на каменных плитах двора, и застыла как изваяние на сквозном ветру, в наступающих сумерках раннего лета. А я безучастно наблюдал за всем этим, сидя на нижней ступеньке трехступенчатой лестницы, ведущей в звонницу.

Так она и стояла, огромная, крепкая, с вздымающейся, как гора, грудью, с низко опущенной головой, погруженная в какие-то свои мысли. Тут ее позвали девочки — им, видно, стало не по себе в мрачной передней с земляным полом. «Маман», — пропищали они тошнелыми голосами, и это слово, никогда ранее не звучавшее под небом нашей долины, буквально потрясло зевак, отодвинувшихся в тень ограды: толпа разразилась громким хохотом, завывала, заулюлюкала, словно услышала величайшую на свете непристойность. Мало того, впоследствии это слово стало самым популярным и унижительным в устах местных жителей оскорблением для вернувшейся ко мне жены и для меня, ее принявшего. Услышав зов девочек «маман!» и не обращая внимания на вой толпы, она встрепенулась, вскинула голову, словно приняла какое-то решение, и устремилась ко мне, заприимтив, должно быть, еще раньше, где я сижу, решительная, огромная, со вставшими на ветру торчком жидкими и от природы выющими волосами. Эти развевающиеся на ветру космы, хлеставшая по ногам длинная до щиколоток, ужасно старомодная юбка, лицо, покрытое сетью мелких морщин, пожелтевшее и окаменевшее от напряжения или, скорее, как я потом понял, от ярости, воистину являли жуткое зрелище. Я испугался еще до того, как получил первую пощечину. Но еще страшнее, чем лицомаска, были ее слова, которые она извергала из своей могучей глотки, потрясая пальцем перед самым моим носом, тогда как я все продолжал сидеть и с ужасом размышлял, почему я сижу и не пытаюсь обратиться в бегство.

— Ты разбил мою жизнь! Разбил вдребезги! Будешь расплачиваться, проклятый!

Я, краснея, поднялся и кивком пригласил ее пройти в жилое помещение. И тут разгневанная великанша вдруг всхлипнула, совсем по-женски заплакала и стала несчастной и слабой. Мы вошли в мрачную переднюю. Фигуры девочек были едва различимы в темноте, светились только их испуганные глаза, как у зверьков, прячущихся в гуще ветвей. Мы вошли в дом рука об руку, что сейчас же стало новым поводом для насмешек, но, не

поддержки я ее в тот миг, эта убитая горем женщина, наверно, рухнула бы на каменные плиты двора, калеча свое тяжелое, как мешок с песком, тело.

Таким образом, жена вернулась с чужими детьми, и в том же месяце явились ко мне представители прихожан и передали волю общины: я должен покинуть храм. Находившийся среди представителей один из лидеров молодежной организации, который ранее полагал меня своим советником, заявил, что они не могут считать своим пастырем человека, который живет с распутной женщиной, ибо это явится дурным примером для молодежи, но, жалая меня, лишившегося крыши над головой, молодежная организация берется построить для моей семьи временное жилье на месте бывшей птицефермы, где сейчас не осталось ни одной курицы.

Вот ведь как все повернулось! Выходит, я и моя жена можем дурно повлиять на воспитание подростков. Не знаю уж, в чем могло сказаться это дурное влияние, ведь во всей нашей долине не было второй женщины, которая отстаивала бы свои идеи, пусть бредовые, с таким поистине достойным подражания педагогическим пафосом и стоицизмом. Разве не этот самый стоицизм заставил мою жену покинуть меня, а потом ко мне вернуться? И это в нашей-то деревне, где, несмотря на распущенность нравов, женщина с отклонениями на сексуальной почве неминуемо попадает в разряд сумасшедших.

Итак, меня изгнали из храма. Это не стало для меня катастрофой, потому что я не бедняк, у меня есть деньги, оставшиеся от отца в наследство. И все же я никуда не уехал, поселился во временке или, попросту говоря, лачуге, построенной для меня молодежной организацией на месте, где некогда жили сотни пригнанных на принудительные работы корейцев, а позже устроили птицеферму, насчитывавшую несколько тысяч кур-несушек, которые ежегодно давали сотни тысяч яиц, не имевших никакого сбыта, отчего птицеферма в конце концов прогорела, а оставшиеся без присмотра куры все до единой подошли от голода и холода. Я помню, какая стояла вонь, когда их сжигали. Лачуга, ставшая отныне жильем для меня, жены и двух маленьких девочек, была самой что ни на есть жалкой постройкой. Она, естественно, состояла из одной комнаты, без всяких внутренних перегородок, а от внешнего мира нас отделяли грубо сколоченные и кое-как оштукатуренные дощатые стены. Штукатурка не закрывала щелей между досками, и я очень скоро понял, что эти щели соответствовали замыслу строителей: каждую ночь под покровом темноты к лачуге прокрады-

вались молодые парни и девушки, горевшие желанием понаблюдать за нашей семейной жизнью.

Скитаясь по Африке, ты, наверно, не раз слышал по ночам шорохи и осторожные шаги вокруг палатки, разбитой где-нибудь посреди саванны или в джунглях, на небольшой, очищенной от растительности площадке. Кажется, в детстве я встречал подобные описания, читая Йоитиро Минами. И вот такие звуки стали постоянным фоном наших ночей. Я, жена и девочки спали и сквозь сон слышали осторожные шаги вокруг дома. Сначала я думал, что это бродит отшельник Гий, тот самый старик, что жил один в лесной глуши. Порой он выходил из лесу и блуждал по долине в поисках съестного. Старик безошибочно знал, где и чем можно поживиться. А у меня съестным и не пахло, зачем же ему тогда попусту кружить по ночам около нашей лачуги? Вскоре я понял, чьи шаги бесцеремонно врываются в наш сон: те самые люди, которые изгнали меня из храма, утверждая, что я дурно повлияю на воспитание молодежи, приходили ночью подглядывать за мной. Они специально для этого и оставили щели в стенах лачуги. Их снедало любопытство, еще бы: в одной комнате бывший священнослужитель, сошедший с пути истинного ради похоти, его распутная жена и дочери распутницы, не имеющие никакого отношения к бывшему священнослужителю. Жители долины жаждали увидеть скандальные сцены, картины разврата и разгула, далеко превосходящие их скудное воображение. Бедняги! Как жестоко они разочаровались! Хоть мы и поселились с женой под одной крышей, но супружеские отношения между нами не восстановились. И все же самым ярым рецидивистам подглядывания порой удавалось видеть довольно любопытные сцены: моя жена, подозревавшая, что я только и жду случая изнасиловать и развратить совсем еще маленьких девочек, внезапно вскакивала среди ночи, включала свет, откидывала наше одеяло — спали мы все вместе, вповалку — и проверяла, в каких позах мы лежим. Очевидно, эта дикая фантазия была следствием ее постоянной неудовлетворенности. Впрочем, мне не хотелось углубляться в психологический анализ поведения жены и заводить с ней разговоры на подобные темы, потому что она сразу бы затеяла спор о страсти вообще и обо мне в частности: почему я не пытаюсь удовлетворить гложущую меня страсть.

Да, забыл сказать: в день своего возвращения жена сразу же попыталась внести ясность в наши будущие отношения. Когда измученные девочки уже спали крепким сном и нам

ничего другого не оставалось, как тоже лечь спать, жена, задремавшая у очага, где еще дотлевали угольки и посвистывал чайник, вдруг встрепенулась, широко открыла покрасневшие, полные ненависти глаза и произнесла:

— Запомни раз и навсегда: не смей ко мне прикасаться! Я специально сделала себе операцию, чтобы никогда больше не заниматься этими гадостями.

Не знаю, правду ли она сказала или ей просто очень хотелось представить все в таком свете, будто я до сих пор пылаю к ней безумной страстью, будто она не по собственной воле, а уступив моим бесконечным мольбам, вернулась в деревню. Однако у меня ни тогда, ни впоследствии не возникло ни малейшего желания проверить, действительно ли она с помощью хирургии вновь обрела утраченную девственность. Пока мы оставались в храме, она все время возвращалась к этому разговору и, желая таким образом поиздеваться надо мной, хвасталась своим поясом целомудрия, но потом, когда нас изгнали, притихла: очевидно, угнетала ее потеря храма. Постепенно чисто бытовая сторона взяла верх над всеми прочими вопросами, и наша жизнь ничем бы не отличалась от жизни прочих семей, если бы не эти ее внезапные ночные обыски. Однажды жена чуть рассудка не лишилась: ей показалось, что на ногах старшей девочки кровь. В следующую секунду выяснилось, что это не кровь, а всего лишь красные шерстяные нитки, прилипшие к ногам девочки. Но я пережил жуткие мгновения, с предельной ясностью, словно на яркой лубочной картинке, представив бывшего настоятеля, занимающегося по ночам растлением своей малолетней приемной дочери.

Итак, мы с женой и девочками поселились на месте вымершего царства кур. Для людей мы не существовали, мои бывшие прихожане полностью нас игнорировали. И неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не один случай, о котором я расскажу несколько позже. А пока что мы жили в абсолютном вакууме. Встречные на дороге смотрели сквозь меня, будто я пустое место. Мне пришлось купить подержанный велосипед и обучиться на нем ездить на тот случай, если кто-нибудь из домашних заболет и придется ехать в соседний городок, расположенный в низовьях реки. Я знал, что, заболел кто-нибудь из нас, даже ни в чем не повинные девочки, — нечего и думать обращаться к местному врачу. В одном только нам повезло: в деревне был универсам, принадлежавший корейцу, где мы покупали продукты и предметы первой необходимости, иначе нам пришлось бы срочно перебираться в другое место или мы

просто умерли бы голодной смертью. Таким в общих чертах было начало моей новой жизни.

Прошло около полугода. И вот однажды в разгар зимы, в предутренней пронзительно холодной мгле, наметились определенные признаки перемен. Я проснулся от легкого шума, доносившегося снаружи, и с раздражением стал прислушиваться: ну так и есть, за стенами нашей лачуги вновь слышались шаги, хотя в последнее время ряды любопытных значительно поредели и нас почти не беспокоили по ночам. Широко открыв глаза, я вглядывался в ледяющий мрак, вслушивался в шорохи за стеной, дрожа от страха, что жена, спавшая у меня под боком, якобы для того, чтобы помешать моим непристойным заигрываниям с девочками, вот-вот проснется и разразится бранью. Я всегда мгновенно чувствовал, когда она просыпалась, даже если не сразу вскакивала, а несколько минут лежала неподвижно, теперь же она спала, то глубоко и мерно дыша, то по-собачьи вздрагивая и всхрапывая во сне, словом, спала с тем же беспокойством, с той же нервозностью, какие были присущи ей в состоянии бодрствования, и на фоне этого неровного дыхания я вдруг явственно услышал шаги за стенами нашей лачуги, отметив в них нечто новое, какую-то особую осторожность, отнюдь не похожую на прежнее назойливое любопытство. Мои губы дрогнули и растянулись в улыбку, раздвигая окаменевшие от стужи мускулы щек. Конечно, это не была моя обычная, небезызвестная тебе улыбка, озарявшая некогда мое лицо радостным и спокойным удовлетворением, но все же я улыбнулся и, глядя на себя как бы изнутри, дал определение этой моей улыбке — она была из тех, которые обычно называют «жестокими». Вот тут-то я и ощутил вкус *свободы*, как злостный преступник, бежавший из заключения до отбытия срока наказания и вдруг получивший официальное помилование — за истечением срока давности (если только срок давности учитывается при самовольном освобождении). Это я говорю о своих ощущениях, но человек, посмотревший в этот момент на меня со стороны и увидевший улыбку на моем заросшем щетиной, обрамленном нестриженными с сильной проседью космами, хотя все еще овальном, как яичко, лице, вполне бы мог назвать ее счастливой. Я почувствовал: произошла какая-то перемена в окружавшей меня действительности, пусть мне пока еще не понятно какая, но, несомненно, что-то изменилось.

Утром я проспал дольше обычного, очевидно из-за предсветного бдения, разбудил меня громкий крик жены, в котором я не уловил характерных гневных ноток. Я вышел наружу и

увидел мешки с рисом, овощи, моти* и даже скороварящуюся лапшу и порошок суп. Все эти сокровища достались мне словно по волшебству, как герою народной сказки, спасшему мышонка. Я разглядывал моти и вспоминал былые времена, когда мои прихожане только-только начинали покупать продукты в универсаме и каждая семья старалась по-своему оформить стандартную упаковку моти, чтобы я знал, от кого приношение. То же было и сейчас — все мои бывшие прихожане, словно сговорившись, принесли мне дары, и я понимал, что это не простое возобновление традиции, а нечто иное, вызванное более глубокими причинами. К тому же о возобновлении традиции не могло быть и речи: ведь я с позором был изгнан из храма, а люди у нас, ты же знаешь, отнюдь не отличаются добросердечием и совестью, чувство раскаяния им неведомо, следовательно, они не стали бы просто так, из сострадания к несправедливо обиженному, делать мне подношения. Очевидно, произошло что-то, нарушившее их привычное существование, и они почувствовали острую нужду в утешении и утешителе, потянулись ко мне не ради меня самого, а из чисто эгоистических побуждений. Что же все-таки случилось?

Мне не пришлось долго ломать голову. В тот же день, еще до обеда, меня посетил новый настоятель храма, совсем еще молоденький священник, только что окончивший буддийский университет и поставленный на мое место; до сих пор он полностью меня игнорировал и сейчас, придя ко мне, чуть ли не до слез страдал из-за принесенного в жертву самолюбия. Он рассказал, что Дзин, чудовищная толстуха, всю жизнь страдавшая обжорством, умерла. Дошла ли до тебя эта весть? Если тебя печалит смерть этой женщины, с которой ты провел свое детство, мне бы следовало выразить тебе соболезнование, но я, пусть меня изгнали из храма, все же считаю себя независимым священником секты Дзёдо, а основной догмат этой секты гласит, что смерть не является несчастьем, и посему я не буду тебе соболезновать. Итак, молодого настоятеля, недавнего студента, беспокоило, как он должен реагировать на это событие и как себя вести во время погребального обряда, с его точки зрения необычного и странного, но освященного вековыми традициями нашей долины. Я подбодрил его. Сказал, что он должен облачиться в одежды, соответствующие его сану, прийти в дом Дзин, где соберутся прихожане, и ни во что не вмести-

---

* Моти — лепешка из вареного риса.

ваться, а просто молча сидеть среди них, тогда все будет в порядке, и он не уронит своего авторитета. Но, беседуя с молодым настоятелем, я все время думал не о нем, а о себе: теперь, поскольку умерла толстуха Дзин, долгое время бывшая козлом отпущения для всей нашей долины, кто-то должен занять освободившуюся вакансию, ибо местным жителям такой козел необходим как воздух — иначе очень уж трудно жить в условиях неуклонно приходящего в упадок хозяйства. Скажу прямо, я был взволнован, даже очень взволнован: судя по всему на роль козла отпущения намечали меня. Воистину, кто, с точки зрения людей темных, задавленных нуждой, озлобленных, больных своего рода психологической чумой, должен стать символом всех несчастий? Разумеется, человек самый неприкаянный, самый жалкий, самый ничтожный во всей долине. Отшельник Гий для этой роли не подходил: во-первых, он давным-давно оставил долину и перебрался в глухие леса, во-вторых, отнюдь не считал себя несчастным. Бодрому, независимому старику и в голову бы не пришло, что он жертва тяжелого невезения, что жители деревни могут сделать его общественной помойкой, где будет скапливаться все отбросы и нечистоты. Я — другое дело. Я был законным наследником престола страдальцы Дзин, всю жизнь преследуемой свирепым, неутолимым голодом. Поэтому они и явились ко мне ночью, мои бесстыжие бывшие прихожане, явились и оставили под дверью свое первое приношение, задали корм новому козлу отпущения, правда не без некоторых угрызений совести — свидетельством тому были их тихие, крадущиеся шаги у стен моей лачуги.

После обеда я сбрил многодневную щетину, покрывавшую мои щеки, и попросил жену подстричь мне волосы. Жена, вместе с девочками разбиравшая продукты, была в прекрасном настроении и охотно согласилась оказать мне эту маленькую услугу. Я вышел из дому с гордо поднятой головой впервые после изгнания из храма, перешел через мост, ведущий в деревню, и по мощенной камнем дороге зашагал в глубь охваченной тревогой территории. Если бы я вчера осмелился вот так прогуливаться по дороге, дети, как это ни грустно признать, закидали бы меня камнями, выполняя волю взрослых, и не успокоились бы до тех пор, пока я бы не свалился, обливаясь кровью; словом, со мной произошло бы то же самое, что некогда произошло с твоим старшим братом в поселке корейцев. Мне не раз приходилось наблюдать, как дети нашей деревни вагагой нападали на бездомную собаку. Если она поджимала хвост и скулила от страха, ей все равно здорово доставалось,

но уж если попадалась смелая собака, отвечавшая рычанием на преследования своих мучителей, ярость маленьких дикарей не знала границ: они то ли от страха, то ли взбешенные непокорностью их жертвы начинали швырять камни с таким ожесточением, словно собака первая на них напала, и швыряли до тех пор, пока несчастное животное не издыхало у них на глазах. Со мной, человеком, который для них был хуже собаки, поступили бы точно так же. Взрослые не только не стараются обуздать жестокость детей, а, наоборот, поощряют ее, потому что используют детей как армию наемников-карателей, время от времени нападающую на владения экономического тирана долины или, попросту говоря, на универсам. Конечно, большого ущерба дети причинить не могут, но тем не менее они как бы олицетворяют идею бунта, живущую в сознании взрослых. Как видишь, исполнители революционного насилия у нас становятся все моложе.

Но на этот раз дети меня не тронули. В этот послепопуденный час они уже знали обо всем — и о смерти толстухи Дзин, бывшего козла отпущения, и о кандидате на его место. Повторяю, они меня не тронули, но лица у них были мрачные, хмурые, очевидно, им передалась тревога взрослых, сомневающих-ся, соглашусь ли я заменить Дзин. Хотя я и был изгнан из храма, хоть и влачил жалкое существование вместе с женой-изменницей и живыми плодами ее измены, но все же не шел ни в какое сравнение с покойной Дзин, ибо груз ее несчастья, совершенно реальный вес десятков килограммов жира, был неизмеримо тяжелее всех обрушившихся на меня бед. И взрослые поглядывали на меня с еще большей тревогой, чем дети, потому что не знали, возьмусь ли я, несмотря на принятый ночной задаток, за исполнение такой неблагородной роли.

Я раздумывал над всем этим, пока поднимался на холм, где находится твоя родовая усадьба. Репетируя предназначавшуюся мне роль, шагая под перекрестным огнем взглядов, я, однако, не испытывал ни малейшего недовольства собой, улыбка, как всегда, озаряла мое лицо, и мне было сладко сознавать, что из этой улыбки, как бабочка из кокона, вылупляется *свобода*. Усадьбы как таковой уже нет, но дом, где ты и твои братья провели детство, стоит до сих пор — это здание очень много значит для обитателей долины.

В глубине кухни с земляным полом ярко горел огонь, у очага сновали женщины, занятые стряпней, в соседней комнате, так называемой гостиной, собралось много народу. Я подумал, что там идет долгое обсуждение порядка похорон (а как же

иначе, ведь в нашей долине, когда кто-нибудь умирает, все жители принимаются горячо спорить о том, что и как надо делать, будто у нас не существует веками установленной традиции, будто это первый на свете покойник, над которым предстоит совершить погребальный обряд), но оказалось, в гостиную договаривались о проведении этой весной праздника духов. На галерее сидел отшельник Гий, сквозь раздвинутые сёдзи * он поминутно заглядывал в гостиную и громко требовал, чтобы его тоже пустили на обсуждение праздника духов и похорон Дзин. От него отмахивались, но он продолжал всем надоедать. Тебя, наверно, удивит, как это Гий, десятилетиями скрывавшийся в глуши лесов и спускавшийся в долину только под покровом ночи, вдруг появился днем, хоть и в сумерках, но все же до наступления темноты. Конечно, нам, выросшим в долине и хорошо знающим Гия, это может показаться странным, но дело в том, что старик с некоторых пор изменил своим привычкам, а именно с того времени, когда у нас в долине были волнения, возглавленные твоим младшим братом и окончившиеся для их участников бесславно, а для твоего брата трагически — он ведь покончил самоубийством. И вот в то тревожное время отшельник Гий стал вдруг героем дня, личностью, особенно популярной среди лентяев и бездельников, обожающих посплетничать, посудачить и в тысячный раз пережевать жвачку минувших событий. Гий, по его утверждению, был единственным свидетелем убийства, совершенного твоим младшим братом, и со смаком рассказывал подробности — как убийца прикончил свою жертву, девушку из нашего поселка, размозжив ей камнем голову. Возможно, он и привирал немного, но вообще-то ему верили: он, привыкший к лесному сумраку, отлично видит в темноте и, находясь на месте происшествия, действительно мог разглядеть все подробности этой трагедии. В ту пору Гий спускался в долину каждое утро, спозаранку (а может быть, и вовсе не уходил в лес, а ночевал в амбаре вашего ставшего необитаемым дома), и вновь и вновь пересказывал виденную им сцену ужасного убийства. Возобновив таким образом контакт с жителями долины, Гий стремился вернуться к «дневной» жизни, то есть вновь стать членом местной общины. Спекулируя на впечатлении, производимом его рассказом, он требовал, чтобы ему отвели одну из самых высоких должностей в общине, поскольку он был человеком не только самым популярным в то

---

* Сёдзи — раздвижные перегородки в японском доме.

время, но и самым образованным в нашей долине. Однако слава его продержалась недолго: как только улеглись волнения и сенсационная суэта вокруг трагического убийства, люди малопомалу бросили слушать Гия, а потом и вовсе перестали замечать, стараясь как можно скорее предать забвению позорные, как они считали, беспорядки и все, что с ними было связано. Конечно, Гий мог появляться в поселке, когда ему вздумается, хоть днем, хоть ночью, но на него никто уже не обращал внимания — ведь он был всего-навсего выжившей из ума старой развалиной. Мне он внушал сочувствие: кто знает, может быть, с годами ему становилось все труднее, все невыносимее жить в лесных дебрях. И вот теперь, несмотря на то, что с ним никто уже не считался, Гий сидел на галерее и требовал, чтобы его допустили принять участие в обсуждении похорон Дзин.

В выложенном камнем подвале, оставшемся от фамильной усадьбы, играла детвора. В играх верховодили дети покойной Дзин, а остальные на все лады отдавали им почести. Этот обычай не изменился со времен нашего детства: малолетние сыновья и дочери покойного на некоторое время занимают особое положение среди своих сверстников. Я остановился на краю подвала, окинув взглядом простирравшуюся внизу тускло-белую в свете зимних сумерек долину и почувствовал легкое головокружение, отчетливо осознав, как давно мне не приходилось в прямом и в переносном смысле смотреть на мир свысока. Там, перед самодельным алтарем, закрытая ватным одеялом, лежала маленькая-маленькая Дзин. Я не видел ее лица — оно было прикрыто белой тканью — и, пожалуй, усомнился бы, она ли это (ведь под ватным одеялом тело Дзин, «самой толстой женщины Японии», должно было бы выглядеть по крайней мере в три раза больше своих обычных размеров), если бы не знал, что умерла она не сразу, а после долгой, мучительной болезни печени, умерла голодной смертью, на протяжении многих недель поддерживая угасающий организм лишь водой да собственным подкожным жиром, постепенно отдававшим калории этому телу, некогда непомерно раздобревшему и являвшемуся символом позора всей ее жизни. А теперь Дзин истаяла, и если бы можно было предположить, что живой человек на девять десятых состоит из души и только на одну десятую из плоти, а после смерти эта душа отлетает, оставляя в одиночестве крохотное тело, тогда бы любая смерть человеческая стала наглядным доказательством отличия нас от животных. Но на самом деле все гораздо проще, во всяком случае, с Дзин: не душа ее улетела, а жир исчез, растаял, испарился.

Около маленького тела Дзин сидели ее муж, один из распорядителей похорон и облачившийся по моему совету в парадное одеяние молоденький настоятель с сопровождавшими его монахами-прислужниками, которых, очевидно, срочно вызвали из ближайшего городка. Настоятель что-то многозначительно говорил распорядителю похорон. Я смотрел на них, прислонившись к дверному косяку. Разве раньше, до изгнания из храма, я бы осмелился держаться так непринужденно на людях?! А теперь я получил право вести себя, как хочу, держаться, как простой человек, и это, безусловно, было проявлением *свободы* в конкретной форме. Распорядитель, видимо предпочитая не замечать меня, слушал настоятеля с отсутствующим выражением, такое часто встретишь на лицах в нашей долине — чтобы в случае чего иметь возможность отвертеться, а новоиспеченного настоятеля откровенно раздражало мое присутствие, напомиравшее ему, что он совсем недавно приходил ко мне за советом. Молокосос! — мысленно обругал я его. — Хочешь не хочешь, скоро не только ты, но и все твои прихожане будут обращаться ко мне со всеми своими горестями, и я, помимо роли козла отпущения, буду играть также роль божества покровителя долины.

Как бы в подтверждение моих слов муж Дзин обернулся ко мне и, наверно, заговорил бы, если бы его не сдерживало присутствие распорядителя и настоятеля. Он молчал и только неотрывно смотрел на меня, а я, прекрасно знавший удивительную способность жителей нашей долины проявлять чувства, прямо противоположные тем, которые они испытывают, прочитал и расшифровал взгляд этих тусклых и унылых, как у больной лихорадкой собаки, глаз, взгляд робкий, стыдливый и одновременно настойчивый, почти наглый, делавший еще более непривлекательным его и без того некрасивое, испитое лицо: муж Дзин тяжело переживал смерть своей жены, этой невероятно разжиревшей женщины, отравлявшей ему жизнь своим обжорством. Я понял еще и другое — очень скоро все жители долины потянутся ко мне за утешением и будут смотреть на меня такими же глазами, выражающими смесь мольбы, стыда и наглости. И все же мне стало очень жалко мужа Дзин, жалко почти до слез, потому я поспешил уйти, хотя собирался взглянуть на лицо покойной, нельзя же мне было плакать на виду у этих людей, мне, осознавшему собственную *свободу*!

Когда я начал спускаться с холма по мощенной камнем, углублявшейся в середине, как каноэ, дороге, меня нагнал отшельник Гий. Он шагал преувеличенно быстро, пытаясь скрыть

за этой быстротой старческую немощь, и, поравнявшись со мной, завертелся, запрыгал и что-то забормотал. Но я, *свободный*, и не подумал остановиться. Конечно, в дальнейшем я буду останавливаться и выслушивать всех и каждого, если возьму на себя роль козла отпущения, но сейчас — нет! Пусть они потеряют еще немного и не лезут своими грязными лапами ко мне в душу.

Если попытаться записать то, что выкрикивал и бормотал отшельник Гий, вертась и прыгая вокруг меня, когда я шагал вниз по дороге, и что он впоследствии стал повторять всем и каждому, приободренный тем, что я хоть и на ходу, но все-таки выслушал его, получится нечто похожее на стихи. В то же время он оперировал современными понятиями и, как выяснилось, был хорошо осведомлен об атомной энергии, ядерном оружии и прочее. Нет, он не произносил таких слов, как «атомная эпоха», но говорил о гибели человечества, о пепле смерти. Может, живя долгие годы в лесной глуши, Гий регулярно читал газеты, в которые ему заворачивали остатки еды местные жители? Не знаю, может быть, и так. Во всяком случае, до того как отшельник Гий сошел с ума или притворился умалишенным, чтоб уклониться от военной службы, он получил отличное образование и наверняка был самым просвещенным человеком в нашей долине. Если я переведу для тебя на нормальный язык его речь, получится примерно следующее:

...В ту пору, когда взрываются атомные бомбы,
и все вокруг покрывается смертоносным, радиоактивным
пеплом,
и волны радиации текут во все стороны
и пожирают людей, домашних животных и культурные
растения
во всех городах и деревнях,
лес переживает удивительное обновление.
Растет, растет мощь леса!
Умирающие города и деревни вливают новую силу в
леса,
ибо яд радиации и радиоактивного пепла,
поглощенный листвой деревьев,
лесными травами
и болотным мхом,
становится мощью леса.
Смотрите, смотрите:
листва и травы, не убитые радиацией и углекислым
газом,

рождают кислород!
Если вы хотите выжить в атомный век,
бегите из городов и деревень в леса,
сливайтесь с мощью леса!..

Весть о том, что нынешней весной у нас будет грандиозный праздник духов, мне принесли крестьянки, жившие по соседству со мной. Жители деревни, очевидно, не хотели говорить мне заранее о том, что назрела необходимость такого праздника — слишком много чести для козла отпущения, вышвырнутого деревенской общиной на пограничную черту ее владений! А крестьянки с окраины деревни, прежде по праву ближайших соседей более других издевавшиеся надо мной и моей женой-изменницей, теперь первыми пришли ко мне — и не с пустыми руками — под предлогом сообщить новость. На самом деле причина их посещения была другая: они собирались сменить верование предков на вероучение другой, тоже буддийской секты, имевшей многочисленных последователей. Наш молодой настоятель, естественно, противился этому, а миссионеры той секты ратовали за новую религию, и крестьянки предместья, охваченные беспокойством, не знали, на что решиться. И дело было не только в религиозных чувствах, корни беспокойства уходили глубже: задавленные нуждой люди искали путей к лучшей жизни, и предместье бурлило, переживая в миниатюре период Реформации. Вот они и пришли за советом ко мне, пусть изгнанному, но все же оставшемуся для них духовным наставником. Кроме того, зная меня много лет, они предвидели мой ответ. И я отвечал именно то, что им хотелось услышать: «Это в вашей воле, вы свободны в своих поступках!»

Говорят, влиятельные лица долины во главе с лесовладельцем сначала категорически воспротивились проведению праздника духов: как-никак праздник являлся наглядным свидетельством их беспомощности, раз уж было решено обратиться за поддержкой к высшей силе. А кому охота признавать себя несостоятельным и выставлять напоказ скрытую в глубине души неуверенность? Но теперь обстоятельства изменились, и главы общины сами настаивали на устройстве праздника в начале весны. По словам женщин, рассказывавших об этом совершенно спокойно и даже весело — ибо они были на крайней ступени нищеты и ничто уже не могло ухудшить их положения, — наши заправки понесли огромные убытки в результате спекуляции на бирже. Они имели глупость последовать совету

корейца, владельца универсама, некоронованного короля нашей долины, и покупали самые неустойчивые акции, связываясь по телефону с Осакой. Поначалу некоторые из них неплохо заработали, но чем больше они заработали, тем глубже оказались раны, полученные ими после резкого падения цен на бирже прошлой зимой. Сам-то «король» не разорился, прекратив играть за день до начала паники, и кое-кто усматривал в этом месть корейцев, которых насильственно пригнали во время войны в наши края и принудили работать в страшных условиях. К счастью, никто из пострадавших не покончил самоубийством, но, как сказали женщины, «кое-кто из старичков ума решил». Впрочем, нельзя полностью верить этим словам, поскольку ненависть крестьян к влиятельным и богатым людям до того велика, что стоит кому-нибудь из богачей прослезиться, как его тут же запишут в сумасшедшие. Короче говоря, наши заправилы, претерпев жестокий удар судьбы, решили как можно скорее, в самом начале весны, устроить праздник духов и очиститься от всех напастей.

Праздник состоялся, и во время этого праздника произошли трагические события... Но прежде чем приступить к их описанию, необходимо рассказать о странном поведении отшельника Гия, начиная с похорон Дзин и вплоть до самого праздника. Каждый день он появлялся в поселке и оглашал долину своими воплями — поистине то был глас вопиющего в пустыне — о гибели городов и возрождении леса. Вероятно, эти фантастические проповеди, которые я впервые услышал от него на дороге, были выражением его взглядов на современную цивилизацию, но злые языки утверждали, что Гий просто напросто озлобился и теперь решил докучать жителям долины всеми доступными средствами. Старик действительно был обижен: его не посадили к общему столу на поминках по несчастной толстухе Дзин, а, по обычаю, угостили объедками, но Гий, очевидно, уже тогда возомнивший себя новым пророком, гордо отказался, и для него начались тяжелые дни — дни самого настоящего голода. И теперь, голодный, пылающий ненавистью ко всему человечеству, он жутким голосом вещал свои пророчания, походя, скорее, не на ясновидца, призванного спасти род людской от ядерной чумы, а на самого демона атомного века.

...Все, все, кто хочет выжить в атомный век,
бегите из городов и деревень,
бегите в лес,

прячьтесь среди деревьев!
Вы сольетесь с лесом
и станете частицей возрожденной мощи леса!..

Не стану подробно распространяться о празднике духов, этом торжественном, освященном традицией действе, когда души тех, кто некогда навлек на долину беду или был при жизни отъявленным мятежником и злодеем, выходят под звуки барабана из леса,— ты и сам прекрасно помнишь, как это все происходит,— остановлюсь лишь на некоторых особенностях последнего праздника. Вереницу духов, хорошо знакомых обитателям долины, дополняли две новые фигуры: дух в красной маске, густо утыканной на месте глаз гвоздями,— дух твоего младшего брата, разрядившего себе в лицо дробовик, и еще один — дух леса, который в ярости мчался за процессией, не смея примкнуть к торжественному шествию, потому что его бы сразу прогнали. Духом леса был отшельник Гий.

Именно отшельник Гий, хоть он и не был официальным участником, являлся самым любопытным персонажем праздника. Дети таращили на него глаза и не отставали ни на шаг. Отшельник Гий вырядился на редкость причудливо и комично, да еще выкрикивая свою безумную проповедь, ни секунды не стоял на месте, а носился с бешеной скоростью, очевидно, с целью наглядно продемонстрировать вселившуюся в него энергию атома, «источаемую возрожденным лесом».

Изображая дух леса, он, естественно, хотел украсить ветвями и листьями, но свежие зеленые побеги еще не появились, а ветви хвойных деревьев, наверно, оказались слишком тяжелыми для старика, и Гий облачился в наряд из сухих веток кустарников и остатков почерневшей прошлогодней листвы. В этом костюме он походил на большого грязного ежа или на комок сухой травы, наподобие тех, которые скатывают некоторые жуки, только огромных размеров. Из этого комка торчали лишь тонкие жилистые ноги и одна рука, в которой была зажата заостренная бамбуковая палка. Если бы не голос, дописавшийся откуда-то из глубины этого вороха и в тысячный раз произносивший всем известную проповедь, никому бы и не догадаться, кто изображает лесного духа.

Праздничная процессия, продолжая отвергать этого безумного духа, направилась к месту вашей усадьбы. И как в былые времена, духи спустились в каменный подвал, разожгли там

костер и закружились вокруг него в пляске. И огонь и пляска были как нельзя более кстати — весна еще не вступила в свои права, порывистый колючий ветер пронизывал насквозь. Потом участники праздника прошли в дом и уселись за стол. Бедняга Гий не был допущен ни к ритуальному танцу, ни к праздничной трапезе — правда, я сомневаюсь, что ему удалось бы пролезть в своем громоздком облачении сквозь раздвинутые сёдзи, — и потому, разгневаанный, обиженный, жующий на ходу моти, завернутую в бамбуковый лист, он заметался по галерее. Прочие зрители спокойно наблюдали за всем происходящим, и лишь один Гий не находил себе места. Он заглядывал в гостиную, выкрикивал реплики по поводу выступлений других духов, а потом направился к каменному подвалу и вместе с детьми и взрослыми, ожидавшими продолжения праздника, стал подбрасывать ветки в ярко пылавший костер.

В доме меж тем началось торжественное питье из большой чаши. Так уж заведено: в праздник люди изо всех сил потчуют друг друга, потчуют, несмотря на заметное оскудение всех запасов. Большая чаша ходит по кругу, и люди, угощая друг друга, самозабвенно отдаются празднику, наслаждаются праздником, мучаются праздником, истязают себя праздником до тех пор, пока не упьются вдрызг. Они ведут себя так, словно праздник — самое важное событие в их жизни, словно еще недавно они не вздыхали и не жаловались: «Ах, опять праздник!» И на сей раз все шло, как обычно: задолго до праздника начались охи и вздохи, нараставшие по мере приближения торжественного дня и накануне перешедшие во всеобщий стон, казалось, люди просто в отчаянии, оттого что кому-то пришлось в голову устроить этот экстренный, внеочередной праздник. Но назначенный день настал, и все очертя голову бросились в праздничный водоворот и начали без конца потчевать друг друга, яростно разрушая остатки своего материального благополучия. Может быть, это не что иное, как взрыв накопленного недовольства, принявший форму массового психоза? Может быть, в этот день жители долины, веселые, отчаянные и отчаявшиеся, забираются в большую чашу, как в ракету, и совершают невиданный взлет, оторвавшись от мрачного притяжения повседневной жизни и устремляясь в еще более мрачное «куда-то»?..

И вот, когда за праздничным столом ходила по кругу большая чаша, во дворе произошло страшное событие. Отшельник Гий, которому не дали принять участие в ритуальном танце, теперь, приблизившись к костру, ярко пылавшему на дне ка-

менного подвала, почувствовал себя хозяином положения. «Официальные» духи, занятые трапезой, ему не мешали, и он, одинокий лесной дух, начал свой собственный дикий танец. Дети и зеваки из предместья всячески его подзадоривали, и он кружился все быстрее, подпрыгивал, как огромный, облепленный листьями мяч, и размахивал бамбуковой пикой. Чувствуя себя в центре внимания и возбудившись до предела, Гий снова начал выкрикивать громким, хриплым от еще не угасшего гнева голосом слова своей фантастической проповеди:

...Когда во всех городах, во всех деревнях
гибнут люди, домашние животные и культурные
растения,
в лесу происходит поразительное обновление жизни.
Мощь леса растет,
лес воскресает
и вливает свою благодатную силу в тех,
кто укрывается под его сенью...

И вдруг отшельник Гий (ходит слух, что его распалили мальчишки, этот стукот ничем не сдерживаемой разрушительной силы, сочетающейся с изощренной хитростью, далеко превосходящей способности взрослых: «Отшельник Гий, если лес дал тебе силу атома, значит, ты можешь летать по небу, как супермен в телепередаче?.. Можешь пробить железную стену?.. Можешь выдержать жар в миллиард градусов?..») споткнулся и то ли упал, то ли прыгнул в самую середину костра. Я думаю, Гий вовсе не собирался прыгать в огонь, то была чистейшая случайность, но он, видимо, так растерялся, что сразу перестал соображать, что происходит вокруг. Мгновенно занялось его импровизированное облачение лесного духа, да и каменный пол, раскаленный костром, обжигал, как адская сковорода, и несчастный старик завертелся и запрыгал с таким неистовством, словно в нем действительно бушевала атомная энергия.

А потом он, очевидно, окончательно потерял рассудок; привлеченные криками зрителей, из дому выскочили пировавшие там участники праздника и члены молодежной организации, входившие в состав добровольной пожарной команды. Они хотели прыгнуть в подвал и вытащить старика — скорее из пьяной лихости, чем по велению долга, — и все уже думали, что отшельник Гий спасен, но он вдруг стал отгонять своих спасителей заостренной бамбуковой палкой. Его нелепый наряд уже

тлел и дымился, по сухим ветвям пробегали крохотные желтые язычки пламени, перебираясь все выше и выше, а безумный старик продолжал подпрыгивать и ожесточенно размахивать своей пикой. В тот момент, когда огонь и дым совсем было поглотили отшельника Гия, в пламени вдруг мелькнули его старая форменная фуражка почтальона, огненная борода и лицо, сморщенное, высушенное, но сиявшее ослепительным багровым блеском. Что придало этому лицу такое сияние? Очевидно, все вместе — и жар пламени, и внутренний огонь, паливший старого безумца, и сакэ, украденное и выпитое им незадолго до этого. Во всяком случае, крайнее возбуждение не покидало отшельника до самой последней минуты: он все еще громко выкрикивал свою проповедь, превратившуюся в навязчивую идею, и размахивал страшной, заостренной, уже обуглившейся палкой. Все мы, застыв от изумления и ужаса, смотрели на его багровый, непомерно большой на маленьком багровом лице рот и слушали одни и те же бесконечно повторяемые слова:

...Кто хочет выжить в атомный век...
Все... все... бегите из городов и деревень...
Спасайтесь в лесах...
Сливайтесь с мощью леса...

Потом все заволокло пламенем — и фигуру старика, и его голос. И вдруг с жутким треском, заставившим нас содрогнуться, лопнула бамбуковая пика. Отшельник Гий лишился своего грозного оружия, но теперь это не имело значения: мы понимали, что спасти его уже невозможно...

Когда огромный костер залили водой — а воды для этого потребовалось много, и доставать ее из глубокого колодца во дворе твоего дома было не так-то легко, — мы увидели тело, черное, как обгорелая резиновая кукла. Не знаю, что нас больше потрясло — само происшествие или вид этого обуглившегося до черноты тела. Скажу только одно: мертвый Гий был удивительно похож на одного из духов праздника, изображавшего нашего земляка, что погиб в Хиросиме от атомной бомбы, и все мы содрогнулись, впервые ощутив глубину отчаяния, стоявшего за бессвязными словами диковинной проповеди:

...Кто хочет выжить в атомный век...
Все... все... бегите из городов и деревень...
Спасайтесь в лесах
Сливайтесь с мощью леса...

Прошел год. Снова наступила весна. За эти двенадцать месяцев у нас произошли большие перемены: много людей покинуло долину. Уходят не только молодые — на заработки, но и зрелые мужчины, и старики, и женщины с детьми, короче говоря, снимаются целыми семьями. По их словам, они перебираются на жительство в Осаку или в Токио, и у оставшихся в долине, казалось бы, нет оснований не верить им. Но нет-нет да и пройдет слух, что кое-кого из отправившихся искать счастья в большие города видели в лесах, в тех самых, где отшельник Гий прожил не один десяток лет. Может быть, эти люди, покидая свою деревню, действительно намеревались отправиться в Токио или Осаку, но вдруг останавливались посреди дороги, сворачивали в сторону и шли в глубь окружающих долину лесов. Если так, значит, они стали первыми последователями «нового учения», странного и непонятного, но связанного с чудовищным мраком атомного века, учения, которое год назад так настойчиво проповедовал отшельник Гий.

Конечно, кое-кто в долине станет спорить со мной, заведи я разговор о «новом вероучении» и его последователях. Кое-кто, очевидно, считает, что не покойный отшельник, а я имею прямое отношение к бегству местных жителей из долины, куда бы они ни уходили — в город или в леса. Что ж, в этом есть крупница истины. Я человек теперь независимый, полностью обретший *свободу*, не склоняюсь ни перед какими авторитетами, хожу куда вздумается, общаюсь с кем захочется, и все в долине прекрасно знают, что я не побегу доносить, если случайно проведаю, что кое-кто надумал скрыться от своих кредиторов. Поэтому под покровом ночи ко мне часто приходят молодые парни, мужчины средних лет, женщины и даже старики и спрашивают:

— Как ты думаешь?.. Я хочу уйти отсюда... Попытать счастья где-нибудь в другом месте... Это неправильно?..

И я отвечаю вопросом на вопрос:

— Ну почему же, разве запрещено уходить в другие места?..

На этом разговор кончается. Я ничего не советую этим людям, ничего о них не знаю и не интересуюсь, куда они собираются уйти, чем хотят заняться на новом месте. Сам я по-прежнему живу в долине, все в той же жалкой лачуге, ежедневно выслушиваю брань жены, обладательницы несокрушимого пояса целомудрия, которая, видно, до конца дней своих так и останется неудовлетворенной, и постоянно вижу настороженные лица девочек, считающих меня чудовищем, только и ждущим

случая совершить над ними насилие. Но как бы ни складывалась моя жизнь, я останусь здесь навсегда и буду свидетелем гибели долины, если настанет такой день, когда последний житель покинет ее.

Долина уже агонизирует. Говорят, вскоре закроется наш знаменитый универсам, потому что многие дома опустели и число покупателей резко уменьшилось. Когда наш некоронованный король уже, казалось, полностью покорил долину, обитатели перехитрили его и удрали из «королевских» владений, точно так же, как в былые времена их предки, выражая пассивный протест против жестокого помещика, удирали к другому помещику.

Я и моя семья живем теперь исключительно за счет открытих подношений жителей долины, так что, если в конце концов деревня опустеет, нам тоже придется перебраться в другое место. Но повторяю: я не покину своей лачуги, пока в долине останется хотя бы один человек, и буду учить постигать *свободу* тех, кто много поколений томился в оковах. Мне хочется, чтобы они почувствовали хотя бы дух *свободы*. Надеюсь, ты, покинувший долину даже не юношей, а почти ребенком, все же поймешь, как трудно им сбросить груз цепей, приковавших их к месту. Для этих людей, которые хмуро шагают по булыжным дорогам нашей окруженной лесами долины, ежесекундно ощущая тяжесть своих оков, я, живущий, как мне хочется, являюсь символом *свободы*, символом освобождения их душ. Что ж, спасение душ — дело для меня привычное, ибо и я, и мои предки с незапамятных времен были духовными отцами местных жителей.

Итак, когда все покинут долину, пробьет и мой час. Не знаю, куда я отправлюсь с вечно разгневанной женой и вечно настороженными девочками. Может быть, я сяду в ночной поезд, и моей конечной остановкой станут трущобы Токио или Осаки. А может, выйдя на дорогу, я сверну в сторону и углублюсь в лесные дебри. Бесспорно лишь одно — я отыщу, догоню тех, кто ушел из долины и начал новую жизнь, догоню, чтобы жить их жизнью и вновь стать для них жрецом и шаманом. Я уйду из долины, не гонимый страхом, как они, а в погоне за беглецами, уйду с гордо поднятой головой, как и подобает жрецу *свободы*. Когда я думаю о предстоящем уходе, мне хочется, чтобы слухи относительно бегства в лес оправдались — жрецу и шаману самое место в лесной первобытной коммуне.

И вот тебе мой совет: ищи *свободу*, а коли веришь, что уже обрел ее, иди дальше в поисках вечного ее обновления. Давай договоримся о пароле, чтобы мы могли узнать друг друга даже в кромешной тьме, если нам суждено с тобой встретиться. Быть может, и ты, выходец из нашей долины, живешь сейчас в лесу, среди членов первобытной лесной коммуны, о которой идет слух.

Итак, пароль — *свобода*.

НЕДЕЛЯ ПОЧИТАНИЯ СТАРОСТИ

Большая комната, куда сиделка ввела троих подрабатывающих студентов, — темная, как сарай, отгороженная от внешнего мира тяжелыми шторами, в нее не проникает с улицы ни свет, ни шум. Она так заставлена мебелью, что напоминает помещение для распродажи подержанных вещей. Студенты, пройдя по залитому ярким полуденным солнцем газону, вошли в эту комнату во флигеле в глубине двора, щурясь и моргая со света и то и дело натываясь на мебель, с трудом добрались до указанных им стульев и вздохнули с облегчением. Они немного трусили и готовы были сбежать. Им показалось, что они попали в лес, где вместо деревьев — старая, никому не нужная мебель. И когда сиделка, подобно ночному зверю, свободно передвигающемуся в крошечной тьме, дернула за кисточку выключателя на высоком торшере, стоявшем против их стульев, тусклый желтый свет осветил три напряженных лица. Студенты секунду смотрели друг на друга, слов-

но выискивая скрытую в лицах тайну, но тут же отвели глаза. Их стулья были выстроены возле низкой кровати, завешенной светло-зеленым бархатным пологом. Из угла кровати, неожиданно приподняв голову, на них внимательно и настороженно, как ласка, уставился старик. Ничем не примечательный — маленькая головка, коротко стриженные седые волосы, и лишь глаза зоркие, ястребиные.

— Это студенты, они в течение недели будут вам рассказывать, что происходит в мире. Но вы ни в коем случае не должны переутомляться, обещайте мне — не больше получаса в день, — не терпящим возражений тоном сказала старику сиделка.

— Чрезвычайно признателен вам, что пришли. Я уже очень давно замурован в этих четырех стенах. И сейчас, перед смертью, мне вдруг захотелось услышать, что делается в мире. Вот уже десять лет я живу без газет и радио. Интересно, что стало с ними теперь? — прохрипел старик, без конца покашливая.

— И без телевизора, — добавила сиделка.

— Больше того, с тех пор как меня заперли здесь, вы первые люди, пришедшие сюда из внешнего мира. Поэтому, надеюсь, отнесетесь ко мне снисходительно. Предвкушаю удовольствие, с каким я буду слушать ваши рассказы, — с воодушевлением сказал старик.

— Это студент филологического факультета, этот — с биологического, а студентка с педагогического отделения. На сегодня вам лучше ограничиться знакомством! Вы слишком взволнованы, — сказала сиделка. Она тоже была немолода, за пятьдесят. Щеки прорезаны глубокими, как шрамы, морщинами, что придавало ей злой, почти свирепый вид.

— Ну что ж, согласен. Эта женщина, так же как и я, не знает, что делается в мире. О чем ее ни спросишь, ничего определенного в ответ не услышишь, — сказал старик, тихо засмеявшись. Смех его напоминал какой-то свист, будто он втягивал воздух.

— Прошу вас. — Выпроваживая студентов, сиделка потянула за кисточку выключателя.

Откуда-то снизу, из тьмы, выплыл хриплый голос старика:

— Минутку, минутку, прежде чем вы уйдете, скажите мне только одно: в мире, по общему мнению, все идет хорошо? Могу я умереть спокойно?

— Все хорошо, все отлично, — горячо ответил филолог, стараясь скрыть охватившее его беспокойство.

Студенты вышли, оставив жалкого, брошенного всеми старика, и их снова ослепило летнее полуденное солнце. Они шагали плечом к плечу, щеки их пылали жаром, а глаза от яркого света сузились до щелочек, как у монголов. Все трое испытывали облегчение, и никому не хотелось оглядываться на флигель в глубине двора.

Они шли по газону, все убыстряя шаг, будто из крепости одиночества, где заперт девяностолетний старик, бросился за ними в погоню дух смерти, готовый их задушить.

Сиделка, сложив руки, как солнцепоклонник, а может, просто прикрываясь ими от солнечных лучей, шла рядом со студентами, а когда те ушли довольно далеко вперед, резво пристустилась за ними и, догнав, сказала:

— Я с самого начала просила вас говорить ему, что мир сейчас переполнен счастьем, купается в нем. И поэтому, когда один из вас сказал, что все хорошо, все отлично, остальные двое должны были присоединиться к нему, тогда это выглядело бы более убедительно.

Биолог и студентка согласно закивали. И правда, им следовало как-то поддержать филолога. Их ведь наняли именно для того, чтобы они развернули перед умирающим старцем блестящую, иллюзорную картину реального мира. Студенты попрощались с сиделкой у ворот, так закончился первый день их работы. Выйдя со двора, они перескочили через канаву на перекопанной мостовой и направились к станции метро. По их лицам струился пот.

— В жизни у меня не было такой легкой работы, — грустно сказал биолог.

— Девяносто лет... Я-то думал, он еще дряхлее и уже ничего не соображает, а он, как ни странно, еще вполне в своем уме, правда?

— Да нет, все-таки он совсем дряхлый. Сиделка говорила, что вряд ли он дотянет до конца лета, — сказала студентка.

— А знаешь, когда он задал свой вопрос: в мире все идет хорошо? — и ты ответил, что все хорошо, все отлично, — во мне поднялось чувство протеста, — сказал биолог. — Потому-то я и промолчал, не поддержал тебя.

— А что бы ты ему ответил, будь ты на моем месте? Даже если забыть обещание, которое дали сиделке, — с упреком возразил филолог. — Все равно, разве это не жестоко, старику, находящемуся на пороге смерти, рассказать правду о том, что творится в мире, ведь он тогда умрет в полном отчаянии?

— Не в этом дело. Просто я думаю, что на всем свете не найдется человека, способного членораздельно ответить на подобный вопрос. Лишь одному богу под силу дать четкий и ясный ответ, как обстоят дела в мире. Обыкновенному человеку это недоступно.

— Ты прав. Никто не в состоянии правильно оценить происходящее в современном мире. Но это не значит, что я собираюсь болтать всякий вздор, как просила сиделка. Даже если наш собеседник — умирающий старик, не имеющий ни малейшего представления о том, что в течение десяти лет происходило за стенами его комнаты, мне все равно противно так беспардонно врать. Вот я и решил, надо рассказывать ему об утопическом будущем, каким я его вижу лет через двадцать. При чем рассказывать так, будто речь идет о сегодняшнем мире. Это очень просто — нужно лишь употреблять глаголы настоящего времени. В конце концов если вообразить, что делаешь доклад на двадцать лет раньше времени, то эта ложь перестанет быть ложью, верно? — сказал филолог.

— Значит, в твоем мире восьмидесятых годов все будет прекрасно? Мне бы и самому очень хотелось, чтобы так было, — скептически заметил биолог. Он был недоволен, что филолог стремится верховодить в их троице.

— Все равно вы должны во что бы то ни стало постараться попасть мне в тон. Иначе мы этого старика окончательно собьем с толку. Необходимо совершенно ясно понять, что мы рассказываем об утопии завтрашнего дня, старик же будет воспринимать ее как сегодняшнюю действительность.

— Ладно, постараюсь попасть в тон. Но должен тебя предупредить, что такая трогательная забота иногда доставляет одни неприятности.

— Так или иначе, ваша задача — помогать мне. Сегодня я всю ночь буду размышлять о самом светлом будущем. Правда, от природы я пессимист. Но старик этот начинает мне нравиться.

— Я тоже постараюсь попасть в тон. Только, пожалуйста, не выдумывай слишком уж радужных утопий. По мне, удастся нам за неделю спокойной работы получить причитающиеся денежки, я буду вполне удовлетворена, — чистосердечно призналась практичная студентка.

Вознаграждение — по десять тысяч иен каждому, — которое было обещано этим добросердечным молодым людям после недельного услужения дряхлому старику, по тридцать минут в день, для подрабатывающих студентов было неслыханно вы-

соким, поэтому, когда в университете появилось объявление, охотников оказалось так много, что пришлось устроить жеребьевку — повезло этим троем. Вот почему они были в прекрасном расположении духа и охотно соглашались друг с другом. До того как разойтись, они обсудили на платформе метро маршрут туристского похода во время летних каникул. Им было по двадцать лет, и из их памяти уже почти совсем выветрился дух смерти, вплотную подступившей к девяностолетнему старику, оставшемуся в темной комнате.

Во вторник старик выглядел уставшим и встретил студентов, уже не поднимая голову, точно ласка, а неподвижно лежа на спине — его крохотное тело лишь слегка топорщило легкое одеяло. Когда сиделка, несколько раз предупредив студентов, чтобы они не волновали старика, вышла из комнаты, он спросил, стараясь держаться при посторонних молодцом:

— Счастливы ли те дети, что рождаются сейчас в мире?

— Счастливы. Правда, есть случаи, что рождаются и уроды, — сказала студентка беспечно.

Даже биолог, не говоря уж о филологе, осуждающе глянул на студентку, проявившую такую неосторожность. Поняв свою оплошность, она покраснела до ушей.

— Это происходит от того, что матери принимают какое-нибудь лекарство? — старик удивительно чутко реагировал на слова девушки.

— Да, снотворное, — ответила студентка, готовая провалиться сквозь землю.

— Почему же, забеременев, женщины не радуются, а пьют снотворное? Не потому ли, что теперь многие из них испытывают тревогу?..

Филолог поспешно перебил старика:

— Но и дети, родившиеся уродами, тоже счастливы. Для них существуют прекрасно оборудованные специальные клиники. Совсем недавно в газете была фотография юноши-урода, который поступил на работу и женился. — Клиники для уродов он явно включил в свою утопию в последнюю минуту.

— Людей, умирающих от рака, по-прежнему много? — задал новый вопрос старик.

— Нет, число их резко сокращается. Рак теперь, если можно так выразиться, болезнь покоренная. Так же как, например, туберкулез, — с подъемом ответил филолог. — Благодаря

этому средняя продолжительность жизни японцев за последние десять лет значительно возросла.

— Значит, Гиндза и другие улицы переполнены стариками? И среди них юноша-урод, взяв за руку свою жену, хотя нет, если он урод, то не может взять за руку, но все равно гуляет счастливый. Можно сейчас увидеть такое? — просто-душно поинтересовался старик.

Студенты с сомнением смотрели на него и молчали. Из-под серовато-желтого летнего одеяла высовывались обтянутые смуглой кожей ключицы и удивительно маленькая старческая голова, которая на вид ничем не отличалась от головы мертвеца. Неважно, какие слова произносят эти тонкие, цвета вяленого мяса губы, но неужели у обладателя этого дряхлого тела еще осталась энергия, чтобы насмехаться над тремя молодыми людьми?

— А как с автомобильными катастрофами? — снова спросил старик торжественно-спокойным голосом.

— Их становится все меньше, — твердо ответил филолог.

— Выходит, количество автомобилей не особенно возросло?

— Наоборот, оно стремительно увеличивается. Почти все горожане ездят на собственных машинах, их называют «автомобилистами». Количество автомобилей на душу населения уже достигло уровня, который десять лет назад был в Америке.

— Тогда странно, почему не растет число автомобильных катастроф. Ведь эти самые автомобильлисты удивительный народ: ни за что не вылезут из своего милого автомобиля, пока его не разобьют вдребезги, ну точно улитки.

— Дороги стали хороши. Отличные автостреды пересекают сейчас всю Японию. Особенно характерен в этом отношении Токио, — горячо убеждал старика порозовевший филолог.

— Ах, вот в чем дело? Тогда понятно, почему автомобильных катастроф стало меньше. Число умерших от рака сократилось, число погибших в автомобильных катастрофах тоже сократилось — интересно, какова же сейчас самая распространенная причина смерти? Ведь если Япония не перенаселена, то это, видимо, потому, что люди все-таки продолжают умирать?

— В общем, да...

— Ну и от какой же болезни они умирают? Может быть, на смену раку пришла какая-то другая страшная болезнь? — до тошно выпрашивал старик.

Некоторое время студенты молчали, не зная, что ответить. Они думали: через двадцать лет в благословенном мире японцы

будут умирать так же, как сейчас. Что же тогда будет причиной смерти?

— А-а, ну, конечно.— Старик сделал вид, будто сам неожиданно нашел правильный ответ и, с трудом повернув к студентам маленькую головку, лежащую на подушке, сверкнул своими ястребиными глазами: — Больше всего, наверно, самоубийств. Все подряд совершают самоубийства — вот в чем дело, верно?

В среду совсем уже, казалось, ослабевший старик прежде всего спросил: женился ли уже их высочество, наследный принц. Студенты растерянно переглянулись. А вдруг этот старик — ярый монархист? Когда нынешний принц женился, многие старики были потрясены его выбором. Интересно, как будет реагировать этот? Студенты совсем растерялись. Наконец девушка, самая решительная из них, сказала:

— Да, женился. Даже есть уже ребенок.

— Она, конечно, тоже принцесса? — спросил старик.

И филолог и биолог, всем своим видом показывая, что они умывают руки, смотрели на студентку, угодившую в ловушку. Ее это возмутило, и она, словно решившись нанести старику удар, откровенно выпалила:

— Нет, он женился на самой обыкновенной девушке, не имеющей никакого отношения к императорской фамилии.

Студенты в напряжении ждали реакции старика, но тот и глазом не моргнул.

— Прекрасно! Такое бывало и в старые времена. Помните, в «Манъёсю» есть такая песня:

Имя мне назови, дом узнать твой хочу!

О дитя, что на этом холме собираешь траву,

И с лопаткой, лопаткой прелестной в руке,

Ах, с корзинкой, корзинкой прелестной в руке.*

Студенты, видя, что все обошлось, облегченно вздохнули. Но старик перешел в наступление:

— Императорский дом все еще владеет сердцами японцев?

— Да, по-видимому, — ответила студентка.

— Короче говоря, власть по-прежнему в руках консервативной партии?

---

* Перевод А. Глускиной. Песня сложена императором Юряку и обращена к простой крестьянской девушке.

Прежде чем ответить, студентка бросила взгляд на филолога. Представитель мира будущего нехотя кивнул ей. Кивнул студентке, хотя должен был сказать: «Да, совершенно верно, и через двадцать лет власть по-прежнему будет в руках консервативной партии». И студентка сказала:

— Да, совершенно верно.

— Дороги стали гораздо лучше, но, наверно, для этого пришлось еще больше повысить налоги? В течение десяти лет, а может быть и больше, у власти была консервативная партия, но стоило ей повысить налоги, как тут же возникали народные волнения. Как сейчас, происходят такие волнения?

— Нет, не происходят, — теперь филолог сам уже пришел на помощь.

— Значит, среди японского народа нет недовольных?

— Если бы было много недовольных, консервативная партия потерпела бы поражение на выборах.

— Вы действительно так думаете? — спросил старик, заставив филолога покраснеть. Но, к счастью, продолжать эту тему он, кажется, не собирался. — Ну ладно, стало быть, вы утверждаете, что конъюнктура благоприятная? За эти десять лет не было где-нибудь в Корее или там на Тайване войны, на которой японцы смогли бы подзаработать?

— Войны не было и, видимо, уже никогда не будет, — сказал филолог.

— Вы, наверно, спросите, почему никогда не будет? Если бы возникла война, она обязательно была бы ядерной — вот почему война теперь немыслима. — Филолог сверкнул глазами, и сам восхитился своей правдивости.

— Вот как, значит, у меня нет надежды погибнуть в ядерной войне вместе со всеми людьми на земле, и я обречен умирать здесь от старости? — сказал старик с легким сожалением.

— Нет, ядерной войны, которая погубила бы сразу всех людей земного шара, не произойдет. Это стало уже абсолютно непреложным фактом. Разработана система контроля за кнопками, приводящими в действие ядерное оружие, таким образом, мы застрахованы от любой случайности, которая могла бы вызвать войну, — сказал филолог.

— Неужели же великие державы мирно договорились по всем вопросам?

— Нет, конечно, но зато между странами, обладающими ядерным оружием, существует прочное равновесие страха.

— Взаимное оцепенение? Но даже если ядерные державы

и погрязли в болоте равновесия страха, разве не ведутся локальные войны? Если можно так выразиться, войны-заменители?

— Да, такие войны велись во Вьетнаме и Лаосе. Но это дело далекого прошлого,— заявил филолог, с головой погружившийся в мир собственной утопии, а теперь нырнувший туда еще глубже. Он стремился вселить в душу старика мир и покой и был преисполнен самых добрых намерений...

— Там тоже установилось равновесие страха? Дело, видимо, в том, что и вьетнамцам удалось получить ядерное оружие. В общем, мир стремительно прогрессирует. Однако не начались ли вместо этих войн войны-заменители между племенами? Правда, разрушительная сила такой войны весьма незначительна, но...

— Нет-нет,— поспешно перебил филолог, пытаясь изо всех сил выпутаться из затруднительного положения.— Между племенами тоже мир...

— Опять-таки равновесие страха? Неужели даже вожди племен в Лаосе обладают маленькими атомными бомбами? В таком случае войны-заменители происходят между отдельными людьми. Неужели люди на земле, окруженные множеством стен равновесия страха, не стали испытывать опустошенности и одиночества? — спросил погрязенный старик.

— И тем не менее война на всем земном шаре уничтожена,— сказал филолог торжественно, но дрогнувшим голосом.

— Одним словом, рай на земле. Но если теперь человечеству свойственны войны между отдельными людьми, то неизбежно утрачена любовь к ближнему, человеколюбие?

— Со временем они вновь появятся.

— Разве возможно достичь этого, не уничтожив непробиваемые крепости равновесия страха?

— Когда-нибудь обязательно...

— Когда-нибудь обязательно? Но когда?

Филолог опустил голову и замолчал, подавленный. Сложившаяся в его мозгу утопия пропиталась ядом войн между отдельными людьми и стала смердить.

— Это когда-нибудь обязательно произойдет,— точно зврек между мебелью, загроздившей огромную, как сарай, комнату, прошмыгнул по-прежнему хриловатый, но теперь слегка оживленный юмором голос старика.— Это произойдет, когда марсиане нападут на Землю. Люди договорятся между собой, станут друзьями и единомышленниками, будет заключен союз даже между племенами, все страны поймут бессмыслен-

ность розни, и, когда Москва и Вашингтон выделяют по одному представителю и один из них станет главнокомандующим армии обороны Земли, никто на свете не возразит против этого. Но все это возможно лишь в том случае, если начнется война с марсианами. При этом не исключено, что в течение нескольких часов наша планета будет уничтожена.

И старик засмеялся тоненьким голоском, захлебываясь, как больной ребенок. Трое студентов поникли, опустили напряженные лица. Больше всех нервничал филолог — от волнения судорогой свело его побледневшие скулы. Он тщетно пытался отвлечь старика от мрачной картины будущего, которую тот нарисовал. Как знать, а вдруг эта мрачная картина будущего — ядовитый цветок, неожиданно распустившийся из семян, им же самим посеянных? Не сам ли он проявил невероятную жестокость: прокрутил перед глазами умирающего старика рекламный ролик ада? Мало-помалу страхи, охватившие филолога, передались биологу и девушке. И только высохший древний старец в полутьме кровати, завешенной светло-зеленым пологом, был преисполнен живости, сдобренной любопытством, находился в прекрасном настроении, что можно было объяснить лишь его безмерной наивностью.

Правда, в какой-то миг им показалось, что в глубине черных, как уголь, ястребиных глаз старика, хотя они выражали удовлетворение, промелькнули искорки глубокого отчаяния...

В четверг и в пятницу студенты с филологом во главе вновь попытались восполнить упущенное и нарисовать умирающему старику картину прекрасного будущего, представив его сегодняшней действительностью; но чем добросовестнее выполняли они свою работу, тем глубже и неожиданнее для них разверзалась перед стариком бездна отчаяния — это выбило у них почву из-под ног, они растерялись. Думая о том страшном потрясении, которое должен был испытывать старик, биолог и студентка, не отставая от филолога, старались любым способом вывести его из этого состояния. Им тоже захотелось извлечь из своего сознания родившиеся в нем туманные утопии и поведать о них старику, как о своей реальной жизни. Но пока они отвечали на заданные стариком вопросы, их слова теряли свою выразительность — в общем, результат получался прямо противоположный тому, на который они рассчитывали. После ежедневных получасовых бесед, независимо от того, что испытывал не поднимавшийся с кровати старик, студенты чувствовали себя бесконечно усталыми, мрачно-обесси-

левшими и долго не могли избавиться от противной взвинченности.

Наконец их последний разговор, в пятницу. В ответ на вопрос старика, какие идейные позиции занимает современная молодежь, биолог сказал:

— Она, пожалуй, осталась такой же, как и десять лет назад, — есть левые, есть и консерваторы. Только сейчас не происходит кровавых столкновений. Одним словом, мы, преодолев идейные разногласия, восстановили искреннюю дружбу.

Биолог заторопился с ответом, потому что на филолога, который с каждым днем становился все молчаливее, рассчитывать не приходилось, а сам он, наоборот, отбросил свой первоначальный скептицизм и изо всех сил старался помочь доживающему последние дни старику обрести душевный покой.

— Но ведь все страны мира замкнулись в бетонном лабиринте равновесия страха. И вся японская молодежь, даже левая, вынуждена вечно жить под властью консерваторов, не правда ли? Может быть, искренняя дружба тут ни при чем, просто молодежь утратила волю к борьбе, даже в тех случаях, когда возникают разногласия? Другими словами, может быть, она просто деградировала?

— Пожалуй, внешне она действительно выглядит деградировавшей и склонной к компромиссам, но это лишь видимость, — поспешно заверил его биолог.

— Ах, вот оно что? Но ведь вы же сами подтвердили, что войны между отдельными людьми еще существуют. Подспудная ненависть рано или поздно вспыхнет, и не исключено, что тогда между студентами и молодыми полицейскими произойдут кровавые стычки. У вас нет такого предчувствия?

— Конечно, нет. Будущее представляется нам гораздо более обнадеживающим, — сказал биолог, стараясь говорить как можно громче, чтобы пустить пыль в глаза. Но сказал он это так неуверенно, что ответ прозвучал даже жалобно.

— Ладно, завтра вы придете ко мне в последний раз, и мы поговорим о том, какие надежды возлагаете вы на двадцатый первый век. Я скоро умру, а поскольку вы доживете до двадцать первого века, то, наверно, задумывались о том, каким будет его облик. Расскажите мне, каким видится вам, так сказать, самое радужное будущее. С удовольствием послушаю вас, правда-правда, с огромным удовольствием, — сказал старик и закрыл глаза.

Когда студенты вышли из флигеля, филолог попросил товарищей немного подождать его и направился к главному дому, тихо переговариваясь с сиделкой. Биолог и девушка остались ждать в молчаливом унынии, чувствуя, что получили самое трудное домашнее задание с тех пор, как пошли в школу. У прибежавшего наконец филолога пунцово горели щеки и блудливо бегали глаза. Как только они вышли за ворота, он неожиданно выпалнул:

— Не приду я сюда завтра! Мне уже заплатили за пять дней.

Биолог и студентка посмотрели на него зло и растерянно.

— Но это же подло! Вранье, выдаваемое за действительность,— твоё изобретение! А сейчас ты, как трус, хочешь сбежать, взвалив на нас самую неприятную завтрашнюю работу! — кричал побледневший биолог, подступая к нему и дрожа от возмущения.

Филолог тоже дрожал. Но только от стыда, который он не мог не испытывать. Биолог с трудом сдерживался, чтобы не ударить его.

— Я очень боюсь. Я боюсь, что если хоть еще немного поговорю с этим стариком, то окончательно погружу его в мир безрадостных мыслей. Кроме того, я сам по натуре пессимист, и поэтому увидеть будущее в более мрачном виде, чем оно сейчас представляется мне, просто невозможно. И все из-за этих проклятых разговоров со стариком! Я и помыслить не мог, что все так обернется! — причитал филолог, испуганно и заискивающе глядя на товарищей.

— А может быть, признаться, что все, о чем мы рассказывали до сегодняшнего дня, вранье, и рассказать без всяких прикрас, что сейчас происходит на самом деле? — предложила студентка.

— Не годится. Если мы это сделаем, тогда уж точно старик умрет от удара. Разве он похож на человека, способного выслушать наши небылицы и понять, что в их основе лежит все тот же ад? Неужели ты думаешь, он не умрет от разрыва сердца, когда услышит, что мать, убившая ребенка-урода, оправдана судом, что раковые больницы переполнены, что в Лаосе идет грязная война? — испуганно сказал филолог.

— А если мы не откажемся от того, что рассказывали ему, то старик вообразит, бу то по Гиндзе непрерывным потоком движутся уроды и все люди на земле ненавидят друг друга и воюют между собой — такой представится ему сегодняшняя

действительность, и тогда он уж точно умрет в глубоком отчаянии, — возразила студентка.

Тучи пыли, поднятые вверх с перекопанной улицы порывом знойного ветра, безжалостно окутали студентов. Молодой рабочий, с дурацкой лучезарной улыбкой возвышавшийся на водительском сиденье прогромыхавшего мимо бульдозера, удивленно посмотрел на их печальные, озабоченные лица.

— Но все-таки что же нам делать с этим умирающим стариком? — простонал филолог. По его худым, покрытым пылью щекам бежали слезы, оставляя грязные дорожки. — Не ругайте меня за то, что я не хочу приходить завтра. Я просто боюсь. Если хотите — можете взять мою долю и вкусно поесть!

— Нет, ни за что! — истерично закричала студентка, отталкивая его руку.

Биолог, несмотря на умоляющий взгляд филолога, тоже оказался, покачав головой, и грустно сказал, ни к кому не обращаясь:

— Противный старикашка. Человеку стукнуло девяносто, и вдруг он снова начинает интересоваться происходящим в мире! Помирал бы себе спокойно в своей темной тихой комнате! Мог ведь умереть самым счастливым на свете стариком! Что ни говори, противный старикашка!

В субботу на час позже обычного (она все еще ждала студентов) сиделка вошла в полутемную комнату, где лежал старик. Ее лицо утратило живость, с которой она обычно вводила студентов, вид у нее был грустный, утомленный.

— Студенты так и не пришли. Деньги придется послать им на адрес университета, — доложила она старику.

Старик, лежа на кровати, пожал худыми плечами. Он был явно недоволен.

— В чем дело, опять то же самое?! — сердито проворчал он.

— Вы слишком требовательны к студентам, забываете об их возрасте! — Сиделка сердито взглянула на старика.

Старик не ответил, он ловко, как обезьяна, соскочил с кровати и отдернул светло-зеленый полог. За ним открылась современная комната, выходящая на газон, залитый яркими лучами полуденного летнего солнца. В ней стояли телевизор, стереофонический комбайн, стол, заваленный ворохом свежих газет и еженедельников. Старик явно принадлежал к людям, старающимся буквально набить свой дом всем самым современным.

Он включил телевизор и с видом человека, не желающего попусту тратить даже те несколько секунд, пока появится изображение, принялся делать новейшую гимнастику для стариков. Быстро и энергично, точно обезьяна, он наклонял, выворачивал, изгибал свое маленькое мускулистое тело. Перейдя к упражнениям для шеи, он воскликнул, обращаясь к сиделке:

— Меня просто удручает бедность воображения нынешних студентов! Может быть, попробовать в следующий раз пригласить ребят помоложе? Каковы, интересно, представления современной молодежи, о которой теперь так много говорят?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. Григорьева. Камо грядеши?</i>	5
* <i>Объяли меня воды до души моей. Перевод В. Гривнина</i>	22
<i>Содержание скотины. Перевод В. Смирнова</i>	329
<i>Лесной отшельник ядерного века. Перевод Э. Рахима</i> . . .	367
<i>Неделя почитания старости. Перевод В. Гривнина</i>	395

Оэ, Кэндзабуро. Избранное («Мастера современной прозы»)

Кэндзабуро Оэ (р. в 1936 г.) — один из крупнейших писателей современной Японии. Советские читатели знакомы с его романами «Опоздавшая молодежь» и «Футбол 1860 года». В настоящий том включен новый роман — итог тревожных и глубоких раздумий писателя в своей стране, ее молодом поколении, ее будущем. Читатель знакомится также с избранными рассказами Оэ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Редакция зарубежной художественной литературы

СЕРИЯ «МАСТЕРА СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ».

ВЫШЛИ В СВЕТ избранные произведения:

К. Х. СЕЛЫ (*Испания*)

М. ВАРГАСА ЛЬОСЫ (*Перу*)

Ф. МОРИАКА (*Франция*)

Я. КАВАБАТЫ (*Япония*)

С. ДЫГАТА (*Польша*)

М. ЛАУРИ (*Канада*)

В. КЕППЕНА (*ФРГ*)

В. ЭЛСХОТА (*Бельгия*)

К. ЧАНДАРА (*Индия*)

С. ВЕСТДЕЙКА (*Голландия*)

У. ФОЛКНЕРА (*США*)

Ч. ПАВЕЗЕ (*Италия*)

Э. КОША (*Югославия*)

В. ХАЙНЕСЕНА (*Дания*)

И. ВО (*Англия*)

К. ФУЭНТЕСА (*Мексика*)

А. ЗЕГЕРС (*ГДР*)

Р. К. НАРАЙАНА (*Индия*)

М. ДЕЛИБЕСА (*Испания*)

О. КЕМАЛЯ (*Турция*)

М. ФРИША (*Швейцария*)

ТО ХОАЯ (*СРВ*)

Х. КОРТАСАРА (*Аргентина*)

Т. УАЙЛДЕРА (*США*)

НГУГИ ВА ТХИОНГО (*Кения*)

П. УАЙТА (*Австралия*)

А. МАРШАЛЛА (*Австралия*)

Х. ЛАКСНЕССА (*Исландия*)

М. А. АСТУРИАСА (*Гватемала*)

ОЭ, КЭЦЗАБУРО

ИЗБРАННОЕ

«Мастера современной прозы»

Составитель: Владимир Сергеевич Гривнин

ИБ 3520

Редактор А. А. Файнгар

Художник В. Г. Алексеев

Художественный редактор А. П. Купцов

Технический редактор Т. В. Левина

Корректор Р. Х. Пунга

Сдано в набор 12.10.1977 г. Подписано в печать 2.02.1978 г. Формат 60×84/16. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 24,18. Уч.-изд. л. 24,23. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1986. Цена 2 р. 80 к. Изд. № 22570

Издательство «Прогресс»

Государственного комитета

Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Москва, 119021, Зубовский бульвар, 21

**Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени**

**Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома**

при Государственном комитете

**Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.**

Москва, М-54, Валовая, 28